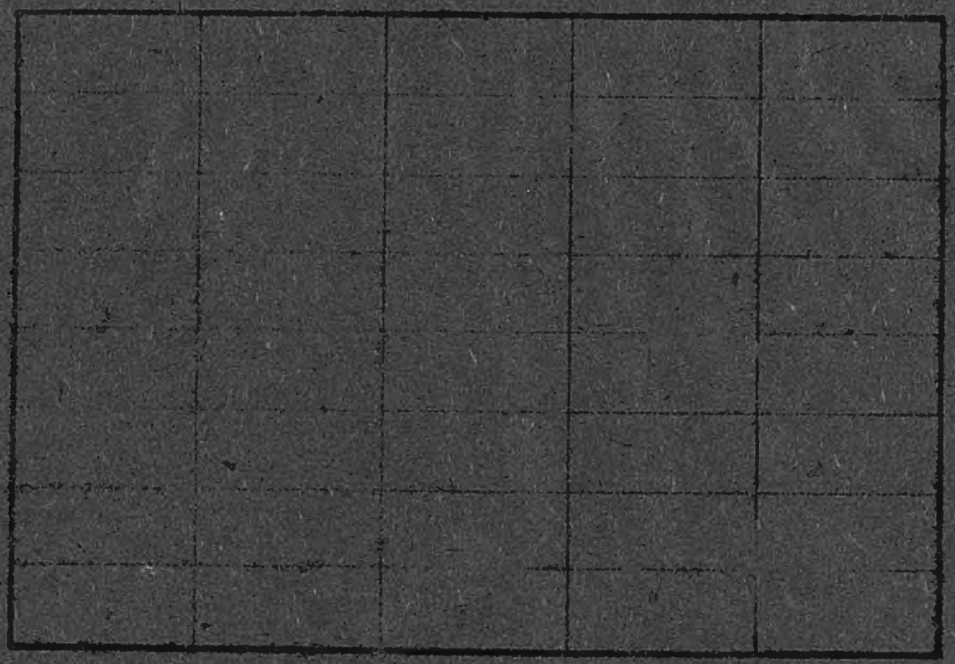
Е43
1447

Д. И. ЧЕРНОМОРДИК

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СССР

СОЦЭКГИЗ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА



1-5

Е43
1941

Д. И. ЧЕРНОМОРДИК

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СССР

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
173944
Ср. 8045

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1936 — ЛЕНИНГРАД

338 (47)
Ч 49

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
173944 18 г.

Редактор *Е. Приказчикова.* Технический редактор *Л. Кошутина.*

Сдано в набор 17/V 1935 года. Подписано к печати 25/I 1936 года.
Формат 82×110/32. Печ. л. 24. Зн. в печ. л. 41 280. Тираж 300 000
Печатается 1 — 25 000. ОГИЗ 1492. Заказ № 616.
Москва. Уполномоченный Главлита Б-13223.
Цена книги — 2 р. 50 коп., переплет № 7 — 1 р., переплет № 5—50 коп.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Трехпрудный пер., д. 9.

ВВЕДЕНИЕ

Экономическая политика СССР представляет собой систему мероприятий пролетарской диктатуры, лежащих в основе развития советского социалистического хозяйства. Развитие советской социалистической экономики направляется в плановом порядке волей пролетарского государства, держащего в своих руках все основные, крупные средства производства. Наша советская экономика не подчиняется, подобно капитализму, каким-либо стихийным экономическим законам, действие которых невозможно ни изменить, ни предотвратить. При господстве социалистических форм хозяйства общество в лице своих государственных органов заранее предусматривает и устанавливает желательное направление и объем всего народного хозяйства и отдельных его отраслей. Весь ход экономики таким образом в основных чертах определяется государственным планом, который составляется на основе учета материальных ресурсов и всего опыта социалистического строительства при широком участии самих трудящихся—рабочих и колхозников. Экономическая политика СССР как дисциплина является наукой, изучающей и показывающей пути и закономерности роста, укрепления социалистических форм хозяйства в условиях диктатуры пролетариата, победы социалистической экономики и ее дальнейшего развития на основе ликвидации классов. Экономическая политика СССР должна быть включена в рамки политической экономии в широком смысле как политэкономия социализма. Ибо политэкономия социализма—это не надуманные абстрактные схемы и методологизированные построения, лишенные исторического реального содержания, а живая практика пролетарской диктатуры, социалистического строительства, хозяйственный опыт пролетарской революции, исходящие из теории революционного марксизма и гениально обобщенные в работах Ленина и Сталина.

Неправильно было бы поэтому рассматривать экономическую политику как дисциплину якобы не теоретическую, а чисто описательную. Марксизму чуждо буржуазно-идеалистическое деление общественных наук на «номографические», устанавливающие общие законы, и «идиографические», занимающиеся только описанием конкретного. Марксистские науки, изучающие общественные отношения, и в частности экономические суть науки теоретические, вместе с тем опирающиеся в своих обобщениях на огромный фактический материал описательного характера. В буржуазных странах курс экономической политики действительно носит или чисто описательный характер, касающийся организации трестов, синдикатов, банков, или содержит справочно-юридический, законодательный материал по хозяйственным вопросам. Это объясняется самим характером экономической политики буржуазного государства. Последнее, как и всякая идеологическая, политическая надстройка буржуазного общества, конечно может оказывать некоторое воздействие на ход экономики, но не играет в нем решающей, направляющей роли, что возможно лишь при диктатуре пролетариата и плановом ведении его хозяйства. Причем и воздействие экономической политики буржуазного государства на экономику может быть различного свойства, испытывая стихийные колебания.

Энгельс в письме Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. пишет по этому вопросу: «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении,—тогда дело идет быстрее; она может действовать напротив,—тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит в течение более или менее продолжительного периода крушение; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях»[1].

В буржуазном государстве само направление экономической политики, отражающей борьбу различных социальных групп и противоречия их хозяйственных интересов, складывается стихийно, как и все экономическое развитие. Экономическая политика советской власти покоится на научной основе, на марксистско-ленинской экономической теории, развитой Сталиным в условиях социалистического строительства СССР. Ее основные линии и конкретные мероприятия строго продуманы и опи-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Письма, стр. 381, Соцэкгиз, 1931.

раются на опыт всей истории мирового рабочего движения, на опыт социалистической революции нашей страны.

В этом смысле экономическая политика СССР должна быть нормальной политикой всякой страны, которая вступает на путь социалистической революции и диктатуры пролетариата. Экономическая политика СССР—это теория строительства и развития социалистической экономики на основе пролетарской революции. Вместе с тем экономическая политика, осуществляемая в СССР, не может не иметь некоторых конкретных особенностей, связанных с данной страной, ее историей, экономикой, культурой и т. д.

Только опираясь на знание конкретной советской экономики, можно проследить, как осуществляются основные принципы экономической политики партии и советской власти. Конкретный описательный и статистический материал должен занимать видное место в курсе экономической политики СССР. Но этот материал освещается и пронизан марксистско-ленинской теорией переходного периода и социализма, программой социалистического строительства и построения бесклассового социалистического общества, развернутой т. Сталиным, великим продолжателем дела Ленина.

Решения и материалы партийных съездов, конференций, пленумов Центрального комитета, постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, доклады, речи, лекции, беседы и письма Ленина и Сталина представляют поистине сокровищницу теоретической мысли в области разработки проблем социалистической экономики. Точно так же имеется и богатейший конкретный материал в различных отраслях хозяйства. Однако надо признать, что до сих пор еще не выполнено указание вождя нашей партии и страны о том, чтобы экономисты сюда направили свое внимание.

Каково отношение и отличие курса экономической политики от других экономических дисциплин? Об отношении к политэкономии мы уже сказали выше, что экономическую политику СССР следует по существу рассматривать как ту часть политэкономии в широком смысле, которая имеет своим предметом законы развития социалистической экономики. Курс экономической политики располагает материалами, представляющими разработанную теорию социалистического строительства и социалистического хозяйства. Поскольку курс экономической политики СССР исходит из марксистско-ленинской теории пролетарской революции, диктатуры пролетариата, построения социализма в одной стране, он опирается на курс ленинизма.

Избегая дублирования, повторения, мы тем не менее не можем ограничиться простой ссылкой на курс ленинизма, а должны исходить из сжатого изложения этих проблем.

В нашем курсе значительное место уделено историческому изложению этапов развития советской экономики и экономической политики.

Эта историческая часть курса очень важна. Она показывает, как в процессе классовой борьбы ограничивались и вытеснялись, а затем и ликвидированы были капиталистические элементы, как рабочий класс под руководством партии преодолевал и сломил сопротивление классово враждебных элементов, окончательно разгромив их. Она показывает, как росла экономическая мощь пролетарской диктатуры благодаря неуклонному осуществлению под руководством ленинского ЦК во главе с т. Сталиным генеральной линии партии; как партия преодолевала всяческие оппозиционные, оппортунистические группировки и уклоны в своих рядах, стремившиеся сорвать темпы социалистического строительства; как партия, во-время вскрыв и разгромив контрреволюционную сущность троцкизма, зиновьевско-каменевской оппозиции, правого уклона, право-«левацкого» блока, привела страну к победе социализма.

В той части, где речь идет о размещении производительных сил, мы соприкасаемся с экономической географией, точно так же, как систематическое изложение последней не может обойтись без основных принципов экономической политики как исходного пункта. Поскольку речь идет о конкретном цифровом материале, курс экономической политики имеет дело с данными, характеризующими отдельные этапы, и главным образом с плановыми заданиями и итогами второй пятилетки по отраслям. Анализ проблем и задач отдельных отраслей народного хозяйства на базе основных общих задач второй пятилетки занимает большую часть курса. Однако курс экономической политики оставляет богатое поле для отраслевых экономических дисциплин (экономика промышленности, сельского хозяйства, советской торговли, транспорта, коммунального хозяйства и т. д.) и для прикладных наук, значение которых особенно возрастает в связи с задачей освоения техники. Общий курс экономической политики рассматривает отдельные отрасли с точки зрения основных путей развития всего народного хозяйства.

Глава I

УЧЕНИЕ О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ, СОЦИАЛИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ

§ 1. Неизбежность революционного свержения капитализма

Маркс доказал, что капиталистический способ производства—преходящая ступень общественного развития. В процессе своего развития капитализм подготовляет своего собственного могильщика—рабочий класс, сконцентрированный на крупных капиталистических предприятиях, организованный и вышколенный постоянной борьбой с эксплоататорами. Высшая стадия капитализма—империализм—создает все необходимые материальные предпосылки для пролетарской революции. Каковы эти материальные предпосылки? Это, во-первых, концентрация средств производства и рабочей силы на крупнейших предприятиях, принадлежащих кучке капиталистов. Значительная часть капиталистов владельцев предприятий устраняется от непосредственного участия в производственной жизни, перекладывая управление предприятиями на наемных специалистов. Концентрация производства уже на капиталистической основе отрицает частного капиталиста. Средства производства стали по существу общественными, но принадлежат частным лицам. Это, во-вторых, гигантское обобществление труда. Специализация отраслей и предприятий, широкое разделение труда между ними достигли такой высоты, что каждое из них работает на все общество, не может существовать изолированно от других. Труд по существу стал обобществленным, но присвоение результатов труда, распоряжение самой организацией этого общественного труда находятся в руках отдельных частных собственников-капиталистов.

Наконец, в-третьих, рост организации рабочего класса. Он обусловливается концентрацией самого производства, кон-

центрацией рабочих масс на крупных предприятиях, объединяющих рабочих в борьбе с капиталистами. По своему революционному значению рост организованности рабочего класса занимает первое место. Рабочий класс—главная производительная сила общества—не может мириться с капиталистическим присвоением средств производства и результатов общественного труда. Для уничтожения основного противоречия капитализма, противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения, рабочий класс должен организоваться, свергнуть капиталистов и захватить власть в свои руки.

Если мы говорим, что империализм создает материальные предпосылки для пролетарской революции, это не значит, что она наступает автоматически, как это утверждает Роза Люксембург. Эта теория была затем подхвачена Троцким. Возможность должна быть превращена в действительность. «Победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия»[1]. Во главе революционного пролетариата, идущего на свержение капитализма, должна быть партия нового типа, боевая партия, вооруженная революционной теорией марксизма-ленинизма, не имеющая ничего общего с методами старых «рабочих» партий II Интернационала. Такой партией является коммунистическая партия, партия Ленина и Сталина.

В подготовлении материальных предпосылок пролетарской революции решающее значение приобретает закон неравномерности капиталистического развития.

Правильное понимание закона неравномерного развития необходимо для четкого уяснения теории построения социализма в одной стране.

Еще в 1915 г. в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» Ленин обосновал теоретически возможность построения социализма в одной стране. Он писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные

[1] *Сталин*, Отчетный доклад XVII съезду партии.

классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»[1].

Тов. Сталин в своем заключительном слове на VII пленуме Исполкома Коминтерна (декабрь 1926 г.) развил закон неравномерного развития, показав его особенности и обострение в эпоху империализма:

«Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы *уже поделенного мира* в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах»[2].

Троцкисты и зиновьевско-каменевская группа, как известно, отрицали обострение неравномерного развития при империализме. Они считали, наоборот, что в XX в. происходит «нивелировка», подтягивание всех стран к общему уровню, благодаря чему и противоречия капитализма не обостряются, а смягчаются. Троцкисты-зиновьевцы извратили сущность закона неравномерного развития, смешивая различие в *уровнях* развития стран с *неравномерностью*, скачкообразностью этого развития. Тов. Бухарин, считавший, что современный капитализм есть «организованный» капитализм, очевидно по существу дела также отрицал обострение неравномерности развития при империализме.

Раз капитализм развивается неравномерно, скачкообразно, то и сама пролетарская революция не может стать единовременным актом во всем мире.

Смертельная борьба империалистических групп за захват рынков сбыта и сырья, за новый передел мира, колоний неизбежно приводит к столкновениям, войнам, создает и обостряет противоречия империалистической системы. Наличие этих противоречий и конфликтов ослабляет империализм и открывает слабые звенья всей мировой системы империализма для революционного прорыва.

Возможность революционного прорыва определяется соотношением сил империалистического и революционного фронтов,

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVIII, стр. 232—233, изд. 3-е.

[2] *Сталин*, Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии, стр. 129, изд. 1927 г.

сложившимся в зависимости от всей внутренней и международной обстановки. Под более слабым звеном разумеется не та страна, где капитализм меньше всего развит, ибо в странах, наиболее отсталых по уровню капиталистического развития, не сложилась еще в достаточной степени та сила, которая единственно может руководить пролетарской революцией, т. е. пролетариат. Неправильное понимание слабого звена (с которого начинается революционный прорыв империалистической системы) допустил т. Бухарин в «Экономике переходного периода», где он писал: «...крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народно-хозяйственных систем, с наименее развитой государственно-капиталистической организацией»[1].

Ленин так исправил это неверное положение т. Бухарина: «неверно: с «средне-слабых». Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»[2].

Слабым звеном всей империалистической системы может быть в известный период и высокоразвитая капиталистическая страна, вроде Германии, и страна с менее развитой индустрией, сравнительно позже вступившая на путь капиталистического роста или отставшая в своем росте. Там, где силы империалистического фронта больше всего расшатаны (экономической разрухой, войной, кризисом правящей верхушки, развитием национально-освободительного движения и т. д.), там быстрее накопляется энергия антиимпериалистического лагеря, обостряется борьба пролетариата, растет революционное движение крестьянства и угнетенных народов, там усиливается напор революции и ослабляется сопротивление капитализма, там и есть самое слабое звено системы империализма. Благодаря сочетанию ряда обстоятельств экономического и политического характера (кризис, война, национальный гнет и т. д.) буржуазия той или иной страны не может сдержать напора революционных сил, и именно эта страна становится самым слабым, уязвимым местом капитализма. Царская Россия вовсе не была «наиболее слабой народно-хозяйственной системой». Промышленность в России находилась на довольно высокой ступени концентрации. В России было налицо то условие для революции, о котором говорил Ленин: «известная высота капитализма».

Вопрос о «зрелости» капиталистической России для революции—это излюбленный конек меньшевиков, социал-демократов.

---

[1] *Бухарин*, Экономика переходного периода, стр. 150, изд. 1920 г.
[2] *«Ленинский сборник»* XI, стр. 397.

Так, русский меньшевик Суханов после Октябрьской революции писал, что «в России нет объективных экономических предпосылок для социализма, что Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм».

Ленин по поводу писаний Суханова ответил: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»[1].

Пролетариат России под руководством коммунистической партии доказал правильность положения Ленина. СССР выдвинулся в разряд передовых стран мира по своему техническому и культурному уровню. Царская Россия оказалась слабым звеном потому, что там противоречия классовой борьбы были сильнее, во главе сил империализма стоял отсталый царизм, а во главе сил революции—пролетариат в союзе с крестьянством под руководством боевой коммунистической партии.

§ 2. Построение социализма в одной стране

Неравномерность капиталистического развития, обострение всех империалистических противоречий, рост революционного рабочего движения создают не только возможность, но и необходимость победы пролетариата в отдельных странах.

Кто не считает возможной победу социализма в одной стране, тот на деле против пролетарской революции. В самом деле, какой смысл начинать социалистическую революцию, если нет уверенности, что организованное на социалистических началах производство удержится и победит? Не случайна была поэтому позиция Каменева еще в апреле 1917 г., когда он отрицал необходимость перехода к социалистической революции. Каменев тогда выступил против апрельских тезисов Ленина, намечавших программу захвата власти пролетариатом и осуществления пролетарской революции. Он и его друзья не верили в возможность построения социализма в нашей стране и потому были против пролетарской революции.

Троцкий и его приспешники во главе с Каменевым и Зиновьевым, под громкой «революционной» фразой скрывавшие

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 400, изд. 3-е.

свою меньшевистскую контрреволюционную сущность, отрицали возможность построения социализма в СССР. По Троцкому, победа социализма в СССР была бы возможна лишь в том случае, если бы пролетарская революция победила во всемирном масштабе.

Еще в 1917 г. на VI съезде партии Преображенский (теоретик троцкизма) выступил против 9-го пункта резолюции, где говорилось о напряжении всех сил для взятия государственной власти и «для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества». Преображенский предложил другую формулировку этого пункта—троцкистскую: «для направления ее к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму». Преображенский выступил по существу против социалистической революции. Он считал, что без пролетарской революции в других европейских странах победа социализма, построение социализма в России невозможны. Тов. Сталин подверг критике предложение Преображенского и на VI съезде партии (в августе 1917 г.) четко доказывал возможность построения социализма в России без революции пролетариата в Европе. «Не исключена возможность,—говорил т. Сталин, выступая против Преображенского,—что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего». VI съезд отверг антиленинскую поправку Преображенского и одобрил позицию т. Сталина.

В 1922 г., после пяти лет победоносного существования пролетарской диктатуры, Троцкий повторял, что пролетариат после взятия власти неизбежно должен притти во враждебные столкновения не только с буржуазией, но и с широкими массами крестьянства и что это непримиримое якобы противоречие пролетариата с крестьянством может быть разрешено только путем мировой революции. Тов. Сталин разоблачил полностью и до конца контрреволюционную, меньшевистскую сущность троцкизма, доказав возможность построения социализма в нашей стране.

В 1925 г., как раз тогда, когда т. Сталин поставил перед партией и рабочим классом СССР задачу индустриализации

страны как генеральную линию партии, Зиновьев выступил против построения социализма. Уничтожение классов, окончательное построение и упрочение социализма, социалистического общества—это, по «теории» Зиновьева, неосуществимо в одной стране, отдельно взятой. «Строительство на-авось, без перспективы, строительство социализма при невозможности построить социалистическое общество—такова позиция Зиновьева»[1].

Что касается правых уклонистов, то они формально признают возможность построения социализма в одной стране. Но что остается от этого признания, если они отвергали курс на быстрые темпы индустриализации и коллективизацию крестьянского хозяйства, если они считали, что кулак может врастать в социализм. «Они думают, что социализм можно построить втихомолку, самотеком, без классовой борьбы, без наступления на капиталистические элементы. Они думают, что капиталистические элементы либо сами отомрут незаметно, либо будут врастать в социализм. А так как таких чудес в истории не бывает, то выходит, что *правые уклонисты скатываются на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране*»[2]

В борьбе с троцкизмом и правым оппортунизмом, окончившейся разгромом всех антиленинских выступлений, т. Сталин развил ленинское учение о строительстве социализма в одной стране и сформулировал его с исключительной четкостью и ясностью.

Пролетариат, захватив власть в какой-либо отдельной стране (эта страна должна быть с определенной высотой развития капитализма), найдет достаточно внутренних возможностей, чтобы обеспечить победу социализма у себя; он использует при этом внутренние противоречия империалистических стран и групп, основанные на обострении неравномерности экономического и политического развития в эпоху империализма. Но победа пролетариата в одной стране есть вместе с тем начало мировой революции. «...Развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах»[3]. Прежде всего самый факт быстрого и неуклонного

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 136, изд. 10-е.
[2] Там же, стр. 420—421.
[3] Там же, стр. 24.

хозяйственного и культурного роста страны победившего пролетариата является лучшим агитатором за социалистическую революцию.

Итак, вот какая пропасть лежит между позициями революционного марксизма и меньшевизма, в том числе и троцкизма—этой разновидности меньшевизма. Первый говорит: не колеблясь, использовать складывающуюся обстановку для захвата власти пролетариатом в одной стране, для построения социализма и тем самым дать мощный толчок развитию мировой революции. Второй—не брать власти, пока не развернется одновременно революция во всех или в главнейших странах капитализма.

Восставший и победивший в одной стране пролетариат может построить социалистическую систему хозяйства, ликвидировать капиталистические классы и классы вообще. Он может успешно преодолеть свою «национальную» буржуазию, капиталистические элементы внутри своей страны и повернуть на путь социализма основную массу крестьян. Здесь под победой социализма понимается разрешение внутренних противоречий в стране пролетарской диктатуры, противоречий между пролетариатом и крестьянством. Но остаются мировая буржуазия, мировой империализм, неустанно подготовляющий интервенцию против страны победившего социализма. Пока нет гарантии от империалистической интервенции и связанной с ней попытки реставрации капитализма, нельзя считать победу социализма в одной стране окончательной победой, обеспеченной в международном масштабе.

Окончательная победа социализма означает полную гарантию от интервенции и реставрации капитализма. Она невозможна без победы пролетарской революции в международном масштабе или по крайней мере в ряде стран. Для *полной* победы социализма, для *полной* гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран; только при этом условии возможно разрешение внешних противоречий между СССР—страной социализма—и капиталистическим миром. В своем докладе «К итогам XIV партконференции» (май 1925 г.) т. Сталин очень подробно выясняет разницу между противоречиями внутреннего характера и противоречиями внешними—между страной социализма и капиталистическим миром. Противоречия первого порядка вполне преодолимы усилиями одной страны, для разрешения вторых требуются объединенные революционные усилия пролетариата нескольких стран.

«Что такое окончательная победа социализма? Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а, значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма»[1].

Говоря о подготовке империалистами войны против СССР, т. Сталин имел все основания заявить на XVII съезде партии: «Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран». Тем не менее мы должны помнить об условиях, необходимых для окончательной, полной победы социализма, мы должны неустанно работать над укреплением обороноспособности нашей страны.

Поэтому наше пролетарское государство так много заботится об укреплении своих границ.

Сила СССР, мощь пролетарской диктатуры выросла как никогда раньше. Она заключается в том, что основная масса трудящихся встала на путь социализма, что мы стали передовой индустриальной страной, страной крупнейшего в мире социалистического земледелия, что наша Красная армия—это сам вооруженный народ с командирами из рабочих и колхозников, что победы нашего хозяйственного и культурного строительства служат маяком для трудящихся всего мира, для человечества. «Теперь не только из теории марксизма, но и из живых фактов, которые у всех на глазах, рабочие убеждаются в том, какой общественный строй избавляет от экономических кризисов и открывает неограниченные возможности для экономического и культурного подъема»[2].

Факты эти, говорящие о неуклонном росте материального благополучия трудящихся нашей страны, умножаются с каждым днем, открывая перспективы счастливой жизни.

---

[1] *Сталин*, К итогам работ XIV конференции РКП(б), стр. 23, изд. 1925 г.

[2] *Молотов*, Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов, стр. 9, Партиздат, 1935.

§ 3. Общие черты переходного периода

Бесклассовое социалистическое общество не возникает сразу после захвата власти пролетариатом.

Между капитализмом и коммунизмом лежит целая историческая полоса, известный переходный период. Этот переходный период заполнен борьбой между социализмом и капитализмом, «между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом»[1]. Для вождей мелкобуржуазных демократов из II Интернационала вполне естественно отрицание необходимости переходного периода. Ведь они пытаются обманывать рабочий класс баснями о том, что можно притти к социализму без классовой борьбы, без пролетарской революции, путем примирения пролетариата и буржуазии.

Признание необходимости целого переходного периода— это позиция революционного пролетариата, идущего к построению социализма через социалистическую революцию, через непримиримую борьбу классов, через диктатуру пролетариата. Ленин говорил: «Не только для марксиста, но для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою»[2].

Несмотря на разнообразие экономических, политических и культурных условий различных стран, где будет развертываться пролетарская революция, общие черты переходного периода будут одинаковы везде. Каковы же эти общие черты?

60 лет тому назад Маркс писал: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»[3]. Следовательно политически, т. е. в смысле взаимоотношений классов, переходный период представляет собой господство пролетариата, организованного в государство.

Вот почему «вопрос о пролетарской диктатуре есть прежде всего вопрос об основном содержании пролетарской револю-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 507, изд. 3-е.
[2] Там же.
[3] *Маркс*, Критика Готской программы, стр. 43, изд. 1932 г.

ции»[1]. Диктатура пролетариата—это организация пролетариата как господствующего класса. Диктатура пролетариата—это прежде всего насилие, революционное насилие по отношению к старому строю. Общее определение диктатуры пролетариата дано Лениным: «Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии»[2].

Вместе с тем государство пролетарской диктатуры «в миллионы раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»[3], потому что оно дало «невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся»[4].

VII конгресс Коминтерна, представлявший революционных рабочих всего мира, обсудив доклад т. Мануильского «О победе социализма в СССР и ее всемирно-историческом значении», призвал трудящихся мира всеми силами и средствами помогать укреплению СССР. «Развитие диктатуры пролетариата идет неуклонно по пути непрерывного усиления и расширения непосредственной связи Советского государства с народными массами, с подавляющим большинством населения...»[5]. У нашей партии и правительства нет иных забот как о благе и интересах народа. Разрешив исторические задачи коллективизации, ликвидации кулачества, партия и правительство по инициативе т. Сталина приняли на VII съезде Советов изменения советской конституции, означающие дальнейшее расширение и укрепление советской демократии, пролетарской диктатуры. Устанавливаются закрытые выборы вместо открытых, прямые вместо косвенных и равные вместо не вполне равных.

Диктатура пролетариата не исчерпывается насилием. Опираясь на ленинское понимание диктатуры пролетариата, т. Сталин подробно развил учение о трех основных сторонах диктатуры пролетариата. Характерные черты диктатуры пролетариата следующие: «1) Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 25, изд. 10-е.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 311, изд. 3-е.
[3] Там же, т. XXIII, стр. 350.
[4] Там же, стр. 349.
[5] Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала, стр. 37—38, Партиздат, 1935.

связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах. 2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата. 3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства»[1].

Вырвать какую-либо одну из этих основных сторон—значит извратить понятие диктатуры пролетариата. В зависимости от обстановки на каждом этапе приобретает особое значение одна из сторон, но никогда не отпадает ни одна из них. Мы заняты сейчас грандиозным строительством, но насильственная сторона пролетарской диктатуры в отношении остатков классовых врагов не исчезает. В период же обостренной гражданской войны происходила и строительная работа в области хозяйства и культуры.

Маркс доказал, что условия пролетарской революции зреют в недрах капитализма. Но Маркс в отличие от всяких оппортунистов в прошлом и в настоящем никогда не представлял рабочим дело так, что социализм, как созревший, спелый плод, сам упадет в руки пролетариата. Наоборот, он, а после него и Ленин и Сталин предупреждали рабочий класс, что переход к коммунизму потребует целой эпохи классовых битв, десятилетий ожесточенной борьбы.

Опыт пролетарской революции в СССР показал, как глубоко правильно учение Маркса о переходном периоде. Много лет потребовалось нам для того, чтобы добиться победы социализма. В результате выполнения второй пятилетки, т. е. через 20 лет после Октябрьской революции, мы добьемся у нас полного уничтожения классов вообще.

Перед победившим пролетариатом после захвата власти встают огромные задачи. Прежде всего надо до конца довести подавление свергнутых эксплоататоров. Имея поддержку буржуазии капиталистических стран, окружающих страну пролетарской диктатуры, свергнутые, экспроприированные помещики и капиталисты используют все остатки своего богатства, связей, влияний и знаний, чтобы сорвать победный ход социализма. Неизбежны гражданские войны, борьба за пролетар-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 112—113, изд. 10-е.

ский государственный аппарат, за школу, за науку, литературу и т. д. против классово враждебных элементов. Кроме задач, вытекающих из необходимости подавить, обезвредить, уничтожить классового врага и привлечь на путь социализма трудящихся мелких собственников, пролетариат в ходе революции должен переделать и свою собственную природу, унаследованную от старого общества, перевоспитать себя в сознательных работников социалистического общества. «Поэтому диктатуру пролетариата, переход от капитализма к коммунизму нужно рассматривать не как мимолетный период в виде ряда «революционнейших» актов и декретов, а как целую историческую эпоху, полную гражданских войн и внешних столкновений, упорной организационной работы и хозяйственного строительства, наступлений и отступлений, побед и поражений»[1].

Переходный период, период революционного преобразования капитализма в коммунизм, очень далек от той мирной, безмятежной картины врастания капитализма в социализм, которую рисовали в отношении кулака правые уклонисты, которой социал-демократы одурманивают отсталые группы рабочих.

С экономической стороны переходный период заключается в перестройке капиталистической экономики, в преобразовании ее на коммунистических началах. Политически это обеспечивается революционной диктатурой пролетариата. Диктатура пролетариата не только разрушает старое, но и строит новое. На протяжении всего переходного периода она выполняет не только разрушительные, но в гораздо большей мере творческие задачи.

Революционное преобразование капиталистической экономики в социалистическую начинается с национализации основных средств производства пролетарским государством, с насильственного уничтожения крупной капиталистической собственности. Оно продолжается вплоть до полного уничтожения частной собственности на средства производства путем вытеснения и ликвидации капиталистических элементов и переделки мелкого товарного производства в социалистическое через кооперацию.

Вождь австрийской социал-демократии Отто Бауэр не допускает, чтобы экспроприация экспроприаторов произошла в форме революции. Он полагает, что «экспроприация не может и не должна произойти в форме грубой конфискации капиталистической и помещичьей собственности; ибо в этой форме она не могла бы произойти иначе как ценой громадного разруше-

---

[1] Там же, стр. 27, изд. 10-е.

ния производительных сил, которое разорило бы сами народные массы, застопорило бы источники народного дохода». Отто Бауэр конечно исходит из чудовищно нелепого, насквозь буржуазного предположения, что капиталисты и помещики добровольно, постепенно и бескровно уступят свои доходы и имущества рабочим и крестьянам.

Эти и подобные им рассуждения, направленные против марксизма и пролетарской революции, демобилизуют рабочий класс в борьбе с капитализмом.

Вожди и «теоретики» социал-демократии Гильфердинг, Каутский и др. отрицают необходимость переходного периода, революционной ломки капитализма и насильственного вторжения в частную собственность буржуазии. Они рассматривают современный империализм как организованный капитализм, перерастающий в социализм.

Усыпляя такими «теориями», не имеющими ничего общего с марксизмом, революционную энергию пролетариата, вожди социал-демократии играют роль послушного орудия буржуазии. Переход от капитализма к социализму требует революции, насилия для свержения буржуазии. Борьба классов, борьба не на жизнь, а на смерть идет на протяжении всего переходного периода.

В ходе пролетарской революции возникает новый тип *производственных отношений—социалистические производственные отношения*. Пролетарская революция коренным образом отличается от буржуазной революции. Капиталистические производственные отношения вызревают и складываются в недрах феодального общества. Буржуазная революция дает им полный простор для развития. И капитализм и средневековый феодальный строй—обе эти общественно-экономические формации,—несмотря на различие экономического и политического строя, покоятся на эксплоатации, на частной собственности на средства производства. Различие между ними—в формах эксплоатации. Социалистический строй, уничтожающий всякую эксплоатацию, не может возникнуть и складываться в недрах капиталистической системы. Только насильственное свержение власти буржуазии, экспроприация ее богатств и переход их в руки рабочего класса кладут основу социалистическим производственным отношениям. До пролетарской революции в недрах капитализма подготовляются лишь материальные предпосылки социалистического хозяйства. В основе социалистических производственных отношений лежит коллективная, общественная собственность на средства производства. Но создать эту основу может

только революция, захват власти пролетариатом. «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы шаг за шагом вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и как можно быстрее увеличить совокупность производительных сил. Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные производственные отношения»[1].

Социалистическая собственность на средства производства, социалистические производственные отношения освобождают от капиталистических оков развитие производительных сил и становятся активно воздействующей силой, ускоряющей это развитие. Об этом наглядно говорят быстрые темпы развития в СССР новой техники в промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства, расцвет науки, рост квалифицированных кадров работников во всех отраслях, общий неуклонный подъем производительных сил СССР.

§ 4. Диктатура пролетариата как основа развития советской экономики

После свержения буржуазии и установления диктатуры пролетариата, с переходом средств производства в общественную собственность, перестают действовать стихийные экономические законы капитализма. Человечество, как говорит Энгельс, делает скачок из царства необходимости в царство свободы. Это не «свобода» в анархическом, индивидуалистическом смысле. Общество есть часть природы и подчиняется ее законам. Общественный организм не может выпрыгнуть из рамок природы и развиваться, пренебрегая всякими объективными условиями. «Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей»[2]. Свобода расширяется в результате овладевания материальными процессами и основами жизни природы и общества. Открытие огня есть огромный шаг человечества по пути к свободе от природы, так же как и открытие

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Манифест коммунистической партии, стр. 35, Партиздат, 1932.

[2] *Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 92, изд. 1932 г.

паровой машины. Оба эти открытия означают, что человек познал важнейшие законы природы, которые раньше были для него непознанной, слепой необходимостью. В капиталистическом обществе законы его развития действуют со слепой необходимостью и стихийностью, подобно законам природы. Только в социалистическом, бесклассовом, обществе «...впервые сможет зайти речь о действительной человеческой свободе, о существовании в гармонии с познанными законами природы»[1]. При капитализме средства производства и труд фактически стали уже общественными, но индивидуальный способ присвоения, обмена и распределения скрывает эту истинную суть вещей. Закон стоимости, отражающий общественную связь товаропроизводителей, действует за спиной этих производителей. Люди воспринимают действие закона стоимости как слепую необходимость. Вещи, в которых воплощаются стоимости, господствуют над людьми, производящими эти стоимости.

Экономическая политика буржуазного государства может содействовать стихийному ходу дел, но не отменить его, потому что каждый капиталист, частный собственник, действует по своему усмотрению для увеличения своей прибыли, а в общем «получается то, чего никто не хотел», по словам Энгельса,— кризисы, анархия. В советском переходном хозяйстве нет стихийных законов развития, действующих независимо от нашей воли, от нашей работы. Пролетарское государство по заранее установленному плану, понятному для всех трудящихся, направляет развитие производительных сил по пути индустриализации и коллективизации, вводит новую технику, распределяет рабочую силу между отдельными отраслями народного хозяйства, распределяет продукты труда, готовит новые кадры и т. д. Здесь все совершается обдуманно, единой коллективной волей. Поэтому и не могут действовать стихийные законы. У нас диктатура пролетариата направляет развитие всего народного хозяйства, определяет, какими путями и темпами оно должно итти. Экономическая политика партии и советской власти осуществляет плановое социалистическое переустройство всей нашей переходной экономики.

Решающая роль экономической политики в развитии переходной советской экономики основывается на мощи диктатуры пролетариата, на тех позициях, которые пролетарская диктатура занимает во всем хозяйстве, и на тех рычагах, при помощи которых она воздействует на ход всей экономики.

---

[1] *Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 92, изд. 1932 г.

Все содержание пролетарской революции в основном сводится к диктатуре пролетариата, к ее развитию, укреплению, расширению. Диктатуру пролетариата нельзя сводить только к захвату власти пролетариатом. В пролетарской революции захват власти является только началом. Этим пролетарская революция отличается от буржуазной, которая кончается вместе с изменением политической, государственной формы. Задача пролетарской революции—не только свергнуть буржуазный политический строй, захватить государственную власть в свои руки, сломать государственный аппарат буржуазии, но и построить новую, социалистическую экономику, использовать государственную власть для перестройки старой экономики.

В отношении буржуазии диктатура пролетариата действует методами насилия, подавления. Крестьянство—бедняков и середняков—пролетариат перевоспитывает, переделывая его мелкое индивидуальное хозяйство в социалистическое. Высшим принципом диктатуры пролетариата является укрепление союза рабочего класса и крестьянства. Но, руководя крестьянством—своим союзником,—подавляя буржуазию, пролетариат переделывает и свою собственную природу, воспитывает в себе новое, коммунистическое отношение к труду, создает новые, социалистические формы труда. Он создает новый способ производства, ставит и осуществляет новые грандиозные строительные задачи.

Проводя различие между буржуазной и социалистической революцией, Ленин говорит: «Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи—организационные»[1]. Какие же это задачи? Это—«организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,—вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи»[2].

Диктатура пролетариата—это не только политическая организация, политическая власть пролетариата, организованного как господствующий класс. Пролетарская диктатура одновременно представляет собой и государственный экономический механизм, непосредственно приводящий в действие

[1] *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 315, изд. 3-е.
[2] Там же, стр. 316.

огромную массу средств производства, экспроприированных у буржуазии и вновь созданных пролетариатом.

Все крупные средства производства, фабрики, заводы, электростанции, шахты, рудники, железные дороги, каналы, речные и морские суда, огромный жилищный фонд, земля, с.-х. машины и орудия, миллионы голов рабочего и продуктивного скота, массы сырья, продуктов питания, миллиарды рублей промышленной продукции, склады, торговая сеть, товарные запасы, валютные резервы, хозяйственные аппараты, кредитная система, Госбанк с тысячами филиалов, система плановых органов сверху донизу—все это вместе взятое и есть экономический механизм пролетарского государства. Тов. Стецкий в своей статье подчеркнул это своеобразие советской экономики: «Если мы говорим о своеобразии того экономического порядка, который возник в результате Октябрьской революции, то первым основным моментом, отличающим этот экономический порядок от всего предшествующего, является диктатура пролетариата, которая представляет собой не только большую политическую силу, но которая является и огромной экономической силой. И разумеется, что игнорирование этого обстоятельства, попытки пройти мимо него являются нарушением одного из основных требований диалектического метода»[1].

Экономический механизм пролетарской диктатуры объединяет труд в едином масштабе всего государства. По размерам ничего подобного не было и не могло быть в буржуазном обществе даже при наивысшей степени развития государственного капитализма. Но самое главное заключается в коммунистическом характере этих огромных масштабов государственного обобществления производства в СССР. «Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в обще-национальном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися»[2].

Этим обосновывается решающая, ведущая роль экономиче-

---

[1] *Стецкий*, Пролетарская диктатура и экономическая теория, «Правда» от 29 марта 1933 г.

[2] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 508, изд. 3-е.

ской политики пролетарского государства в развитии и перестройке нашей экономики. Пролетарская диктатура не только располагает всеми средствами государственного принуждения (армия, милиция, суды и т. д.) для подавления сопротивления враждебных классов. Она держит в своих руках огромный экономический механизм, организованный в государственном масштабе, она создает новый тип, коммунистический тип хозяйства, новую организацию труда. «Диктатура пролетариата...—говорит Ленин,—не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма»[1]. Политика и экономика диктатуры пролетариата находятся в неразрывной диалектической связи.

Политические и экономические задачи диктатуры не могут ставиться независимо, оторванно одни от других. Диктатура пролетариата как политическая организация является основой для разрешения хозяйственных задач пролетарской революции.

И в свою очередь успешное разрешение экономических проблем, организационно-хозяйственных задач нашего социалистического строительства расширяет и укрепляет базу пролетарской диктатуры. Чтобы иметь правильное представление о ходе, о путях и закономерностях развития переходной советской экономики, необходимо исходить из ленинского, диалектического понимания соотношения между политикой и экономикой.

Понимать диалектически соотношение политики и экономики—значит понимать и их связь и их различие, политику как выражение экономики и воздействие политики на экономику. Это в особенности важно для нашей советской экономики, которая не развивается по каким-то автоматически, стихийно действующим законам. «Политика есть концентрированное выражение экономики...—писал Ленин в январе 1921 г.—...Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе—значит забывать азбуку марксизма»[2]. Диктатура пролетариата—это продолжение классовой борьбы в новых формах. Весь переходный период протекает в условиях

---

[1] Там же, стр. 335—336.
[2] Там же, т. XXVI, стр. 126.

ожесточенной классовой борьбы. В результате борьбы рабочего класса под руководством партии соотношение классовых сил изменялось с каждым годом в пользу пролетариата, его позиции все более укреплялись. Успехи социалистического строительства, строительства нового, бесклассового общества измеряются в конечном счете усилением позиции рабочего класса, степенью вытеснения остатков враждебных капиталистических классов, степенью воздействия, руководства и социалистической переделки крестьянства. Это и есть политика. «Политика есть отношение между классами—это решает судьбу республики»[1]—такое определение политики дал Ленин на X съезде партии в докладе о натуральном налоге. Что такое политика?—ставит вопрос Ленин в плане брошюры о продовольственном налоге и отвечает: «1) авангард пролетариата к *его* массе, 2) пролетариат к *крестьянству*, 3) пролетариат (и крестьянство) к *буржуазии*»[2]. Политика обнимает всю совокупность отношений между классами. И поэтому политике принадлежит первенство над экономикой. Экономические проблемы перерастают в политические, если они затрагивают существенно отношения между классами, если они грозят союзу рабочего класса с крестьянством или передвижкой в сторону враждебных социальных слоев. Так например вопрос о государственной заготовке хлеба—это экономический вопрос. Анализируя ход хлебозаготовок за 1918 г. и первые три месяца 1919/20 сельскохозяйственного года, Ленин приходит к такому выводу: «...с точки зрения основной экономической проблемы, диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа коммунизма над капитализмом»[3]. Это было в октябре 1919 г. Через $1^1/_2$ года вопрос о продразверстке перерастает в политическую задачу, ибо методы хлебозаготовок перестали удовлетворять тогда крестьянство, начали вызывать после окончания гражданской войны недовольство крестьянских масс. Это грозило срывом рабоче-крестьянской смычки, нарушением союза этих двух основных классов. И тогда Ленин говорил: «...вопрос о замене разверстки налогом является прежде всего и больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству»[4]. Политика—это общая линия социалистического строительства, определяющая на основе диктатуры пролетариата взаимоотношения

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 248, изд. 3-е.
[2] Там же, стр. 314.
[3] Там же, т. XXIV, стр. 510.
[4] Там же, т. XXVI, стр. 237.

классов и их изменения, обеспечивающая полную победу социализма. Политику делают массы, рабочий класс, во главе с партией организованный в революционную диктатуру.

Советская переходная экономика, социалистическое строительство имеют и политическое и экономическое содержание, неразрывно между собой связанные и одно из другого вытекающие. Помня о взаимодействии и единстве экономики и политики, вместе с тем нельзя их отождествлять. Экономический анализ и политический, экономическая формулировка и политическая—это не одно и то же. Общеизвестно, что Каутский дал только политическую формулировку империализма, не исчерпывающую содержания и потому неправильную. Ленин показал империализм как экономическую категорию, что экономическая сущность империализма в монополии. Дав экономическую характеристику империализма, показав, что «империализм есть экономически монополистический капитализм», Ленин затем уже говорит о политических тенденциях империализма, о том, что монополии соответствует политическая реакция. Исходя из правильного марксистско-ленинского представления о взаимоотношении политики и экономики, мы должны раскрыть и экономическое содержание пролетарской диктатуры. Экономически пролетарская диктатура покоится на том, что после захвата политической власти пролетариатом национализируются основные средства производства—земля, фабрики, заводы, железные дороги, флот, электростанции и др. Основные, крупнейшие средства производства переходят в общественную, государственную собственность, обобществляются. Этим обобществлением уничтожается основное противоречие капиталистического общества между общественным характером производства и частной формой присвоения. И производство и присвоение становятся общественными. Уничтожается и капиталистическая анархия производства. Государство в качестве собственника всех национализированных предприятий и средств производства выступает теперь как представитель общества, всей массы трудящихся, а не эксплоатирующего меньшинства—помещиков и капиталистов. Если капитализм создает только предпосылки, элементы обобществления в виде централизации средств производства и концентрации масс пролетариата на крупных предприятиях, то пролетарская революция из этих элементов строит новый, социалистический способ производства, социалистические производственные отношения. Но как захватом власти пролетарская революция только начинается, так и национализацией

основных средств производства обобществление, экономическое развитие диктатуры пролетариата также только начинается. Обобществление всех средств производства есть длительный исторический процесс, составляющий экономическое содержание развивающейся, растущей диктатуры пролетариата.

Процесс обобществления заключается в развитии, росте и укреплении социалистических форм хозяйства, в расширенном социалистическом воспроизводстве. Но в первые годы пролетарской революции обобществление, т. е. социалистическая собственность, господствовало только в крупной промышленности, транспорте, кредитной системе, захватывая значительные позиции в товарообороте. В деревне же роль социалистических элементов—совхозов и колхозов—была очень незначительна. Сельское хозяйство почти сплошь состояло из единоличных крестьянских хозяйств, среди них известный процент кулацких. Остается огромная и труднейшая задача организационной перестройки индивидуального мелкого товарного хозяйства в крупное общественное, социалистическое. Решение этой задачи происходит в условиях ожесточенной классовой борьбы, в которой классовый враг защищает свои последние позиции, сопротивляясь социалистическому наступлению. Поэтому процесс расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений, происходящий на протяжении всего переходного периода, есть в то же время процесс классовой борьбы в самых различных ее формах. Это вытекает из того, что «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»[1]. Обобществление всего хозяйственного организма страны происходит различными путями. Эти пути следующие: национализация, т. е. прямой переход во время революции земли, транспорта, крупных фабрик, заводов, торговых предприятий в руки пролетарского государства; организация крупных коллективных предприятий (колхозов) в деревне; строительство государственных предприятий в сельском хозяйстве (совхозы зерновые, животноводческие, технических культур); ограничение и вытеснение капиталистических элементов в промышленности, сельском хозяйстве и торговле, а затем и ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Все перечисленные пути и методы обобществления ведут к расширению социалистических форм хозяйства. Социалистические формы

[1] *Ленин*, Соч., т. XXV, стр. 191, изд. 3-е.

хозяйства, в первую очередь социалистическая промышленность, играют ведущую роль с самого начала, еще задолго до того, как они получают преобладание во всем народном хозяйстве. Ведущая роль крупной социалистической промышленности основывается, во-первых, на том, что она сосредоточена в руках пролетарского государства и управляется по единому государственному плану, в то время как мелкое крестьянское хозяйство распылено. Во-вторых, средства производства обобществленной государственной промышленности по своему техническому составу не идут ни в какое сравнение с примитивными орудиями производства мелкого раздробленного хозяйства.

Троцкисты отрицали руководящую роль экономической политики пролетарского государства в социалистическом строительстве. Развитие советской экономики в их представлении совершается так, что государственный сектор развивается по некоему закону «первоначального социалистического накопления», а весь частный сектор нашего хозяйства, в том числе и бедняцко-середняцкое крестьянство, они считали капиталистическим, развивающимся по закону стоимости. Оба закона действуют автоматически. Экономическая политика якобы тут совершенно непричем. По троцкистскому закону «первоначального социалистического накопления» (автором которого является Преображенский), крестьянское хозяйство в переходный период эксплоатируется и пожирается государственным хозяйством. Только за счет эксплоатации крестьянского хозяйства может, по этой троцкистской теории, развиваться и расти в переходный период социалистический государственный сектор советской экономики. Самая формулировка троцкистской теории переходного периода («первоначальное накопление», якобы социалистическое) свидетельствует, что, по троцкистскому закону, пролетариат должен не переделывать, перестраивать крестьянское хозяйство, перевоспитывать социалистически крестьянство, а покорять его огнем и мечом, сгонять с земли, истощать непосильными поборами, как это делалось капитализмом в эпоху первоначального накопления.

Преображенский не считает экономическую политику пролетарского государства решающим фактором или хотя бы одним из решающих факторов, направляющих наше хозяйственное развитие по определенному, социалистическому пути. Причина кроется в троцкистском отрицании возможности построения социализма в одной стране, в троцкистском отрицании возможности социалистической переделки мелкого крестьянского хозяйства. Преображенский считает правильным отвлечься

при анализе советского хозяйства от экономической политики, так как политика—это надстройка. Марксисты, говорит он, должны заниматься анализом экономических закономерностей, когда речь идет о хозяйстве. Преображенский извратил марксизм, смазав различие между ролью экономической политики в капиталистическом обществе и в советском хозяйстве. Буржуазное государство, не занимающееся непосредственно хозяйственной деятельностью (по крайней мере в существенных размерах), так как все средства производства принадлежат отдельным частным капиталистам, лишь в слабой степени может активно воздействовать на экономику. Оно не может изменять стихийно действующих законов экономического развития капитализма. Пролетарское же государство—представитель и распорядитель огромной массы обобществленных средств производства, которые оно использует в плановом порядке. Диктатура пролетариата, пролетарское государство, держащее в своих руках основные хозяйственные рычаги, все командные высоты, не только просто «влияет», «воздействует» на всю нашу экономику, но всей своей экономической политикой определяет и направляет ее развитие по пути к социализму.

Правые оппортунисты также отрицали руководящую, решающую роль пролетарской диктатуры в развитии переходной экономики. По мнению Бухарина, переходное советское хозяйство, как и товарно-капиталистическая хозяйственная система, регулируется некиим «законом трудовых затрат», объективно действующим независимо от пролетарской диктатуры, от воли организованных трудящихся масс.

При этом т. Бухарин исходил из неправильного толкования известного письма Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г. В этом письме Маркс говорит, что «...необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной *формой общественного производства;* измениться может лишь *форма ее проявления*». Маркс в этом письме утверждал, что во всяком обществе, следовательно и в социалистическом, труд его членов разделяется в определенных пропорциях для удовлетворения соответствующих потребностей. Но из этого же письма ясно, что только в капиталистическом обществе распределение труда происходит стихийно, по закону стоимости, в форме меновой стоимости. Бухарин же переносит действие стихийного закона стоимости, переименовав его в «закон трудовых затрат», и на советскую экономику, отвергая тем самым роль пролетарской диктатуры как основы развития советской экономики. Воз-

никает естественно вопрос: а какова же роль плана в советской экономике? Играет ли он какую-либо роль в определении пропорций распределения общественного труда? На этот вопрос Бухарин отвечает так, что план ничего не меняет, ничего не устанавливает. Все идет так, как шло бы при стихийном регулировании, при действии стихийных экономических законов капитализма. Бухарин признает план в нашем хозяйстве только как «прогноз», предвидение стихийных тенденций развития. Точно так же оценивали роль плана Громан и другие буржуазные идеологи, считавшие закон стоимости основным законом развития советской экономики. План не дает и не должен давать, по их «теории», директив, направленных к изменению существующего соотношения хозяйственных укладов и разных отраслей народного хозяйства. План является только «прогнозом», а у Бухарина «предвосхищением», предвидением, угадыванием стихийных, «объективно» складывающихся путей развития. К этому сводится по сути дела и программа правого уклона. Правые отстаивали всемерное развитие индивидуального крестьянского хозяйства при известном сокращении темпа развития колхозов и совхозов. Это означало бы сохранение мелкобуржуазной стихии, питающей капиталистические элементы. Это означало бы сохранение двух различных баз советской власти и рост противоречий в нашей экономике, а при известных условиях в конце концов и неминуемый развал ее. Ясно, что такой план не имеет ничего общего с планом пролетарского государства, призванным изменить, перестроить экономику, а не регистрировать происходящие процессы и в лучшем случае предвидеть их.

По Бухарину, не план ставит себе целью регулировать, воздействовать на стихийные процессы, поскольку они существуют, а, наоборот, стихийная равнодействующая «становится исходным пунктом для той или другой директивы». Вся решающая историческая роль пролетарской диктатуры сводится на-нет таким толкованием и пониманием природы и характера ее директив. Из этого исходило правооппортунистическая теория самотека в развитии переходного советского хозяйства.

Мы подробно выяснили решающее значение экономической политики пролетарской диктатуры в развитии советской переходной экономики. Экономическая политика нашей партии и правительства отражается в едином плане народного хозяйства. Только такой план, в основе которого лежит диктатура пролетариата, является социалистическим планом, т. е. планом

революционного преобразования капиталистической экономики в социалистическую. Ведь и вредители составляли и предлагали планы народного хозяйства СССР. Но это были планы, осуществление которых прокладывало бы наверняка дорогу возврату капитализма в нашей стране, гибели пролетарской диктатуры. Только благодаря непримиримой борьбе со всеми антиленинскими теориями переходного периода за сохранение и укрепление диктатуры пролетариата, благодаря полному разгрому контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма партия, руководимая Лениным и Сталиным, смогла привести рабочий класс СССР к победе социализма.

***

В предыдущем изложении мы выяснили, что развитие переходной экономики не подчиняется каким-либо стихийным, автоматически, т. е. независимо от нашей воли, действующим законам. Пролетарская диктатура является тем решающим, ведущим фактором, который направляет весь ход нашего хозяйственного развития. Неправильно было бы однако на этом основании представлять дело так, что мы все можем делать в два счета. Против такого понимания нашего плана и нашей экономической политики предупреждал т. Сталин в своей статье «Головокружение от успехов». Многие практические работники в то время (в начале 1930 г.), несмотря на предупреждения Центрального комитета партии, считали, что они могут решить такую сложнейшую задачу, как обобществление, коллективизация крестьянского хозяйства, в два счета, сразу. Увлеченные действительными успехами колхозного строительства, массовым поворотом середняка к колхозам, некоторые работники переоценили объективные возможности и, не считаясь с реальной обстановкой, сразу обобществили весь скот, вплоть до мелкого (овцы, свиньи) и до домашней птицы. План нельзя отрывать от жизни, от реальных условий хозяйства и всей действительности. План социалистического строительства ставит себе целью переделать эту действительность, но исходя из того исторического материала, который нам дан. Тут приходится считаться и с уровнем хозяйства и с остатками психологии такого обширного класса, как крестьянство. В общем и целом возможность построения социализма в нашей стране была подготовлена всем предыдущим историческим развитием. Но для перехода от одной ступени соцстроительства к другой каждый раз приходилось учитывать возможности, опираться на закрепленные позиции,

чтобы возможности превратить в действительность. План не есть нечто «идеальное», выдуманное из головы. Его элементы берутся из самой действительности. В этом смысле наши планы опираются на объективную базу. Если бы, скажем, мы исчерпали всю производственную мощность наших доменных печей и врубовых машин, тогда можно было бы ссылаться, что дальнейший рост выплавки чугуна или добычи угля невозможен в данный момент. Наличное оборудование, целиком использованное, было бы действительно объективным пределом (лимитом) дальнейшего роста производства. Если же хозяйственники и техники металлургии и угольной промышленности жалуются на какие-либо объективные причины, в то время как доменные печи не дают еще полной нагрузки, врубовые машины используются не полностью и т. д., тогда мы имеем все основания сказать: здесь дело не в «объективных» причинах, а в плохой организации труда и производства, в отсутствии действительного планирования и предусмотрительности. Но одно дело, установив известные объективные факты в нашей экономике, пасовать перед ними, другое дело—искать в самой же действительности путей их преодоления. Так, «кирпичи будущего», отсутствием которых пугал т. Бухарин, оказались реальными кирпичами, из которых мы построили первую пятилетку.

Трудящийся крестьянин выступает как торговец, как спекулянт, когда он продает свои продукты и старается как можно больше нажиться. Это—объективный факт, затруднявший наше социалистическое строительство. Но тот же крестьянин—честный труженик, не эксплоатирующий наемного труда,—кровно заинтересован, как и рабочий, в уничтожении всякой эксплоатации, всяких классов. И этот факт, существовавший в той же действительности, являлся одним из условий обобществления крестьянского хозяйства и победы социализма в деревне.

Вопрос о роли объективных условий и субъективного фактора—нашей энергии, организованности и настойчивости—имеет чрезвычайно важное значение для планирования и выполнения плана всего народного хозяйства и отдельных предприятий.

Победа генеральной линии партии—это преодоление многих условий, казавшихся «объективными». Чем больше крепнет диктатура пролетариата, техническая база страны, чем больше внедряются социалистические формы труда и дисциплина, тем меньше становится роль объективных условий, тем

в большей степени успех зависит от руководителей, от сплоченности и организованности всего коллектива. Каждое предприятие пытается рассматривать работу другого, с ним связанного, как объективное обстоятельство. Но с точки зрения всего народного хозяйства плохая работа того или другого предприятия вовсе не есть объективный фактор. «...Роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной. А что это значит? Это значит, что ответственность за наши прорывы и недостатки в работе ложится отныне на девять десятых не на «объективные» условия, а на нас самих, и только на нас» (Сталин). Эти слова из доклада т. Сталина, положенного решением XVII съезда в основу всей работы партии, обязывают и дают руководящую нить в вопросах составления и выполнения планов. Даже естественные условия являются объективными только условно. Усиление геологоразведочных работ, проведение их большевистскими темпами открывают новые естественные ресурсы, расширяя промышленную, казалось бы, неизменную базу отдельных отраслей. С другой стороны, т. Сталин на XVII же съезде сделал суровое предупреждение против необоснованных увлечений, без учета трудностей. Один из основных трех выводов доклада т. Сталина на XVII съезде—первый вывод—это: «*не увлекаться достигнутыми успехами и не зазнаваться*». Не надо допускать вредного головокружения от успехов, впадать в «левацкий» авантюризм, свойственный только мелкобуржуазным политикам и партиям. Выполнение второй пятилетки связано с большими трудностями, требующими мобилизации, боевой готовности партии, рабочего класса, всех трудящихся.

§ 5. Сущность советской экономики как переходного от капитализма к социализму периода

В советской экономике в первые годы революции существовали следующие элементы или типы общественно-экономических укладов: 1) патриархальное крестьянское хозяйство, ведущее замкнутое натуральное производство; 2) мелкое товарное производство—это те крестьянские хозяйства, которые продают свои продукты и сами покупают; 3) частнохозяйственный капитализм—это единоличные капиталисты, в наших условиях главным образом мелкие промышленники и торговцы

и кулаки в деревне; 4) государственный капитализм—это концессии, аренда, смешанные общества под контролем государства; 5) социализм—это государственные и кооперативные предприятия. Почему же переходная экономика представляет собой такую пестроту укладов, пестроту типов производственных отношений? Мы уже знаем, что социалистическое бесклассовое общество не может возникнуть сразу после захвата власти пролетариатом. Организацией государства пролетарской диктатуры в нашей стране было сразу уничтожено политическое господство капитализма. Экономическому его господству был нанесен решительный удар национализацией земли, крупных промышленных предприятий, транспорта, банков. Этой национализацией мы уничтожили крупную капиталистическую частную собственность и создали собственность общественную, социалистическую, организовали социалистический уклад. Но окончательное уничтожение капитализма в экономике невозможно при наличии мелкого товарного призводства, которое, по словам Ленина, постоянно и в массовом масштабе рождает капитализм. Мелкое же крестьянское производство в первые годы существования советской власти было преобладающим в нашей экономике. Это преобладающее положение мелкого производства в стране не могло быть уничтожено декретом или приказом, его нельзя национализировать. Нужны целые годы убеждений, показа на примерах выгодности общественного хозяйства и государственная материальная поддержка, чтобы переделать мелкое производство в социалистическое. Социалистический уклад в первые годы играл ведущую роль в переделке всей нашей экономики в социалистическую, но сам не мог сразу стать преобладающим и по объему производимой продукции и по количеству занятых в нем людей. Этого положения мы добились в результате успешного выполнения первой пятилетки. Сделать социалистический уклад преобладающим, а затем и единственным в стране—такова задача экономической политики переходного периода.

Во всяком обществе могут быть остатки прежних хозяйственных эпох. Так, в недрах капиталистического общества сохранялись остатки и феодализма и рабовладения. Но все они однотипны с капитализмом, основаны на частной собственности на средства производства.

Особенность же переходного периода заключается в том, что старые уклады (капиталистический, мелкотоварный, патриархальный) имеют основой частную собственность, а социалистический уклад—новый, ведущий—общественную собствен-

ность на средства производства. Между капитализмом и социализмом, представляющими различные типы хозяйства, происходит борьба. Вот почему мы называем экономику переходного периода многоукладной. Но уже после первой пятилетки, к периоду XVII съезда партии, произошли коренные сдвиги в советской экономике. Одни уклады исчезли (патриархальный, капиталистический, госкапитализм), другие (мелкотоварный) потеряли прежнее значение. «Мы можем теперь сказать, что первый, третий и четвертый общественно-экономические уклады уже не существуют, второй общественно-экономический уклад оттеснен на второстепенные позиции, а пятый общественно-экономический уклад—социалистический уклад является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве» (Сталин). За два года после XVII съезда процент коллективизированных крестьянских хозяйств повысился с 64,4 до 90, удельный вес совхозов и колхозов в посевных площадях зерновых вырастает, по плану 1936 г., с 84,5 до 95,5%. Многоукладность советской экономики ликвидирована. Все народное хозяйство страны стало социалистическим. Внутри самого социалистического уклада различаются предприятия последовательно-социалистического типа, принадлежащие целиком государству, «...и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом...» (Ленин). К ним относятся все государственные предприятия в городе и деревне (заводы, фабрики, транспорт, совхозы, МТС). Вторую группу составляют предприятия кооперативные, колхозы. Они являются социалистическими предприятиями, они основаны на общественной, коллективной собственности на средства производства. От предприятий государственных последовательно-социалистического типа они отличаются тем, что принадлежат не всему обществу в лице пролетарского, советского государства, а определенному, более узкому коллективу трудящихся крестьян. Между капитализмом и социализмом шла борьба за мелкое товарное производство крестьян, кустарей, ремесленников, ведущих товарное хозяйство, но не эксплоатирующих чужой, наемный труд. Как труженик крестьянин—мелкий собственник—близок рабочему и поддерживает его. Как продавец товаров, произведенных, правда, собственным трудом, он непрочь больше получить за свой товар, надбавить цену, а то и запросить спекулятивную цену. Это делает сплошь и рядом его интересы общими с интересами торгаша, спекулянта.

За мелкого трудящегося крестьянина, за мелкого собственника боролись и капитализм и социализм. Это была трудная борьба. И задача заключалась в том, чтобы показать этому трудящемуся собственнику, мелкому хозяйчику, имеющему двойную душу, как говорил Ленин, что коренные интересы его связаны с социализмом, что выход из его нищенского положения может дать только победа социализма.

За пятью укладами скрывались три силы—пролетариат, крестьянство, буржуазия. В этом смысле социализму противостояли и частный капитализм и государственный капитализм. За обоими этими укладами стояла буржуазия, хотя в последнем случае она контролировалась пролетарским государством. Переделывать на социалистический лад надо и патриархальное и мелкотоварное крестьянское хозяйство, за обоими укладами стоит крестьянство. Почему Ленин так четко разграничил пять укладов советской экономики? Изучая различные уклады нашей экономики, Ленин прежде всего ставил себе цель выяснить, в каком отношении каждый из них стоит к социализму, в какой мере и каким способом он может быть использован для укрепления и расширения социалистического уклада. С этой точки зрения между частнохозяйственным капитализмом и государственным капитализмом большая разница. В первом случае пролетарскому государству приходится иметь дело с отдельными капиталистами, совершенно самостоятельно ведущими хозяйство; держать их под контролем государства—довольно трудная задача. Государственный же капитализм, будь это иностранная концессия, частный арендатор госпредприятия и т. д., означает, что капиталисты связаны с пролетарским государством особым договором, на основе которого контроль над капитализмом гораздо легче осуществить. Формы государственного капитализма давали возможность пролетарскому государству держать в узде капиталистическое производство на определенных договорных условиях (в отношении развития и объема производства, сбыта продукции и т. д.), и это для дела социализма было полезнее, чем иметь дело со стихийно работающими мелкими капиталистами.

Государственный капитализм в СССР принципиально отличался от госкапитализма в буржуазных странах. Там происходит сращивание капиталистических предприятий, трестов с государством, защищающим интересы помещиков и буржуазии. Там это означает рост силы, влияния, могущества буржуазии, финансового капитала. В СССР форма госкапитализма представляла собой метод использования свергнутой буржуазии для

укрепления социалистического хозяйства, восстановления и развития производительных сил в стране пролетарской диктатуры.

Патриархально-натуральный уклад нельзя отождествлять с мелкотоварным. В СССР после революции осталось много глухих углов и целых краев (на крайнем севере, в далекой Сибири, Средней Азии), которые были оторваны от хозяйственной и культурной жизни всей страны. С одной стороны, там были слабы капиталистические, эксплоататорские элементы, и это обстоятельство облегчало социалистическое строительство, сравнительно с районами товарного сельского хозяйства, торгового земледелия. С другой стороны, патриархальное хозяйство отличается крайне отсталой, часто совершенно примитивной техникой, низким культурным уровнем, и это затрудняет его социалистическую переделку. Патриархально-натуральный уклад не следует однако рассматривать как понятие исключительно географическое. Элементы натурального хозяйства вообще свойственны в большей или меньшей степени мелкому крестьянскому хозяйству с его низкой товарностью. Рамки натурального хозяйства не замыкались поэтому только определенными, окраинными районами, хотя там оно главным образом преобладало. Из всех пяти разобранных укладов только один социалистический представляет собой новый способ производства, новый тип производственных отношений, возникший после революции.

Мы уже выяснили, что за различными формами общественного хозяйства стоят разные классы с разными хозяйственными и следовательно политическими интересами. Какие же это классы? Это пролетариат и крестьянство—основные классы—и буржуазия—класс второстепенный.

Но эти классы уже не те, что при капитализме. В эпоху диктатуры пролетариата каждый из этих классов видоизменился и взаимоотношения между ними изменились. Пролетариат в переходный период—это уже не прежний угнетенный рабочий класс, а класс господствующий, распоряжающийся основными средствами производства страны. Наоборот, буржуазия разбита, хотя еще не уничтожена целиком. Она сохранила еще кое-какие капиталы, а главное—опыт управления и связи с международным капиталом. Кроме того в многоукладной экономике переходного периода капиталистические элементы находят почву для своего роста в мелком товарном производстве крестьян, кустарей, ремесленников. На этой почве возникает новая буржуазия, пока пролетарское государство вынуждено допускать капитализм. Но буржуазия уже не является в пере-

ходный период основным классом. Она только допущена на известных условиях. «...В нашей советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия»[1]. Об этом допущении Ленин писал давно, в 1923 г. Теперь, на последней стадии переходного периода, надобность в этом допущении отпала. В 1925 г. мелкому частному хозяйству принадлежало 44,7% всех основных производственных фондов страны, в 1934 г.—только 4,1%, а к концу 1935 г. роль частного хозяйства падает до 2,5%. Вот таблица, приведенная т. Молотовым на VII съезде советов СССР.

Основные производственные фонды по социальным секторам[2]
(Среднегодовые фонды, в неизменных ценах 1933 г.)

	1925 г.		1934 г.	
	в млн. руб.	в % к итогу	в млн. руб.	в % к итогу
Социалистическое хозяйство .	22 678	48,8	90 344	95,81
Капиталистический сектор . .	3 037	6,5	83	0,09
Мелкое частное хозяйство . .	20 790	44,7	3 867	4,10
Итого . .	46 505	100,0	94 294	100,0

Эта таблица говорит, что социалистическая собственность стала основой советского народного хозяйства.

«...Капиталистическое хозяйство в СССР уже ликвидировано, а единолично-крестьянский сектор в деревне оттеснен на второстепенные позиции»[3]. Как мы видели выше, доля капиталистического сектора в основных производственных фондах упала почти до нуля уже в 1934 г.—до 0,09% (83 млн. руб. из 94 млрд.). Капитализму в то время, на первых порах нэпа, была предоставлена возможность некоторого развития, но вместе с тем партия теоретически отстаивала и практически осуществляла возможность построения социализма. Потребовались огромные усилия, ожесточенная борьба с капиталистическими элемен-

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 405, изд. 3-е.
[2] *Молотов*, Об изменениях в советской конституции, стр. 10, Партиздат, 1935.
[3] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 554, изд. 10-е.

тами, с оппортунистами внутри партии, чтобы добиться победы социализма. «Ликвидация капиталистических элементов—труднейшая задача, завершения которой мы добились только в последний период»[1]. Мы ликвидировали буржуазию в городе и деревне. Роль буржуазии городской (нэпманов) и сельской (кулаков) определяется в переходный период не только их собственным удельным весом, а главное—возможностью их развития и роста из мелкого производства. Мелких собственников, крестьян, Ленин рассматривал как особый класс. «Крестьяне есть особый класс: как труженики, они враги капиталистической эксплуатации, но в то же время они собственники»[2]. По отношению к рабочим, владеющим средствами производства на коллективных началах, крестьяне—мелкие индивидуальные собственники—выступают как особый класс с отличными интересами; но основные, коренные интересы крестьян как тружеников совпадают с интересами пролетариата.

Ленин называл крестьянство «последним капиталистическим классом». Но это вовсе не значит, что Ленин рассматривал всех крестьян как капиталистов, хотя бы мелких. Наоборот, такую оценку крестьянства Ленин всегда, и до и после революции, считал контрреволюционной. Так подходили к крестьянству троцкисты. Троцкисты сваливали в одну кучу и капиталистов и трудящееся крестьянство. Ленин говорил о союзе с крестьянством.

В каком же смысле он говорил о крестьянстве как о капиталистическом классе?

«Как нужно понимать положение Ленина о том, что крестьянство есть «последний капиталистический класс»? Не значит ли это, что крестьянство состоит из капиталистов? Нет, не значит. Это значит, во-первых, что крестьянство является особым классом, строящим хозяйство на основе частной собственности на орудия и средства производства и отличающимся, ввиду этого, от класса пролетариев, строящих хозяйство на основе коллективной собственности на орудия и средства производства. Это значит, во-вторых, что крестьянство является таким классом, который выделяет из своей среды, порождает и питает капиталистов, кулаков и вообще разного рода эксплоататоров»[3].

Крестьянство и при диктатуре пролетариата не однородно по своему социальному составу. Основную массу крестьянства

---

[1] *Молотов*, Об изменениях в советской конституции, стр. 12, Партиздат, 1935.

[2] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 299, изд. 3-е.

[3] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 219, изд. 10-е.

после Октябрьской революции в России и раздела помещичьих и части кулацких земель составляли середняки, не продающие сами свою рабочую силу и не эксплоатирующие чужой труд. Значительную часть крестьянства составляли бедняки, не могущие прокормиться своим хозяйством. Известный процент беднейших крестьян являлся пролетариями, рабочими с земельным наделом, нанимающимися в батраки. Наконец мелкотоварное сельское хозяйство выделяло зажиточно-кулацкую верхушку, сельскую буржуазию. Когда мы говорим о сотрудничестве, союзе рабочего класса и крестьянства, мы имеем в виду основную массу крестьянства—крестьян-середняков, являющихся естественными союзниками пролетариата.

В настоящее время подавляющая масса середняков вошла в колхозы. И в городе и в деревне капиталистов у нас нет. «...Все народное хозяйство страны стало социалистическим. В этом смысле задачу ликвидации классов мы решили»[1]. Но в колхозах только начался процесс социалистического перевоспитания колхозника, который вчера еще был мелким собственником. Классовое различие между всем крестьянством (единоличным и колхозным) и пролетариатом еще продолжает существовать. Мелкобуржуазная стихия еще живуча. Остатки классовых различий между крестьянством и пролетариатом постепенно исчезнут вместе с укреплением общественной колхозной собственности, с ростом социалистической сознательности и дисциплины в колхозах.

Уничтожение капитализма и переделка мелкого крестьянского хозяйства в социалистическое происходят в непрерывной классовой борьбе. Чем больше наступает социализм, тем ожесточеннее сопротивляются капиталистические элементы. Отрицание роли классовой борьбы и ее обострения в переходный период служило основой оппортунистических извращений линии партии, контрреволюционных выступлений оппозиции. Как раз в тот момент, когда партия стояла перед задачей развернутого социалистического наступления на капиталистические элементы (это был важнейший классовый сдвиг—1929 год, год великого перелома), правые (группа Бухарина) совершенно обходили вопрос о классовой борьбе, о классовых сдвигах, вызвавших перелом.

Оппортунисты всех видов подходят к вопросу о классовой борьбе с довоенным трафаретом II Интернационала. Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы в новых фор-

[1] *Молотов*, Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г. на 2-ой сессии ЦИК СССР, «Правда» от 11/I 1936 г.

мах. В переходный период возникают новые виды классовой борьбы, не предусмотренные «догматическим марксизмом» оппортунистов. Не видеть этих новых форм борьбы с классовым врагом—значит не видеть трудностей и путей их преодоления. Ленин и Сталин уделяют большое внимание именно анализу, изучению конкретных форм классовой борьбы, которые возникают и видоизменяются в ходе пролетарской революции. В заметках «О диктатуре пролетариата»[1], относящихся к началу 1920 г., Ленин перечисляет пять форм классовой борьбы эпохи пролетарской диктатуры. Это: 1) подавление сопротивления эксплоататоров, 2) гражданская война, 3) нейтрализация мелкой буржуазии, особенно крестьянства, 4) «использование» буржуазии, «спецов», 5) воспитание новой дисциплины. Под нейтрализацией крестьянства Ленин понимал борьбу за освобождение его от влияния буржуазии, кулачества, за привлечение его к социалистическому строительству под руководством рабочих. Последняя форма классовой борьбы играет особую роль на данном этапе в борьбе за успешное выполнение плана второй пятилетки. Борьба за социалистическую дисциплину, сознательность остается важнейшей задачей еще на очень продолжительный период; она требует усиления бдительности и борьбы с пережитками капитализма. Яркую, образную характеристику тех новых форм борьбы с пролетарской диктатурой, которые применяет разгромленный классовый враг в деревне, в колхозах («тихая сапа»), дал т. Сталин в своей речи «О работе в деревне» на январском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК:

«...Лицо классового врага изменилось за последнее время, изменилась тактика классового врага в деревне... Враг понял изменившуюся обстановку, понял силу и могущество нового строя в деревне и, поняв это, перестроился, изменил свою тактику,—перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой»[2]. Распознать классового врага, предусмотреть его тактику и обезвредить теперь гораздо труднее. Он при случае надевает и маску советского человека, активиста, иногда пробирается в партию, ослепляя глаза многим демагогической болтовней. «Чтобы разглядеть такого ловкого врага и не поддаться демагогии, нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага и показать колхозникам его действительное, контрреволюционное лицо»[3]. Бывшие люди, классовые враги, пробираются

[1] *Ленин*, Соч., т. XXV, стр. 6—7, изд. 3-е.
[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 521, изд. 10-е.
[3] Там же, стр. 522.

в колхозы, занимая там должности счетоводов, секретарей, завхозов и т. д. Исподтишка они могут много напортить при отсутствии революционной бдительности у руководителей колхозов, партийно-комсомольского и советского актива. Борьба с классовым врагом, с классово враждебной идеологией необходима в колхозах, в государственном аппарате, в кооперации, в самой партии. Еще существуют пережитки капитализма в экономике и особенно в сознании людей, еще существуют некоторые промежуточные, непролетарские слои в стране, еще имеется капиталистическое окружение. Путаница проникает и находит себе место в головах некоторых членов партии, не имеющих необходимой теоретической подготовки и идейной закалки. Враги партии, оппортунисты всех толков, разбиты, партия сплочена под руководством ленинского Центрального комитета во главе с т. Сталиным как никогда раньше. Но остатки оппортунистических идеологий существуют, рецидив их возможен в силу указанных условий. «Вот почему нельзя говорить, что борьба кончена и нет больше необходимости в политике наступления социализма»[1]. Бесклассовое общество не может притти без борьбы, в порядке самотека.

§ 6. Основы экономической политики диктатуры пролетариата

Материальной базой социализма является крупная индустрия. После захвата власти пролетариатом и национализации командных хозяйственных высот (крупной промышленности, транспорта, банков, земли и т. д.) для победы социализма необходима быстро растущая промышленность на современной технической базе, способная реорганизовать все народное хозяйство. В 1918 г. Ленин писал: «Социализм немыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки... Социализм немыслим вместе с тем без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука». Пролетариат, строящий социализм, должен вооружиться передовой техникой капитализма и двигать дальше ее развитие, обгоняя капитализм.

Еще подробнее Ленин развил свои взгляды на роль крупной промышленности и индустриализации в докладе о продналоге 26 мая 1921 г. на Всероссийской конференции РКП(б): «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна

[1] Там же, стр. 580.

и только одна—это крупная промышленность. Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской... Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи... Наша основная задача—восстановление крупной промышленности»[1].

Ленин говорил эти слова тогда, когда мы начинали как раз с восстановления крестьянского хозяйства и мелкой промышленности. Могло казаться, что задача создания производственной базы социализма отошла на второй план. И вот Ленин как будто вопреки фактам тех дней (в действительности противоречия никакого не было—восстановление крестьянского хозяйства было необходимым условием развития крупной промышленности) подчеркивает со всей силой, что «наша основная задача—восстановление крупной промышленности. Допустить забвение этого было бы смешно и нелепо». Там же Ленин говорит о том, что восстановление крупной промышленности конкретно выражается в плане электрификации (план Гоэлро). При помощи его мы подведем под нашу экономику базу крупной промышленности. Индустриализация в конечном счете означает электрификацию, ибо технической базой современного крупного производства является электричество.

Чем отличается индустриализация в условиях пролетарской диктатуры?

Индустриализация имеет социально-экономическое, классовое содержание, она служит укреплению того класса, который является господствующим, она укрепляет и расширяет тот тип производственных отношений, на котором базируется данное общество.

Индустриализация при господстве буржуазии расширяет рамки капиталистической эксплоатации вдвойне. Массы крестьян, кустарей и ремесленников она лишает самостоятельного промысла, превращает в пролетариев, а из всей армии пролетариев при помощи более высокой техники выжимает еще в больших размерах прибавочную стоимость, повышая степень эксплоатации.

По отношению же к отсталым странам, находящимся в колониальной и полуколониальной зависимости от главных капиталистических стран, индустриализация служит средством за-

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 390—391, изд. 3-е.

кабаления путем долгосрочных займов с высокими процентами, путем выкачки сырья по дешевым ценам. Зависимые страны являются источником дешевого сырья для индустрии империалистических стран и обречены служить подчиненным придатком к этой тяжелой индустрии.

Социалистическая индустриализация СССР отличается от капиталистической тем, что промышленность у нас строится и развивается для удовлетворения материальных и культурных потребностей трудящихся города и деревни. Не прибыль является целью нашей социалистической промышленности. Это не значит, что наши предприятия работают или должны работать без прибыли. У нас прибыль идет не в карман капиталистов, а на расширенное производство предметов потребления, средств производства, необходимых для развития социалистической экономики.

Индустриализация СССР укрепляет рабочий класс, являющийся господствующим при нашем строе, невиданными темпами укрепляет и расширяет социалистическую организацию производства и социалистический тип производственных отношений. При социалистической индустриализации введение и применение высокой техники не вытесняет рабочую силу, не является средством борьбы с рабочим и снижения его жизненного уровня, как при капитализме. Наоборот, оно способствует все большему вовлечению трудовых резервов в русло промышленности и всего народного хозяйства, повышению материального благосостояния рабочего класса и всех трудящихся. Крестьянству оно дает возможность перейти от нищенского хозяйствования к крупному коллективному земледельческому производству со всеми его преимуществами и перспективами роста.

Таким образом если с материально-технической стороны индустриализация везде выражается в строительстве новых фабрик, заводов, усиленном производстве нового оборудования, чугуна, стали, машин, то с точки зрения классового содержания индустриализация СССР является залогом роста и укрепления пролетариата, залогом победы социализма, самым мощным орудием классовой борьбы с международным капиталом, с империализмом.

На международной арене действуют теперь два основных фактора, в которых выражается борьба двух систем. Первый— это окончательная и бесповоротная победа социализма в Стране советов. Успешно проведены социалистическая индустриализация всего народного хозяйства и коллективизация сельского

хозяйства. Достигнуто коренное улучшение материального положения трудящихся СССР. Забота о людях, о работниках, о детях занимает центральное место в деятельности партии, правительства, профсоюзов. Все эти факты, уже сейчас наглядно выявляющие превосходство социализма над капитализмом, «...представляют лишь начало близкого прекрасного будущего, полного расцвета и всестороннего благополучия...»[1].

Второй фактор—это общий кризис капитализма и мировой экономический кризис, крупнейший в истории капитализма. Буржуазия пытается найти выход из этого кризиса путем нажима на рабочих, разорения крестьян, резкого снижения уровня жизни трудящихся. Несмотря на это, капитализм находится в состоянии затяжной депрессии, а в некоторых странах кризис еще развивается. «Несмотря на рост промышленного производства в ряде стран и увеличение прибылей финансовых магнатов, мировой буржуазии в общем не удалось ни выйти из кризиса и депрессии, ни задержать дальнейшего обострения противоречий капитализма»[2].

В борьбе двух систем перевес все больше склоняется на сторону СССР, социализма.

Одной из сложнейших задач пролетарской революции является социалистическая переделка мелкого крестьянского хозяйства. Неправильно думать, что после захвата власти пролетариатом крестьянство автоматически, само собой, самотеком перейдет на рельсы социалистического развития. Такое представление свойственно правым оппортунистам, проповедовавшим «теорию» самотека. Борьба за социалистический путь развития крестьянского хозяйства трудна вследствие природы самого этого хозяйства. Крестьянин, не эксплоатирующий чужой труд как трудящийся, как «будущий пролетарий» в условиях капитализма, как будущий работник социалистического общества у нас, «...должен был бы,—как говорил Энгельс,—с готовностью открыть уши для социалистической пропаганды. Но в этом ему пока еще служит помехой глубоко укоренившееся в нем чувство собственности»[3].

Крестьянское хозяйство—это в своей массе мелкое товарное производство. Крестьянин выступает как продавец, как торговец своими продуктами. А из товарного хозяйства, из товарного

---

[1] Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала, стр. 37, Партиздат, 1935.

[2] Там же, стр. 9.

[3] *Энгельс*, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, стр. 45, изд. 1922 г.

обмена, в котором участвуют мелкие товаропроизводители, неизбежно вырастают капиталистические элементы. Если бы мы предоставили, даже в условиях СССР, после революции, крестьянское индивидуальное хозяйство самому себе, то мы имели бы непрекращающийся рост капиталистических элементов, и социалистическая перестройка сельского хозяйства стала бы вообще невозможной. «...Когда мы переходим к такому слою, как среднее крестьянство, то оказывается, что *это — такой класс, который колеблется.* Он отчасти собственник, отчасти труженик»[1]. В этом трудность, которую преодолела пролетарская революция. Стихийному росту мелкособственнического хозяйства в сторону капитализма диктатура пролетариата противопоставила сознательную решимость перестроить крестьянское хозяйство по-социалистически. При этом пролетариат опирался на возрастающую мощь своей индустрии, на природу крестьянина как труженика и на преимущества крупного коллективного хозяйства над мелким.

Ленинизм учит, что природа трудящегося крестьянина-единоличника двойственна. В чем заключается эта двойственность? Он в одно и то же время и трудящийся, работник своего собственного хозяйства, и собственник, торговец, поскольку продает продукты своего хозяйства. Как собственник он заинтересован получить больше за свои продукты и нередко пускается в спекуляцию, наживается за счет рабочего. Но как трудящийся он заинтересован в победе социализма. Ибо только социализм освобождает его от кулацкой кабалы, от недоедания, от изнурительной, тяжелой, чрезмерной физической работы и обеспечивает ему возможность стать работником социалистического общества, пользующимся всеми успехами науки и культуры. На это и опирается ленинский план переделки мелких крестьянских хозяйств через объединение их в самых различных формах, начиная с обращения и кончая производством. Ленинизм считает трудящееся крестьянство резервом пролетарской революции, который надо, можно использовать для построения социализма в нашей стране.

Как же осуществить переход мелких крестьян к общественному хозяйству в период пролетарской революции? Путь этой переделки—кооперация. Если раньше, при господстве буржуазии, кооперация неизбежно делалась придатком капиталистической системы и потому революционные рабочие могли с полным правом третировать ее как торгашескую, то

[1] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 164, изд. 3-е.

теперь, после победы пролетариата, кооперация играет другую роль. Все важнейшие экономические рычаги находятся в руках пролетариата, ему принадлежат основные средства производства, в его руках государственная власть. При таких условиях, при наличии пролетарского руководства в рабоче-крестьянской смычке, кооперативные предприятия по своей природе уже не отличаются от социалистических. «...Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией—это есть строй социализма»[1]. В своей статье «О кооперации», написанной в январе 1923 г., Ленин выясняет социалистическую сущность кооперации при пролетарской диктатуре. В этих условиях Ленин рассматривает кооперацию как путь к построению полного социалистического общества, т. е. уничтожению классов и превращению всего трудящегося населения, в том числе и крестьян, в работников бесклассового, социалистического, общества. Многомиллионные массы мелких производителей объединяются в кооперации, превращая свои распыленные единоличные хозяйства в крупное общественное производство на основе машинной техники и достижений науки. Без индустриализации, без крупной машинной индустрии, без крупных средств производства во власти пролетарского государства Ленин не мыслил роста кооперации и ее роли в социалистической переделке крестьянского хозяйства. Теперь понятны слова Ленина, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом», что «простой рост кооперации для нас тожественен... с ростом социализма»[2]. В стране, где политическая власть эксплоататоров свергнута и средства производства находятся в руках рабочего класса, кооперация является великой школой социализма, путем социалистической переделки мелкого производства. «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 394, изд. 3-е.
[2] Там же, стр. 396.

с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»[1]. Ленин и т. Сталин отчетливо представляли себе, что это путь, на котором нужно постепенно завоевывать новые позиции и тщательно их закреплять. Ленинская политика в осуществлении кооперативного плана, плана социалистической переделки деревни на основе индустриализации и поголовного кооперирования крестьянских масс, заключалась в том, чтобы начать переход к новым, социалистическим порядкам с наиболее простых, легких и доступных для крестьянина форм. Такими прежде всего были различные виды кооперации снабжения, сбыта, обращения. На этой первой стадии, совпадающей с восстановительным периодом, кооперативный план осуществлялся главным образом в форме торговой смычки, через торговую связь государственной промышленности с крестьянской снабженческо-сбытовой и кредитной кооперацией. В реконструктивный период, после XV съезда, на первый план выступают формы производственной смычки—контрактация, широкое развитие производственной кооперации—товариществ по обработке земли, машинных и всяких других специальных товариществ, артелей. Партия, в отличие от оппортунистов и правых и «левых», однако никогда не противопоставляла торговой форме смычки производственную смычку. Первая в восстановительный период подготовляла вторую, а теперь дополняет ее. Колхоз в форме артели на данном этапе является производственной формой осуществления ленинского кооперативного плана. Таков план преодоления мелкобуржуазной стихии через кооперацию.

Советская кооперация коренным образом отличается от капиталистической. Мечты о построении социализма из кооперации при буржуазном государстве можно рассматривать только как фантазию, как вредную утопию.

При господстве буржуазии кооперация организовывала в своих рядах наиболее крепкие в хозяйственном отношении элементы, она смыкалась с буржуазией. Сельскохозяйственная кооперация в дореволюционной России была кулацкой. Она помогала кулакам увеличивать свои доходы и закабалять бедняцкое крестьянство. Ничего общего с социализмом такая кооперация не могла иметь. Даже идеолог буржуазной, кулац-

[1] Там же, стр. 392.

кой кооперации Прокопович характеризовал ее: «Как показывает опыт, в кооперативных организациях могут принимать участие только лица с некоторым хозяйственным достатком; ...членами сыроваренных и маслодельных товариществ могут быть только исправные крестьяне, имеющие не менее двух коров; ...членами ссудо-сберегательных товариществ могут быть лишь кредитоспособные крестьяне... Одним словом, кооперация доступна только для хозяйственно-крепких элементов»[1]. Очень показательны сравнительные данные о мощности хозяйств, входящих в с.-х. кооперацию и не входящих. В 1903 г. в Тобольской губернии по 25 артелям 2 271 член этих артелей имели 16 586 коров, т. е. на каждое хозяйство артельщика в среднем приходилось 7,3 коровы, тогда как у остального населения, не входящего в артели, в среднем на хозяйство было по 2 коровы. В кредитных товариществах Херсонской, Таврической, Екатеринославской губерний (по данным 1904 г.) среди членов товариществ безлошадных хозяйств было 12,2%, среди всего крестьянского населения—32,5%. Зато процент хозяйств с 2 и более лошадьми в товариществах был 79, среди всего населения—59.

Эти данные ярко свидетельствуют о том, что до революции при капиталистических условиях кооперация не могла не быть торгашеской, кулацкой по составу и по пути развития. Другое дело—кооперация в советских условиях, после пролетарской революции. Земля и крупнейшие средства производства (фабрики, заводы, шахты, железные дороги и пр.) принадлежат пролетарскому государству, пролетариат победил буржуазию и является господствующим классом. Пользуясь поддержкой и руководством пролетарского государства, кооперация становится социалистической. После революции пролетариата рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма.

§ 7. Социализм и коммунизм

Для того чтобы понять нашу советскую экономику, не вышедшую еще из переходного периода и в то же время вступившую уже в начальный период социализма, чтобы понять задачи второй пятилетки, надо иметь ясное научное представление о социализме и коммунизме. Учение о коммунистическом обществе, о социализме, коммунизме, о различии между ними

---

[1] *Прокопович*, Кооперативное движение в России, стр. 8—9, изд. 1913 и 1919 гг.

разработано подробно и изложено в самой ясной форме в работах Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. В высшей степени важно помнить, что правильное научное объяснение коммунистического строя Маркс дал задолго до пролетарской революции. Революционное рабочее движение должно ставить себе ясные, научно обоснованные цели, не поддаваясь мелкобуржуазной путанице и пустозвонству. Буржуазные и мелкобуржуазные критики социализма изображают социализм или как казарменный режим, подавляющий развитие отдельной личности, или, наоборот, как строй, предполагающий идеальное равенство людей. И то и другое неправильно. Коллективное социалистическое хозяйство как раз и представляет наибольшие возможности развития человеческой личности, но полное равенство людей оно может обеспечить лишь после длительного своего развития (подробнее об этом ниже).

Коммунизм—движение, в процессе которого пролетариат и все трудящиеся очищаются от старой, капиталистической грязи и превращаются в работников, которые трудятся не по принуждению, а в силу естественной потребности и сознания общественного долга. Это процесс длительный. Окончательно он завершается на высшей фазе коммунистического общества, когда оно развилось уже вполне на собственной базе, свободной от остатков капитализма. Это—полный коммунизм. До этого коммунистический строй проходит первую фазу, которую называют социализмом. Социализм уничтожает частную собственность на средства производства, превращает их в общественную собственность. А это означает уничтожение классов. Классы возникают на основе частной собственности на средства производства. Только на основе уничтожения классов и порождающей их частной собственности возможно построение полного социалистического общества и полное господство социалистических производственных отношений в городе и деревне.

Тов. Сталин в ответе свердловцам в 1925 г. так определил сущность социализма: «Социалистическое общество есть производственно-потребительское товарищество работников индустрии и сельского хозяйства»[1]. Это значит, что социалистические формы хозяйства должны охватить не только одну промышленность, но и сельское хозяйство. Социалистическое земледелие должно опираться на социалистическую индустрию, и наоборот. Рабочие и крестьяне превращаются в работников единого социалистического народного хозяйства.

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 172, изд 9-е.

Производительные силы социалистического общества освобождаются от оков капиталистической собственности, буржуазных производственных отношений. Общественной собственности, общественному характеру производства соответствует и общественное присвоение, распоряжение продуктами труда в лице государства или других, более узких коллективов. Место эксплоатации и конкуренции заступает соревнование, стремление отдать свои знания и уменье на пользу общества. Развитие производительных сил социализма по всем этим причинам неуклонно идет вверх. Они бурно растут, с быстротой, невиданной для капитализма. Тем не менее требуется определенный период, чтобы развитие производительных сил социалистического общества достигло уровня, соответствующего полному коммунизму.

***

При социализме все средства производства составляют общественную собственность, принадлежат всему обществу. Обществу же принадлежит и продукт труда всех его членов. С уничтожением частной собственности на средства производства уничтожается противоречие между производством и распределением, и то и другое становится общественным. Каждый член общества должен трудиться соответственно своим способностям. Что же он может получить от общества за свой труд? Иными словами, как при социализме должно осуществляться распределение общественного продукта? В программе германской социал-демократической партии (принятой на Готском объединительном конгрессе в 1875 г.) проводилась мысль о праве рабочего в социалистическом обществе на «полный продукт труда».

Пункт первый Готской программы, подвергшийся беспощадной критике Маркса, гласил так: «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры, а *так как* приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, *то* доход от труда принадлежит целиком и на равных правах всем членам общества».

Требование полного продукта труда неправильно потому, что любое общество, для того чтобы вести правильно свое хозяйство и расширять его, должно употребить определенную часть всего продукта, произведенного обществом, скажем, за год, на возмещение потребленных средств производства. Затем должна быть выделена добавочная часть общественного продукта на расширение производства. Эта часть при социализме

не только не уменьшится, но может увеличиться, так как производительные силы социализма развиваются быстрее. Дальше необходим резервный фонд для обеспечения от стихийных бедствий, несчастных случаев. Только после этих вычетов на нужды воспроизводства из всего общественного продукта можно приступить к дележу оставшейся массы продуктов между отдельными работниками. Следовательно не может быть речи о том, что каждый член общества получает сполна такую часть *всего* общественного продукта, которая соответствует вложенному им труду. Но даже и оставшаяся (за указанными вычетами) часть общественного продукта не вся поступает в индивидуальное распределение. Определенная часть предметов потребления должна быть выделена на содержание органов общественного управления, на школы, больницы, на содержание нетрудоспособных, т. е. на содержание тех членов общества, которые так или иначе не принимают участия в производстве общественного продукта.

Также неправильно, что при социализме продукт труда будет принадлежать всем членам общества на равных правах. В социалистическом обществе «право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду...» (Маркс). Отдельный член общества, производитель, «...получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом части его труда в пользу общественных фондов)...»[1]. Каждый получает по труду. Это необходимо, во-первых, потому, что уровень производительных сил на первой фазе коммунизма еще не так высок, чтобы обеспечить полное удовлетворение потребностей всех членов общества, во-вторых, потому, что пережитки капитализма в сознании людей еще имеются в социалистическом обществе, еще не у всех есть подлинно коммунистическое отношение к труду, к общественной собственности. Поэтому нужны еще материальные стимулы в виде различной оплаты труда разного качества и количества.

Вот по какому принципу должен распределяться общественный продукт (после всяких вычетов) при социализме, по учению Маркса. Следовательно не на равных правах, а по количеству (и, разумеется, качеству) труда. Но такое равенство не является еще действительным равенством в удовлетворении потребностей, потому что один человек сильнее другого, физически или духовно, может дольше работать, напряженнее. Точно так же и потребности у людей различны, у одного больше

[1] *Маркс*, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 440.

детей, у другого меньше. Таким образом то равенство распределения продуктов по труду, которое мы имеем в социалистическом обществе, содержит в себе известное неравенство в степени удовлетворения потребностей. Здесь все равны лишь постольку, поскольку никто не эксплоатирует другого. Маркс говорит: «Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества»[1].

Что следует понимать под социалистическим равенством?

По вопросу о равенстве, несмотря на ясные указания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, еще существует мелкобуржуазная путаница. На XVII съезде партии т. Сталин дал исчерпывающее определение понятия равенства в марксистско-ленинском смысле. Только буржуазные профессора и обыватели представляют равенство при социализме и коммунизме как грубое уравнение всех во вкусах и потребностях, как подведение всех членов общества под одну мерку. Социалистическое равенство прежде всего заключается в освобождении всех от эксплоатации, в уничтожении классовых различий. Каждый обязан трудиться и каждый имеет право на ту работу, которая соответствует его способностям.

«Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплоатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (*социалистическое* общество), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (*коммунистическое* общество)»[2]. Итак, равенство в социалистическом обществе определяется тремя основными признаками: 1) устранение эксплоатации, 2) отмена частной собственности на средства производства, что означает уничтожение классов, и 3) равное вознаграждение за равные количества одинакового труда. В коммунистическом обществе равенство приобретает действительную полноту и характеризуется равным правом всех трудящихся получать не по труду, а по потребностям. В каком

---

[1] *Маркс*, Критика Готской программы, стр. 27, изд. 1932 г.
[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 583, изд. 10-е.

же смысле Маркс и Ленин говорят о сохранении «буржуазного права» в социалистическом обществе, где буржуазии и буржуазного государства уже нет? «Буржуазным» здесь является принцип эквивалентного обмена, обмена равных количеств труда. Работник социалистического общества, выполнивший определенное количество труда, получает взамен, за вычетами отчислений в общественные фонды, соответственное количество предметов потребления, стоящих того же труда. При капитализме происходит эквивалентный обмен *товаров*, но нет действительного эквивалентного обмена труда. Рабочий обменивает принадлежащий ему товар—рабочую силу—на средства потребления—товар, принадлежащий капиталисту. В этом обмене эквивалентности нет, потому что рабочий в своем товаре отдает больше труда, чем получает взамен его. При социализме же возможен только равновеликий обмен труда, так как никто не может присвоить себе труд другого, никто не может путем обмена получить больше труда, чем дает. Буржуазная эксплоатация, обслуживаемая обменом, устраняется. Во-вторых, в обмен на затраченный труд можно получить эквивалент только в виде предметов личного потребления. Средства производства из частной собственности отдельных лиц изъяты. В отношении средств производства «буржуазное право» совершенно отпадает. И наконец, в-третьих, обмен труда на равноценное количество предметов потребления в социалистическом обществе совершается не стихийным, рыночным путем, а основывается на точном социалистическом учете количества и качества труда каждого работника.

Наличие «буржуазного права» в социалистическом обществе в указанном, весьма ограниченном, смысле таким образом исключает возможность какой бы то ни было эксплоатации труда. «Буржуазное право» низшей фазы коммунизма не означает также буржуазного отношения к труду. В социалистическом обществе каждый получает пропорционально количеству и качеству затраченного труда. Но вместе с тем социалистическое общество воспитывает уже и другие общественные стимулы труда. Сотни тысяч рабочих, служащих, специалистов, передовых ударников работают, отдавая все свои способности, независимо от материального вознаграждения, не гоняясь только за заработком, а из сознания социалистического долга.

С этой стороны необходимо подчеркнуть один момент, принципиально чрезвычайно важный, в приведенном выше определении равенства у т. Сталина. «Равная обязанность всех трудиться по своим способностям» существует не только в ком-

мунистическом обществе, где трудящиеся получают по потребностям, но уже в социалистическом обществе, хотя оно вознаграждает по труду.

Полное, действительное равенство может быть достигнуто лишь на высшей ступени развития коммунистического общества. Здесь будут уже налицо все условия и прежде всего такой высокий уровень развития производительных сил, который позволит распределять общественный продукт не по труду, а по потребностям. Переход к коммунизму, к коммунистическому распределению по потребностям предполагает такое увеличение количества продуктов, такой следовательно высокий уровень производительности труда, что этих продуктов будет вполне достаточно для бесперебойного удовлетворения потребностей всех членов общества. Для перехода к высшей ступени коммунистического общества нужно исчезновение противоположности умственного и физического труда. Диктатура пролетариата впервые в истории уже приступила к созданию условий для уничтожения пропасти между работниками физического и умственного труда. Рабочие и колхозники, работницы, колхозницы в СССР учатся управлять государством, хозяйством, в свободное от работы время изучают науки, искусства. И это доступно не одиночкам, как при капитализме, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся. Путь от чернорабочего до инженера, научного работника в СССР доступен каждому. Труд должен стать потребностью жизни, нормальной функцией человеческого организма. Не нужно будет подгонять, стимулировать его особой системой вознаграждения по количеству труда.

«Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, этот узкий горизонт будет тогда перейден»[1].

Когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов разрастутся производительные силы и все источники общественного богатства будут литься широкой рекой, только тогда впервые раздвинется узкий горизонт буржуазного права, и общество напишет на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям» (*Маркс*, К критике Готской программы).

Различие между социализмом и коммунизмом лишь в степени развития общественных производительных сил, обще-

[1] *Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 436, изд. 3-е.

ственного богатства. Социализм — это неполный коммунизм. И социализм и коммунизм не знают уже классов, эксплоатации, они основаны на общественной, коллективной собственности. При социализме существуют еще остатки классовых различий, определенные нормы вознаграждения, распределения; для охраны этих норм еще нужно государство, нужна принудительная сила. «Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*»[1]. Это и будет коммунизм. Подробное определение коммунизма т. Сталин дал, отвечая на вопрос первой американской рабочей делегации (в сентябре 1927 г.) о характеристике будущего общества, которое коммунизм пытается создать.

Коммунистическое общество будет характеризоваться следующими основными чертами.

Замена частной собственности на орудия и средства производства собственностью общественной, коллективной; отсутствие классов и государственной власти; превращение всего общества в свободно управляющиеся ассоциации трудящихся; уничтожение противоположности между городом и деревней благодаря применению высшей техники как в индустрии, так и в сельском хозяйстве; распределение продуктов по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям». При коммунизме будет достигнут полный расцвет наук и искусств. Человечество, не знающее классовых делений, имеющее обильные источники для удовлетворения потребностей, сделается тогда действительно свободным и целиком будет заниматься борьбой с природой, овладением ее силами.

Такова анатомия (т. е. строение) коммунистического общества. Она подтверждает слова Ленина, что социализм—это неполный коммунизм. Полное уничтожение противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, распределение продуктов по потребностям будут осуществлены только при коммунизме.

Путь к коммунизму лежит через быстрый рост производительных сил социалистического хозяйства, через такой подъем их уровня, когда, по выражению Маркса, «...все источники общественного богатства польются полным потоком...».

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 436, изд. 3-е.

Для перехода к полному осуществлению принципов коммунизма нужно полное преодоление пережитков капитализма в сознании трудящихся и длительное коммунистическое их перевоспитание. Высшая фаза коммунистического общества, говорит Ленин, «предполагает и нетеперешнюю производительность труда и *нетеперешнего* обывателя, способного «зря», вроде как бурсаки у Помяловского, портить склады общественного богатства и требовать невозможного»[1].

Мы находимся теперь в преддверии бесклассового социалистического общества. Наступает целый период развития коммунистического общества на своей собственной, бесклассовой основе. В каком же направлении будет происходить это развитие, каковы его перспективы? Возможно ли построение коммунизма в нашей стране без пролетарской революции в других, капиталистических странах? Прежде всего следует помнить, что между социализмом и коммунизмом нет непроходимой грани. И социализм и коммунизм основаны на общественной собственности. Разница между ними заключается в степени и уровне развития производительных сил, производительности труда, в способе распределения. Социализм—это первая, или низшая, фаза коммунизма. «Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм»[2]. Рост социалистического общества и есть ступень развития коммунизма. Чем больше крепнет и расширяется социалистическое народное хозяйство, растет производительность труда и культурно-технический уровень социалистических работников города и деревни, тем ближе мы становимся к уровню и требованиям коммунистического общества. Стахановское движение—одна из конкретных форм развития по пути к коммунизму. Социалистические формы организации труда—ударничество, соцсоревнование, методы работы Стаханова, Изотова—воспитывают нового человека, работника коммунистического общества. Но коммунистическое общество—это общество без государства, государство при коммунизме отмирает, методы принуждения заменяются добровольным, сознательным подчинением общепринятым правилам, труд становится естественной потребностью человека.

Возможно ли существование коммунистического общества

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 437, изд. 3-е.
[2] Там же, стр. 438.

без государства, без армии в окружении капиталистических стран?

«Теоретически вполне допустимо такое состояние общества, при котором мыслимо существование социалистической милиции без наличия классов и государства»[1].

Социалистическая милиция, вооруженный народ, может быть надежной защитой против попыток империалистских интервенций. Необходимо постоянное укрепление обороноспособности страны.

Построение бесклассового социалистического общества в СССР, его хозяйственные успехи, расцвет культуры и быстрый подъем материального уровня жизни масс на фоне длительного застоя и общего кризиса капитализма являются глубоким революционизирующим фактором. Революционные силы взорвут капиталистический порядок в ряде стран раньше, чем мы добьемся превращения социалистического общества в полный коммунизм.

Тов. Сталин в своей речи на Всесоюзном совещании стахановцев с гениальной прозорливостью вскрыл историческое значение и перспективы стахановского движения. Стахановское движение возникло и с огромной быстротой распространилось как отклик передовых рабочих на призыв великого вождя т. Сталина оседлать технику и выжать из нее все, что можно. Стахановцы показали возможность такого роста производительности труда в социалистическом хозяйстве, который обеспечивает полное изобилие продуктов, необходимое для перехода к коммунистическому распределению по потребностям. Вот почему т. Сталин сказал о стахановском движении: «Его значение состоит еще в том, что оно подготовляет условия для перехода от социализма к коммунизму»[2]. При коммунизме исчезает противоположность между умственным и физическим трудом, культурно-технический уровень рабочего класса становится весьма высоким, рабочий становится специалистом, «профессором», как выразился т. Ворошилов, своего станка, агрегата, машины. Стахановец, передовой культурный рабочий, овладевший техникой и неустанно повышающий свою квалификацию,—это прообраз работника коммунистического общества, совмещающего физический труд с высоким уровнем

---

[1] *Сталин*, Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии, стр. 157, Госиздат, 1927.

[2] *Сталин*, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 8, Партиздат, 1935.

культурности и технических знаний. Стахановское движение должно стать массовым, всеобъемлющим и в городе и в деревне. И когда вся масса работников достигнет высоких норм производительности труда передовых стахановцев, тогда будут созданы условия для перехода от социализма к коммунизму. Это будет означать, что «...производительность труда поднялась на такую высокую ступень, что может обеспечить полное изобилие предметов потребления, ввиду чего общество имеет возможность распределять эти предметы соответственно потребностям его членов»[1].

Путь к этому лежит через неуклонное, строжайшее проведение социалистического принципа вознаграждения работников по количеству и качеству труда. «До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления...»[2]—так писал Ленин в сентябре 1917 г.

Мелкобуржуазные представления о социализме сказались в извращениях социалистического принципа распределения, известных под названием «уравниловки». Тов. Сталину принадлежит историческая заслуга теоретической и практической борьбы с этими извращениями. Тов. Сталин в своей речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г., известной под именем шести условий («Новая обстановка—новые задачи хозяйственного строительства»), применил марксистско-ленинские принципы социализма (как первой фазы коммунистического общества) к конкретной практике социалистического строительства в начальный период социализма.

Непонимание различия между социализмом и полным коммунизмом особенно сказалось на новом этапе развернутого социалистического наступления среди части наших практических работников. Они забыли, что при социализме остается еще различие между трудом умственным и физическим, квалифицированным и неквалифицированным, остается необходимость вознаграждать выше лучшую работу, чтобы поощрять лучших, добросовестных, умелых работников. Критикуя практику уравниловки, вошедшую у нас в обиход в то время, т. Сталин поднял этот вопрос на принципиальную высоту, продолжив этим теорию Маркса и Ленина о сущности социализма. В упомянутой выше речи т. Сталин говорит: «Нельзя

[1] *Сталин*, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 9, Партиздат, 1935.

[2] *Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 437, изд. 3-е.

терпеть, чтобы каталь в черной металлургии получал столько же, сколько подметальщик. Нельзя терпеть, чтобы машинист на железнодорожном транспорте получал столько же, сколько переписчик. Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что, ввиду этого, «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности. Но наши уравниловцы из хозяйственников и профсоюзников не согласны с этим и полагают, что эта разница уже исчезла при нашем советском строе. Кто прав—Маркс и Ленин или уравниловцы? Надо полагать, что правы тут Маркс и Ленин»[1].

Шесть условий т. Сталина являются ответом на важнейший теоретический и практический вопрос—как в период социализма согласовать интересы развития социалистического хозяйства в целом с непосредственной личной материальной заинтересованностью отдельных работников. По этому основному вопросу т. Сталин в своей речи 23 июня 1931 г. дал программу, развивающую положения Маркса и Ленина, но уже в других условиях, основываясь на опыте революции, в преддверии социалистического общества. Он решительно отверг «потребительскую» теорию социализма, взгляды на социализм как на уравнительный дележ имуществ, всех предметов потребления. Тов. Молотов в своем докладе на XVII партконференции также подчеркнул ошибочность и вредность таких взглядов. Коснувшись лозунга Лассаля «Полный продукт труда рабочему», т. Молотов сказал: «На деле этот принцип неосуществим и явно фальшив, так как рабочий никогда не отрицал и не будет отрицать необходимости выделения части продукта своего труда для общегосударственных нужд, для создания резервов и т. д.»[2].

Теперь понятно, как важно иметь ясное представление о социализме, о различных фазах (ступенях) развития коммунистического общества. Без этого невозможна правильная практика, невозможна борьба с такими извращениями социалистических принципов распределения, как «уравниловка».

О том, как быстро развиваются производительные силы социализма на основе шести условий т. Сталина, говорят итоги 1935 г., третьего года второй пятилетки. Продукция

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 451—452, изд. 10-е.
[2] *Молотов*, О второй пятилетке, стр. 29, Партиздат, 1932.

союзных промышленных наркоматов (НКТП, НКЛП, НКПищепром, НКЛес), Комитета по заготовкам при СНК СССР и Главного управления фотокинопромышленности за 11 месяцев 1935 г. выросла на 23% по сравнению с тем же периодом 1934 г. и составила 35,9 млрд. руб. в ценах 1926/27 г. Тяжелая промышленность—основа индустриальной мощи страны и ее обороноспособности—дала за 11 месяцев и 12 дней продукции на 22 842 млн. руб., досрочно выполнив весь годовой план. Тяжелая индустрия выросла по продукции на 25,9% против 1934 г., в основном благодаря увеличению производительности труда на 16,3%. За один год наша тяжелая индустрия произвела в $2^1/_4$ раза больше, чем вся крупная промышленность царской России в 1913 г. (10 млрд. руб. в ценах 1926/27 г.). Эта блестящая победа советской тяжелой индустрии является ярким показателем тех темпов роста, которые могут быть обеспечены только социалистическим строем. Эта победа достигнута на основе освоения техники, это—победа стахановцев, ударников. Пищевая промышленность также выполнила годовой план 1935 г. досрочно, к 1 декабря, на 102,4%, дав стране на 5 243,9 млн. руб. продукции (в ценах 1926/27 г.). Выполнен досрочно, 7 декабря, план погрузки железнодорожным транспортом. Погружено за 11 месяцев 7 дней 23 061 611 вагонов (100,3% плана). Среднесуточная погрузка за весь этот период составила 67 629 вагонов и дошла в ноябре до 75 651 вагона. Это—признак полнокровной работы всей системы кровеносных сосудов нашего народного хозяйства. Работа, выполняемая социалистическим транспортом, несравнима по степени использования его с капиталистическими железными дорогами. 1935 год показал также, какие широчайшие перспективы открываются перед сельским хозяйством при социализме. Сельское хозяйство СССР дало в 1935 г. прирост продукции на 16%. Сельское хозяйство Германии до мировой войны давало среднегодовой прирост продукции меньше 3%, сельское хозяйство США—меньше 2%. Только при социализме деревня начинает итти вровень с городом, создаются необходимые условия для устранения противоположности между городом и деревней. За один 1935 г. поголовье скота увеличилось на 20 млн. голов. Укрепление социалистического колхозного строя в деревне сказалось и в том, что колхозное крестьянство с высокой степенью сознательности выполняло свои обязательства перед государством. Годовой план хлебозаготовок полностью был выполнен к 10 октября, в небывало короткие сроки. Только при господстве социалистического хозяйства могли быть поставлены во всю ширь такие проблемы,

как освоение Арктики, осушение Колхидской низменности, продвижение пшеницы на север и создание собственной пшеничной базы в нечерноземной полосе. Только в социалистическом хозяйстве возможен такой быстрый рост всех производительных сил, такое быстрое освоение новейшей техники, примеры которого показали наши стахановцы, бусыгинцы, виноградовцы в промышленности, наши комбайнеры и трактористы в сельском хозяйстве. В нашем сельском хозяйстве, еще недавно самом отсталом, теперь имеются сотни комбайнеров, убравших по 400—500—600 и больше гектаров на один комбайн, далеко перегнавших среднюю американскую выработку в 231 гектар. Все это находит свое общее выражение в важнейшем показателе благосостояния народных масс—в большом приросте населения. «...Население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше...»[1]

Ежегодный прирост населения в СССР составляет теперь около 3 миллионов. В странах капитала, где царит безработица, где уровень жизни снижается, где молодое поколение не видит перспективы обеспеченного будущего,—там рождение нового человека в рабочей семье лишняя обуза, еще один голодный рот, там самоубийства отчаявшихся людей все более учащаются. В СССР люди, отдающие свой труд обществу,—самая ценная производительная сила социализма. «*СССР становится страной нового человека, нового общественного и индивидуального быта людей*»[2].

В процессе социалистического строительства в СССР воспитывается новый человек, создающий условия для перехода к коммунизму.

---

[1] *Сталин*, Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок 1 декабря 1935 г., стр. 9, Партиздат, 1935.

[2] Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала, стр. 38, Партиздат, 1935.

Глава II

ЭТАПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Весь переходный период от капитализма к социализму не есть что-то сплошное, одинаковое, а состоит из ряда ступеней (стадий), этапов, из которых каждый существенно отличается от другого. Каждому из этих этапов соответствует определенная ступень социалистического строительства, определенная совокупность мероприятий в области экономической политики. На каждом этапе из всех этих мероприятий выделяется очередное звено, за которое в первую очередь надо, как говорил Ленин, ухватиться. По какому же признаку надо различать эти этапы внутри всего переходного периода в целом? Этот определяющий основной признак следует искать в соотношении классовых сил, в самом содержании переходного периода от капитализма к социализму. Переходный период—это эпоха ожесточенной классовой борьбы между победившим пролетариатом и капитализмом, свергнутым пока только в одной стране. Это—борьба социалистических форм хозяйства с остатками капиталистической экономики. Решающие успехи—это успехи в борьбе с классовым врагом, с капиталистами, еще спасшимися от революции, с торговцами, кулаками, спекулянтами, успехи в переделке на социалистический лад мелкого крестьянского хозяйства, живущего своим трудом. Подняться на следующую, высшую степень переходного периода—это означает добиться такого дальнейшего сдвига, изменения в соотношении классов, которое укрепляет пролетариат и социалистический уклад, расширяет поле его действия. Таков правильный подход к разбивке нашей переходной советской экономики на последовательные этапы ее развития. Основных этапов, которые прошла наша советская экономика, можно насчитать несколько: 1) от Октябрьской революции до конца 1918 г.; 2) военный комму-

низм—с конца 1918 г. до апреля 1921 г.; 3) восстановительный период—с апреля 1921 г до 1929 г.; 4) первая пятилетка; 5) вторая пятилетка.

В свою очередь в восстановительном периоде следует различать последовательные ступени, этапы развития (первые годы нэпа, до XIV съезда,—1921—1925 гг., затем подготовка реконструкции—1925—1928 гг.).

§ 1. От Октября до «военного коммунизма»

Каковы были основные положения экономической программы партии перед Октябрем? В тезисах 4 апреля 1917 г. Ленин наметил программу экономической политики большевиков после захвата власти. Он считал необходимым немедленное осуществление следующих мероприятий: конфискация всех помещичьих земель, немедленное слияние всех банков в один общенародный банк, работающий под контролем советов. В области промышленности в качестве очередной задачи выдвигалась организация рабочего контроля над производством.

Немедленный переход всех крупных промышленных предприятий в руки рабочего класса тогда не был еще подготовлен. Рабочий класс должен был пройти школу управления производством. Такой школой и был рабочий контроль. Поэтому Ленин предлагал «не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. (Совета рабочих депутатов.—*Д. Ч.*) за общественным производством и распределением продуктов»[1]. В ряде статей, написанных Лениным летом 1917 г., он разоблачал колоссальные грабительские прибыли, получаемые капиталистами во время империалистической войны, когда положение рабочих ухудшалось с каждым днем и промышленность шла к полному краху. Так например Общество Коломенского машиностроительного завода, имевшее основной капитал в 15 млн. руб., получило на него за 1916 г. 7 482 тыс. руб. прибыли, т. е. около 50%. Такую же и еще большую прибыль получали летом 1917 г. многие другие промышленные и торговые акционерные общества. Нужно было заставить капиталистов открыть свои книги рабочим, уничтожить коммерческую тайну, ввести общенародный учет и контроль.

Главнейшими мерами контроля над капиталистами со стороны рабочих Ленин считал национализацию банков, национа-

[1] *Ленин*, Соч., т. XX, стр. 89, изд. 3-е.

лизацию синдикатов (т. е. крупнейших союзов капиталистов, имевших господство, монополию в важнейших отраслях), отмену коммерческой тайны (в буржуазном обществе счетоводные книги—это святая святых, не подлежащая огласке), принудительное объединение промышленников и торговцев в союзы (чтобы легче было их контролировать) и объединение населения в потребительские общества.

3 августа 1917 г. VI съезд партии большевиков [тогда называвшейся еще Р.С.-Д.Р.П. (большевиков)] в качестве основных мероприятий пролетариата в области экономической политики утвердил национализацию и централизацию банковского дела, национализацию ряда синдикатов (капиталистических объединений) в важнейших отраслях промышленности—нефтяной, каменноугольной, сахарной, металлургической, установление действительного рабочего контроля и организацию правильного обмена между городом и деревней, опирающегося на кооперативы и на продовольственные комитеты. Все эти мероприятия могли быть осуществлены лишь после перехода власти в руки пролетариата.

Партия считала возможным тогда национализировать, т. е. передать в государственную собственность только крупнейшие промышленные объединения, синдикаты, в лице которых существовал уже сложившийся аппарат, объединивший, регулировавший и контролировавший (в интересах капиталистов) производство. Здесь надо было только овладеть этим централизованным аппаратом и поставить его на службу революционному порядку. Что касается всей массы фабрик и заводов, крупных, средних и особенно мелких, их предполагалось до поры до времени (не очень далекого) оставить в руках их прежних хозяев, но установить за ними строжайший рабочий контроль, чтобы производство не прекращалось и шло в интересах всего государства.

25 октября 1917 г. (7 ноября по новому стилю) рабочий класс России, руководимый партией большевиков, захватил власть в свои руки и сверг господство буржуазии и помещиков.

Октябрьская революция «есть, прежде всего, революция интернационального, мирового порядка, ибо она означает коренной поворот во всемирной истории человечества от старого, капиталистического, мира к новому, социалистическому, миру»[1].

Переворот, совершенный пролетариатом России в октябре 1917 г., является Великой пролетарской революцией. Он осуществил заветную цель революционного рабочего движения—

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 203, изд. 10-е.

свержение политической власти буржуазии, установление диктатуры пролетариата и экспроприацию крупной капиталистической собственности.

Попытки Зиновьева и Каменева отвлечь партию и рабочий класс от ленинского пути развертывания и укрепления пролетарской революции не удались. Выдав до Октября злейшим врагам революции Керенскому и кадету Родзянко секретное решение партии о подготовке вооруженного восстания, штрейкбрехеры Зиновьев и Каменев после Октябрьской революции добивались создания коалиционного (объединенного) правительства из большевиков, эсеров и меньшевиков. Они требовали, чтобы пролетариат, захвативший власть, отдал ее добровольно врагам революции. Они последовательно выступали против диктатуры пролетариата, так как не верили в возможность удержать власть и построить социализм в одной советской России. «Левые» коммунисты не понимали роли пролетарского государства в переходный период, необходимости укрепления дисциплины, борьбы с мелкобуржуазной анархичностью. На VII съезде партии т. Бухарин требовал внесения в программу партии таких пунктов, как «уничтожение всякой политической власти как таковой». Партия разбила антиленинские течения и показала массам всю гибельность их для пролетарской революции.

В первые же дни Октябрьской революции партия приступила к осуществлению своей экономической программы.

Прежде всего нужно было решить вопрос о земле, удовлетворить требования крестьянства—союзника пролетариата в революции.

В деревне основным лозунгом партии было «вместе с беднейшим крестьянством, против капитализма в городе и деревне при нейтрализации среднего крестьянства, за власть пролетариата»[1]. До революции больше половины крестьянской массы составляли бедняки, 30%—середняки и около 20%—кулацко-зажиточные слои. Середняк колебался, выжидал, чья возьмет верх, у него не было уверенности в победе пролетариата. Декрет о земле был принят большевиками на II съезде советов 26 октября 1917 г., т. е. сразу же после захвата власти пролетариатом. Вся земля—государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная и помещичья—перешла в собственность народа, и распоряжение ею было предоставлено местным земельным комитетам.

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 152, изд. 10-е.

Это было первое экономическое мероприятие советской власти, сразу решившее многовековую борьбу крестьянства за землю и обеспечившее поддержку пролетарского государства со стороны многомиллионных масс трудящегося крестьянства. Партия большевиков всегда отстаивала в своей программе национализацию земли, передачу ее в собственность всего пролетарского государства. Но крестьянство в то время еще не понимало значения этой меры как важного шага к социализму. В 242 крестьянских наказах, полученных с мест, крестьяне высказались за раздел земли. Приняв декрет о земле, проводивший уравнительное землепользование на основе национализации земли, удовлетворявший стремления основной массы крестьян, партия укрепляла союз с беднотой и осуществляла нейтрализацию середняка, вырывала его из-под влияния капиталистов и помещиков. На II съезде советов Ленин в связи с принятием декрета о земле сказал: «Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь»[1].

Главное было в том, что этот декрет ликвидировал частную собственность на землю. С уничтожением помещичьего землевладения уничтожался и класс помещиков, крестьянство освобождалось от пережитков феодализма и полуфеодальной эксплоатации (аренда земли под отработки, исполу и др.). Земля перестала быть товаром—ее нельзя ни покупать, ни продавать. Уничтожение частной собственности на землю создало условия для перехода к коллективизации.

«Главная трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, *рабочего контроля* за производством и распределением продуктов»,—так писал Ленин в конце сентября 1917 г., накануне революции, в своей брошюре «Удержат ли большевики государственную власть». В области промышленности первым мероприятием советской власти было «Положение о рабочем контроле», опубликованное 14 ноября 1917 г.

Органы рабочего контроля охватывали все стороны работы предприятия—техническую, административную и коммерческую, устанавливали минимум выработки, выясняли себестоимость продукции, проверяли все книги и счета. Решения органов рабочего контроля объявлялись обязательными для владельцев предприятий. За нарушение декрета о рабочем конт-

[1] *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 23, изд. 3-е.

роле капиталист карался конфискацией предприятия. К 15 июня 1918 г. было национализировано всего в центре и местными советами 521 предприятие, из них 218 горнометаллургических и металлообрабатывающих, 62—бумажной и деревообрабатывающей промышленности, 42—химических. Из этого количества только 100 предприятий было национализировано постановлениями Совнаркома и ВСНХ, остальные—местными органами. Таким образом к середине 1918 г. национализации подверглось лишь незначительное количество предприятий. На остальных предприятиях осуществлялся рабочий контроль.

«Так называемый рабочий контроль над фабриками и заводами подготовлял тогда конфискацию и переход промышленных предприятий в руки государства»[1]. Рабочий контроль мог быть осуществлен только пролетарской революцией. Ленин неоднократно подчеркивал пролетарский, социалистический характер этой меры в противоположность «участию» рабочих в «государственном контроле» при буржуазии, о котором болтали меньшевики. Для организации всего народного хозяйства страны и государственных финансов был создан декретом от 2 декабря 1917 г. Высший совет народного хозяйства, которому поручалась разработка общих норм и плана регулирования экономической жизни страны. ВСНХ принадлежало право конфискации и принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли. Это был новый в государственном аппарате революционный экономический орган, существовавший до конца первой пятилетки, хотя уже с другими функциями.

В области промышленности Ленин считал в тот период, в первые месяцы после Октябрьской революции, государственный капитализм (т. е. сохранение частнокапиталистических предприятий под контролем пролетарского государства через рабочие организации, систему арендных и концессионных договоров, смешанных акционерных обществ с участием частных капиталистов и государства и т. п.) важнейшим и действительным методом упорядочения всего хозяйства, проведения системы учета и контроля в масштабе всего народного хозяйства. Государственный аппарат и весь государственный сектор были еще слишком слабы, чтобы взять полностью на себя разрешение этой задачи. Необходимо было использовать опыт капиталистов, заставив их работать под контролем пролетарского государства.

---

[1] *Молотов*, Об изменениях в советской конституции, стр. 9, Партиздат, 1935.

Суть государственного капитализма заключалась именно в том, что он в неизмеримо большей степени обеспечивал контроль над хозяйством, промышленностью, чем при наличии многочисленного слоя мелких капиталистов и мелкой буржуазии. Государственный капитализм облегчил бы при тогдашнем состоянии советской экономики переход к социализму, вытесняя, заменяя мелкобуржуазную стихию. «...Мелкий собственник, мелкий капитал — наш враг!» (Ленин). В противоположность мелкой буржуазии, которая всячески сопротивляется контролю, «государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролированное и обобществленное»[1]. Госкапитализм в стране пролетарской диктатуры коренным образом отличается от госкапитализма в капиталистических условиях. Там он укрепляет капитализм, расширяет поле его эксплоатации, у нас госкапитализм помогал делу социализма, содействовал укреплению социалистических форм хозяйства.

Политика партии, установившая рабочий контроль и допускавшая существование государственного капитализма, подверглась в то время критике со стороны «левых» коммунистов во главе с т. Бухариным.

Ослабевшая, утомленная войной страна не могла тогда вступить в единоборство с германским империализмом. Разгром молодой Советской республики германскими армиями был бы величайшей бедой для международной революции, надолго задержал бы ее развитие. Наоборот, сохранение советской власти, диктатуры пролетариата, хотя бы ценой серьезных уступок империалистам, давало возможность передышки, укрепления базы пролетарской революции. Этим решалась главная задача—сохранение и расширение плацдарма мировой социалистической революции. Таков был гениальный маневр Ленина.

В противовес этому Троцкий выдвинул лозунг «ни мира, ни войны», что фактически означало отказ от заключения мира с немцами. Такая позиция Троцкого была понятна как логический вывод из его пресловутой «теории перманентной революции», из отрицания возможности победы социализма в одной стране без пролетарской революции в ряде других капиталистических стран. Троцкий не только формулировал свой лозунг «ни мира, ни войны» в порядке дискуссии, но он вопреки директиве Ленина и Сталина отказался подписывать мир в Брест-Литовске и нанес этим огромный вред делу революции. Гер-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 482, изд. 3-е.

манская армия немедленно возобновила наступление и предъявила новые требования, более тяжелые, чем раньше.

«Левые» коммунисты высказывались против Брестского мира, давшего нам передышку, за «революционную войну» с империалистами, когда рабочие и крестьяне требовали мира.

«Левые» коммунисты занимали по существу в этом вопросе такую же позицию, как и Троцкий. Они считали, что для международной революции будет целесообразнее падение советской России в неравной (тогда) борьбе с вооруженными до зубов германскими армиями, чем сохранение диктатуры пролетариата ценой временных уступок германскому империализму. Они обнаружили такое же непонимание перспектив международной революции и неверие в силы пролетариата, как и Троцкий. Под крикливыми, лжереволюционными фразами о «революционной войне» с германским империализмом скрывалась мелкобуржуазная сущность «левых» коммунистов. Мелкобуржуазной позиции «левых» коммунистов в международных вопросах соответствовала такая же линия и в области внутренней политики.

Отражая растерянность и колебания мелкобуржуазных слоев, оказывавших влияние на настроения некоторых групп в партии, «левые» коммунисты выступали против укрепления трудовой дисциплины, против использования буржуазных специалистов, против таких мер повышения производительности труда, как сдельная зарплата. «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде...»[1]. Эти лозунги Ленин считал очередными и главными для того момента. Получив в результате Брестского мира передышку для страны, Ленин поставил на первое место организационно-хозяйственные задачи революции. Надо организовать управление страной. Нужно повысить производительность труда. Нужны строжайший учет и контроль над производством и распределением. Нужны сознательная трудовая самодисциплина и решительная борьба с хаосом, с распущенностью. Такова была хозяйственная программа Ленина после Бреста.

Между тем «левые» коммунисты требовали немедленной национализации всей промышленности. Они требовали самого решительного обобществления производства.

Ленин высмеял этот лозунг «левых» коммунистов. Он тогда писал: «Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить

[1] *Ленин*, Соч. т. XXII, стр. 443, изд. 3-е.

и добивать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, конфисковали, набили и наломали, *чем успели подсчитать*. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без уменья правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого уменья нельзя*»[1].

Недостаточно объявить предприятие национализированным, перешедшим в государственную собственность, надо еще сделать его действительно обобществленной собственностью, т. е. наладить хорошее общественное управление производством, общественный контроль и учет всех элементов производства. А это задача, требующая большой и упорной организационной работы.

В начале 1918 г. не было организационных условий, которые позволили бы провести национализацию и обобществление по широкому фронту. Россия была страной преобладающего патриархального земледелия. В деревне играло большую роль кулачество. Мы были еще слабы в хозяйственном отношении. Поэтому «тогда партия считала переход значительной части хозяйства страны на рельсы государственного капитализма одной из наиболее желательных предпосылок для ускорения подготовки социалистической перестройки народного хозяйства»[2].

Частичная национализация крупнейших предприятий при широком проведении в основном рабочего контроля должна была скоро уступить место сплошной национализации промышленности. Советская власть имела лишь очень краткую передышку (после Брестского мира) для мирной социалистической организации народного хозяйства. Передышка обеспечивалась продолжавшейся на западном фронте империалистической бойней между двумя группами империалистов и империалистским соревнованием на Дальнем Востоке между Японией и США. Пока не было интервенции, период передышки надо было использовать для того, чтобы взяться за разрешение задач организации и управления,—«до сих пор задача управления *не могла* стать *главной, центральной*. Теперь она стала таковой»[3]. «...Положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отно-

[1] *Ленин*, Соч. т., XXII, стр. 512, изд. 3-е.

[2] *Молотов*, Об изменениях в советской конституции, стр. 6, Партиздат, 1935

[3] *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 441, изд. 3-е.

шений...»[1]—такова важнейшая задача того периода. Политическое значение передышки, полученной после Брестского мира, внутреннее и международное, заключается в том, что, несмотря на унизительные и тяжелые условия Брестского мира, Советская Россия сохранилась как крепость социализма, как форпост международной революции. «...Лучше пережить и перетерпеть и перенести бесконечно большие национальные и государственные унижения и тягости, но остаться на своем посту, как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь»[2]—такова была политика Ленина, целиком оправдавшаяся. Весной 1918 г. начинается полоса белогвардейских восстаний (чехословаки, дутовщина, скоропадщина на Украине и др.). Разгорается гражданская война, борьба с врагами нового строя. Старые хозяева фабрик и заводов, оставшиеся на своих местах, срывают производство, организуют саботаж. В этих условиях органы советской власти на местах часто по своей инициативе без ведома центра принимают меры, чтобы обезвредить контрреволюцию. Они лишают ее экономической базы, национализируют фабрики и заводы, берут управление ими в свои руки. 28 июня 1918 г. Совет народных комиссаров издает декрет о всеобщей национализации трестированной промышленности.

Среди командных хозяйственных высот важнейшую роль играют банки. Поэтому 14 декабря (по новому стилю 27/XII) 1917 г. издан был декрет о национализации банков. Этим декретом банковое дело объявлено было государственной монополией, все частные акционерные банки должны были объединиться с Государственным банком. Банковский аппарат не подчинялся советской власти, отказывался выдавать какие-либо суммы, срывая выплату рабочим и служащим зарплаты. Совет народных комиссаров принял декрет о национализации банков «в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов—единого народного банка Российской республики». Одновременно 14 декабря (по новому стилю 27/XII) был издан декрет о ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках, где капиталисты хранили свои ценности. Все деньги должны были быть внесены в Государственный банк на текущий счет владельца, а золото передано в государственный золотой фонд.

---

[1] Там же, стр. 440.
[2] Там же, стр. 480—481.

Октябрьская революция не собиралась повторять ошибку парижских коммунаров в 1871 г., оставивших неприкосновенными кладовые банков. Через некоторое время были аннулированы и все долги государства как внутренним, так и иностранным капиталистам. Декретом от 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г. нового стиля) прекращена была выплата денег по купонам, акциям, запрещены были сделки с ценными бумагами.

В области продовольственной политики советская власть в этот период стремилась к установлению товарообмена. Центральные продовольственные органы должны были направлять промышленные товары в деревню для обмена на хлеб с крестьянами бедняками и середняками. Весной 1918 г. предполагалось собрать путем товарообмена 120 млн. пуд. хлеба, которые нужны были для обеспечения потребности городских рабочих. Однако этот план товарообмена не удалось осуществить. Продовольственный аппарат на местах оказался слишком слабым, хранение товаров еще не было налажено, ресурсы промышленности все более истощались.

В деревне пролетарские и полупролетарские элементы, организуясь под руководством ленинской партии большевиков и промышленного пролетариата, выделились как самостоятельная сила и вступили в борьбу с деревенской буржуазией, с кулачеством. Борьба против кулачества и других эксплоататорских элементов деревни особенно остро развернулась летом и осенью 1918 г. Огромную роль сыграли в этом отношении комитеты бедноты, организованные по декрету 11 июня 1918 г., которые вместе с городскими рабочими, с пролетарским государством повели наступление на кулака, помогали сломить саботаж кулаков, выявлять и отбирать скрываемый ими от государства хлеб, отбирали у кулаков и передавали бедноте излишки земли, скота, с.-х. орудий. Комитеты бедноты должны были помочь советской власти в борьбе с кулаками и спекулянтами, которые скрывали хлеб и обрекали на голод население городов и деревенскую бедноту. По декрету 11 июня часть хлеба, реквизированного у кулаков, раздавалась самой бедноте бесплатно для продовольствия, а промышленные товары отпускались тем селениям, где комитеты бедноты собрали все хлебные излишки. Таким образом от принципа товарообмена продовольственные органы целиком не отказались, но он носил подсобный характер. Основным методом в работе комбедов была реквизиция (принудительное изъятие излишков). Декрет 8 августа 1918 г. о товарообмене носил другой характер. Речь шла об обязательном товарообмене, а не об изъятиях излишков. С другой стороны,

в практике работы комбедов не всегда удавалось разграничить середняка от кулака. В отчете Центрального комитета на VIII съезде партии Ленин говорил: «... сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство»[1]. По постановлению VI съезда советов комитеты бедноты влились в общую систему советов, прекратили самостоятельное существование, лучшие работники комбедов при перевыборах сельсоветов вошли в их состав.

Каковы общие итоги первого этапа революции? Государственная машина буржуазии была разбита и уничтожена до основания. Сломлен был весь бюрократически-чиновничий аппарат царского и временного буржуазного правительства. Революционный государственный аппарат в области хозяйства (финансы, продовольствие, местное самоуправление, промышленность, транспорт), армия, милиция созданы были заново. Советская власть вопреки уверениям, что рабочий класс не справится с властью, создала новый государственный аппарат пролетарской диктатуры, обеспечивший завоевания Октябрьской революции.

За первый год революции заложены были основы социалистического хозяйства, завоеваны в борьбе с саботажем и контрреволюцией экономические командные высоты. Установлена была впервые в истории система социалистических производственных отношений на фабриках и заводах. Уничтожение частной собственности на землю, национализация банков и экспроприация ценностей у капиталистов—решающий удар по внутренней буржуазии. Аннулирование (уничтожение) займов, заключенных правительствами царя и буржуазии,—первый удар по международному финансовому капиталу. Введение рабочего контроля и организация Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) — первый шаг к полному переходу фабрик, заводов и всех других крупных средств производства в собственность пролетарского государства. И наконец всеобщая национализация всех крупных промышленных предприятий, вырвавшая окончательно почву из-под ног российской буржуазии. Таковы главнейшие и основные звенья сложной цепи революционных мероприятий, которые сломили хозяйственную мощь буржуазии и помещиков и заложили фундамент социалистической экономики СССР, ставшей во второй пятилетке единственно командующей силой в нашем народном хозяйстве. Без этих ме-

[1] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 127, изд. 3-е.

роприятий невозможна была бы победа социализма сначала в промышленности, торговле, а затем и в деревне, во всем народном хозяйстве. Первые советские хозяйства, и артели и коммуны, еще немногочисленные, организованные в то время деревенской беднотой, батраками и рабочими из городов, положили начало колхозному строительству. «...Чтобы перейти на путь колхозов, надо было прежде всего проделать Октябрьскую революцию, свергнуть капиталистов и помещиков, отобрать у них землю и заводы и поставить новую промышленность. С Октябрьской революции и начался переход на новый путь, на путь колхозов»[1].

Ступень рабочего контроля была пройдена. Рабочий класс накопил уже некоторый опыт управления и перешел от контроля к рабочему управлению национализированными фабриками и заводами.

За этот год была разрешена самая трудная задача—задача создания сознательной социалистической, организованной массы; создана была Красная армия, готовая итти в бой, на смерть за завоевания Великой пролетарской революции. Период передышки, полученной после Брестского мира, кончился. На протяжении этого периода, по мере того как передышка приближается к концу, переплетаются двоякого рода мероприятия. С одной стороны, мероприятия, рассчитанные на передышку и возможность мирного социалистического строительства, организации систематического контроля и учета, развития госкапитализма, установления нормальных экономических связей города и деревни (товарообмен). С другой стороны, мероприятия, диктуемые разгорающейся гражданской войной, подготавливающие продовольственную диктатуру (реквизиция хлеба, закон о продналоге от 30 октября 1918 г., не проведенный в жизнь), осуществляющие переход всех капиталистических предприятий промышленности в руки государства (общая национализация).

§ 2. «Военный коммунизм»

Мирная передышка после заключения Брестского мира с немцами оказалась короткой. В середине 1918 г. выступлением чехословаков начинается полоса гражданской войны, иностранной интервенции, достигающей наибольшего ожесточения к осени 1919 г. На севере—в Мурманске—интервенция англичан, под Петроградом—Юденич, Деникин подступает к Орлу. Советская Россия сдавлена кольцом контрреволюцион-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 526, изд. 10-е.

ных сил. Возможность мирного строительства срывается. Все силы надо бросить на защиту революции, на оборону страны против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции. Между тем в руках советской власти осталась лишь часть территории бывшей России. Украина после Брестского мира отпала, Туркестан, Кавказ, Средняя и Нижняя Волга отрезаны чехословаками, а затем казацкой белогвардейщиной. Таким образом Советская Россия была втянута в полосу гражданской войны и интервенции, будучи при этом отрезана от украинского и донского хлеба, от донецкого угля и металла, от туркестанского хлопка, бакинской нефти, украинского сахара.

Чтобы получить представление о том, какие колоссальные трудности вытекали из этого для советского хозяйства, надо вспомнить, каковы были хозяйственная роль и значение этих захваченных белыми районов в прежней России Туркестан давал хлопок для текстильной промышленности. Украина вместе с Донской областью выбрасывала на рынок до войны свыше 500 млн. пуд. зерновых продуктов в год (пшеницы, ржи, ячменя, овса). Урал и Украина давали 85% железной руды, 99% каменного угля, правильно называемого «хлебом промышленности». Из всей добычи 1913 г. в 1658 млн. пуд. угля один Донбасс дал 1561 млн. пуд. Нефть (562 млн. пуд. в 1913 г.) целиком почти добывалась на Кавказе. Единственные источники добычи каменной соли—Пермская губерния (Усольские промыслы), Донбасс, Оренбургская губ. (Илецкая защита), давшие в 1913 г. 54 млн. пуд., также целиком были отрезаны от внутренних губерний, от территории советской власти. Отрезанные области давали 78% чугуна и 70% стали. Сахар на 70% также производился в отрезанных областях (Украина). Эти цифры подчеркивают необходимость строжайшего учета и централизованного распределения всех продуктов, производившихся на оставшейся в руках советской власти территории, для обеспечения победы Красной армии. Красная армия, созданная в феврале 1918 г. для обороны страны, к концу этого года насчитывала свыше 400 тыс. человек, в середине 1919 г.—1,5 млн. человек, а в 1920 г.—свыше 5 млн. Вся страна должна была сжаться в стальной кулак, чтобы отразить врага и прогнать его. К этому и приспособлена была вся экономическая политика периода гражданской войны и интервенций, начавшаяся с конца 1918 г., затем продолжавшаяся в 1919 и 1920 гг.

Политика «военного коммунизма» «...есть не что иное, как организация рационального потребления в целях военной обороны

при системе усиленного нажима на капиталистические группы (конфискации[1], реквизиции[2] и т. д.)»[3].

Путем конфискаций и реквизиций военно-коммунистическая политика подрывает экономическую базу враждебных капиталистических классов внутри страны и распределяет имеющиеся в стране запасы таким образом, чтобы обеспечить военную победу над внутренними и внешними контрреволюционными силами.

План товарообмена, намеченный в первой половине 1918 г., не удалось осуществить. Предполагалось в течение апреля и мая 1918 г. собрать 120 млн. пуд. хлеба в обмен на товарную массу стоимостью в 1 162 млн. руб. Этому помешали следующие причины. Прежде всего противодействие предприятий, желавших проводить товарообмен самостоятельно или вообще сохранить у себя товарные фонды, не дало возможности Комиссариату продовольствия отправить на места столько товаров, сколько намечалось. Во-вторых, продовольственный аппарат на местах—губпродкомы, уездные и волостные продкомы—совершенно не был готов к такой ответственной работе, не имел никакого опыта и был засорен кулацкими и буржуазными элементами. Товары, производство которых резко упало благодаря военной обстановке и разрухе, частью оседали в городах, попадали в руки спекулянтов, в деревне продавались на деньги, а не обменивались на хлеб. В-третьих, главнейшие хлебородные районы, куда направлялась оеновная масса товарообменного фонда,—Сибирь, Северный Кавказ, Поволжье, охвачены были огнем гражданской войны, что сузило базу для проведения товарообмена.

Все эти обстоятельства сорвали план товарообмена. Надо было создать в деревне, на местах, аппарат, который умел и хотел бы твердо проводить продовольственную политику советской власти. При этом надо было опереться на верный пролетариату и революции слой деревни—на бедноту. В этот период партия выдвинула лозунг соглашения со средним крестьянством. Он сформулирован был со всей четкостью и полнотой Лениным 21 ноября 1918 г.: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином—ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту—это задача момента»[4].

---

[1] Конфискация—принудительное изъятие имущества без оплаты.
[2] Реквизиция—принудительное изъятие имущества по твердым ценам.
[3] Программа Коминтерна, стр. 46, изд. 1933 г.
[4] *Ленин*, Соч., т. XXIII, стр. 294, изд. 3-е.

Этот лозунг был положен в основу продовольственной политики. Это была политика опоры на бедноту и союза с середняком против кулака.

Союз рабочего класса с крестьянством в период военного коммунизма был в основном союзом военно-политическим, направленным против контрреволюции и восстановления власти помещиков, за советскую власть. Но не следует забывать, что уже в этот период бедняцко-середняцкое крестьянство улучшило свое положение по сравнению с царскими временами. Оно получило и пустило в раздел 50 млн. *га* помещичьей и 10 млн. *га* государственной земли. Оно освободилось от арендных платежей помещикам, достигавших суммы около 500 млн. руб.

Государство вынуждено было собирать хлеб путем продовольственной разверстки, которая являлась основной чертой политики «военного коммунизма» в области сельского хозяйства. Совхозы и колхозы тогда только начали впервые организовываться и играли очень незначительную роль и хлеба не могли дать, товаров для обмена с крестьянами через кооперацию было очень мало. Между тем оборона страны, промышленность нуждались в обеспеченном снабжении хлебом. Хлеб для Красной армии, для городских промышленных рабочих, хотя бы полуголодный паек,—это было вопросом удержания и закрепления пролетарской революции и ее завоеваний. Оставался один путь—брать пока хлеб у крестьян «в кредит» до тех пор, пока советская власть, восстановив промышленность, сможет покрыть свой долг. Наша продовольственная политика основывалась тогда на государственной монополии на хлеб. Необходимо отметить, что твердые цены на хлеб были введены царским правительством в конце 1916 г., а хлебная монополия была объявлена временным буржуазным правительством 25 марта 1917 г. при министре земледелия кадете Шингареве. Но ни царское правительство, ни буржуазное временное правительство не смогли осуществить эту меру. Продовольственная разверстка заключалась в том, что весь хлеб, остававшийся в крестьянском хозяйстве сверх нормы, полагающейся для прокорма людей и скота, должен был поступить в распоряжение государства. Таким образом каждое крестьянское хозяйство сдавало государству не какое-либо определенное твердое количество хлеба, заранее установленное, а все свои хлебные излишки.

Правительство в центре устанавливало, соображаясь с потребностями рабочего населения и армии, с данными о посевах, урожайности, количестве едоков и т. д., сколько хлеба

всего надо собрать, и производило разверстку этого количества между губерниями, а те в свою очередь—между уездами, волостями и сельсоветами. Продовольственные комиссары и отряды, во главе которых стояли рабочие из городов, в первую очередь брали излишки с зажиточной верхушки. Такой порядок государственного сбора хлеба и фуража путем принудительной разверстки был установлен декретом 11 января 1919 г.

В области промышленности экономика «военного коммунизма» отличалась следующими основными чертами: сосредоточение управления всей промышленностью в центральных государственных органах, централизация продуктов, производимых в промышленности и заготовляемых в сельском хозяйстве, в руках государства и такая же централизованная система их распределения, которая обеспечила бы обороноспособность страны. От проведения рабочего контроля на большинстве предприятий как основной линии советская власть перешла к сплошной национализации их по двум основным причинам: во-первых, чтобы увеличить количество продуктов, поступающих в непосредственное распоряжение государства, во-вторых, чтобы в условиях гражданской войны не оставлять производственную базу в руках старых хозяев, применявших саботаж против советского государства. Если в середине 1918 г. было национализировано только немногим больше 500 предприятий, то через 2 года по переписи, произведенной в августе 1920 г., государству принадлежало свыше 37 тыс. промышленных предприятий. По постановлению ВСНХ от 29 ноября 1920 г., подлежали национализации, т. е. переходу в государственную собственность, все промышленные предприятия с числом рабочих свыше 5 при наличии механического двигателя и свыше 10—без него.

Управление всеми национализированными промышленными предприятиями было сосредоточено в Главных управлениях по каждой отрасли, количество которых было к концу 1920 г. около 50. Эти Главные управления сокращенно назывались главками (так например Главтекстиль, Главуголь, Главспичка и т. д.). Главные управления подчинялись или непосредственно президиуму ВСНХ или одному из отделов ВСНХ (производственных). Вся промышленность управлялась из одного центра, по сметам, утвержденным центром, и продукция не продавалась на рынок отдельным трестом или предприятием, а поступала в центр для распределения. Предприятия лишены были хозяйственной самостоятельности в оперативной работе и содержались на государственном бюджете.

С одной стороны, вся продукция промышленности шла в распоряжение государства и направлялась в значительной части на нужды Красной армии. Следовательно для обмена на продукты сельского хозяйства оставалось очень мало. С другой стороны, и продуктов сельского хозяйства благодаря изъятию излишков оставалось очень мало для продажи на рынок.

Роль рынка свелась на-нет. На рынок если и попадали продукты промышленности, то уже через вторые и третьи руки, от тех, кому они давались в порядке распределения (красноармейцы, рабочие, служащие, крестьяне, работавшие на лесных и других заготовках).

Внутренняя торговля была национализирована декретом от 21 ноября 1918 г. Но существовал «подпольный» рынок (продажа из-под полы), на котором спекулянты взвинчивали цены. Со спекулянтами велась борьба административными мерами. В условиях, когда деревня была сплошь мелкособственнической, когда кулачество не было ликвидировано, хотя его экономические силы были подорваны путем раскулачивания, раздела кулацкого инвентаря между беднотой, когда наконец самый государственный аппарат был слаб и засорен буржуазными и кулацкими элементами, — в этих условиях искоренить спекуляцию нельзя было. Цены на «подпольном», «вольном», спекулятивном рынке росли, как снежный ком, с каждым днем.

Изменились также роль и положение кооперации в этот период. Введено было обязательное кооперирование всего населения. Кооперация фактически превратилась в подсобный аппарат государственных хозяйственных органов, выполняя их задания по заготовкам и распределению продуктов.

На фабриках и заводах введена была суровая трудовая дисциплина, носившая полувоенный характер. За трудовое дезертирство налагались взыскания. Рабочие прикреплялись к производству. Этого требовала грозная военная обстановка. Для выполнения некоторых хозяйственных заданий применялся труд красноармейцев. Части, освобождавшиеся в связи с прекращением военных действий, до демобилизации реорганизовались в трудовые армии.

Огромного финансового напряжения требовали нужды обороны страны. Росли расходы государства на зарплату, на содержание предприятий, не дававших прибыли, на другие платежи. Доходы же в связи с общим расстройством хозяйства, с военной обстановкой и резким сокращением совет-

ской территории не могли быть увеличены соответственно расходам. Получался огромный дефицит в государственном бюджете. Печатный станок усиленно работал. Выпускались огромные массы обесцененных бумажных денег. Выпуски бумажных денег в этот период дали возможность покрывать расходы гражданской войны, но покупательная сила денег резко упала. Е. Преображенский на этом основании построил свою теорию отмирания денег. Он писал: «Слава нашему печатному станку. Ему осталось, правда, уже не так много жить, но зато он на три четверти сделал свое дело»[1]. Советская власть не держала курса на уничтожение денег и тогда. Чрезмерные выпуски денег, как и вся политика военного коммунизма, были вынуждены военными обстоятельствами.

Таковы были мероприятия экономической политики в период ожесточенной гражданской войны. Эти мероприятия привели к разгрому сил контрреволюции, к укреплению диктатуры пролетариата.

Ленин в своей брошюре «О продовольственном налоге», написанной весной 1921 г., дает оценку «военного коммунизма». Благодаря системе «военного коммунизма» мы победили помещиков и капиталистов. «Этот факт,—говорит Ленин,—показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эс-эры, Каутский и К°, когда они ставили нам *в вину* этот «военный коммунизм». Его надо поставить нам в заслугу. Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину»[2].

Благодаря системе «военного коммунизма» сохранена была основная производительная сила—революционный рабочий класс. На страну как последствие четырехлетней империалистической войны надвигался голод. «Мучительный голод нас силой подвел к задаче чисто коммунистической. Тут мы столкнулись лицом к лицу с осуществлением задачи революционно-социалистической, здесь встали перед нами необычайные трудности»[3]. Пролетарскому государству было необходимо

---

[1] *Е. Преображенский*, Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры, стр. 4.

[2] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 332, изд. 3-е.

[3] Там же, т. XXIII, стр. 54.

сосредоточить в своих руках все запасы хлеба и других продуктов, чтобы спасти от голода рабочий класс. Вот почему Ленин писал в письме к питерским рабочим 22 мая 1918 г.: «В такое время—а для истинно-коммунистического общества это верно всегда—каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, повыше тех святынь, которыми морочат головы дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное. А чтобы сбросить всякий остаток поповской «святости» с этой настоящей святыни, надо *овладеть ею практически*, надо добиться *на деле* правильного распределения ее, надо собрать все без изъятия, все до конца излишки хлеба в общегосударственные запасы, надо *очистить всю страну* от спрятанных или несобранных излишков хлеба»[1]. «Военный коммунизм» эту задачу выполнил. В этом его заслуга.

Третий результат «военного коммунизма», чрезвычайно важный с точки зрения соотношения классовых сил и укрепления позиций пролетариата,—это осереднячение деревни. Политика партии в деревне содействовала тому, что роль кулака сильно упала, беднота окрепла и частично поднялась в середняки. Это было результатом ожесточенной классовой борьбы в деревне. Советская власть при проведении продразверстки руководствовалась классовым принципом. Этот принцип был сформулирован на VIII съезде партии так: «Ограбь кулака, не обидь середняка, дай бедняку». Середняк сделался центральной фигурой земледелия. Таков общий итог классовых сдвигов в деревне. Сократилось количество хозяйств, не имеющих посевов. В 1917 г. их было, по самым минимальным данным, 10,6%, в 1920 г.—приблизительно 5%, т. е. в 2 раза меньше. Точно так же снизился удельный вес зажиточной деревенской верхушки. По данным выборочных подсчетов в 1917 г., в 22 производящих (хлебородных) губерниях число хозяйств с посевом свыше 10 десятин составляло 3,7%, в 1920 г.—0,5%. Зато в тех же губерниях процент хозяйств с посевом до 4 дес. вырос с 60,5 в 1917 г. до 79,5 в 1920 г. Это значит, что часть беспосевной бедноты приобрела посевы, сделалась середняками за счет кулаков. Действительно, крестьянских хозяйств, имевших по 2—4 лошади, в 1917 г. было 21,8%, в 1920 же году—только 8,8%. Зато однолошадников вместо 42,2% в 1917 г. стало 63,6% в 1920 г.

«...Данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выравнилась, т. е. резкое выделение

[1] Там же, стр. 30.

в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка»[1].

Таким образом «военный коммунизм» полностью себя оправдал в условиях гражданской войны. Но было бы ошибкой настаивать на продолжении политики «военного коммунизма», после того как исчезли обстоятельства, ее вынудившие.

Программа Коминтерна считает возможным применение политики «военного коммунизма» в случае военной интервенции капиталистов и длительной контрреволюционной войны против диктатуры пролетариата и в других странах, где произойдет пролетарская революция. «...При этом может появиться необходимость в военно-коммунистической хозяйственной политике (*«военный коммунизм»*), которая есть не что иное как организация рационального потребления в целях военной обороны...»[2].

Общее состояние народного хозяйства за этот период «военного коммунизма» резко ухудшалось. Причин, которыми вызвано было это ухудшение, несколько. Основная—это разрушения народного хозяйства, причиненные империалистической войной 1914—1918 гг. и затем гражданской войной 1918—1920 гг. Потери, понесенные нами во время гражданской войны, значительно больше, чем во время империалистической. Тов. Струмилин подсчитал в 1920 г., сколько потеряла наша страна трудоспособности в миллионах лет (гибель на фронтах, преждевременная смерть, инвалидность, отрыв от работы, сокращение рождаемости). Потери армии в империалистическую войну составили 55,5 млн. лет, в гражданскую—21,7 млн. лет. Зато потери гражданского населения в гражданскую войну были гораздо выше (232 млн. лет), чем в империалистическую (96,6 млн. лет). Разумеется, эти расчеты очень неточны. Но они показывают величину тех разрушений, которые были вызваны гражданской войной.

Еще более показательны подсчеты убытков, причиненных нашей промышленности интервенцией иностранных держав. Эти убытки исчисляются в 9,4 млрд. золотых руб., 987 млн. руб. составляют убытки от непосредственных повреждений предприятий, оборудования, сырья, готовых изделий, 7 605 млн. руб. составили убытки от сокращения производства. Особенно сильно сокращение производства в результате интервенции, отрезав-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 239, изд. 3-е.
[2] «Программа Коминтерна», стр. 46, изд. 1933 г.

шей от центра источники сырья, металла, топлива, сказалось на текстильной отрасли (убытки—1 967 млн. руб.) и горной (1 889 млн. руб.). Наследство, полученное от империалистической войны, разрушения гражданской войны, блокада (изоляция) и интервенция со стороны капиталистического мира делали неизбежным резкое падение производительных сил в период «военного коммунизма». Основа народнохозяйственного развития—крупная промышленность—дала в 1920 г. валовой продукции всего на один миллиард довоенных рублей, в то время как в 1913 г. выработка этой промышленности составляла 5 620 млн. руб. Выработка упала до 18% довоенного уровня. Но значительный ряд отраслей показал еще большее падение, что видно из следующей таблицы:

	1913 г.	1920 г.	в % к 1913 г.
Выплавка чугуна (млн. пуд.)	256,8	7	2,7
Каменный уголь (млн. пуд.)	1 738	467	27,0
Цемент (тыс. бочек)	7 458	120	1,6
Паровозы (шт.)	610	90	14,7
Вагоны (шт.)	10 372	854	8,2
Галоши (тыс. пар)	30 000	10	0,03
Хлопчатобумажные ткани (млн. арш.)	2 850	153	5,0
Сахар (млн. пуд.)	82,9	5,5	6,6
Спички (тыс. ящиков)	3 704	633	17,0
Продукция мелкой промышленности (млн. руб.)	1 528	660	43,1

Число промышленных рабочих в городах упало с 2 400 тыс. (в 1913 г.) до 1 270 тыс., а реальная зарплата рабочих вместо 20 руб. в среднем до войны составляла в 1920 г. 7—8 руб. Катастрофически пала производительность труда. В 1913 г. выработка на одного рабочего выражалась в 2 138 довоенных рублей, в 1920 г.—467 довоенных рублей. В Донбассе в 1917 г. общая добыча угля составляла 1 510 млн. пуд., в 1920 г.—273 млн. пуд. Добыча на одного рабочего составляла в 1913 г. по Донбассу 9 185 пуд., в 1920 г.—2 300 пуд.

В то же время передовые отряды пролетариата проявляли настоящий героизм и энтузиазм не только на фронте, но и на производстве. Первые субботники, являющиеся формой добровольного, социалистического труда, возникли именно в этот период, в разгар гражданской войны—в 1919 г. Но наряду с этим мы имели тогда чрезвычайно высокий процент не-

использованного рабочего времени. Процент невыхода на работу был очень высок. В январе 1920 г. он составлял по значительному кругу предприятий почти $^1/_3$ (32,2%). На фабрики и заводы проникли мелкобуржуазные элементы, использовавшие положение рабочего для мешочничества и спекуляции. Усилия передовых рабочих, поднявшихся для защиты завоеваний революции, обеспечение снабжения хлебом рабочих при помощи продразверстки привели к тому, что по тем же самым предприятиям в декабре 1920 г. процент невыходов сократился до 19,1. Особенно показательно резкое уменьшение прогулов (невыхода по неуважительным причинам)—с 16% в январе 1920 г. до 6,5% в декабре того же года.

Значительно сократились посевные площади—до 97,2 млн. *га* в 1920 г. Посевы двух основных продовольственных хлебов—озимой ржи и яровой пшеницы,—составлявшие соответственно в 1913 г. 25,8 млн. *га* и 24,3 млн. *га*, занимали в 1920 г. только 23,5 млн. *га* и 21,0 млн. *га*. Сокращение шло до 1923 г. Если принять во внимание, что, по довоенным данным, около половины урожая потребляла сама деревня, процентов 30 уходило на посев и корм скоту и только около 20 с лишним процентов шло на продажу, то станет понятным, что такое сокращение посевных площадей при одновременном понижении урожайности резко уменьшало возможности хлебного снабжения города. Хлеба нехватало городскому населению. Цены на хлеб росли с каждым днем неудержимо. Пуд ржи в Московской губернии продавался на вольном рынке (который был запрещен, но фактически существовал) в январе 1921 г. за 25 тыс. руб. (советскими денежными знаками), в феврале цена его поднялась до 32 175 руб., а в марте—уже до 91 600 руб. Еще сильнее сократились посевы и сборы технических (промышленных) сельскохозяйственных культур.

Такое сильное падение производительных сил промышленности и сельского хозяйства нашло отражение и в работе транспорта. По сравнению с 1913 г. процент неисправных паровозов в 1920 г. был чрезвычайно высок (59% вместо 17% в 1913 г.). Еще больше вырос процент неисправных товарных вагонов: с 5 в 1913 г. до 23,9 в 1920 г. Грузооборот железных дорог в начале 1921 г. упал до 23%, по сравнению с 1913 г., причем у транспорта запасов топлива хватало только на 3 дня (вместо обычных 3—4 мес.).

Продукты сельского хозяйства поступали на подпольный рынок в самом ограниченном количестве, так как излишки основных продуктов сдавались государству по разверстке.

Количество вырабатываемых промышленных товаров, особенно предметов широкого потребления, упало до ничтожных размеров.

Но и сокращенное количество продуктов промышленности и сельского хозяйства не шло целиком на удовлетворение потребностей населения, а в значительной части на нужды Красной армии. Некоторые продукты целиком или в большей части шли на содержание Красной армии (табак); 60% мяса, рыбы, сахара, 50% крупы, 40% жиров, мыла и др. шли в Красную армию. Обувь только на $^1/_4$ производилась для гражданского населения. В 1920 г. было произведено 5,8 млн. пар армейской обуви и только 1,8 млн. пар гражданской.

Для того чтобы самому государству обеспечить ряд важнейших заготовок непродовольственного характера (дровозаготовка и др.), чтобы покрыть зарплату рабочим и служащим, прибегавшим также к «вольному» рынку, чтобы покрывать расходы по обороне страны, приходилось выпускать огромные массы денежных знаков.

Как рос дефицит государственного бюджета и как он покрывался, показывают следующие цифры (в млн. руб.):

Годы	Доходы	Расходы	Дефицит	Эмиссия
1920	159 604	1 215 159	1 055 555	943 581
1921	4 139 900	26 076 816	21 936 916	16 370 635

Как стремительно увеличивалось количество денежных знаков, находившихся в обращении, можно судить по следующим данным.

Количество денежных знаков в обращении (в млрд. руб.)

На 1 января 1920 г.	225,0
» 1 января 1921 г.	1 168,6
» 1 апреля 1921 г.	1 686,7

Наличие 1686 млрд. рублей денег в обращении при ничтожных размерах промышленных товаров и сельскохозяйственных продуктов свидетельствовало о полном разладе всей экономики. Хлеба было мало, цены на него росли с каждым днем. Поступал он на рынок из-под полы. Запасы топлива были ничтожные. Сельское хозяйство падало, посевы и урожайность

резко снижались. Промышленность показывала небывалое падение производительности труда.

Мы дали характеристику основных причин, которые привели к разрушению производительных сил страны за 1918—1920 гг. Эти причины вызвали к жизни и соответствующие централизованные формы управления хозяйством. Такие методы управления промышленностью, когда центральные государственные органы должны были непосредственно направлять работу тысяч и десятков тысяч крупных, средних и мелких предприятий, не могли дать высоких результатов. Аппарат был громоздкий, с неизбежными и значительными бюрократическими извращениями, инициатива самих предприятий стеснялась. В особенности это сказывалось на мелких предприятиях. Надо иметь в виду, что в то время мы не имели еще хозяйственных кадров, лучшие работники были на фронте.

Что касается сельского хозяйства, то продразверстка, т. е. изъятие всех хлебных излишков, не создавала заинтересованности у крестьянина к развитию хозяйства. Крестьянин расширял свое хозяйство настолько, насколько было необходимо для повышения собственного потребления. Крестьянское хозяйство принимало ввиду отсутствия нормального рынка натуральный, потребительский характер. Экономика «военного коммунизма» следовательно отличалась не только резким падением производительных сил в результате войны и империалистической и гражданской, но и тем, что не было достаточных экономических стимулов (заинтересованности) к повышению производительности труда, особенно в сельском хозяйстве.

Дело однако не только в том, что страна переживала в 1921 г. кризис топлива, сельского хозяйства и т. д. Трудности в той или другой отрасли хозяйства неизбежны на определенных этапах, и мы научились их преодолевать. Ленин в своем отчете ЦК партии на X съезде (8 марта 1921 г.) говорил о наличии у нас целого ряда кризисов. «...Мы очутились перед топливным кризисом...»[1], — говорил он. «...Увеличенные продовольственные ресурсы мы собрали из наименее урожайных губерний, и этим кризис крестьянского хозяйства чрезвычайно обострился»[2]. «...Кризис крестьянского хозяйства доходит до грани...»[3].

Величайшая опасность для революции заключалась в том, что крестьянская экономика оторвалась от городской промыш-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 206, изд. 3-е.
[2] Там же, стр. 207.
[3] Там же, стр. 209.

ленности. Государственным заводам и фабрикам нехватало сырья, топлива, продовольствия для рабочих. Крестьянское хозяйство стремилось работать только на себя. Смычка рабочего класса с крестьянством находилась под угрозой. Среди крестьянства росло недовольство пролетарской диктатурой. И поэтому речь шла уже не о преодолении кризиса на том или другом участке народного хозяйства, а о коренном вопросе— о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством. А это—вопрос политический, «...касающийся отношений между классами, между рабочим классом и крестьянством»[1]. Нужна была экономическая политика, которая подвела бы крепкую базу для нормальных взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Такой политикой была новая экономическая политика (нэп), принятая по докладу Ленина на X съезде партии в марте 1921 г.

В этот период социалистического строительства партия разгромила оппортунистические группы «демократического централизма», «рабочей оппозиции» и троцкистов. «Демократические централисты» в области экономической политики выступали против единоначалия, против всемерного укрепления трудовой дисциплины, за коллегиальный метод управления, потерявший уже к тому времени свое значение. Они также стояли за ослабление руководства хозяйственными органами со стороны партии и вообще за ослабление централизации управления. Их позиция отражала протест мелкобуржуазных слоев против жесткого контроля пролетарской диктатуры. «Рабочая оппозиция» требовала передачи управления производством по отраслям отдельным профсоюзам, отказа от партийного руководства, свободы фракций в партии. Это были также мелкобуржуазные требования, ослаблявшие диктатуру пролетариата. Они квалифицировались X съездом партии как анархо-синдикалистский уклон, пропаганда идей которого не совместима с пребыванием в партии. Троцкий и группа его приверженцев выступили против ленинских предложений о развертывании профсоюзной демократии и массово-воспитательной работы профсоюзов. Троцкий в противовес этому предлагал профсоюзы «огосударствить», т. е. превратить их в государственные органы.

Позиция Троцкого в отношении профсоюзов была следствием основного троцкистского тезиса о невозможности смычки между пролетариатом и крестьянством, обеспечивающей крепость пролетарской диктатуры.

---

[1] Там же, стр. 210.

Ленин и Сталин в профсоюзной дискуссии отвергли перенесение военных методов работы в профсоюзы. Переход к нэпу и отказ от политики «военного коммунизма» требовали других методов работы профсоюзов. Они должны вовлекать рабочую массу в социалистическое строительство, воспитывать ее, они должны быть «школой коммунизма».

Новая экономическая политика должна была разрешить и разрешила хозяйственные затруднения периода «военного коммунизма». В беседе с иностранными рабочими делегациями (5 ноября 1927 г.) т. Сталин так определил три главных затруднения «военного коммунизма»:

«Во-первых. Затруднение состояло в том, что наша промышленность была разорена и парализована, если не считать военной промышленности, которая доставляла боевые припасы нашим гражданским фронтам во время интервенции. Две трети наших заводов и фабрик стояли, транспорт хромал, товаров не было или почти не было.

Во-вторых. Сельское хозяйство хромало на обе ноги, работники крестьянских хозяйств были отвлечены на фронты, не хватало сырья, не хватало хлеба для городского населения и, прежде всего, для рабочих. Мы выдавали тогда рабочим полфунта хлеба, а иногда лишь осьмушку фунта в день.

В-третьих. Не было или почти не было налаженного передаточного советского торгового аппарата между городом и деревней, способного снабжать деревню городскими изделиями, а город—сельскохозяйственными продуктами. Кооперация и государственные торговые органы находились в зачаточном состоянии»[1].

Годы «военного коммунизма» были периодом революционной борьбы против белогвардейцев и интервентов. Победивший пролетариат при всем желании не мог приступить к мирному плановому строительству. Но партия знала, что эта возможность наступит, революция победит врагов. И в самый разгар гражданской войны и хозяйственной разрухи по почину и под руководством Ленина при поддержке т. Сталина составляется знаменитый «план Гоэлро». Уже в феврале 1920 г. ВЦИК постановил: поручить ВСНХ совместно с Наркомземом разработать проект постройки сети электрических станций и в 2-месячный срок внести таковой на утверждение в Совнарком. Скоро после этого была организована по постановлению Совнаркома государственная комиссия по электрификации России (Гоэлро).

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 307, изд. 9-е.

В декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд советов одобрил план Гоэлро, наметивший пути реконструкции промышленности, транспорта, сельского хозяйства. В резолюции VIII съезда советов отмечено было, что съезд оценивает план электрификации России как первый шаг великого хозяйственного начинания.

План электрификации Гоэлро был яркой перспективой планового хозяйственного строительства Советской России.

Ленин считал план Гоэлро второй программой нашей партии. Он говорил (на VIII съезде советов), что программа партии «...должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники» [1]. Совершенно другие «планы» предлагал в то время (1920 г.) Троцкий. Он отвергал планы широкого строительства, создания новой современной техники как путь возрождения хозяйства Советской России на социалистических началах. Спасение он видел в том, чтобы в принудительном порядке организовывать массы, прежде всего крестьян и рабочих, в трудовые армии для выполнения хозяйственных заданий. Примитивный физический труд людей и крестьянская лошадка—дальше этого не шли троцкистские перспективы хозяйственного восстановления и строительства. С другой стороны, некоторые считали план Гоэлро утопичным, исходя из крайней тогдашней разрухи хозяйства. Эти товарищи, якобы «трезво» оценивавшие обстановку, на самом деле находились в плену обывательской ограниченности, бесперспективности. По-иному совершенно подошел тогда к плану Гоэлро т. Сталин, ближайший соратник Ленина. Вот какую оценку этого плана дал т. Сталин в своем письме к Ленину в марте 1921 г.: «Мастерской набросок действительно *единого* и действительно *государственного* хозяйственного плана *без кавычек*. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технической производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы («трудармии»). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гоэлро! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой ста-

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 45, изд. 3-е.

ринной... Или еще: обывательский «реализм» (на самом деле *маниловщина*) Рыкова, все еще «критикующего» Гоэлро и по уши погрязшего в рутине... Мое мнение: 1. Не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане. 2. Начать немедленно *практический приступ* к делу...»[1].

Красочные, убийственно меткие характеристики здесь даны т. Сталиным и троцкистскому и правооппортунистическому подходу к планированию. В оценке т. Сталиным плана Гоэлро уже тогда сказался будущий творец первой и второй социалистических пятилеток технической реконструкции. Ленинский план электрификации страны был рассчитан на 10—15 лет реконструктивных работ во всех отраслях народного хозяйства, к которым и приступила партия после победоносного окончания гражданской войны и перехода к мирному социалистическому строительству.

§ 3. Восстановительный период

Как только гражданская война кончилась и на этот раз намечалась уже более прочная передышка, переход от «военного коммунизма» к другой экономической политике стал неизбежным. В чем же суть новой экономической политики?

Исчерпывающее диалектическое определение нэпа, т. е. отражающее противоречия самой советской нэповской экономики, дал т. Сталин на XIV съезде: «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма»[2]. Тов. Сталину принадлежит историческая заслуга дальнейшей теоретической разработки и развития ленинского учения о нэпе, двух его состав-

---

[1] Цитируется по докладу т. Орджоникидзе на пленуме ЦК ВКП(б) 21 декабря 1935, «Правда», от 27/XII 1935 г.

[2] *Сталин*, Заключительное слово на XIV съезде партии. Стенографический отчет, стр. 493.

ных частей—кооперативного плана и плана социалистической индустриализации страны.

Ставя целью создать экономическую и техническую базу социализма путем развития крупной машинной индустрии и электрификации, путем коллективизации крестьянского хозяйства, новая экономическая политика на первой стадии применяет такие методы и переходные меры, которые одновременно вызывают оживление и некоторый рост классово враждебных нам капиталистических элементов. Выдвигая машины и электрификацию, современную техническую базу крупного производства для преодоления мелкобуржуазной стихии и введения ее в социалистическое русло, нэп первоначально допускает и оживление этой мелкобуржуазной стихии на основе свободного рыночного обмена, свободы торговли, регулируемой пролетарским государством. Нэп ставит целью уничтожение классов, но, допуская временно в первый период частную торговлю, он дает известную, ограниченную свободу росту капиталистических элементов.

Нэп должен был обеспечить правильные взаимоотношения пролетариата с крестьянством. Эти взаимоотношения должны были развиваться одновременно по двум направлениям. Дать крестьянину, пока он остается на своем клочке земли и ведет индивидуальное товарное хозяйство, возможность свободного обмена своих продуктов на товары городской социалистической промышленности и постепенно доказать ему выгодность коллективного хозяйства. Это одна линия нэпа. Она вытекает из природы мелкого товарного хозяйства, преобладавшего в Советской России после революции. Восстановить крупную промышленность, разрушенную в годы империалистической и гражданской войн, создать техническую базу современного крупного производства, являющуюся единственной материальной основой социализма. Такова другая линия нэпа. Правые в нэпе видели только свободу оборота. Троцкисты и зиновьевцы, исходя из их общей оценки роли крестьянства в пролетарской революции, отрицали необходимость смычки рабочего класса с крестьянством, необходимость развития и укрепления хозяйственного торгового оборота между городом и деревней. Восстановление и дальнейшее развитие крупной машинной индустрии—этой базы социализма—надо осуществлять на основе и в связи с восстановлением крестьянского хозяйства, мелкой промышленности.

Эту ленинскую линию троцкисты и зиновьевско-каменевская оппозиция отрицали. Нэп они рассматривали как отступление,

как отказ от социалистических позиций. «Нэп есть капитализм, говорит оппозиция. Нэп есть отступление по преимуществу, говорит Зиновьев. Все это, конечно, неверно... На самом деле нэп только начался отступлением, но он рассчитан на то, чтобы в ходе отступления произвести перегруппировку сил и повести наступление»[1]. Так т. Сталин еще в январе 1926 г. разоблачал ликвидаторскую, буржуазную позицию Зиновьева. Отрицание нэпа как единственно правильной политики построения социализма после захвата власти пролетариатом, как метода смычки и укрепления союза пролетариата с крестьянством, неизбежно должно было привести и привело троцкистско-зиновьевскую оппозицию на контрреволюционный путь, к открытым выступлениям против партии, против пролетарской диктатуры.

В действительности правильные взаимоотношения рабочего класса с крестьянством требовали и свободы товарооборота, и перестройки сельского хозяйства на основе современной промышленной техники.

Кооперативный план, кооперация, играет крупнейшую роль в нэпе, во всей программе новой экономической политики. Кооперация связывает мелкособственническое крестьянское хозяйство с крупной социалистической индустрией. Обе линии развития связываются кооперацией. Без объединения мелких товаропроизводителей при помощи кооперации земледелие не может использовать современную технику и превратиться в крупное социалистическое производство. Только кооперация, начиная с ее простейших форм в области потребления, снабжения и сбыта и кончая производственными объединениями высокого типа (колхоз—артель), может в наиболее простой и доступной форме постепенно перевести мелкого собственника на рельсы коллективного земледелия. В этом историческая роль и значение кооперации.

Из свободы оборота растут капиталистические элементы. Крупная индустрия расширяет и укрепляет социалистический уклад. Кооперация под руководством пролетарской диктатуры завоевывает мелкого производителя у мелкобуржуазной стихии и капиталистических элементов и вовлекает его в сферу социалистического производства. Все дело в том, чтобы видеть на каждом данном этапе соотношение этих элементов, укладов, борьбу их и перспективы этой борьбы. Тогда будет ясно, что нэп был политикой, рассчитанной на уничтожение клас-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 146, изд. 10-е.

сов, хотя и допускал капитализм. Теперь об этом и спорить нечего, ибо жизнь уже показала, что фундамент социалистической экономики построен, социализм победил, что нэп не есть капитализм, не есть отступление.

Нэп не вытекает только из своеобразия национальных особенностей России. Нэп—нормальная экономическая политика пролетариата после революции. Выше было уже указано, что возможность перехода к методам «военного коммунизма» не исключена и в других странах, но при наличии военной интервенции. Необходимость нэпа вытекает из разнообразия хозяйственных укладов, имеющегося не только в отсталых, но и в самых передовых странах (США, Германия и др.). Разнообразие хозяйственных укладов, наличие мелких товаропроизводителей, крестьян, ремесленников и ряд связанных с этим обстоятельств «...требует от экономического руководства пролетариата правильного сочетания—на основе рыночных отношений—крупной социалистической промышленности и мелкого хозяйства простых товаропроизводителей...»[1].

***

В марте 1921 г. X съезд партии принял по докладу Ленина решение о замене разверстки натуральным налогом. Этим решением было положено начало новой экономической политике. 21 марта 1921 г. был опубликован декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом. Основное в этом декрете—это пункт 8, в котором говорится, что «все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена за продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота» как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах.

Крестьянское хозяйство, в основном мелкотоварное, не могло развиваться без оборота.

Деревня того периода представляла собой в подавляющей части сплошную массу индивидуального мелкособственнического хозяйства. Обмен как внутри самого крестьянского сек-

[1] «Программа Коминтерна», стр. 44, изд. 1933 г.

тора, так и между городом и деревней не мог происходить в другой форме кроме рыночного товарно-денежного оборота. В отличие от периода «военного коммунизма», когда продукты госпромышленности распределялись в централизованном порядке по твердым ценам, а продукты продовольствия из деревни шли на подпольный рынок по «вольным», спекулятивным ценам, после перехода к нэпу устанавливался единый рынок, который связывал городскую и деревенскую экономику, складывался нормальный товарный оборот между промышленностью и сельским хозяйством. Это означало укрепление смычки между рабочим классом и крестьянством, между социалистической промышленностью города и мелким товарным хозяйством деревни, между двумя основными укладами и классами нашей страны. Экономическая сущность торговой смычки заключалась в том, что пролетарское государство давало крестьянскому хозяйству возможности развития, подъема и накопления материальных средств путем оживления товарооборота на основе восстановления государственной крупной промышленности, а также мелкой и кустарной. Первым из документов, в которых Ленин обосновывал необходимость перехода к новой экономической политике и определял задачи нэпа, был план доклада о замене разверстки налогом, написанный в первой половине марта 1921 г.

Ленин тогда писал: «Чем можно *экономически* удовлетворить среднее крестьянство? Мелкого товаропроизводителя? (а) Свобода *оборота*, свобода торговли (=свобода капитализма), (в) достать *товары* для этого»[1].

Введение продналога означало построение взаимоотношений рабочего класса с крестьянством на совершенно других основаниях, чем при «военном коммунизме». Тогда пролетариат в лице своей государственной власти брал у крестьянина хлеб и другие продукты без обязательного обмена на продукты промышленности (последних было очень мало), причем брал не в определенном размере, а все хлебные излишки. При замене разверстки продовольственным налогом государство берет только часть хлеба (в заранее установленном налоговым законом размере) у крестьянина без обмена за промтовары, но остальной хлеб, который оставался в крестьянском хозяйстве по выполнении налога, крестьянин мог свободно продавать в обмен на продукты городской промышленности. В этом и заключалась свобода оборота крестьянского хозяйства.

---

[1] «Ленинский сборник» XX, стр. 43.

Ленин называл правильным товарообменом такое положение, когда государство берет продукты крестьянского хозяйства только в обмен на продукты государственной социалистической промышленности. Этот товарообмен должен происходить без посредничества частных торговцев, капиталистов, спекулянтов. Государство непосредственно продает крестьянам через свои государственные органы или через кооперацию продукты своей социалистической промышленности. А крестьянское хозяйство тоже продает через кооперацию свои продукты государству, обходясь без участия частного капиталиста-торговца. Этот товарообмен, хотя и производимый при помощи денег, коренным образом отличается от обычной купли-продажи, на которой наживаются спекулянты.

Такой правильный товарообмен можно было бы осуществить в том случае, если бы государственная промышленность сразу могла дать значительное количество товаров для обмена за крестьянское продовольствие и сырье. Но этого не было.

Из предыдущего изложения нам известно, в каком состоянии разрушения находилась государственная промышленность накануне нэпа (весной 1921 г.). Количество товаров, которые она могла доставить для широкого потребления, было ничтожно сравнительно с довоенным уровнем и с потребностями. Для увеличения товаров можно было поэтому использовать и капитализм, особенно государственный капитализм. «Это может показаться парадоксом: частно-хозяйственный капитализм в роли пособника социализму? Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт»[1]. Нужно было достать товары для развития оборота, для вовлечения в него крестьянского хозяйства, без этого оживление и подъем всего народного хозяйства страны были невозможны.

Поэтому Ленин считал возможным отступление к госкапитализму, к использованию иностранных концессий, к сдаче предприятий в аренду внутренним капиталистам для увеличения количества продуктов. Госкапитализм мог бы двинуть это дело быстрее, чем мелкое хозяйство. Предполагалось, что кооперация сможет взять в свои руки на местах инициативу и организацию товарообмена, сможет овладеть местным оборотом. Но ни госкапитализм в промышленности, ни кооперация этих надежд не оправдали. В докладе на 7-й московской губпартконференции 29 октября 1921 г. Ленин констатировал: «...Товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 342, изд. 3-е.

продажу... Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения»[1].

В чем заключался срыв товарообмена? Что значит—«товарообмен вылился в куплю-продажу»? Это значит, что наладить обмен между деревней и городом в организованном порядке, под контролем государства, через государственный капитализм и кооперацию не удалось. В этот обмен включился частный посредник, и вместо правильного товарообмена стала развиваться частная торговля.

Рынок, товарный обмен индивидуальных хозяйств усиливает рост капитализма. Это было неизбежно, но развитию капитализма ставились достаточно узкие рамки всем нашим строем. Зато достигалась другая цель, в то время имевшая главенствующее значение. «Всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью в политике) достаточно узкие, достаточно «умеренные». Такова основная мысль продналога, таково его экономическое значение»[2].

На XI съезде партии Ленин заявил: «Теперь мы постановили признать отступление законченным». По докладу Ленина XI съезд партии в апреле 1922 г. вынес резолюцию, в которой говорилось: «Съезд констатирует, что всей суммой проведенных и намеченных за последний год мер исчерпываются признанные партией необходимыми уступки частно-хозяйственному капитализму, признает в этом смысле отступление законченным...».

К этому периоду был издан ряд декретов и постановлений, восстановивших и расширявших рыночные связи, денежный обмен и хозрасчет. Так, были изданы: 3 августа 1921 г. наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики, 12 августа 1921 г.—постановление СНК о мерах к восстановлению крупной промышленности, 16 августа 1921 г.—декрет СНК о расширении прав государственных предприятий в распоряжении материальными ресурсами, 27 октября 1921 г.—постановление СНК о свободной реализации продукции предприятиями, снятыми с госснабжения, 16 января 1922 г.—декрет СНК о применении на транспорте начал хозрасчета, 12 октября

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 68, изд. 3-е,
[2] Там же, т. XXVI, стр. 340.

1921 г.—постановление ВЦИК об учреждении Государственного банка.

Работа государственных предприятий в промышленности должна была вестись теперь на началах хозяйственного, коммерческого расчета. О коммерческом расчете в тот период мы говорим потому, что трест, предприятие могли самостоятельно, в разной степени, сбывать свою продукцию на рынке. Управление предприятиями было децентрализовано. Каждое предприятие, трест получили более или менее широкую самостоятельность в вопросах снабжения, сношений с рынком, расходования сумм. Ряд мелких и средних предприятий был передан в аренду частным лицам. Перед трестами была поставлена задача—работать рентабельно, с прибылью.

В условиях развития денежно-рыночных связей децентрализация управления промышленностью, предоставление предприятиям большей самостоятельности позволили им проявить больше гибкости, инициативы, маневренности в развитии производства.

Основы политики «военного коммунизма» были в корне изменены. Задача заключалась теперь в том, чтобы не допустить дальнейшего захвата позиций частнокапиталистическим сектором, вступить с ним в состязание—«кто кого», перейти в наступление, чтобы его вытеснить.

Ведущая роль в развитии товарооборота с самого начала принадлежала государственному социалистическому сектору. Государству и кооперации, правда, приходилось заново создавать аппарат для ведения торговли в новых, революционных условиях, между тем как частный торговец, мелкий капиталист-посредник быстро приспосабливались к условиям рынка. Но огромное преимущество государства и кооперации заключалось в том, что они опирались на всю мощь и все рычаги пролетарской диктатуры, что их средства были собраны в единый мощный кулак. Прежде всего в распоряжении государства находилась промышленность, хотя и разрушенная, но все же оживавшая и дававшая определенную массу продукции, поступавшей в госторговлю и кооперацию. Так, цензовая промышленность уже в 1921/22 г. дала товарной продукции на 1 230 млн. руб., а в 1922/23 г.—на 1 600 млн. руб., в 1923/24 г.—на 2 230 млн. руб. в довоенных ценах. Сопоставление данных за 1924/25 г. показывает, что, несмотря на подавляющий перевес мелкого крестьянского хозяйства, цензовая, в подавляющей части государственная, промышленность давала на широкий рынок на такую же сумму товаров, как и сельское хозяйство по

всем статьям (зерновым и техническим культурам, животноводству). В 1924/25 г. товарная продукция составлялась из следующих частей: цензовая промышленность дала предметов широкого потребления (в довоенных ценах) на 1 787 млн. руб., мелкая промышленность (кустарей, ремесленников) на 1 050 млн. руб. и сельское хозяйство на 1 613 млн. руб. (без внутрикрестьянского оборота). Вся же товарная продукция цензовой промышленности составляла в 1924/25 г. 3 417 млн. довоенных рублей. Таким образом еще до окончания процесса восстановления государственной промышленности ее товарная продукция превышала товарную продукцию сельского хозяйства, а продукция промышленных предметов широкого потребления составляла во всей массе рыночных товаров (цензовой промышленности, мелкой и сельского хозяйства) весьма значительную величину, сосредоточенную в руках государства. В этом заключалась сила социалистического сектора, опорная база для его быстрого развития и выполнения ведущей роли в отношении всего торгового оборота страны.

Но на первых порах, пока государственный и кооперативный торговые аппараты еще не окрепли, частный капитал, частная торговля быстро приспособились и заняли довольно значительное место в товарообороте. Роль частного капитала была преобладающей в розничной торговой сети. Подавляющая часть розничных торговых заведений (90% в начале 1923 г.) принадлежала частнику. Правда, частная розничная сеть росла медленнее, чем обобществленная. Но все же удельный вес обобществленного сектора в розничной торговой сети (количество магазинов и лавок) даже к концу восстановительного периода не превышал $^1/_4$, а в розничном товарообороте — $^2/_3$. Частный же торговый капитал держал в своих руках $^3/_4$ торговых единиц и почти $^1/_3$ розничного оборота.

Это объяснялось слабостью государственного и кооперативного торговых аппаратов. И все же уже тогда в государственной и кооперативной торговле проявлялись все преимущества планового, социалистического хозяйства, организации обобществленного товарооборота в едином, общегосударственном масштабе.

XIII съезд партии, состоявшийся в мае 1924 г., поставил задачей «подчинять своему руководящему влиянию весь процесс рыночного товарооборота, снабжения и распределения». Позиции государственной торговли и кооперации на рынке должны были укрепляться, хотя обслуживание мелкого крестьянского хозяйства частным торговцем было еще неизбежно вслед-

ствие слабости государственной и кооперативной торговли. На XIII съезде практически и в развернутом виде выдвигается как центральный вопрос «кто кого» в товарообороте, вопрос о вытеснении частного капитала, поставленный Лениным еще в конце 1921 г. XIII съезд подтвердил и подчеркнул с особой силой, что интересы развития государственной промышленности и установления прочной экономической связи между городом и деревней требуют со стороны партии особого внимания к вопросам товарооборота. Товарооборот в этот период (XIII съезда) становится центральной проблемой экономической политики. В него упирается развитие всей экономики страны.

Начиная с 1924/25 г. партия энергично осуществляла директиву XIII съезда партии о вытеснении частнокапиталистических элементов из торговли. Государство всемерно поддерживало рост кооперативной торговли. Кооперация все больше захватывала основные позиции в товарообороте, вытесняя частника. Этот процесс, в котором ярко выражается плановое, социалистическое наступление на капиталистические элементы в торговле и их вытеснение, виден из следующей таблицы.

Розничный оборот

(в млн. рублей и в % к итогу всего розничного оборота)

	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1928 г.
Государственная торговля в млн. руб. . . .	—	846,0	1 189,8	1 544,9	1 816,6	2 408,8
В %	—	15,7	15,3	13,2	13,3	15,9
Кооперация в млн. руб..	368	1 437,0	3 283,6	5 224,1	5 837,6	9 341,2
В %	10,3	26,6	42,2	44,5	49,8	61,6
Частная торговля в млн. руб.	2 680	3 116	3 300	4 963,1	5 063,5	3 406,6
В %	75,3	57,7	42,5	42,3	36,9	22,5

Кооперация в 1922/23 г. охватывала только 10,3% всей розничной торговли, в 1928 г.—61,6%; удельный вес ее стал в шесть раз больше. Кооперативный оборот в рублях увеличился в 24 раза (с 368 млн. руб. до 9341,2 млн. руб.). Обратный процесс происходил в частной торговле, которая потеряла свое гос-

подствующее место: в 1922/23 г. в ее руках было $^3/_4$ оборота, в 1928 г.—менее $^1/_4$. Следовательно к началу первой пятилетки кооперация и госторговля уже вытеснили частную торговлю с ее господствующих позиций, более $^3/_4$ товарооборота было обобществлено, и таким образом благодаря правильной линии партии в значительной мере был осуществлен ленинский завет о всемерной поддержке и развитии кооперации, рост которой означает в условиях пролетарской диктатуры рост социализма.

***

Громадное значение для всего социалистического строительства и для укрепления социалистических позиций в товарообороте имела денежная реформа, проведенная в марте 1924 г. Суть ее заключалась в том, что от обесцененного советского денежного знака мы перешли к твердой валюте, в основе которой лежал червонец, банковый билет, выпускаемый Государственным банком на условиях, твердо установленных законом. Обесценение советских денежных знаков в начале нэпа достигло колоссальных размеров. Каждый месяц выпускались миллиарды бумажных денег. Так, в январе 1922 г. эмиссия денежных знаков составила 12 300 млрд., за февраль 1922 г. уже было выпущено 18 800 млрд. руб. И государство не могло отказаться тогда от усиленного выпуска денежных знаков, так как дефицит в бюджете 1922 г. составлял 50%. При бюджетном дефиците, при невозможности покрыть расходы нормальными источниками доходов без усиленной эмиссии нельзя было думать о немедленном проведении денежной реформы. Но принципиально эта задача была поставлена уже на XI съезде партии. XI съезд постановил: «Для данного момента необходимо, нисколько не ставя задачи немедленного возвращения к золотому обращению, твердо установить, что наша экономическая и финансовая политика решительно ориентируется на восстановление золотого обеспечения денег... Такая ориентировка должна на практике выражаться в политике сохранения неприкосновенного золотого фонда и развития добычи драгоценных металлов»[1].

По закону 1922 г. червонцы, выпускаемые в обращение Госбанком, обеспечивались золотом в монете и слитках и твердой иностранной валюте (фунты стерлингов и доллары) не менее

[1] Резолюция о финансовой политике. Стенографический отчет, стр. 436—437.

чем на 25%, а в остальной части—товарными ценностями и векселными обязательствами. Следовательно самый закон ограничивал выпуск червонцев (червонец—10 руб.) в соответствии с ростом оборота. В конце 1923 г. советские денежные знаки настолько упали в цене, что за золотой рубль давали 50 000 000 000 руб. советскими денежными знаками. В разных районах страны имели фактически хождение и служили настоящей валютой, которую накопляли, самые разнообразные деньги: японская иена на Дальнем Востоке, золото и серебро в Средней Азии, местные боны в Закавказье. На юге и в центре в частной торговле расчеты производились на золотой рубль по курсу. На местных рынках развивался натуральный товарообмен. При таком состоянии денежного обращения товарооборот не мог развиваться нормально. Установление единой устойчивой валюты во всей стране стало неотложным делом. Промышленность, особенно легкая и мелкая, снабжалась в основном через рынок, через механизм денежного обращения. Значительная, все возрастающая часть продукции промышленности тоже реализовалась при помощи денег, а не в порядке натурального распределения. Для всех расчетов денежного порядка (покупка сырья, материалов, продажа продукции, калькуляция себестоимости и т. д.) нужна была твердая денежная валюта. Отсутствие устойчивой денежной единицы тормозило здоровый рост промышленности. Твердая денежная система, при которой покупательная способность денег растет, является необходимым условием развития производительных сил промышленности и сельского хозяйства в эпоху пролетарской диктатуры. И только последнее—рост производительных сил—может создать прочную основу для нормального, устойчивого денежного обращения.

15 февраля 1924 г. был прекращен выпуск казначейских денежных знаков («совзнаков»). С 10 апреля (фактически с 10 мая) они теряли силу законного платежного средства и должны были быть выкуплены. Их место занял червонец, имевший устойчивый курс, устойчивую покупательную силу. Так как червонец выпускался достоинством не ниже 10 руб., то для обслуживания мелкого оборота установлен был выпуск казначейством (а не Госбанком) государственных казначейских билетов в 1, 3, 5 руб.; устойчивость последних обеспечивалась беспрепятственным разменом на червонцы, завоевавшие уже доверие рынка. Чтобы обеспечить переход к твердой валюте, надо было овладевать рынком, укреплять позиции государства и кооперации, бороться против частной торговли, дезорганизующей рынок. Троцкий

выступал против денежной реформы. Это вытекало из троцкистской оценки крестьянства и отрицания необходимости и возможности рабоче-крестьянской смычки. Мы знаем уже, как троцкизм смотрел на денежное обращение в период «военного коммунизма» (Преображенский). Обесценение бумажных денежных знаков благодаря чрезмерным выпускам входит в программу троцкизма как метод перекачки средств из деревни, как метод эксплоатации крестьянства. Троцкисты были за инфляцию. Обесценение денег неизбежно привело бы к резкому ухудшению положения рабочего класса в тогдашних условиях, пролетарской диктатуре грозила бы опасность разрыва между пролетариатом и крестьянством, между государственной социалистической промышленностью и крестьянской экономикой.

Партия отвергла контрреволюционные установки троцкизма, курс на инфляцию, на эксплоатацию крестьянства и ухудшение положения рабочих, курс на «товарную интервенцию», проще говоря, на ввоз предметов широкого потребления из-за границы. Поставив себе задачей создание твердой советской валюты и осуществив ее, партия во главе с т. Сталиным пошла по ленинскому пути. Проведение денежной реформы в короткий срок оздоровило все хозяйство страны. Реальная зарплата рабочих и служащих повысилась. Это вызвало повышение производительности труда. Создание твердой денежной системы, основанной на червонце, дало возможность действительно осуществлять хозрасчет, учет и контроль производства и торговли. Денежная реформа подводила твердую базу под торговую смычку рабочего класса с крестьянством. Не прошло и года после реформы, как пленум ЦК РКП(б) и ЦКК 17 января 1925 г. мог уже отметить полный успех этого важнейшего экономического мероприятия восстановительного периода. Пленум постановил: «Денежная реформа, которой Троцкий противопоставлял «план» и которой пророчил неуспех, оздоровила хозяйственное положение и явилась крупнейшим шагом по пути хозяйственного возрождения страны. Промышленность поднимается, несмотря на неурожай 1924 г. Материальное положение рабочих улучшается. Партия вышла окрепшей из испытания»[1].

Уровень цен стал устойчивым, цены начали снижаться. Это отражало общее оздоровление всей экономики страны.

---

[1] *Савельев* и *Поскребышев*, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, стр. 193, Соцэкгиз, 1931.

* * *

Новая экономическая политика создала возможность накопления сил для восстановления государственной промышленности. Трудно было конечно ожидать, чтобы 1922 год мог дать уже серьезное восстановление крупной промышленности. Не следует забывать, что 1921 год был годом сильнейшего недорода и голода, постигшего волжские губернии, и следовательно 1921/22 хозяйственный год имел плохую сельскохозяйственную базу.

Тем не менее уже первый хозяйственный год после введения нэпа показал тенденцию роста. Выплавка чугуна в 1921/22 г. увеличилась по сравнению с 1920/21 г. на 48%, а юг дал прирост на 220%.

Продукция текстильной промышленности составляла за 1920/21 г. 145 904 тыс. руб. по довоенным ценам, в 1921/22 г. по тем же ценам—282 724 тыс. руб., рост вдвое.

В 1920/21 г. использование веретен составляло 10%, в 1921/22 г. 28%, использование станков за те же годы соответственно—5% и 15%. Все это говорит о здоровых сдвигах в экономике и промышленности за короткий период.

Особенно характерны данные по каменноугольной промышленности. Добыча угля увеличилась с 464 млн. пуд. в 1920/21 г. до 588,8 млн. пуд. в 1921/22 г.—увеличение на 26,8%. Добыча угля в Донбассе увеличилась гораздо значительнее: с 284 млн. пуд. до 405,4 млн. пуд., т. е. на 42%.

Где причины этого? Основная—рост производительности труда. Во втором полугодии 1920 г. (при «военном коммунизме») рабочий добывал угля 1 260 пуд., в первом полугодии 1922 г.—2 120 пуд. Прирост производительности труда—на 68%. Это был уже серьезный шаг вперед, хотя до довоенной производительности было еще далеко. В 1913 г. добыча угля на одного рабочего в Донбассе составляла 9 185 пуд. за год (за полугодие 4 590 пуд.).

Государственная промышленность на передовых участках уже становилась на ноги. Дело пошло на оздоровление, начался рост производительности труда, а это самое главное, решающее для укрепления социалистического хозяйства; начался неуклонный процесс восстановления всего народного хозяйства СССР.

Но промышленность в первые годы нэпа имела и отрицательные стороны. Фабрики и заводы были еще слабо загружены, накладные расходы были велики, себестоимость поэтому высока. К тому же многие хозяйственники вследствие голода

на товары в первые годы нэпа стремились использовать рынок для получения очень больших прибылей. Они поднимали цены намного выше себестоимости, и без того достаточно высокой. Торговый аппарат был громоздок и неповоротлив и часто также стремился сорвать высокую прибыль, равняясь по спекулятивным сделкам частных торговцев. Таково было положение осенью 1923 г. Цены на изделия легкой промышленности стояли на очень высоком уровне, в то время как цены на продукты сельского хозяйства были низкими. Цены на промышленные товары сравнительно с довоенным уровнем выросли в три раза больше, чем цены на сельскохозяйственные продукты. Крестьянское хозяйство не имело тогда широкого рынка для продажи хлеба. За границу хлеб еще не вывозили, а промышленное население городов тогда еще только концентрировалось, промышленность только восстанавливалась. Цены на промтовары, рассчитанные главным образом на городского потребителя, были недоступны для деревенского рынка. В результате всех этих условий получился кризис сбыта, задерживавший рост самой промышленности, которая только еще восстанавливалась. Партия поставила тогда в качестве одной из важнейших задач экономической политики смягчение разрыва между уровнем цен на промышленные товары и сельскохозяйственные. Были приняты меры к сокращению накладных расходов, всяких накидок. От предприятий потребовали строжайшей экономии в расходах («режим экономии»). В результате удалось за 1924 г. добиться весьма значительного снижения цен (на одну треть), особенно по товарам широкого потребления (мануфактура и др.). По некоторым товарам цены были установлены ниже себестоимости (коммерческой). Это возможно только в плановом хозяйстве пролетарской диктатуры. Предприятия должны были напрячь все силы, чтобы снизить себестоимость. Так называемый «кризис сбыта» осени 1923 г. был быстро ликвидирован. И в этом факте сказались принципиальные особенности и отличия советской системы хозяйства от капиталистической. Троцкисты, оставаясь верными своей оценке массы крестьянства как класса, враждебного пролетариату, предлагали иную, прямо противоположную программу хозяйственных мероприятий. Они настаивали на повышении цен, чтобы выкачать из деревни как можно больше средств. Они стояли за усиленный нажим на печатный станок, за чрезмерную эмиссию, что опять-таки сильно било бы по основной массе крестьян. Вместо того чтобы создать условия для быстрого роста советской промышленности, троц-

кисты настаивали на ввозе из-за границы предметов потребления в значительных размерах. Взяв решительный курс на снижение цен вопреки троцкистам, партия вывела промышленность на широкий путь развития, сомкнула ее с огромным крестьянским рынком.

Второй отрицательной стороной в развитии промышленности было отставание тяжелой промышленности от легкой. Как сказано в резолюции XII съезда о промышленности, обе указанные черты представляли «...главный пассив первого периода нэпа...». XII съезд выдвигает как очередную задачу развитие промышленности, без чего невозможно перемещение центра тяжести от крестьянского хозяйства к промышленности. «Только развитие промышленности создает незыблемую основу пролетарской диктатуры»[1]. XII съезд особенно подчеркивает роль «...восстановления тяжелой индустрии, этой единственно прочной базы диктатуры пролетариата...»[2]. Особенностью этого периода являлось преобладание сельского хозяйства, которое быстрее восстанавливалось благодаря более низкой технике и несложности ее восстановления. Рост промышленности должен был обгонять развитие земледелия, но в то же время не отрываться от крестьянской экономики, учитывать ее особенности. Непомерно высокие цены на промышленные товары в конце 1923 г. были показателем такого отрыва, который решительно был ликвидирован партией. Игнорировать крестьянское хозяйство, развивать промышленность без связи с его нуждами и состоянием означало нарушение ленинской политики в отношении мелкого крестьянства. В то же время, только развивая промышленность, можно было обеспечить пролетарское руководство крестьянским хозяйством и постепенную социалистическую переделку его. Вот почему XII съезд партии по отчету ЦК постановил: «Сельское хозяйство еще долго останется основой хозяйства советской страны. Твердо памятуя это, рабочий класс, руководимый нашей партией, вместе с тем направит самые энергичные усилия на поднятие государственной промышленности в городах, прежде всего в тяжелой индустрии, которая одна только может явиться прочным фундаментом действительно социалистического строительства».

В 1926/27 г. продукция всей промышленности (крупной и мелкой) составляла 102,5% от довоенного уровня, а сельского хозяйства—106,6%. Грузооборот железных дорог до-

---

[1] Резолюция XII съезда партии о промышленности. Стенотчет, стр. 622.
[2] Там же.

стиг 127% довоенного уровня. Сельское хозяйство быстрее восстановило свой прежний, довоенный уровень, ему легче было оправиться от разрушения, чем промышленности с ее сложным техническим оборудованием.

Сильно выросли посевы технических культур:

	1913 г.	1926 г.
	(в тыс. га)	
Картофель	3063,6	5205,3
Подсолнух	968,7	2589,2
Конопля	645,0	927,6
Лен	1398,0	1566,4
Табак и махорка	62,4	94,2
Отстали:		
Хлопок	688,0	653,7
Сахарная свекла	648,7	537,9

Благодаря росту производства сырья хлопчатобумажная промышленность переработала хлопка в 1921 г. 1312 тыс. пуд., в 1925/26 г.—16400 тыс. пуд. (больше чем в 12 раз), льняная промышленность потребила льна в 1921 г. 1350 тыс. пуд., в 1925/26 г.—6600 тыс. пуд.

Выработка промышленностью предметов широкого потребления выросла по сравнению с 1921/22 г. следующим образом:

	1921/22 г.	1926/27 г.
Хлопчатобумажные товары (млн. *м*)	302,5	2316,4
Шерстяные товары (млн. *м*)	22,9	82,1
Льняные ткани (млн. *м*)	36,6	182,0
Кож выработано крупных (тыс. шт.)	3331,9	8953,4
Кож выработано мелких (тыс. шт.)	2893,0	10911,4
Галош (тыс. пар)	4152,4	29218,7

К концу восстановительного периода пролетарское государство сумело наладить крупную промышленность и дать трудящемуся крестьянину промышленные товары в размерах, колоссально возросших по сравнению с первым годом нэпа. С другой стороны, росли и товарные излишки крестьянского хозяйства. Товарная часть продукции сельского хозяйства составляла в 1923/24 г. 1209 млн. руб., в 1925/26 г.—1675 млн. руб., а в 1926/27 г.—1931 млн. руб. Рост продук-

ции промышленности, особенно вырабатывавшей предметы потребления, и увеличение товарных излишков сельского хозяйства, выбрасываемых на рынок, служили базой для здорового роста товарообмена, для укрепления смычки рабочих и крестьян. Денежная реформа 1924 г. создала благоприятные условия для роста товарооборота и сама явилась его следствием.

Но сердцевина промышленности—те отрасли, которые дают энергию, металл для машин, для строительства,—восстанавливались медленнее, чем легкая промышленность. И здесь 1926/27 г. дал большие результаты. Выплавка чугуна в 1926/27 г. (2 973 тыс. *т*) равняется 72,5% довоенной. В 1921/22 г. было выплавлено только 171,6 тыс. *т*. Прокат черных металлов увеличился с 259,3 тыс. *т* в 1921/22 г. до 2 678,9 тыс. *т* в 1926/27 г. и достиг 83,5% довоенного. Металлургические заводы очень сильно пострадали в войну, и их восстановление было чрезвычайно трудной задачей. Добыча каменного угля в три раза увеличилась против 1921/22 г. и превысила довоенную:

1913 г. — 29 053 тыс. *т*
1921/22 г. — 10 304,7 » »
1926/27 г. — 30 940,0 » »

Больше чем в два раза по сравнению с 1921/22 г. выросла добыча нефти: с 4 629 тыс. *т* до 10 184 тыс. *т*.

Быстро развивалась добыча торфа: в 1913 г.— 105,2 млн. пуд., в 1927 г. —294,3 млн. пуд.

Особенно следует подчеркнуть громадный рост электрификации, далеко оставившей позади 1913 год, как видно из следующих цифр:

Годы	Число электростанций	Мощность (в тыс. *квт*)	Выработка энергии (в млн. *квтч*)
1913	230	1 098	1 945
1927	658	1 698	4 205

Уже в восстановительный период ленинский план Гоэлро выполнялся энергичными темпами, была оставлена далеко позади царская Россия.

Цифры роста металлургии, топлива, электрификации гово-

рят о том, что рабочий класс СССР под руководством партии неуклонно и успешно работал над созданием материальной основы социализма. Ленинская программа электрификации, составленная еще в период «военного коммунизма», выполнялась более быстрым темпом, чем любая другая отрасль промышленности. Всего этого мы добились без иностранных займов, без привлечения иностранного капитала. Иностранные концессии и сдача в аренду госпредприятий играли очень незначительную роль. Так, из всей валовой продукции цензовой промышленности СССР в 1926/27 г. (6 652 млн. руб. по довоенным ценам) только 169 млн. руб., т. е. 2,6%, падало на долю частных и концессионных предприятий. Мелкая же промышленность на $^3/_4$ была частной.

Число рабочих, занятых в крупной промышленности, планируемой ВСНХ, увеличилось с 998,6 тыс. в 1921/22 г. до 2 021 тыс. в 1926/27 г. Параллельно с этим росла и зарплата. Реальная месячная зарплата в 1926/27 г. была выше довоенной на 4,6%, между тем как в 1921/22 г. она составляла лишь треть довоенной. В 1925/26 г. началось уже довольно значительное капитальное строительство, в которое вложено было 810 млн. руб., а в 1926/27 г.—990 млн. руб.

21 января 1924 г. умер Владимир Ильич Ленин. На его могиле Сталин—великий продолжатель дела Ленина—дал клятву выполнить его заветы. На основе ленинского учения т. Сталин в четких, отточенных формулировках поставил задачу индустриализации в новой, изменившейся обстановке. В двух своих выступлениях, относящихся к середине 1925 г., т. Сталин набрасывает вехи той программы индустриализации, которая становится генеральной линией партии. Необходимо вспомнить обстановку этого периода. «Наша государственная промышленность в целом ряде отраслей уже подошла к полному 100-процентному использованию имеющегося основного капитала» (из резолюции III съезда советов). Достигнуты большие успехи в деле хозяйственного возрождения. Но впереди еще шла легкая промышленность, в то время как производство чугуна за 1924/25 г. составило только 31% от довоенного производства, текстиля—66,5%. Курс партии на оживление советов и расширение демократии в деревне вызвал в некоторых слоях партии опасения, не означает ли это отступление от пролетарской линии партии. XIV партконференция (апрель 1925 г.) является важнейшей вехой восстановительного периода. На этой конференции стояли три вопроса: о кооперации, о едином сельскохозяйственном налоге и о металлопромышленности.

Проведение денежной реформы, развитие товарооборота и сельского хозяйства требовали расширения работы кооперации. Допущение частного капитала в торговле еще более увеличивало роль кооперации, необходимость ее всемерной поддержки. Вместе с тем одной из задач была тогда ликвидация пережитков «военного коммунизма» в деревне. Беспрепятственное развитие денежно-рыночных отношений в деревне было необходимо для развития крестьянского хозяйства. В условиях допущения капитализма это означало конечно возможность роста кулацких элементов, сельской буржуазии. Правые толковали решения XIV партконференции как исходный пункт для такого «развязывания» крестьянского оборота, которое могло бы обеспечить только растущую силу кулачества. Это ярко выявилось в лозунге т. Бухарина: «Обогащайтесь». Огромный принципиальный интерес представляет для всей партии, как понимал решения XIV партконференции т. Сталин. В центре внимания у т. Сталина уже тогда была проблема индустрии. В докладе активу московской организации 9 мая 1925 г. т. Сталин во весь рост ставит задачу развития металлопромышленности. Он говорит там: «Несомненно, что, с точки зрения внутреннего развития, развитие нашей металлопромышленности, значение ее роста колоссально, ибо оно означает рост нашей индустрии и всего нашего хозяйства, ибо металлическая промышленность есть основная база промышленности вообще, ибо ни легкая промышленность, ни транспорт, ни топливо, ни электрификация, ни сельское хозяйство не могут быть поставлены на ноги без мощного развития металлической промышленности. Рост металлической индустрии есть основа роста всей индустрии вообще и народного хозяйства вообще»[1]. Дальше т. Сталин цитирует высказывания Ленина о «тяжелой индустрии»: «...Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна»[2]. Постановка т. Сталиным вопроса о решающей роли металлической промышленности является развитием постановлений XIV партконференции (апрель 1925 г.). XIV партконференция намечает расширение программы металлопромышленности на 1924/25 г. на 26%; ставится вопрос о разработке трехлетнего плана постройки новых металлозаводов, о необходимости признать постройку

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 131—132, изд. 8-е.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 349, изд. 3-е.

новых заводов металлопромышленности первоочередной задачей. Через месяц после XIV партконференции т. Сталин развертывает грандиозную перспективу строительства металлической промышленности в связи с проблемой индустриализации страны. «Сейчас у нас имеется около 4 миллионов индустриального пролетариата. Этого, конечно, мало, но это все же кое-что для того, чтобы строить социализм и построить оборону нашей страны на страх врагам пролетариата. Но мы не можем и не должны остановиться на этом. Нам нужно миллионов 15—20 индустриальных пролетариев, электрификация основных районов нашей страны, кооперированное сельское хозяйство и высоко развитая металлическая промышленность. И тогда нам не страшны никакие опасности. И тогда мы победим в международном масштабе. Историческое значение XIV конференции в том именно и состоит, что она ясно наметила путь к этой великой цели. А путь этот правилен, ибо он есть путь Ленина, несущий нам окончательную победу. Таковы в общем итоги работ XIV конференции нашей партии»[1]. Этими словами заканчивается доклад т. Сталина московскому активу, сделанный в разгар первой стадии нэпа, когда крупная промышленность еще не была восстановлена, частник был силен в торговле, а правые поощряли накопления кулака и предлагали ему врастать в социализм. Этот доклад яркой молнией осветил весь трудный, но победоносный путь строительства социализма. Этот доклад был образцом применения ленинизма в строительстве СССР.

«Великое значение ленинизма в том, между прочим, и состоит, что он не признает строительства на-авось, вслепую, что он не мыслит строительства без перспективы, что он дает на вопрос о перспективе нашей работы ясный и определенный ответ...»[2]. Тов. Сталин дает здесь задолго до периода развернутой реконструкции ясный и определенный ответ на вопрос о перспективе строительства, ответ, проникнутый непоколебимой уверенностью в победе социализма в нашей стране. Цифра 15—20 млн. индустриальных пролетариев тогда вероятно некоторым казалась утопичной, а многим во всяком случае очень далекой, нынче мы ее уже достигли. 9 июня 1925 г. на вопрос, заданный студентами-свердловцами: «Сумеем ли действительно без иностранной помощи произвести переоборудование и значительное расширение основного капитала крупной промыш-

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 133, изд. 8-е.
[2] Там же, стр. 174, изд. 9-е.

ленности?», тов. Сталин отвечает: «Дело это будет сопряжено с большими трудностями, придется при этом пережить тяжелые испытания, но индустриализацию нашей страны без кредитов извне мы все же можем провести, несмотря на все эти затруднения»[1].

До сих пор история знала три пути развития индустриальных стран. Одни страны делались могущественными промышленными державами путем захвата колониальных владений и ограбления их (Англия). Другие вырастали в индустриальном отношении на дрожжах военных контрибуций (Германия, получившая после разгрома Франции в 1871 г. от последней 5 млрд. франков). Третьи (царская Россия) покупали свою промышленность ценой кабальных концессий и займов у богатых западноевропейских держав.

Ни один из этих путей неприемлем для пролетарского государства.

Дав характеристику трех различных путей образования и развития промышленных государств, т. Сталин говорит: «Остается новый путь развития, путь, не изведанный еще полностью другими странами, путь развития крупной промышленности без кредитов извне, путь индустриализации страны без обязательного притока иностранного капитала, намеченный Лениным в статье «Лучше меньше, да лучше»... Таков тот путь, на который стала уже наша страна и который она должна пройти для того, чтобы развить свою крупную промышленность и развиться самой в мощное индустриальное государство пролетариата»[2].

Тов. Сталин рассматривает XIV партконференцию как исходный пункт для развертывания линии на индустриализацию. Доклад московскому активу и ответ свердловцам являются вехами на пути от XIV партконференции к XIV съезду, провозгласившему курс на индустриализацию основным принципом политики партии. XIV съезд партии по отчету ЦК постановил: «...вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял собой самостоятельную экономическую единицу, строящуюся

---

[1] Там же, стр. 169.
[2] Там же, стр. 170—171.

по-социалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний»[1].

Это решение XIV съезда партии об индустриализации страны и легло в основу всей экономической политики партии, осуществлявшейся под руководством т. Сталина.

Партия отвергла курс на «аграризацию» нашей страны, превращение ее в сельскохозяйственный придаток к системе мирового капитализма, как это предлагал Сокольников. В своем выступлении на XIV съезде он настаивал на том, что СССР должен развивать вывоз с.-х. продуктов, а сырье для нашей промышленности и оборудование ввозить из-за границы.

В восстановительный период при господстве мелкособственнического крестьянского хозяйства в деревне, при допущении частного капитала в городе и деревне классовое расслоение в деревне не могло приостановиться.

Но расслоение крестьянства в условиях пролетарской диктатуры имело другой характер. При капитализме классовая дифференциация деревни ведет к тому, что на одном конце растет крестьянская буржуазия, а на другом—беднота, батрачество, безземельные, безлошадные, бескоровные, а середняки постепенно исчезают. А что в действительности имело место у нас после революции, это видно из следующей таблицы, характеризующей удельный вес различных социальных групп в земледельческом населении СССР (см. табл. на стр. 115).

Комиссия Совнаркома, разрабатывавшая этот вопрос, разбила все земледельческое население на три группы: 1) пролетариат, 2) не нанимающие сроковых рабочих, т. е. не применяющие, как правило, наемного труда бедняки и середняки, и 3) нанимающие сроковых рабочих, т. е. кулацкие хозяйства, имеющие постоянных батраков. Таблица показывает удельный вес этих групп (в процентах к итогу). (См. табл. на стр. 115).

Расслоение происходит. Растет удельный вес пролетарской части населения (на 0,9%), растет и кулак (на 1,0%). Но середняк не исчезает, не «вымывается», как при капитализме, а, наоборот, растет и притом быстрее, чем все остальные группы (на 1,7%), а слой бедноты сокращается (на 3,6%). Эта таблица показывает, что только незначительная часть бедноты переходит в пролетарии, гораздо

[1] *Савельев* и *Поскребышев*, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, стр. 275, Соцэкгиз, 1931.

большая часть ее поднимается в середняки. А главное, середняк остается центральной фигурой земледелия (66,4% населения), и эта роль его усиливается. По данным, которые приводил т. Сталин в своей речи 28 мая 1928 г. «На хлебном фронте», до войны кулаки производили хлеба 1900 млн. пуд. (38% всего хлеба), а в 1926/27 г.—только 617 млн. пуд.

Социальные группы	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
1. Пролетариат	4,4	5,0	5,3
2. Не нанимающие сроковых рабочих:			
а) бедняки	24,0	21,6	20,4
б) середняки	64,7	65,8	66,4
3. Нанимающие сроковых рабочих (кулаки).	6,9	7,6	7,9
	100	100	100

(13%). Товарного хлеба они давали до войны 650 млн. пуд. (50%), в 1926/27 г.—126 млн. пуд. (20%). Партия предостерегала и XIV съезд партии правильно подчеркивал особую опасность «левого» уклона—троцкистской переоценки кулацкой опасности, растерянности перед кулацкой опасностью в восстановительный период.

Раздувая кулацкую опасность, неся панику и растерянность перед капиталистическими элементами, зиновьевско-троцкистская оппозиция уже в тот период предлагала немедленное наступление на кулака. Партия отвергла это как политический авантюризм. Чтобы нанести серьезный и решительный удар кулачеству, надо было основательно подготовить развернутое наступление на капиталистические элементы и прежде всего насадить совхозы и колхозы. Вот какую оценку дал авантюризму зиновьевско-троцкистской оппозиции т. Сталин в своей исторической речи на конференции аграрников-марксистов: «Наступление на кулачество есть серьезное дело. Его нельзя смешивать с декламацией против кулачества. Его нельзя также смешивать с политикой царапанья с кулачеством, которую усиленно навязывала партии зиновьевско-троцкистская оппозиция. Наступать на кулачество—это значит сломить кулачество и ликвидировать его как «класс»[1]. Эту

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 315, изд. 10-е.

задачу партия поставила и разрешила позже, в годы первой пятилетки, после того как подготовила все условия для этого.

Возможность мелкого производителя до некоторой степени развивать свое хозяйство, повышать потребление может быть фактически осуществлена только в условиях диктатуры пролетариата.

Подъем крестьянского хозяйства при советской власти, рост его в отличие от довоенных условий застоя и упадка можно особенно проследить по важнейшему показателю крестьянского хозяйства—обеспеченности рабочим скотом. До революции за 30-летний период движение конского поголовья происходило так:

Приходилось на 100 жителей лошадей (дореволюционный период)		На 100 душ сельского населения приходилось лошадей (советский период)	
годы	голов	годы	голов
1883	21,9	1925	18,1
1903	19,2	1926	19,1
1912	17,4	1927	19,8
		1928	19,9

Вывод ясен. До революции обеспеченность лошадьми падала неуклонно и за 30 лет снизилась в весьма значительной степени. После революции количество лошадей не только абсолютно возрастало (в 1925 г. их было 18,8 млн., а в 1928 г.— 22,1 млн.), но и обгоняло рост сельского населения, так что на каждые 100 жителей приходилось лошадей в 1928 г. на 10% больше, чем в 1925 г. Все это дало основание XVI партконференции отметить быстрый подъем мелкого индивидуального хозяйства. Однако этот подъем не означает расширенного воспроизводства в настоящем смысле этого слова, как понимал Маркс. Самый тип воспроизводства, присущий этим хозяйствам, а именно простое воспроизводство, не меняется. Накопление средств производства (а не только продуктов потребления), реорганизующее самое техническую базу производства, должно быть основой расширенного воспроизводства. Те накопления, которые имеются в мелком крестьянском хозяйстве, неспособны вывести из круга простого воспроизводства ни по своему составу (их примитивный характер), ни по своим размерам (колебания урожаев сводят их на-нет).

При советской власти возможность «известного экономиче-

ского развития» мелкого крестьянского хозяйства расширяется, но все же до ограниченных пределов. XVI партконференция поэтому и констатирует: «Если в восстановительный период быстрый подъем мелкого индивидуального хозяйства был достигнут в первую очередь за счет освоения бывших помещичьих, казенных и кулацких земель, то при завершении в основном восстановительного периода выявляются *ограниченные возможности* развития мелкого хозяйства и *в особенности роста его товарности* при данных его размерах и способах производства»[1].

Единственный путь, который обеспечивает выход мелкого крестьянского хозяйства на широкую, прочную дорогу расширенного воспроизводства,—это путь социалистического развития. Он был намечен ленинским кооперативным планом. Он был подробно развит и применен в конкретной обстановке реконструктивного периода т. Сталиным.

Одним из важнейших итогов восстановительного периода является осуществление ленинского кооперативного плана в области обращения, т. е. снабжения рабочего и крестьянского населения предметами потребления, средствами производства и сбыта продуктов крестьянского хозяйства. В 1927/28 г. деревня была охвачена потребительской кооперацией на 31% (13,9 млн. пайщиков), сельскохозяйственной—на 38% (9,5 млн. дворов).

В городе потребкооперация обслуживала свыше 40% населения.

Валовой торговый оборот сельскохозяйственной кооперации, занимавшейся сбытом продуктов крестьянского хозяйства, его кредитованием и снабжением инвентарем, материалами и т. д., составлял в 1927/28 г. больше 5 млрд. руб. Кооперация завоевала прочные позиции во всем товарообороте в городе и в деревне, в обслуживании крестьянского хозяйства, укреплении экономической смычки города с деревней.

Говоря о процессе восстановления нашего хозяйства за рассматриваемый период, не следует думать, что речь шла о простом копировании промышленного и всего народнохозяйственного уровня, сложившегося до революции и до войны. Как только появилась возможность заняться капитальным строительством, значительные суммы тратились на реконст-

---

[1] Резолюция XVI партконференции о путях подъема сельского хозяйства. Стенографический отчет, стр. 300.

рукцию старых предприятий. Соотношение между развитием отдельных отраслей было уже иное. Самый состав промышленной продукции в значительной мере изменился, приспосабливаясь к запросам широких масс. Сократилась роль предметов роскоши и непроизводительного потребления.

Еще в восстановительный период производилась постройка ряда электростанций и начато было строительство таких гигантов, как Днепрострой, Турксиб.

В этом смысле следует сказать, что уже в самом восстановительном периоде были элементы реконструкции. Советская экономика восстановительного периода ни по своей социальной базе, классовой структуре всех отраслей народного хозяйства, ни по технико-производственным показателям не была повторением дореволюционного, довоенного уровня. О довоенном уровне говорилось лишь, как об общем мериле объема народного хозяйства.

Именно благодаря иной классовой базе наше народное хозяйство было восстановлено до довоенного уровня быстрее, чем в капиталистических странах. Соотношение классовых сил к концу восстановительного периода показывает наступление социалистических элементов во всех отраслях народного хозяйства. Довоенный уровень, которого мы достигли в 1926/27 г., в дальнейшем перестал быть для нас тем показателем, с которым сравнивается уровень нашего производства. На основе проведения политики индустриализации и коллективизации в реконструктивный период мы сравниваем наши показатели с показателями передовых стран, осуществляя лозунг «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении.

Каковы общие итоги восстановительного периода? Задача восстановления хозяйства Советской России разрешена была в короткий срок. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт перешагнули довоенный уровень. Товарооборот быстро рос на основе устойчивой червонной валюты после проведения денежной реформы, причем командующее положение заняли государственная и кооперативная торговля. Рабочие промышленности, распылившиеся в период «военного коммунизма», были собраны снова и сконцентрированы на государственных предприятиях. Разрыв между ценами на промтовары и сельхозпродукты сглаживался. Промышленность исчерпала, ввела в действие все имевшееся старое оборудование. Росла производительность труда, создана была основа для дальнейшего экономического развития. Вместе с тем восстановительный

период поставил ряд серьезных задач в связи с трудностями, вытекавшими из экономики первого периода нэпа.

Главнейшие и основные трудности были: отставание тяжелой индустрии от всего хозяйства, рост кулака в деревне в связи с развертыванием нэпа и частного торгового капитала в городе. Это были трудности классовой борьбы. Классовая борьба в стране требовала укрепления хозяйственной и политической мощи пролетарской диктатуры. Советская власть имеет за этот период решающие успехи в борьбе «кто кого» в товарообороте.

«Теперь этот вопрос переносится из области торговли в область производства, в область производства кустарного, в область производства сельскохозяйственного, где частный капитал имеет свой известный удельный вес и откуда его нужно систематически выживать»[1].

Заграничная буржуазия, так же как и меньшевики, рассматривала нэп как отказ коммунистической партии от своих революционных принципов. Они были уверены, что в Советской России в связи с нэпом, со свободой торговли неизбежно возрождение капитализма, восстановление экономической мощи буржуазии и возврат ее к политической власти. Эта позиция мировой буржуазии в самом начале нэпа выявилась во время подготовки и работ Генуэзской конференции, которая созвана была по инициативе союзных стран-победительниц (Англии, Франции, Италии) и продолжалась с 10 апреля по 19 мая 1922 г. Официальной целью этой конференции было хозяйственное восстановление Центральной и Восточной Европы. Хозяйство капиталистических стран Европы как побежденных, так и победителей разваливалось. Советская Россия была заманчивой добычей, представляя огромные возможности как рынок для сбыта товаров и как поставщик сырья. На Генуэзской конференции советской делегации был предъявлен меморандум, документ, содержавший требования международного капитала. От Советской России потребовали уплаты всех военных и довоенных долгов, возвращения иностранцам всей национализированной собственности и создания таких юридических и финансовых условий, которые означали превращение нашей страны в колонию европейского капитала. Мировая буржуазия, зная наши трудности в ту пору (развал промышленности, голод в Поволжье, финансовый кризис), хотела поставить Советскую страну на колени. Никто из самых дальновидных

---

[1] *Сталин*, Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б), стр. 19, Партиздат, 1933.

буржуазных государственных деятелей не верил, что большевики смогут своими силами восстановить хозяйство, оздоровить его и справиться с нарождающимся частным капиталом. Один из выдающихся буржуазных специалистов России, проф Гриневецкий, считавший, что революция—это пышный *воздушный замок*, писал в своей книге «Послевоенные перспективы русской промышленности» в июне 1918 г.: «Громадный приток иностранных капиталов является необходимым условием экономического возрождения России и восстановления ее промышленности, ибо по весьма скромным расчетам общая потребность вливания капиталов в добычу сырья, в промышленность и в транспорт не может быть оценена ниже 15—20 миллиардов рублей золотом в период 10—12 лет». По Гриневецкому, Россия могла бы добиться хозяйственного восстановления только через 10—12 лет, т. е. в 1928—1930 гг., и лишь при условии громадного притока иностранных капиталов (15—20 млрд. рублей). Буржуазные экономисты подсчитывали, что внутри самой страны может образоваться капиталов за этот срок только несколько миллиардов. Советской власти, диктатуре пролетариата удалось восстановить хозяйство всей страны, укрепить командные экономические высоты социалистического хозяйства, оттеснить частный капитал, догнать довоенный уровень в сроки гораздо меньшие, чем 10—12 лет. Мы добились этого за 5—6 лет. За этот срок мы прошли путь от хозяйственной разрухи периода «военного коммунизма» до восстановления довоенного уровня в 1926/27 г. Мы достигли этого собственными силами, без всякой помощи иностранных капиталов. Возможность этой победы была заложена в условиях строя пролетарской диктатуры, в преимуществах советской хозяйственной системы. Мы отвергли еще в 1922 г. на Генуэзской конференции требования международного капитала, его стремление превратить Советскую страну в колонию. В политическом отчете XI съезду партии (27 марта 1922 г.), накануне Генуэзской конференции, Ленин говорил: «...В Геную мы идем не как коммунисты, а как купцы. Нам надо торговать, и им надо торговать. Нам хочется, чтобы мы торговали в нашу выгоду, а им хочется, чтобы было в их выгоду»[1]. Мы отвергли требование об уплате долгов. Государственный долг России заграничным капиталистам составлял на I/VII 1917 г. около 10 млрд. золотых рублей. Согласиться на уплату этих долгов, сделанных царским правительством для организации

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 226, изд. 3-е.

мировой бойни, значило надеть вечное ярмо на рабочих и крестьян Советской России. Желая расширить и упрочить торговлю, мы готовы были признать и долги при условии отсрочки платежей на 30 лет и предоставления нам кредитов. Ленин предупреждал тогда же господ капиталистов, что отступление закончено, больше уступок не будет: «*Довольно, завтра вы не получите ничего!*»[1]. Так оно и сбылось. Надежды капиталистов на реставрацию (восстановление) капитализма в России провалились очень быстро. От своих принципиальных позиций мы не отказались.

Уже в восстановительный период большинство важнейших капиталистических стран вступило с нами в торговые сношения. Оправдались слова Ленина по этому вопросу, сказанные на XI съезде: «Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи—если им вздумается упрямиться. Но цели своей мы достигнем!» [2].

В то время как Советская Россия без помощи иностранного капитала вышла из полосы величайшей разрухи и трудностей уже в 1926/27 г., капиталистические страны, не только побежденная Германия, но и победительница Англия, богатейшие в отношении оборудования, капиталов, усовершенствованной техники, не сумели разрешить эту задачу. В деле восстановления Советская Россия их обогнала. Еще в 1922 г. Ленин говорил о странах-победительницах на XI съезде, что «с самой простой задачей—не то, чтобы новенькое строить, а чтобы старое лишь восстановить—они вот уже четвертый год, после их величайших побед, справиться не могут...»[3].

С этой задачей они не справились и в 1926 г. Об этом говорят цифры продукции основных средств производства капиталистического мира.

Среднемесячная добыча угля в Англии в 1926 г. еще не достигла довоенной. В 1913 г. она составляла 24 336 тыс. *т* в месяц, в январе 1926 г.—21 939 тыс. *т*, а в декабре 1926 г. (после угольной стачки)—17 224 тыс. *т*. Германия добывала угля в месяц в 1913 г. 15 842 тыс. *т*, в 1926 г.—от 10 611 тыс. *т* до 13 496 тыс. *т* (высшая цифра). То же и по чугуну. Месячная выплавка чугуна сократилась в Англии с 869 тыс. *т* в 1913 г. до 578 тыс. *т* (максимальная цифра) в 1926 г., а в Германии—

---

[1] Там же, стр. 177.
[2] Там же, стр. 226.
[3] Там же, стр. 170.

с 1 609 тыс. *т* в 1913 г. до 1 065 тыс. *т* в декабре 1926 г. (максимальная месячная выработка за весь год)[1].

Наряду с обобществленным хозяйством СССР в восстановительный период росли и капиталистические элементы, хотя удельный вес их все время снижался, потому что социалистический уклад рос быстрее. В деревне росли зажиточные и кулаки, часть бедноты в условиях рыночного денежного хозяйства переходила в батраки, в то же время непрерывно происходило осереднячивание большей части бедноты.

Расслоение деревни выражалось в том, что, с одной стороны, зажиточные слои крестьянства выделяли из себя сельскую буржуазию, а с другой—известная часть бедняцких элементов пролетаризировалась, теряла свою самостоятельную, хотя бы слабенькую хозяйственную базу. Большевики не могли не видеть этой опасности. Ленинский вопрос «кто кого», вопрос борьбы с капиталистическими элементами, выступал со всей силой и не затушевывался огромными достижениями по восстановлению всего народного хозяйства СССР. Пленум ЦК РКП(б) в постановлении от 10 октября 1925 г. указывает на две опасности. Первая—правая опасность: недооценка отрицательных сторон нэпа, она ведет к недооценке кулацкой опасности, к забвению интересов деревенской бедноты. Вторая—«левая» опасность: переоценка кулака, его силы, непонимание необходимости нэпа, что ведет к разрыву союза рабочих и крестьян, следовательно к ослаблению пролетарской диктатуры.

В письме ко всем организациям, ко всем членам РКП(б), опубликованном в «Правде» от 29 октября 1925 г., пленум ЦК снова подчеркивает недопустимость двух этих уклонов от политики партии. Один уклон—недооценка кулацкой опасности; другой—растерянность перед кулацкой опасностью. В письме пленум ЦК заявил, что «...с обоими уклонами партия ведет и будет вести решительную борьбу». В резолюции XIV съезда партии по отчету Центрального комитета говорится: «Съезд решительно осуждает уклон, состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества и различных форм капиталистической эксплоатации, не желающий понять всей необходимости отпора кулачеству и ограничения его эксплоататорских стремлений...

Но в то же время съезд с такой же решительностью осуждает попытки затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне, вопрос о борьбе за середняка, как

[1] «The Economist», приложение от 22 января 1927 г.

центральную фигуру земледелия, и о кооперации, как основной организационной форме движения деревни к социализму. Съезд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном».

Преодоление второго уклона представляло тогда более трудную задачу. Этот второй уклон грозил срывом смычки между пролетариатом и крестьянством—основной задачи новой экономической политики. Этот второй уклон представлял тогда главную опасность. Представителем этого второго уклона на протяжении ряда лет восстановительного периода была троцкистско-зиновьевская оппозиция, скатившаяся в конце концов в лагерь контрреволюции. Троцкистско-зиновьевская оппозиция отказывалась признать двойственный процесс нашего роста, быстрого роста социалистических форм хозяйства, сопровождавшегося однако некоторым незначительным ростом капиталистических элементов. Эта оппозиция, считавшая революцию обреченной на гибель, безуспешно пыталась уверить партию и рабочий класс, что нэп—это возврат к капитализму, что кулак и частный капитал, выросшие на почве нэпа, свободного оборота, одержат победу над социалистической промышленностью.

Такая позиция целиком вытекала из отрицания контрреволюционным троцкизмом возможности построения социализма в одной стране, из отрицания возможности и необходимости смычки пролетариата с крестьянством как союзником. Троцкистско-зиновьевская оппозиция отрицала, что на основе нэпа достигалась цель, поставленная Лениным,—укрепление смычки пролетариата с крестьянством на базе роста социалистической крупной промышленности и подъема крестьянского хозяйства. В борьбе «кто кого» перевес все больше склонялся на сторону рабочего класса и его социалистической экономики. Оппозиция допускала грубейшую ошибку в оценке процессов расслоения, происходивших в деревне в эти годы нэпа. Троцкисты утверждали, что кулак держит в своих руках главную массу товарного хлеба. Это совершенно не соответствовало действительности.

На протяжении ряда лет партия вела решительную борьбу с троцкистской оппозицией. Борьба закончилась изгнанием из партии троцкистов, ставших на путь контрреволюционной работы против партии. После этого двурушники из каменевско-зиновьевской своры не раз злоупотребляли доверием партии и обманывали ее, вдохновляя подонки своей бывшей оппозиции на гнусные злодеяния, на террористические акты против лучших людей партии.

XV съезд партии в резолюции о работе в деревне дал следующую характеристику троцкистской оппозиции: «...Характерной чертой оппозиции является ее неверие в возможность вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию. Это есть отказ от ленинского кооперативного плана и, стало быть, прямой отход оппозиции от ленинизма. Отход этот является неизбежным результатом общей ликвидаторской установки оппозиции, отрицающей возможность строительства социализма в нашей стране».

Задачей восстановительного периода было подвести прочную промышленную базу под рабоче-крестьянскую смычку, чтобы суметь двигаться дальше необходимыми ускоренными темпами. Однако остановиться на стадии восстановления значило бы впасть в другой уклон, в уклон недооценки отрицательных сторон нэпа, недооценки кулацкой опасности, расслоения в деревне. Надо было видеть наличие и рост мелкобуржуазной стихии, из которой растет кулак, капиталист, надо было помнить, что $^1/_5$ торгового оборота еще в руках частника, что перестроить мелкое крестьянское хозяйство на социалистической основе — труднейшая задача. Выше уже говорилось и показано было, что мелкое крестьянское хозяйство не может осуществлять расширенное воспроизводство. Этот вопрос неоднократно ставился в работах Ленина и Сталина, наиболее полное теоретическое освещение он получил особенно в речи т. Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» (в декабре 1929 г.): «Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух *разных* основах—на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя»[1]. Нужна коренная реконструкция (социально-экономическая и техни-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 301—302, изд. 10-е.

ческая) сельского хозяйства. А для этого нужно создать передовую техническую базу промышленности. А между тем мы еще не имели к тому времени широкой базы для социально-технической реконструкции, мы еще не имели той крупной машинной индустрии, которая была бы способна перестроить все наше хозяйство, в том числе и земледелие. Это не значит, что в восстановительный период не начата была работа по реконструкции (перестройке) нашей промышленности. Уже в 1926/27 г. капитальные вложения в государственную и кооперативную промышленность составили 1 270 млн. руб. Из этой суммы часть пошла на реконструкцию старых предприятий (не только ремонт), а часть—на новое строительство.

Промышленность сильно выросла, но на 1 апреля 1927 г. мы еще имели 1 477 тыс. безработных (по 281 бирже труда). Металлургия сделала большие успехи, но из 136 доменных печей, действовавших в 1913 г., работали в 1927 г. только 62.

Надо было перейти к коренной социально-экономической и технической реконструкции всего народного хозяйства.

§ 4. Подготовка перехода от восстановления к реконструкции

К 1926/27 г. «восстановительный период может считаться в общих чертах законченным. Теперь народное хозяйство входит в новый период своего развития—период перестройки хозяйства на основе новой, более высокой техники»[1]. В общем первые шаги реконструктивного периода совпадают с периодом XV съезда. В обращении ко всем членам московской организации ВКП(б) 18 октября 1928 г. Центральный комитет ВКП(б) формулировал задачу реконструкции: «Мы закончили процесс восстановления народного хозяйства. Мы вступили в период его реконструкции, в период непосредственного социалистического преобразования народного хозяйства на базе новой техники. Это преобразование немыслимо без все большего развертывания индустрии как основы индустриализации страны. Лозунг индустриализации был и остается основным лозунгом социалистического строительства. Ключом же развития индустрии, а в известной мере и сельского хозяйства, является тяжелая промышленность, производство средств производства»[2].

---

[1] Из резолюции XV партконференции ВКП(б) о хозяйственном положении страны. Стенографический отчет, стр. 774.

[2] *Савельев* и *Поскребышев*, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, стр. 457.

Начало реконструкции должно было отразиться, во-первых, на увеличении общей суммы капитальных вложений. Во-вторых, сами капитальные вложения (суммы, идущие на ремонт, перестройку старых предприятий и постройку новых) должны итти главным образом в тяжелую промышленность (группа А), которая вырабатывает средства производства. В этом выражалась новая линия на реконструкцию. В-третьих, все большая часть капитальных вложений должна была итти не на старые предприятия, а на строительство новых. Должно было решительно двинуть вперед тяжелую индустрию, этот ключ индустриализации. До сих пор же, как указывалось выше, как раз тяжелая промышленность, несмотря на успехи восстановления, отставала в своем развитии от легкой. В 1926/27 г. мы имели прирост продукции по сравнению с 1913 г.: папиросы—52%, спички—9, галоши—9,6, шерстяные ткани—13,4, хлопчатобумажные ткани—5,4%, т. е. везде был значительно превышен довоенный уровень. По чугуну же в том же году было достигнуто только 70% довоенного производства, по прокату—76, по железной руде—52%. Поэтому XV съезд партии в резолюции о составлении пятилетнего плана постановил: «...должно быть усилено *производство средств производства* с тем, чтобы рост тяжелой и легкой индустрии, транспорта и сельского хозяйства, т. е. предъявляемый с их стороны производственный спрос, был в основном обеспечен внутренним производством промышленности СССР»[1]. Особенно быстро надо было развивать те отрасли тяжелой индустрии, которые усиливают обороноспособность страны, освобождают от зависимости от капиталистических стран и содействуют преобразованию сельского хозяйства на базе более высокой техники и коллективизации хозяйства. Коллективизация становится основной задачей партии в деревне. Несмотря на известный подъем крестьянской экономики за годы восстановительного периода, сельское хозяйство оставалось все еще на крайне низком уровне, будучи распыленным между 25 миллионами мелких и мельчайших крестьянских дворов. Темп его развития начал чрезмерно отставать от темпа развития промышленности. XV съезд наметил решительный поворот в этом отношении. «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве *основной задачи* партии в деревне» (резолюция о работе в деревне). В 1927 г. было всего коллективи-

[1] XV съезд ВКП(б), Стенографический отчет, стр. 1295.

зировано 0,8% крестьянских хозяйств. В сельском хозяйстве господствовала мелкобуржуазная стихия, хотя уже охваченная в значительной степени различными видами кооперации, что имело большое значение в подготовке широкого колхозного движения. XV съезд партии—съезд коллективизации—поворотная веха к коренной социалистической реконструкции крестьянского хозяйства.

Отстаивание возможности социалистической перестройки крестьянского хозяйства было составной частью и важнейшим звеном во всей неустанной борьбе партии под теоретическим и организационным руководством т. Сталина против троцкистско-зиновьевского неверия в построение социализма. В своей работе «К вопросам ленинизма» в январе 1926 г. т. Сталин так определил путь социалистического строительства деревни: «Что это за путь? Это есть путь массового кооперирования миллионов крестьянских хозяйств по всем линиям кооперации, путь объединения распыленных крестьянских хозяйств вокруг социалистической индустрии, путь насаждения начал коллективизма среди крестьянства сначала по линии *сбыта* продуктов земледелия и *снабжения* крестьянских хозяйств городскими изделиями, а потом по линии сельскохозяйственного *производства*»[1]. На первом этапе нэпа, в годы 1921—1927, наши усилия были направлены главным образом на охват кооперацией сбыта сельскохозяйственных продуктов и снабжения крестьянского хозяйства продуктами промышленности по двум причинам. Во-первых, на этом участке особенно сильны были позиции частного капитала, и его надо было вытеснить, во-вторых, наша государственная промышленность еще не была подготовлена к тому, чтобы взять на себя разрешение труднейшей задачи производственной помощи, производственной смычки с сельским хозяйством. К концу восстановительного периода мы уже сделали большие успехи в деле кооперирования сбыта и снабжения в деревне. В 1926/27 г. сельскохозяйственная кооперация объединяла треть крестьянских хозяйств, а потребительская—половину. Удельный же вес колхозов был очень мал. Это были лишь островки социализма в деревне. Но хотя их было очень мало, роль их была велика. Несмотря на всю свою слабость, неорганизованность, они должны были служить примером, наглядным показом возможности социалистической, коллективной организации крестьянского хозяйства. Еще в 1919 г. в речи на I Всероссийском съезде земледельческих коммун

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 143, изд. 10-е.

и сельскохозяйственных артелей Ленин призывал «...достичь того, чтобы из существующих двух тысяч коммун и около четырех тысяч артелей каждая была ячейкой, способной на деле укрепить среди крестьян убеждение, что коллективное земледелие, как переход к социализму, есть вещь полезная, а не блажь, не простой бред»[1].

В 1919 г. было крайне незначительное количество колхозов—около 6 000.

В течение ряда лет партия усиленно поддерживала развитие всевозможных форм кооперации в деревне, и мы видели выше, что к концу восстановительного периода поле ее действия было весьма широкое. В числе этих кооперативных форм медленно, но прочно внедрялась высшая форма кооперации (производственной)—колхоз, вербовавшая своих членов главным образом из пролетарских элементов деревни и бедноты. Прежде чем перейти к строительству колхозов, мелкое единоличное крестьянство должно было пройти предварительную простейшую школу общественного хозяйствования.

Такой школой была сельскохозяйственная кооперация, простая и доступная по методам своей работы крестьянину. Это—всевозможные товарищества специальные (молочные, льняные и т. д.), кредитные. Насколько быстро шел процесс вовлечения крестьян в сельскохозяйственную кооперацию, можно судить по следующим цифрам. Крестьянские хозяйства, вовлеченные в различные виды сельхозкооперации (кроме колхозов), давали в 1926/27 г. 31% всей валовой продукции сельского хозяйства, в 1927/28 г.—38,6%, в 1928/29 г.—44,6%. Это была необходимая подготовительная ступень для массового колхозного движения. Одновременно с этим действовал другой важнейший фактор. Успехи индустриализации создавали возможность усиленного снабжения коллективизирующейся деревни новым сельхозинвентарем, а главное машинами, тракторами, ставившими крестьянское хозяйство на новый лад. Об этом говорят цифры промышленного производства (см. табл. на стр. 129).

Производство сельхозмашин выросло в 1928 г. по сравнению с 1924 г. в 4 раза. Производство тракторов в 1924 г. ставилось только, мы еще не овладели этой отраслью. В 1927 г. было уже налажено массовое производство на старых заводах («Красный путиловец»). В этот период создается широкая сеть прокатных пунктов сельскохозяйственных машин, а затем и первые машинно-тракторные станции и уже ясно намечается

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 583, изд. 3-е.

путь социалистической переделки крестьянского хозяйства на основе новой, машинной, тракторной техники. Это, разумеется, не исключает и не задерживает роста колхозов на основе простого объединения крестьянских средств производства, но была уже перспектива создания новой, мощной технической базы. Все это подготовило переход к производственной форме смычки с крестьянством как основной и решающей, к смычке не только через товарный оборот, но и через производственную

	1924 г.	1927 г.	1928 г.
Сельхозмашин (в млн. руб. по ценам 1926/27 г.)	33,5	103	139
Тракторов (в штуках)	11	874	1 491

помощь, через социально-техническую перестройку крестьянского хозяйства. В этот период подготавливался на основе директив XV съезда партии пятилетний план народного хозяйства. Его основные задачи—поставить на ноги тяжелую индустрию, создать в ее лице свою собственную базу для технической реконструкции всего народного хозяйства, создать техническую базу для социалистического преобразования сельского хозяйства в форме колхозов и совхозов.

***

Одной из важнейших особенностей периода реконструкции является обострение классовой борьбы. Разрешение новых задач требовало усиления борьбы с капиталистическими элементами, мобилизации всех сил и возможностей социалистического уклада. Социалистические формы хозяйства накопили для этого достаточно сил за годы восстановления. Кулак, хотя и не игравший решающей роли в производстве товарного хлеба, стремясь сорвать наступление социалистического хозяйства, саботировал продажу хлеба. Между тем к концу 1927 г. намечался дефицит (нехватка) у государства в 128 млн. пуд. хлеба. Дефицит хлеба появился не потому, что государство собирало хлеба меньше, чем в прошлые годы. Наоборот, вместе с восстановлением всего хозяйства укреплялись позиции государства и в области с.-х. заготовок. На 1 апреля 1926 г. было заготовлено 434 млн. пуд. хлеба, на 1 апреля

1928 г.—576 млн. Но потребности в хлебе росли быстрее, чем производство товарного хлеба. С одной стороны, росла промышленность, росли городское население, рабочий класс, развивались сельскохозяйственные районы, производившие технические культуры, хлеба не сеющие. С другой стороны, главную массу товарного хлеба (на рынок) давали теперь не кулаки и помещики, а середняцкие и бедняцкие крестьянские хозяйства (74% в 1926/27 г.). А мелкое крестьянское хозяйство к расширенному воспроизводству в массе своей неспособно. Оно хотя и развивалось, но не могло поспевать за растущими потребностями всего народного хозяйства.

«...Слабость мелкого крестьянского хозяйства состоит в том, что оно лишено, или почти лишено, этих возможностей (крупного хозяйства.—*Д. Ч.*), ввиду чего и является оно хозяйством полупотребительским, малотоварным»[1]. Товарность бедняцко-середняцкого хозяйства составляла в 1926/27 г. всего 11%.

В этом причина того, что в 1927 г. мы имели товарного хлеба только 630 млн. пуд. вместо 1 300 млн. пуд. в 1913 г., т. е. вдвое меньше. Товарность кулацкого хозяйства была выше (20%), кулаки продавали бóльшую долю хлеба, чем середняки. Кулаки, видя недостаток хлеба, стали развивать спекуляцию хлебом, вести агитацию против государственных хлебозаготовок. Они не ограничивались агитацией, они действовали и с обрезом в руках, убивали деревенских активистов, поджигали их дома и общественные здания. Сопротивление капиталистических элементов социалистическому наступлению проявилось и в форме вредительства. В 1928 г. была вскрыта вредительская организация в Шахтинском каменноугольном районе на Северном Кавказе. Группа старых специалистов, принадлежавших к инженерской верхушке, получала деньги от старых хозяев за то, чтобы всячески тормозить развитие нашей угольной промышленности. Они затопляли хорошие шахты, разрабатывали шахты явно негодные, всячески препятствовали введению механической добычи угля. И кулаки, саботировавшие хлебозаготовки, и шахтинские вредители спекулировали на трудностях советской власти. Пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы сломить кулацкий саботаж. Товарищи Бухарин и Рыков занимали в этом вопросе буржуазно-либеральную позицию, выступая в принципе против применения чрезвычайных мер в отношении кулачества. Центральный комитет партии в самом начале

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 212, изд. 10-е.

предупредил, что чрезвычайные меры носят временный характер. ЦК в 1928 г. подтвердил необходимость соблюдать революционную законность в деревне.

XV съезд считал, что «...по отношению к возросшим в своей абсолютной массе,—хотя и в гораздо меньшей степени, чем социалистический сектор хозяйства,—элементам частно-капиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения» (резолюция по отчету ЦК).

В этот период т. Сталин дал первый сигнал о необходимости усиления борьбы с правым уклоном, который стал более опасен, чем троцкизм, разгромленный партией к тому времени. «В чем состоит опасность *правого*, откровенно оппортунистического уклона в нашей партии? В том, что он *недооценивает* силу наших врагов, силу капитализма, не видит опасности восстановления капитализма, не понимает механики классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата и потому так легко идет на уступки капитализму...»[1]. Правые выступили против партии. Они отрицали необходимость наступления на капиталистические элементы в деревне, на кулака, они были против ускорения темпов развития индустрии, особенно тяжелой, против развертывания совхозного и колхозного строительства. Политика правых привела бы к усилению кулака, капитализма, буржуазии. Правый уклон был отражением кулацкой идеологии, влиявшей на некоторые слои нашей партии и рабочего класса. Чтобы выполнить план реконструкции, выраженный в первой пятилетке, надо было решительно бороться и преодолеть правый уклон, недооценивавший и затушевывавший классовую борьбу, отрицавший коллективизацию, выступавший против широкого развертывания промышленного строительства.

§ 5. Период первой пятилетки

XVI партконференцией (в апреле 1929 г.) и V съездом советов СССР (в мае 1929 г.) был утвержден первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Первый пятилетний план ставил своими основными задачами превращение СССР из страны аграрной в индустриальную на основе современной техники, создание передовой индустриальной базы для технической реконструкции в дальнейшем всего народного хозяйства, перевод мелкого крестьянского хозяйства на рельсы

[1] Там же, стр. 234.

крупного коллективного производства, чтобы обеспечить экономическую базу для победы социализма в деревне. Пятилетний план должен был преодолеть чрезмерную отсталость сельского хозяйства от промышленности, укрепить позиции пролетарской диктатуры внутри и вне страны, укрепить обороноспособность страны. Первая пятилетка должна была сделать решительный шаг вперед по пути осуществления лозунга партии—догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны. Первым пятилетним планом была запроектирована огромная сумма капитальных вложений во все народное хозяйство—64,5 млрд. руб., из них в одну промышленность 19,1 млрд., главным образом в тяжелую промышленность. Промышленная продукция по плану первой пятилетки должна была вырасти в $2^1/_2$ раза, коллективизацией предполагалось охватить до 22% крестьянского населения. Первый пятилетний план был программой развернутого социалистического наступления, планом превращения СССР в индустриальную страну. Выполнение этого плана представляло громадные трудности. Трудности эти вытекали из унаследованной нами общей технико-экономической отсталости страны, из чрезвычайной распыленности крестьянского хозяйства, затруднявшей задачу его социалистической перестройки, наконец из наличия международного капиталистического окружения и капиталистических элементов внутри страны, бешено сопротивлявшихся наступлению социализма. Предстояла ожесточенная классовая борьба, огромное напряжение сил всей страны, в первую очередь рабочего класса. Грандиозность производственной и строительной программы первой пятилетки не могла не поразить заграничных экономистов. Мировая буржуазия оказалась сильно встревоженной. Ее наиболее компетентные представители прекрасно отдавали себе отчет, что будет означать успешное выполнение первой пятилетки. Германский профессор Шлезингер в докладе на собрании берлинских инженеров в 1929 г. отразил эту тревогу мировой буржуазии: «Индустриализация СССР в техническом отношении так проработана, что когда пятилетка будет выполнена, то СССР через 10 лет будет обладать лучшими и наиболее хорошо оборудованными заводами и фабриками во всем мире». Никто из лагеря буржуазии не отрицал грандиозности плана. Известный американский экономист Стюарт Чэйз писал 1 декабря 1929 г. в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн»: «Размах строительства в СССР столь велик, что крупнейших американских деятелей он должен привести в изумление и пре-

клонение». Но, будучи вынужденными признать грандиозность программы первой пятилетки, буржуазные экономисты заранее пророчили невозможность ее выполнения большевиками, провал ее осуществления. Американский журнал «Мэгэзин оф Уолл Стрит» 8 февраля 1930 г. писал: «Великий эксперимент, который проводится в СССР, с американской точки зрения обречен на неудачу, но во всяком случае промышленность СССР растет». Английская газета «Таймс» 22 марта 1930 г. давала такую оценку первого пятилетнего плана: «Они (большевики) пытаются в 5 лет осуществить то, на что потребовалось бы 50 лет в благоприятных условиях, которые, как они сами признают, отсутствуют...». Об утопичности первой пятилетки в самой категорической форме говорил германский промышленник Крамер. Он заявил: «Если бы пятилетний план можно было выполнить в 50 лет, то и тогда это было бы грандиозно. Однако это утопия; компартия СССР играет перед рабочими всего мира роль призрака мировой революции».

Итак, буржуазия не могла отрицать грандиозности, смелости того пятилетнего плана, осуществить который поставила себе целью партия, но все предсказывали провал его. Это тем более понятно, если мы вспомним, что первая пятилетка была утверждена партией и правительством к середине 1929 г., как раз тогда, когда уже стремительно развивался мировой экономический кризис. Крах капиталистического «процветания» (просперити) надвигался неудержимой лавиной, когда рабочий класс СССР, уверенный в своих силах и окончательной победе, бросил вызов капиталистическому миру первой пятилеткой.

***

В первую пятилетку необходимо было осуществить индустриализацию ускоренными темпами. Неизбежность высоких темпов вытекала из особенностей внутренней экономики страны и из нашего положения во всем мировом хозяйстве. После революции диктатура пролетариата получила в наследство технически отсталую страну. В особенности отстало сельское хозяйство. Чрезмерная отсталость земледелия благодаря господству мелкого и мельчайшего распыленного индивидуального хозяйства обязывала нас как можно быстрее двигать вперед индустрию. Индустрия должна была дать новую техническую базу земледелию, перестраивающемуся на социалистических началах. Этим и только этим мог быть решен вопрос «кто кого», вопрос о

победе социализма во всей нашей экономике. Отсюда—необходимость быстрых темпов развития социалистической индустрии. Однако это не единственная причина. Мы могли бы обойтись без напряженных темпов роста только при одном обязательном условии: при условии победы пролетарской революции во всем мире или хотя бы в нескольких решающих капиталистических странах. При наличии пролетарской диктатуры в наиболее передовых в технико-экономическом отношении капиталистических странах Европы мы могли бы осуществить социалистическую реконструкцию нашего земледелия и всего народного хозяйства при помощи высокой техники этих пролетарских государств. Отсутствие этого условия, наличие сплошного капиталистического окружения заставляло нас ускоренными темпами развивать и строить нашу промышленность, чтобы догнать и перегнать Европу и Америку и иметь собственную индустрию, превосходящую их по технике. Внешняя обстановка капиталистического окружения вместе с отсталостью нашего хозяйства вообще и в особенности с чрезмерною отсталостью нашего сельского хозяйства заставляли и обязывали нас брать высокие, большевистские темпы строительства.

На Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. т. Сталин исчерпывающим образом показал, почему проблема темпов имеет для нас решающее значение. «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость... Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было убито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил во время Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[1]. Для характеристики степени нашей отсталости (накануне реконструктивного периода) от самой передовой капиталистической страны—США—достаточно привести две цифры, касающиеся основных, решающих отраслей хозяйства—угля и чугуна. В 1925/26 г. в СССР было добыто 25,4 млн. *т* каменного угля и выплавлено 2,22 млн. *т* чугуна. В том же, 1925, году в США добыча угля составляла 522,9 млн. *т*, а вы-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 445, изд. 10-е.

плавка чугуна—36,4 млн. *т*. В 1925 г. производство чугуна и добыча угля в СССР находились приблизительно на таком же уровне, какой имели Соединенные штаты в 1872 г. (цифры за этот год в США—27,2 млн. *т* угля и 2,1 млн. *т* чугуна). Значит мы тогда (в 1925 г.) отставали от США ровно на 50 лет. Это весьма показательная иллюстрация к приведенным выше словам т. Сталина. Чтобы пробежать такое расстояние в короткий срок, надо было отстаивать и проводить в жизнь высокие, более ускоренные темпы строительства. Промышленность Соединенных штатов до войны давала в среднем ежегодный прирост в 3,4%. Средний годичный прирост продукции русской промышленности за период 1885—1913 гг. был 5,8%. В годы восстановления темпы роста нашей промышленности были громадны, потому что были запасы старого оборудования, которые можно было оживлять, пускать в ход без больших затрат. Так, в 1925 г. прирост промышленной продукции составил 66,1% к предыдущему году, а в 1926 г.—43,2%. После исчерпания старых резервов основного капитала темпы дальнейшего роста не могли быть конечно такими высокими, но понятно, что не могло быть и речи о развитии капиталистическими темпами. Это значило бы, что в течение ряда десятилетий мы были бы обречены на колоссальное отставание от капитализма, нас побили бы за отсталость.

Троцкистско-зиновьевская оппозиция выявила в этом коренном вопросе о темпах социалистической реконструкции свою пораженческую, контрреволюционную позицию поганеньких капитулянтов и крайних минималистов как раз тогда, когда надо было действительно приступать к широкой реконструкции народного хозяйства. В докладной записке «Особого совещания по восстановлению основного капитала», исходившей из троцкистских установок, намечалось как раз для *реконструктивного* периода снижение ежегодной суммы капитальных вложений в госпромышленность с 1543 млн. руб. в 1926/27 г. до 1060 млн. руб. в 1929/30 г. Такова была конкретная наметка, скрывавшаяся за сверхиндустриалистскими фантазиями троцкистов. Слова троцкистов о якобы максимальных темпах индустриализации, о так называемой «сверхиндустриализации», на деле превратились в жалкую капитуляцию перед грандиозными задачами реконструкции, в потухающую троцкистскую кривую развития социалистической промышленности. В государственную промышленность в 1929/30 г. фактически было вложено не 1060 млн. руб., как предполагалось по троцкистской наметке, а 3540 млн. рублей.

XV партконференция в свое время разоблачила капитулянтскую позицию троцкистско-зиновьевской оппозиции: «Совершенно неправильна пораженческая идеология, которая проявлялась в выступлениях оппозиции, связывающей с этим замедлением темпа срыв индустриализации и угрозу диктатуре пролетариата... специфические условия советского государства обеспечивают за промышленностью более быстрый темп развития, чем в условиях капиталистического государства» (из резолюции XV партконференции о хозяйственном положении)[1]. Против ускоренных темпов индустриализации выступали ожесточенно правые, пугая кризисом хозяйства. Тов. Бухарин в своих «Заметках экономиста» (сентябрь 1928 г.) ужасался проектировке роста капитального строительства в 1929/30 г. на 39, 6% больше, чем в 1928/29 г. Он считал такие темпы роста капиталовложений «акробатическими salto mortale» (головоломный прыжок). Но что показала действительность? Капитальные вложения в промышленность составляли в 1929 г. 2 300 млн. руб., в 1930 г.—3.540 млн. руб. (рост на 54%), в 1931 г.—6 645 млн. руб. (рост на 87%). Реконструкция требовала революционных темпов, напряжения всех сил, использования всех резервов. Правые как кулацкая агентура внутри партии сопротивлялись революционным темпам реконструкции, пытались тормозить их. Так в конце концов и троцкисты и правые уклонисты сошлись на одной «платформе» против ускоренной индустриализации страны. И у тех и у других было неверие в возможности реконструктивного периода. «Вот где причина того, что *троцкистов не отличишь теперь от наших правых уклонистов*»[2]. И те и другие выступали против плана первой пятилетки.

Правые, признавая на словах линию партии на индустриализацию, прикрываясь фразами о якобы «более легком пути», видели в индустриализации только развитие легкой промышленности как основу торговой смычки. Индустриализация, проводимая ускоренными темпами, не является для правых ключом социалистической реконструкции всего народного хозяйства, в том числе и земледелия. Троцкисты же отрицали вообще возможность социалистической переделки крестьянского хозяйства, а следовательно и решающую роль социалистической индустриализации в этом деле. У троцкистов в конце концов получалось, что индустрия растет сама по себе,

---

[1] «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, стр. 280, Партиздат, 1933.

[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 416, изд. 10-е.

а крестьянское хозяйство, мелкотоварное хозяйство, развивается независимо от индустрии. Троцкисты рассчитывали на очень продолжительное существование крестьянского товарного хозяйства. Так, автор троцкистской теории советского хозяйства Преображенский в 1926 г. писал: «Борьбу с товарным хозяйством мы вели при «военном коммунизме», ведем теперь и будем вести ее через десять и через двадцать и, надо думать, через тридцать лет...».

Таким образом Преображенский полагал, что в 1956 г. нам придется еще бороться со стихией товарного производства, с мелкобуржуазной стихией. Такова беспросветная «перспектива» троцкизма. «Гнить на корню»—таков был бы удел пролетарской революции в СССР, если бы партия не разбила вдребезги контрреволюционный троцкизм и его зиновьевско-каменевское охвостье. Между тем мы ставим себе задачей уничтожение классов во второй пятилетке, т. е. через несколько лет, и для этого у нас имеется прочная реальная база—господство социалистического уклада во всем народном хозяйстве. Позиция троцкистов вытекала из неверия в социалистическую индустриализацию, из отрицания возможности социалистической перестройки мелкого крестьянского хозяйства на основе индустриализации всей нашей экономики.

Если троцкисты отрицали положительную роль крестьянства в пролетарской революции, то правые оппортунисты, наоборот, считали, что социализм может самотеком вырасти из мелкого индивидуального хозяйства. У правых оппортунистов «ключом реконструкции сельского хозяйства является развитие индивидуального крестьянского хозяйства». Они отрицали тезис т. Сталина, целиком вытекающий из основ марксовой экономической теории и ленинизма, о невозможности расширенного воспроизводства и накопления в мелком крестьянском хозяйстве. Правые думали построить социализм на мелком хозяйстве, оставляя в неприкосновенности его индивидуальную производственную основу. Они считали, что крестьянское хозяйство может в порядке естественного хода вещей перерастать в социализм.

Тов. Сталин подверг жестокой критике эту теорию самотека, по которой крестьянский индивидуальный сектор развивается по одной линии, а социалистический—по другой, где-то линии встретятся и получится равнодействующая—социализм.

Правые считали, что «коллективные хозяйства—это не главная магистраль, не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство придет к социализму». Правые отри-

цали единственно правильный путь социалистического развития деревни—строительство колхозов, путем вовлечения в них крестьянских хозяйств, и строительство совхозов.

В основе правооппортунистической теории самотека и курса на сохранение индивидуального хозяйства лежит неправильное, антимарксистское и антиленинское представление о классовой борьбе в переходный период. Правые отрицают наличие ожесточенной борьбы классов в эпоху пролетарской диктатуры, борьбы между коммунизмом и капитализмом. Что это так, видно из оценки ими роли кулака в нашей экономике. Тов. Сталин в речи «К вопросам аграрной политики в СССР» говорит: «Не менее смешным кажется другой вопрос: можно ли пустить кулака в колхоз. Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения. Кажется, ясно».

Правые говорили другое: кулак не страшен, а полезен (мы ему «поможем» и он нам); раз кулак через кулацкую кооперацию может якобы врасти в нашу социалистическую систему хозяйства, то, естественно, нет ничего опасного и в существовании мелкого индивидуального хозяйства как основы земледелия, понятна и теория самотека.

Правооппортунистическая линия на самотек, на всемерное развитие индивидуального крестьянского хозяйства представляет собой кулацкую программу. Она извращает всю суть ленинского кооперативного плана, так как сводит его лишь к кооперации торговых связей, сбыта и снабжения деревни, отказываясь от переделки хозяйства, от производственной кооперации колхозов.

Наше социалистическое строительство в деревне, протекающее под лозунгом сплошной коллективизации и ликвидации кулачества, встречало отчаянное сопротивление со стороны разбитого кулачества. Классовый враг изощрялся в способах подрыва, срыва нашей строительной работы. Эта борьба не только не потухала, но в период развернутого наступления на капиталистические элементы было неизбежно ее обострение. Правый оппортунизм в период первой пятилетки являлся поэтому главной опасностью. Теория самотека означала отказ от борьбы с классовым врагом, отказ от уничтожения классов, от построения бесклассового социалистического общества.

Одновременно велась решительная борьба с «левацкими» загибами в строительстве колхозов. «Левые» перегибы и извращения дают пищу правому уклону, кулацкой агитации. «...Чтобы бороться с успехом с правым оппортунизмом, надо

преодолеть ошибки «левых» оппортунистов. «Левые» загибщики являются объективно союзниками правых уклонистов... Особенность переживаемого момента состоит в том, что борьба с ошибками «левых» загибщиков является у нас условием и своеобразной формой успешной борьбы с правым оппортунизмом»[1].

1929 год, первый год пятилетки, был годом великого перелома во всем народном хозяйстве, во всем ходе социалистического строительства. Перелом шел под знаком решительного наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни. Он сказался решающими успехами в области промышленности, сельского хозяйства и социалистической организации труда. Одно из основных достижений первого года первой пятилетки—рост тяжелой индустрии. «...Мы добились за истекший год благоприятного разрешения в основном *проблемы накопления* для капитального строительства тяжелой промышленности, взяли *ускоренный темп* развития производства средств производства и создали предпосылки для превращения нашей страны в страну *металлическую*»[2]. Сбылись следовательно перспективы, намеченные т. Сталиным в его докладе московскому активу 9 мая 1925 г. в отношении металлической промышленности и индустриализации. Тяжелая индустрия—это краеугольный камень индустриализации. Вот как Ленин ставит вопрос о тяжелой индустрии: «Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве—этого еще мало, и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления,—этого тоже еще мало,—нам необходима также *тяжелая* индустрия. А для того, чтобы привести ее в хорошее состояние, потребуется много лет работы. Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство—я уже не говорю, как социалистическое,—погибли»[3]. Проблема накопления к концу 1929 г. была в основном разрешена.

В крупную промышленность и электрификацию за 1929 г. было вложено свыше 2 600 млн. руб.; продукция крупной промышленности выросла всего на 25,8%, а средств производства—на 31%, достигнув огромной цифры в 21 млрд. руб.

Замечательный перелом, имеющий всемирноисторическое

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 337—338, изд. 10-е.
[2] Там же, стр. 289—290.
[3] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 349, изд. 3-е.

значение, совершился в сельском хозяйстве, в колхозном движении.

«В чем состоит *новое* в нынешнем колхозном движении? Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что *в колхозы пошел середняк*. В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение Советской власти за истекший год»[1]. Середняк, центральная фигура земледелия, повернул на социалистическую дорогу. Коренной перелом, начавшийся во второй половине 1929 г., сказался в темпах коллективизации.

Процент коллективизированных крестьянских хозяйств составлял в 1927 г. 0,8, а в 1928 г.—1,67, на 1/VI 1929 г.—3,94, на 1/X 1929 г.—7,5. Сильная тяга бедняцко-середняцкого крестьянства в колхозы, на социалистический путь развития, начавшаяся в конце 1929 г., знаменовала, как указывается в резолюции ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК о контрольных цифрах, «...новый этап, новую полосу в переходном от капитализма к социализму периоде».

***

XIV съезд партии был съездом индустриализации, XV съезд—съездом коллективизации, XVI съезд партии, состоявшийся в июле 1930 г., был съездом развернутого социалистического наступления по всему фронту. В период XVI съезда, т. е. во втором году первой пятилетки, мы вступили в новый этап переходного периода, коренным образом отличающийся от прежних, от начальной стадии всего революционного переходного периода в целом и нэпа в частности. Это новое впервые формулировал т. Сталин в своем заключительном слове на XVI съезде: «Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко»[2]. Вступление СССР в период социализма—это факт всемирноисторического зна-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 296, изд. 10-е.
[2] Там же, стр. 432.

чения. Его значение особенно велико потому, что одновременно весь капиталистический мир находился в тисках жесточайшего кризиса. Самая передовая капиталистическая страна—США, которая выставлялась защитниками буржуазии как пример процветания, переживала в то время состояние глубокого и все усиливающегося кризиса.

Социализм, о котором десятки лет назад можно было лишь мечтать, теперь стал фактом в повседневной жизни СССР. Социализм, как и всякий общественный уклад, марксизм-ленинизм рассматривает в движении и развитии. Полного социалистического общества у нас еще нет. Построить его—дело второй пятилетки. Мы еще не вышли из переходного периода, из нэпа с его особенностями, но мы имеем уже начальный период социализма. И этим новый этап отличается от предыдущих.

Какие сдвиги произошли в расстановке классовых сил, в соотношении укладов за краткий период, начиная с 1926/27 г., являющегося переходным от восстановления к реконструкции, до XVI съезда? Социалистическая промышленность была не только восстановлена, но уже реконструировалась. Удельный вес частного сектора в крупной промышленности СССР к этому времени представлял ничтожную величину—меньше одного процента, т. е. капиталистические элементы крупной промышленности фактически пошли ко дну. С точки зрения борьбы классов—это важнейший итог. «Ясно, что вопрос «кто кого», вопрос о том, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм,—уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно»[1]. Второй решающий факт, обусловивший вступление нашей страны в период социализма,—это поворот середняка, основной массы крестьянства, на путь социализма—в колхозы—в 1929 г. 36 млн. *га* посевных площадей в колхозах—таков итог коллективизации и состояние социалистического земледелия весной 1930 г. Колхозник стал центральной фигурой земледелия, верной и действительной опорой советской власти, социализм стал преобладающим не только в городе, но и в деревне.

Это была подлинная революция в социалистическом переустройстве мелкого крестьянского и всего сельского хозяйства, ибо наряду с колхозами были созданы гиганты-совхозы—государственные фабрики зерна.

Третий решающий фактор, обусловивший вступление в пе-

[1] Там же, стр. 366.

риод социализма,—это переход от политики вытеснения и ограничения капиталистических элементов к политике ликвидации кулачества как класса.

Раньше кулацкое хозяйство только ограничивалось в своем развитии, причем отдельные группы капиталистических элементов, отдельные отряды кулачества вытеснялись. Теперь от вытеснения отдельных кулацких элементов партия перешла к ликвидации кулачества как класса, к лишению его всей производственной базы. К ликвидации кулачества как класса мы могли приступить лишь тогда, когда оказалось возможным заменить кулацкое производство хлеба социалистическим производством. В 1927 г. кулацкие хозяйства собрали 600 млн. пуд. хлеба и продали из этого количества в город 130 млн. пуд. Колхозы и совхозы в том же году имели урожай в 80 млн. пуд., из коих могли продать только 35 млн. пуд. В 1927 г. совхозы и колхозы следовательно не могли еще заменить кулака. Мы имели бы нехватку в 100 млн. пуд. хлеба. Но благодаря росту коллективизации положение изменилось в 1929 г.: тогда совхозы и колхозы из всего своего урожая в 400 млн. пуд. могли благодаря большей товарности своего хозяйства выбросить на рынок более 130 млн. пуд., т. е. больше, чем кулак в 1927 г. «Теперь у нас имеется, как видите, материальная база для того, чтобы *заменить* кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Вот почему наше наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех. Вот как надо наступать на кулачество, если говорить о действительном наступлении, а не ограничиваться пустопорожней декламацией против кулачества»[1]. Следовательно ликвидация кулачества как класса предполагала как условие экономическую замену кулацкого производства хлеба колхозным и совхозным производством. Вторым ее существенным признаком является самое раскулачивание, производимое в административном порядке, мерами принуждения. Меры принуждения проводились самими бедняцко-середняцкими массами. Правые оппортунисты подняли вопль по поводу того, что с кулаками обходятся не очень мягко, применяя всю власть диктатуры пролетариата. Разумеется, это никак не мирится с теорией правых о том, что кулак может врасти в наш социалистический строй.

Само раскулачивание, лишение кулаков их производственной базы (скот, инвентарь, постройки), имело и имеет в на-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 316, изд. 10-е.

стоящее время другой характер, чем раскулачивание в 1918 г. Тогда комитеты бедноты тоже отнимали у кулаков землю, скот, машины, но, во-первых, это делалось частично, а самое главное, средства производства, изъятые у кулака, шли в индивидуальную собственность бедноты, маломощных. Пролетарское значение этих мер и тогда было несомненно—ослаблялась сила кулака, укреплялись пролетарские и полупролетарские слои деревни, на которых опиралась советская власть. Но раскулачивание тогда не было связано с обобществлением, не происходило на широкой базе коллективизации. Имущество раскулаченных хозяйств шло тогда в дележку. Другое дело в период первой пятилетки, когда все средства производства шли в хозяйство колхозов. Здесь мы имели не просто частичное раскулачивание капиталистических крестьянских хозяйств, *а ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.*

Неудивительно, что правые оппортунисты не могли усвоить все значение и серьезность новой политики ликвидации кулачества как решающего поворота в борьбе с капиталистическими элементами. В январе 1930 г. правый оппортунист Рютин выступил со статьей, где он доказывал, во-первых, что в восстановительный период партия проводила только политику *ограничения* капиталистических элементов города и деревни и что только с началом реконструктивного периода мы перешли к политике их вытеснения. Во-вторых, он утверждал, что политика ликвидации кулачества как класса является продолжением политики вытеснения. Оба эти положения совершенно неправильны и стремились смягчить тот решающий поворот, то новое в классовой борьбе, что содержалось в новой политике ликвидации. Вытеснение всегда было связано с ограничением. Между вытеснением же отдельных отрядов и ликвидацией всего кулачества в целом как класса огромная принципиальная разница. «...Нынешняя политика партии в деревне есть не *продолжение* старой политики, а *поворот* от старой политики *ограничения* (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике *ликвидации* кулачества как класса»[1]. Эта политика не имеет ничего общего ни с авантюристской декламацией троцкистов-зиновьевцев, с политикой «царапания» с кулаком, ни с пустой болтовней и разговорами правых уклонистов о «вытеснении» в реконструктивный период.

Постановление ЦК от 5 января 1930 г. «О темпе коллек-

[1] Там же, стр. 321.

тивизации и мерах помощи государства колхозному строительству» отмечает, что «...мы имеем материальную базу для *замены* крупного кулацкого производства *крупным* производством колхозов...», что дало полное основание партии «...перейти в своей практической работе от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса»[1]. Ликвидация кулачества как класса стала *главным* лозунгом, а лозунг ограничения кулачества в районах без сплошной коллективизации превратился из самостоятельного лозунга в лозунг *подсобный*, вспомогательный, облегчающий подготовку условий для перехода к главному лозунгу.

Кулачество как класс с определенной экономической базой перестает существовать, ликвидируется. Разумеется, оно оказывает отчаянное сопротивление. Отсюда то обострение классовой борьбы, которое мы имеем в период развернутого социалистического наступления. Теперь ликвидация кулачества в решающих районах в основном закончена. Это не значит, что все дело в этих районах пойдет гладко и плавно. Кулаки, ликвидированные как класс, т. е. экономически, остаются существовать физически и, успешно нередко маскируясь, проникают в колхозы, разлагая их, побуждая к срыву мероприятий советской власти. Поэтому и в период ликвидации кулачества обострение классовой борьбы в новых формах неизбежно еще в отдельные моменты, на отдельных участках.

Таковы три решающих факта, обозначавших решительный сдвиг в соотношении классов и знаменовавших собою вступление СССР в начальный период социализма. Это, во-первых, решение вопроса «кто кого» в пользу социализма в промышленности. Это, во-вторых, поворот середняка в колхозы, превращение колхозников в прочную и действительную опору советской власти и ведущая роль совхозов и колхозов в деревне. Это, в-третьих, ликвидация кулачества как класса как главный лозунг политики партии.

Первая пятилетка проходила под знаком резкого обострения классовой борьбы. Рухнули надежды мировой буржуазии и меньшевиков на перерождение советской власти благодаря нэпу. Развернутое социалистическое наступление, начатое партией в первой пятилетке, рассеяло иллюзии, питавшиеся на этот счет нэпманами, кулаками и их заграничными покро-

---

[1] *Савельев* и *Поскребышев*, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, стр. 662, Соцэкгиз, 1931.

вителями. Тогда классовые враги внутри страны, выбитые из своих производственных позиций, создают новые формы классовой борьбы, стараясь «тихой сапой» сорвать наше хозяйственное строительство и ослабить обороноспособность Советского союза. Кулаки в деревне агитируют за убой скота и наносят этим значительный ущерб животноводству. Они и их прислужники проникают в колхозы на места счетоводов, кладовщиков, бригадиров и т. д. и стараются взорвать колхозы изнутри. Тов. Сталин дал в своей речи «О работе в деревне» на январском (1933 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК исчерпывающую характеристику новых методов кулацкой работы.

ГПУ, стоящее на страже пролетарской диктатуры, раскрывает вредительские организации верхушечной группы старых буржуазных специалистов («Промпартия» в промышленности, «Трудовая крестьянская партия» в сельском хозяйстве). Вредители в промышленности занимаются шпионажем для иностранных государств, планируют так, что предприятия строятся не там, где надо, не с тем оборудованием, которое целесообразнее, строительство затягивается и т. д. В сельском хозяйстве вредители проводят кулацкую политику, всячески тормозят рост совхозов и колхозов, насаждают единоличное хуторское хозяйство. Процессы «Промпартии» и меньшевиков-интервенционистов показали всем трудящимся отвратительное лицо остервенелых остатков враждебных классов в нашей стране. Это способствовало повышению революционной бдительности и мобилизации всех сил рабочего класса на борьбу с классово враждебными элементами и оппортунистическими уклонами, идеологически покрывавшими их, в первую очередь с правым уклоном.

Отражением внутри партии новых форм классовой борьбы является двурушничество, которым пытаются прикрыться остатки разбитых антипартийных уклонов. Двурушники на словах клянутся в верности генеральной линии партии, а на деле проводят свои оппортунистические установки. Борьба с этими оппортунистическими элементами требует повседневного повышения большевистской бдительности.

***

Выполнение пятилетки досрочно в четыре года вместо пяти— это «...факт, наиболее выдающийся в современной истории» (из резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г.). С этим должен будет согласиться всякий, кто захочет

дать беспристрастную оценку современного экономического положения в мировом масштабе. Самые передовые капиталистические страны в результате кризиса отброшены на десятилетия назад. Если взять за исходную точку для сравнения 1928 год—год сравнительного благополучия буржуазной системы, то промышленное производство в 1932 г. сократилось в Соединенных штатах, Германии и Польше на 45%, в Англии—на 20, во Франции—на 25%. Вот почему выполнение пятилетки в СССР, давшей огромный прирост продукции нашей промышленности, было действительно наиболее выдающимся фактом в современной истории, который служит неоспоримым доказательством преимуществ советской системы хозяйства перед капиталистической.

Как росла продукция нашей промышленности и как выполнен план первой пятилетки, видно из следующих данных.

Валовая продукция цензовой промышленности

(в млрд. руб. по ценам 1926/27 г.)

1913 г.	1928 г.	1932 г. (по отчетным данным)[1]	1932 г. (по методам учета, принятым в пятилетке)	План последнего года пятилетки
10,25	15,8	36,8	35,3	36,6

Из этих цифр видно, что по сравнению с 1928 г., предшествовавшим первой пятилетке, продукция промышленности в 4-м году пятилетки (1932 г.) составила 232,7%, т. е. дала прирост на 132,7%.

По сравнению же с довоенным уровнем наша промышленность выросла почти в 3½ раза—на 258,9%. По плану пятилетки промышленность должна была дать в последнем, 1933, году продукции на 36,6 млрд. руб., в действительности же 1932 год дал (с учетом методов оценки продукции, принятых в первом пятилетнем плане) 35,3 млрд. руб.,т. е. 96,4% плана.

[1] В этой графе даются цифры о продукции за 1932 г., подсчитанной по годовым отчетам предприятий. Сюда включена вся стоимость продукции промышленных предприятий вместе со стоимостью услуг, отпущенных на сторону (отпуск на сторону электроэнергии, пара, работа на сторону ремонтных цехов и т. п.), что не было учтено в первом пятилетнем плане.

Тов. Сталин в своем докладе на январском пленуме 1933 г. указал, чем объясняется это некоторое недовыполнение в общем программы пятилетки по промышленности. Осложнения в международных отношениях и угрозы на Дальнем Востоке заставили нас перевести ряд заводов тяжелой индустрии на усиление производства средств военной обороны. В течение четырех месяцев эти заводы не давали намеченной по их производственному плану продукции.

Если по общей массе промышленной продукции план последнего года пятилетки был несколько недовыполнен в силу указанных обстоятельств, то по производству средств производства (группа А промышленности)[1] план перевыполнен на 9,8%.

Рост средств производства, рост тяжелой индустрии, составляющей основу и ведущее начало всей промышленности, является решающим в деле индустриализации.

Продукция машиностроения составляла в 1932 г. 7 728 млн. руб. и выросла по сравнению с 1928 г. в 4 раза.

Все эти данные говорят о том, что СССР превратился из страны аграрной, главным образом производившей сельскохозяйственные продукты, в страну индустриальную. В 1928 г. продукция промышленности составляла 51,5%, а 48,5% падали на сельское хозяйство; в 1932 г. удельный вес промышленной продукции поднялся до 70,7%. Если взять удельный вес всей промышленности, включая и мелкую, он повысился во всей продукции народного хозяйства до 76,8%. СССР стал страной, главным образом производящей продукты промышленности. За период первой пятилетки мы создали собственную индустриальную базу для социалистической реконструкции всего народного хозяйства—промышленности, транспорта и сельского хо-

---

[1] В группу А входят: 1) топливная (уголь, нефть, торф, сланцы), 2) горнодобывающая, 3) металлопромышленность (производство металла и его обработка, машиностроение), 4) электротехническая, 5) промышленность строительных материалов, 6) стекольная, 7) лесная и деревообрабатывающая, 8) бумажная, 9) те отрасли химической промышленности, продукция которых идет на производственное потребление,—основная химическая, красочная, коксобензол и др., 10) отрасли текстильной промышленности, работающие не на личное потребление,—льно-пеньковое сырье, кардолента, технотканъ и некоторые другие.

В группу Б входят: 1) из текстильной—хлопчатобумажная, шерстяная, шелковая, льняная, 2) швейная, трикотажная, валяная, галантерейная, 3) кожевенная, 4) полиграфическая, 5) фарфоро-фаянсовая, 6) из химической—резиновая, жировая, спичечная, химико-фармацевтическая, 7) соляная, 8) вся пищевкусовая промышленность—сахарная, маслобойная, консервная, табачная, кондитерская, винокуренная, пивоваренная, макаронная, рыбная, хлебопродукты, маргариновая.

зяйства. За четыре года мы увеличили производство средств производства (группа А промышленности) на 13,6 млрд. руб., главным образом за счет роста решающих отраслей—тяжелой индустрии (на 9 млрд. руб.).

Мы создали собственную тяжелую индустрию, металлургию, машиностроение, сеть электростанций, а это ключ к реконструкции промышленности и всего народного хозяйства. До 1929 г. у нас не было ни одной электростанции мощностью в 100 тыс. *квт*. В результате первой пятилетки мы имеем 10 электростанций с мощностью 100 тыс. *квт* и выше.

Новые электрические станции оборудуются советскими машинами из советских материалов. Установленная мощность всех электростанций СССР выросла за 4 года пятилетки в 2,4 раза, а производство электроэнергии—в 2,7 раза. При этом районными электростанциями выработано в 1932 г. 67,9% из 13,5 млрд. *квтч* всей электроэнергии. План Гоэлро был перевыполнен уже в 1931 г.

Мы производим на наших машиностроительных заводах тяжелые врубовые машины (для каменноугольной промышленности), буровые электродвигатели, турбобуры, нефтевозы, крекинги, трубчатки, лебедки и т. п. (для нефтяной промышленности). Крупнейшими заводами, производящими обрудование для тяжелой промышленности, являются такие новые гиганты, как Краматорский, Ижорский, Уралмашстрой, Днепропетровский заводы.

Одновременно создана машиностроительная база и для легкой индустрии—текстильной, кожевенно-обувной, полиграфической и других отраслей.

Для одной только текстильной промышленности наше машиностроение в состоянии производить 125 типов машин. Мы научились сами строить все необходимые нам машины для развития тяжелой и легкой индустрии, для технического перевооружения сельского хозяйства, для реконструкции железнодорожного, водного транспорта, дорожного дела. Мы завоевали экономическую самостоятельность, создали крепкую народнохозяйственную базу для усиления обороноспособности нашей социалистической страны. Таким образом создана в первой пятилетке собственная передовая техническая база для завершения технической реконструкции всего народного хозяйства.

***

Огромный рост валовой продукции промышленности и ее основных фондов мог быть достигнут лишь благодаря тем уско-

ренным темпам капитального строительства, которые партия наметила и осуществила для первой пятилетки. В первые годы нэпа, когда промышленность только приступила к восстановлению, основной капитал не только не расширялся, но даже не восстанавливался, а уменьшался благодаря тому, что изнашиваемая часть фондов не восстанавливалась.

Так, еще в 1923/24 г. износ основных фондов в государственной промышленности составлял 224,9 млн. руб., а вложено было в основной капитал 205,7 млн. руб. Вложения не покрывали необходимой амортизации. Каким быстрым темпом росло капитальное строительство в годы пятилетки (1929—1932), видно из следующих цифр.

Капитальные вложения в основные фонды государственной промышленности

Годы	Млн. руб.
1928	1 670
1929	2 300
1930	3 540
1931	6 675
1932	9 385

Весь пятилетний план капитальных вложений государственной промышленности перевыполнен на 5 млрд. руб.—вложено 24,8 млрд. руб. вместо 19,1. Из этой огромной суммы 21,3 млрд. руб. вложено за четыре года в тяжелую промышленность. Причем интересно проследить, как распределялись эти суммы в период пятилетки по различным видам строительства.

По своему характеру все капитальные работы подразделяются на следующие виды: а) новое строительство—строительство новых предприятий, соответствующих последним достижениям техники по размерам и оборудованию; б) реконструкция, перестройка, переоборудование существующих предприятий, часто совершенно меняющее старое лицо предприятия, иногда по существу являющееся новым строительством (новая домна на старом заводе); в) капитальный ремонт, имеющий целью поддержание в исправности существующих предприятий, и наконец г) жилищное и культурно-бытовое строительство.

Основой технической реконструкции народного хозяйства СССР, разумеется, являются новые, наиболее передовые и мощные в техническом отношении предприятия. Отсюда понятно хозяйственно-политическое значение роста нового строительства в капитальных затратах.

Как изменялось направление капитальных вложений, видно из следующей таблицы:

Направление капитальных вложений (в % к итогу)	1928/29 г.	1932 г.
Новое строительство	27,7	46,3
Расширение и реконструкция . .	45,5	27,5
Капитальный ремонт	9,3	4,0
Прочие работы	17,5	22,2
Всего . . .	100,0	100,0

До пятилетки почти половина всех капитальных вложений шла на расширение и реконструкцию старых предприятий и лишь немного больше четверти на новое строительство.

В 1932 г. 46,3% всех капитальных вложений пошло на строительство новых предприятий и лишь незначительный процент (4%) на ремонт. Этот факт является результатом полной победы генеральной линии партии над правыми оппортунистами, которые выступали против ускоренных темпов капитального строительства вообще, а особенно против нового строительства. Каждый новый крупнейший завод—тракторный, машиностроительный, металлургический—бил по кулаку, по капиталистическим элементам в стране.

В основном мы создаем заново нашу тяжелую индустрию, следовательно у нас нет никаких оснований цепляться за старую технику. Вопрос о конкуренции между новым и старым оборудованием в том смысле, как это имеет место у капиталистов, у нас вообще отпадает. Капиталисту приходится решать трудную задачу, что для него выгоднее—путем введения новых машин удешевить свой товар и получать больше прибыли, но зато потерять капитал, вложенный в старое оборудование, которое выходит из строя («моральное» изнашивание), или же сохранить старый основной капитал, обычно весьма значительный, ценой отказа от технических усовершенствований. Капиталист часто предпочитает последнее. Наша основная линия—создание новой, передовой технической базы для реконструкции всего народного хозяйства. Но наряду с этим мы используем и самое примитивное оборудование, ибо рост потребностей трудящихся у нас происходит беспрерывно, идет впереди производства, и мы стремимся его удовлетворить.

В этом выражается та широкая возможность технического прогресса и развития всех производительных сил страны при советском строе, которая недоступна капитализму, особенно в настоящих условиях. Дореволюционное строительство представляется мизерным в сравнении с нашим. За период 1909—1913 гг. находилось в постройке доменных печей на Юге: в 1909 г.—1, в 1910 г.—1, в 1911 г.—3, в 1913 г.—5; на Урале: в 1912 г.—1, в 1913 г.—1 доменная печь. В нашей металлургии за пятилетку реконструировано старых домен и построено новых 41, из них—16 новых, мощных; мартеновских печей—77, из них новых—57; прокатных станов—29, из них новых—17. Эти новые домны рассчитаны на такую мощность, о которой раньше у нас не могли и мечтать. До войны на Юге подавляющее большинство доменных печей имело объем (этим измеряется мощность домен) не свыше 500 $м^3$. К концу первой пятилетки мы имеем 10 домен объемом свыше 700 $м^3$, из них две по 1 180 $м^3$. Первые магнитогорскую и кузнецкую домны т. Сталин в своем приветствии строителям назвал домнами-уникумами, т. е. единственными в своем роде. В 1913 г. каждый завод в среднем выплавлял чугуна 60 тыс. *т* в год, в 1932 г.—131 тыс. *т*. Такова та новая техника, которую мы создали в металлургии. Построены крупнейшие в мире станкостроительные заводы: Московский завод револьверных станков, Горьковский завод фрезерных станков, которые в ближайшее время освободят нас от импорта станков. Одним из наиболее ярких показателей достижений нашего машиностроения является советский блюминг (машина для прокатки стали). За последние годы происходила такая коренная реконструкция, что в сущности целый ряд реконструированных заводов можно считать новыми. Тов. Орджоникидзе в своем докладе на январском пленуме ЦК 1933 г. приводил яркие факты. Вот пример «реконструкции» автомобильного завода им. Сталина в Москве. В 1928 г. его основной капитал составлял 9 932 тыс. руб., в 1932 г.—54 433 тыс. руб. В 1927/28 г. он давал продукции на 12,8 млн. руб., в 1932 г.—на 187 млн. руб.

В первой пятилетке поражают не только размеры капитального строительства, но и то, что страна, которая в прошлом плелась в хвосте, после победы пролетариата в несколько лет сумела создать грандиозные предприятия, опережающие Европу по техническому уровню. Важно самое размещение новых предприятий, вытекающее из марксистско-ленинского учения о размещении производительных сил при социализме и из ленинско-сталинской национальной политики. Промышленность при-

ближается к источникам сырья. Строятся новые базы текстильной промышленности—в Средней Азии и Западной Сибири. Создан Урало-кузнецкий комбинат, состоящий из металлургических, машиностроительных, химических и других предприятий—новая угольно-металлургическая база на Урале и в Сибири, где имеются мощные запасы железной руды и коксующихся углей.

Вот как отзывались о строительстве первой пятилетки даже органы буржуазной печати. Английский буржуазный журнал «Раунд Тэйбл» пишет: «Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление. Тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автомобильный завод АМО в Москве, автомобильный завод в Н.-Новгороде, Днепровская гидроэлектрическая станция, грандиозные сталелитейные заводы в Магнитогорске и Кузнецке, целая сеть машиностроительных и химических заводов на Урале, который превращается в советский Рур,—все эти и другие промышленные достижения во всей стране свидетельствуют, что, каковы бы ни были трудности, советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растет и крепнет... Пятилетний план заложил основы будущего развития и чрезвычайно усилил мощь СССР»[1]. Там, где были пустыри, степи, леса, выросли домны-уникумы (единственные в мире), благоустроенные социалистические города.

* * *

К концу первой пятилетки 61,5% крестьянских хозяйств объединены в колхозы. Около 15 млн. крестьянских дворов объединились в 211 тыс. коллективных хозяйств, охватывающих 75,7% всех крестьянских посевных площадей. Размеры хозяйства колхозов росли вместе с подъемом колхозного движения. В 1928 г. на один колхоз в среднем по Союзу приходилось 42 *га* посева, а в 1932 г. средний размер посевной площади колхоза составлял 434 *га*. Это средний размер колхоза по всему Союзу. Он различен в зависимости от района и характера хозяйства. В основных зерновых районах в среднем на колхоз приходилось свыше 1 000 *га*. В основных зерновых районах многие наши колхозы крупнее по своим размерам, чем дореволюционные хозяйства помещиков. Что касается совхозов, то наши крупные совхозы по своим размерам

[1] Цитируется по докладу т. Сталина «Итоги первой пятилетки», «Вопросы ленинизма», стр. 481, изд. 10-е.

превосходят самые крупные капиталистические предприятия в сельском хозяйстве как у нас до революции, так и в современных буржуазных странах. Средний размер посевной площади на 1 совхоз в 1932 г. был 2 300 *га*. До революции средние помещичьи имения занимали не свыше 1 000 *га*.

Крупные хозяйства были созданы не только по зерновым культурам. За годы первой пятилетки проделана большая работа по организации крупных хозяйств социалистического типа и в области технических культур и животноводства. Создана целая сеть совхозов по этим отраслям.

Колхозы вместе с совхозами, т. е. весь социалистический сектор в деревне, охватывали в конце первой пятилетки 78% всех посевных площадей. Таким образом и в деревне социализм победил, СССР окончательно утвердился на социалистическом пути развития благодаря преобладающему весу социалистических форм хозяйства и в земледелии. Колхозники стали центральной фигурой земледелия, действительной и прочной опорой советской власти. Если раньше, до победы колхозного строя, мы всегда делили деревню на три основных классовых группы—кулаки, середняки, бедняки, то за первую пятилетку положение коренным образом изменилось. Кулачество ликвидируется как класс, и в районах сплошной коллективизации этот процесс в основном завершен. Бедняки вошли целиком в колхозы и достигли на основе роста и преимуществ колхозного хозяйства уровня середняков. Основная масса середняков также коллективизирована теперь. Остается часть трудящихся единоличников, середняков,—завтрашних колхозников.

Вот почему XVI партийный съезд в резолюции о колхозном движении постановил: «*Отныне* в важнейших зерновых районах СССР *деревня делится на две основные части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти*, и на неколхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов несомненно убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации»[1]. В первой пятилетке уничтожено расслоение крестьянства на имущих и неимущих, уничтожены обнищание и пауперизм в деревне.

Победой социалистических форм хозяйства в деревне партия ликвидировала противоречие между двумя базами советской

---

[1] *Савельев* и *Поскребышев*, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, стр. 732, Соцэкгиз, 1931.

власти—крупной социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством. И в городе и в деревне господствует крупное социалистическое производство.

Социально-экономическая реконструкция сельского хозяйства СССР осуществляется по трем направлениям, в трех формах. Все они социалистические—совхозы, МТС, колхозы. Совхозы—предприятия, целиком принадлежащие пролетарскому государству, предприятия последовательно-социалистического типа, работающие на государственной земле, отведенной данному предприятию. Продукция совхозов целиком идет в распоряжение государства. МТС—тоже предприятия последовательно-социалистического типа, целиком принадлежащие государству. Они обрабатывают своим инвентарем за определенную долю урожая земли колхозов, внедряя новейшую агротехнику в колхозное хозяйство. Это—рычаг, при помощи которого советское государство непосредственно перестраивает колхозное хозяйство, переводя его на современный уровень машинной техники. МТС связаны с колхозами особыми договорными взаимоотношениями и через договоры руководят колхозами, не поглощая их. Колхозы—социалистические коллективные предприятия отдельных групп крестьян, объединивших свои хозяйства.

В зависимости от того, в какой мере обобществлены труд и средства производства, различаются три вида колхозов: тозы (товарищества по совместной обработке земли), артели и коммуны. Низшим видом колхоза, первой ступенью обобществления сельскохозяйственного производства, были тозы.

В товариществе по совместной обработке земли объединен только труд колхозников на время основных сельскохозяйственных работ (посев, уборка). Что касается средств производства, то, как правило, в общем владении и пользовании находятся лишь те орудия, машины, которые не под силу приобрести отдельным хозяйствам и вообще вновь приобретаемые на средства товарищества. Следовательно в тозе остаются еще в значительной мере неприкосновенными черты индивидуального хозяйства. Средства производства в основном не обобществлены, а труд обобществлен не целиком. Это та форма колхоза, которая наиболее распространена была на первых этапах коллективизации, когда для основных масс крестьянства колхозы были еще делом новым и они еще колебались решительно рвать со своим индивидуальным производством.

В артели обобществляются и труд и средства производства. Труд всех членов артели на протяжении всего года,

в том числе и работа на стороне (отходничество), подлежит планированию и контролю выборных органов артели. Обобществляются основные средства производства: полевая земля, весь рабочий скот, с.-х. инвентарь, кормовые средства, необходимые для содержания обобществленного скота, все семенные запасы, хозяйственные постройки, необходимые для ведения артельного хозяйства, и все предприятия по переработке.

В артелях разрешается держать часть продуктивного скота, птицу, кроликов, пчел в индивидуальном владении и пользовании отдельных членов артели. Во владении и пользовании отдельных колхозников—членов артели—остаются приусадебные земли (сады, огороды и т. п.), жилые постройки, мелкий сельскохозяйственный инвентарь (для работ на приусадебных землях), хозяйственные постройки, необходимые для содержания скота, находящегося в личном пользовании.

Артель имеет две основных черты: она существенно отличается от тоза более высокой степенью обобществления труда и средств производства. С другой стороны, сохраняется индивидуальное хозяйство члена артели. Это дает возможность членам артели на основе развития общего артельного хозяйства повышать свое благосостояние, уровень жизни своей семьи и индивидуальной работой на своем огороде, выращиванием скота, разведением птицы, пчел и т. д. Таким образом артель является той формой колхоза, которая сочетает высокий уровень обобществления крестьянского хозяйства с непосредственной индивидуальной заботой и о своем домашнем хозяйстве, носящем подсобный характер к обобществленному артельному производству. Вступив в колхоз, в артель, крестьянин уже порвал со своим индивидуальным полем, но он еще не отрешился и не может отрешиться сразу от заботы о своем огороде, своей корове. Но это нисколько не мешает социалистическому укреплению колхоза. Домашнее хозяйство колхозника, члена артели, носит потребительский характер и не представляет никакой угрозы развитию артели. Наоборот, из ресурсов обобществленного стада колхозов необходимо, как этого требует постановление ЦК ВКП(б) от 26 марта 1932 г. («О принудительном обобществлении скота»), «организовать помощь и содействие колхозникам, не имеющим коровы или мелкого скота, в покупке и выращивании молодняка для личных надобностей». Когда обобществленное животноводство в артелях будет поставлено на высоту современной техники, тогда сам колхозник и его семья не захотят возиться в своем индивидуальном хлеву с коровой, поросятами и т. д. Наконец высшая

форма колхозов—коммуна—отличается от артели тем, что она основана на полном обобществлении всех без исключения средств производства. Кроме того коммуна ставит себе целью постепенное обобществление обслуживания личных нужд колхозников, т. е. организацию общественных столовых, жилых построек и т. д., «не подменяя,—как говорится в резолюции XVI партсъезда о колхозном движении,—этих задач ненужным и вредным мелочным обобществлением быта». Чтобы дать конкретное представление о различии в степени обобществления всех этих трех форм колхозов, приведем данные, относящиеся к середине 1929 г., когда тозы преобладали.

Процент обобществления

	Посева	Рабочего скота	Коров
Тозы	74,0	23,7	2,6
Артели	90,1	62,7	39,8
Коммуна	99,5	99,3	98,6

Со вступлением в колхозы широких крестьянских масс в 1928/29 г. уменьшается удельный вес артелей, растет процент тозов. Это понятно: тоз—первая ступень коллективизации, которую должны были пройти миллионы единоличников, прежде чем подняться до артели, более высокой ступени обобществления.

Этот процесс виден из следующей таблицы:

Удельный вес колхозов различной формы

	1927 г.	1928 г.	1931 г.
Тозы	42,9	59,8	4,7
Артели	48,1	34,8	91,7
Коммуны	9,0	5,4	3,6

К концу первой пятилетки артель является господствующей по своему удельному весу: больше $^{9}/_{10}$ всех колхозов—артели.

Выше мы дали характеристику различных видов колхозов—тозов, артелей, коммун. Они различаются по объему обобществления — от объединения только труда в тозах (отсюда и название «товарищество по совместной обработке земли») до полного обобществления как средств производства, так и предметов потребления в коммунах. На современном этапе основной формой колхозного строительства является артель. Это установил XVI съезд партии, и именно в этой форме должно сейчас происходить организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

Коммуна является высшей формой колхозного движения, в ней полностью осуществляются коммунистические принципы производства и потребления. Но такая коммуна предполагает высокоразвитую техническую базу и на ее основе такое обилие продуктов, которое позволяет ее членам полностью удовлетворять все свои потребности. «Было бы преступлением искусственно ускорять процесс перерастания артелей в будущую коммуну»[1]. Коммуны в настоящем смысле этого слова очень редки. Фактически коммуны перешли и переходят на устав артели. В противном случае им грозил бы распад от господства уравниловки, уравнительного распределения по едокам. Коммуны теперь разрешают своим членам иметь скот и птицу в личном пользовании, отказываются от обобществления быта. И это не является шагом назад, а, наоборот, способствует укреплению хозяйств этих колхозов, числившихся по уставу коммунами. Чтобы превратиться в коммуну, современная господствующая основная форма колхозов—артель—должна достигнуть всесторонней механизации производства, высокой технической базы, хорошо и полностью ее освоить, добиться на этой основе высокого материального уровня, зажиточной жизни. Когда обобществленное хозяйство в артелях покажет все свои возможности и преимущества перед домашним хозяйством колхозника в области животноводства, огородничества, садоводства, добьется устойчивых высоких урожаев, дающих обильный сбор зерна, овощей, плодов и т. д., и в то же время разовьется широко коммунально-бытовое строительство в колхозах, тогда колхозники сами предпочтут отказаться совершенно от домашнего хозяйства и перейти на положение коммуны.

«Процесс перерастания артели в будущую коммуну должен

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 582, изд. 10-е.

происходить постепенно, по мере того, как *все* колхозники будут убеждаться в необходимости такого перерастания»[1].

Решающую роль в перерастании артелей в коммуны сыграют МТС, несущие передовую технику в колхозы.

В МТС пролетарское государство держит в своих руках ту часть основных фондов, которая сохраняет ведущее значение в реконструкции сельского хозяйства. Без помощи и руководства МТС артели не смогут подняться до уровня коммун.

Превращение нашей страны из страны мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства в страну самого крупного земледелия позволило расширить в короткий срок посевные площади в таких размерах, которые немыслимы были раньше даже в советских условиях. За пятилетку мы имеем увеличение всей посевной площади на 21,4 млн. *га*. Это увеличение произошло за счет роста посевов колхозов (с 4,15 млн. *га* в 1929 г. до 91,53 млн. *га* в 1932 г.) и совхозов. Посевы единоличников сократились с 111,62 млн. *га* в 1929 г. до 29,45 млн. *га* в 1932 г. Кулаки сокращали посевы отчасти вследствие проводимого ими саботажа, отчасти вследствие ликвидации их хозяйств в ряде районов.

Таковы цифры, говорящие о широчайших перспективах и уже достигнутых огромных успехах социалистического пути развития. В связи с ростом посевов вообще и в особенности в колхозах, хозяйство которых является более товарным и более производительным, вдвое увеличилась общая масса товарного хлеба в стране. В 1927/28 г. государству было сдано 700 млн. пуд. хлеба, а в 1932 г.—1 400 млн. пуд. В 1927/28 г. колхозы и совхозы дали только 10% товарного хлеба, сданного государству, в 1932 г.—84,2% всей товарной заготовки зерна.

В первой пятилетке была создана широкая база социалистического животноводства. Крупного рогатого скота в совхозах и колхозных товарных фермах было в 1928 г. 332 тыс., в 1932 г.—7 600 тыс. Свиней в 1928 г. было 75 тыс., в 1932 г.—3 600 тыс., количество овец и коз возросло с 970 тыс. до 9 900 тыс.

Социалистический сектор животноводства возрос во много раз, хотя животноводство в целом отстало в выполнении плана пятилетки и дало сокращение поголовья вследствие кулацкой агитации за убой скота и благодаря значительному удельному весу кулацкого хозяйства в животноводстве. (Подробно о реорганизационном периоде в сельском хозяйстве см. в главе о сельском хозяйстве.) Однако в 1932 г. уже наметились довольно

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 582, изд. 10-е.

значительные сдвиги в области свиноводства. В ряде краев, являющихся решающими по товарному свиноводству, в 1932 г. увеличилось поголовье взрослых свиней сравнительно с 1931 г.: в ЦЧО—на 40%, в Средневолжском крае—на 40%, на Северном Кавказе—на 30% и т. д.

Итоги первой пятилетки в области сельского хозяйства СССР, подъем его, рост посевных площадей, размеров производства представляют яркий контраст с глубоким упадком земледелия в капиталистических странах, где происходило сокращение посевов, а крестьянские хозяйства продавались за долги.

Выполнение первой пятилетки внесло коренные изменения в экономику страны. Соотношение экономических укладов стало другим.

Социализм победил и в городе и в деревне. Социалистическая промышленность настолько выросла, подведя новую техническую базу, что смогла поставить задачу снабжения деревни не только предметами широкого потребления и примитивным с.-х. инвентарем, но и самыми совершенными, новыми для нашего земледелия средствами производства. Тов. Сталин в своем приветствии Сталинградскому тракторному заводу в день его пуска, 17/VI 1930 г., писал: «50 тысяч тракторов, которые вы должны давать стране ежегодно, есть 50 тысяч снарядов, взрывающих старый, буржуазный мир и прокладывающих дорогу новому, социалистическому укладу в деревне»[1].

Только в первой пятилетке индустрия могла взять на себя задачу переделки производственных основ мелкого крестьянского хозяйства, перевода его на другую экономическую и техническую базу. Это означало развертывание производственной смычки между городом и деревней, которая становится основной формой смычки рабочего класса и крестьянства. Одни только товарно-торговые связи между городом и деревней недостаточны для социалистической переделки крестьянского хозяйства.

Производственная смычка становится основной, так как ведет к полной социалистической переделке мелкособственнического хозяйства, к превращению крестьян-колхозников в работников социалистического общества. Наряду с производственной смычкой сохраняет важнейшее значение смычка через советскую торговлю, через развертывание товарооборота. Рост товарооборота между городом и деревней, рост колхозной торговли, увеличение продукции ширпотреба и т. д. создают сильнейший стимул (интерес) к производственной перестройке сельского

[1] «Правда» от 17 июня 1930 г.

хозяйства, к ускорению этого дела. В свою очередь превращение мелкого крестьянского хозяйства в крупное коллективное с использованием современной машинной техники и достижений агрономической науки создает прочную базу для огромного увеличения продуктов сельского хозяйства. Реализовать излишки этого возросшего количества производимых продуктов наше колхозное крестьянство может сейчас лишь при условии развития товарооборота, расширения и укрепления товарной смычки. Торговая смычка, предполагающая развертывание и расширение товарооборота между городом и деревней, на данном этапе дополняет производственную смычку как основную и способствует ее укреплению.

Первая пятилетка создала новый тип последовательно-социалистических предприятий в сельском хозяйстве—машинно-тракторные станции (МТС). Начало широкому развитию МТС было положено XVI партконференцией. В резолюции о путях подъема сельского хозяйства она указала на одну из важнейших форм смычки: «развитие широкой сети государственных и кооперативных машинно-тракторных станций как одного из методов обобществления важнейших производственных процессов всей массы индивидуальных хозяйств». В 1930 г. было уже 158 МТС, в 1931—1 228, к концу 1932 г.—около 2,5 тыс. МТС. Число тракторов в МТС росло чрезвычайно быстро. В 1929 г. их было 2,4 тыс., в 1930 г.—31,1 тыс., в 1931 г.—63,3 тыс., в 1932 г.—74;8 тыс. тракторов. Благодаря ускоренным темпам индустриализации партия могла осуществлять техническое перевооружение сельского хозяйства. За годы первой пятилетки (с 1927/28 по 1932 г.) в сельское хозяйство поступило 153,9 тыс. тракторов мощностью в 2 437 тыс. *л. с.*, большая часть из них внутреннего производства, а в 1932 г. целиком с советских заводов. VI Всесоюзный съезд советов в марте 1931 г. дал оценку работы и роли МТС: «Машинно-тракторные станции, подводя под колхозы базу самой передовой в мире земледельческой техники, являются важнейшими опорными пунктами сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса»[1]. Первый опыт МТС вырос из практики совхозов. Первая машинно-тракторная станция организована украинским объединением совхозов на Одесщине в Шевченковском совхозе. МТС работает на договорных началах, выполняя согласно договору сельскохозяйственные работы на землях колхозов и получает за это

[1] Резолюция VI съезда советов СССР о колхозном строительстве, раздел V.

определенную долю урожая (в 1930/31 г. $^1/_4$ урожая, затем в 1933 г. она была понижена до 20%). Колхозы сохраняют свою самостоятельность, распоряжаются по выполнению обязательств перед пролетарским государством всей своей продукцией, распределяют труд и доходы по постановлениям своих выборных органов.

* * *

В связи с победой социалистических форм хозяйства в городе и деревне коренным образом изменилось классовое строение (структура) товарооборота. Оборот частной торговли, составлявший в 1928 г. 3,4 млрд. руб., в 1930 г. упал до 1 043 млн. руб., что равнялось 5,6% всего розничного торгового оборота, а в 1931 г. частник вовсе сошел на-нет. В то же время стремительно росли обороты розничной госторговли и кооперации. В 1928 г. их обороты вместе составляли 11 750 млн. руб., в 1932 г.—35,5 млрд. руб. Рост оборотов государственно-кооперативной розничной торговли происходил на основе сокращения частной торговой сети и расширения обобществленной. В одном только 1929 г. закрылось свыше 100 тыс. частных торговых единиц. Рост обобществленной сети особенно усилился в 1931 г., когда прибавилось 33 тыс. торговых единиц. За первую половину 1932 г. количество торговых единиц увеличилось на 58 тыс. Всего к январю 1933 г. государственно-кооперативная розничная сеть увеличилась по сравнению с 1929 г. на 158 тыс. лавок и магазинов. Из розничного оборота, обслуживаемого организованно, т. е. через магазины, лавки, ларьки, палатки, частник был окончательно вытеснен. В оптовой торговле частник был вытеснен еще раньше, но гораздо большее значение имеет победа над частным капиталом в розничной торговле. Здесь непосредственно осуществляется смычка города с деревней, здесь частник мог больше всего поживиться и за счет государства и за счет трудящихся.

В начале нэпа, когда государство и кооперация не имели достаточно крепкого торгового аппарата, интересы товарооборота делали необходимым допущение в известных пределах развития частной торговли. Частная торговля могла тогда изыскивать в стране дополнительные товарные ресурсы, иногда быстрее, хотя и дороже, чем громоздкий и еще слабый государственный аппарат, не имевший еще своего опыта. К концу первой пятилетки, когда основные массы товарной продукции как в промышленности, так и в сельском хозяйстве находились в руках обобществленного сектора, а торговая система госорга-

нов и кооперации получила солидную материально-техническую базу, разветвленную торговую сеть и укрепившиеся кадры, не было уже никакой нужды в частных посредниках. Частник играл только паразитическую роль, был лишним звеном враждебным нашей советской торговле.

В конце первой пятилетки начинается развитие советской торговли, т. е. торговли без частного капитала, без посредников и спекулянтов. В этом коренное отличие советской торговли от торговли в первый период нэпа. Уже не допускаются капиталистические элементы в товарообороте, сложился мощный государственно-кооперативный торговый аппарат, который целиком заменил частную торговлю. Основные товарные массы находятся в самом социалистическом секторе, и частные посредники не нужны для извлечения и реализации их. Нам нужен уже не всякий товарооборот, а торговля без частного капитала, без посредников-спекулянтов и перекупщиков. Такая торговля и есть *советская* торговля, в отличие от обычной купли-продажи, в которой участвуют частные торговцы и в которой развиваются капиталистические элементы. В советской торговле принимают участие в качестве продавцов и покупателей предприятия последовательно-социалистического типа (государственные фабрики, заводы, совхозы, банки, тресты, госторги), колхозы, кооперативы разных форм сбыта и снабжения, отдельные колхозники, трудящиеся единоличники-крестьяне и кустари, сами сбывающие продукты своего хозяйства.

Еще 12 мая 1931 г. в обращении ЦК ВКП(б), СНК СССР и Центросоюза «О потребительской кооперации» ко всем партийным и другим организациям была подчеркнута важность задачи развертывания советской торговли. В этом обращении указывалось, что «вытеснение частника и частной торговли еще не означает уничтожения всякой торговли, что, наоборот, вытеснение *частной* торговли предполагает всемерное развитие *советской* торговли и развертывание сети кооперативных и государственных торговых организаций по всему СССР»[1]. Сильнейший толчок развитию советской торговли был дан в 1932 г. рядом постановлений центральных партийных и советских органов. К ним относятся: постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом», постановление ЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 г. «О порядке

---

[1] *Савельев* и *Поскребышев*, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, стр. 845, Соцэкгиз, 1931.

производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами», которым колхозам, колхозникам и трудящимся крестьянам-единоличникам обеспечивалась беспрепятственная торговля продуктами своего сельскохозяйственного производства с уплатой лишь небольшого сбора на покрытие расходов по содержанию базаров. Цены, по которым колхозы, колхозники и трудящиеся-единоличники продают свои продукты, не устанавливаются государственными или какими-либо другими органами в административном порядке. Цены колхозной торговли допускаются на том уровне, как они складываются на самом рынке в зависимости от всей совокупности обстоятельств, воздействующих на рыночные цены.

Итоги первой пятилетки полностью подтвердили правильность теории Ленина и Сталина о возможности победы социализма в одной стране. Эта страна—СССР.

«...Что такое победа социализма в нашей стране? Это значит завоевать диктатуру пролетариата и построить социализм, преодолев, таким образом, капиталистические элементы нашего хозяйства на основе внутренних сил нашей революции»[1]. СССР уже вступил в период социализма, СССР сделался страной крупнейшего в мире земледелия, социалистического земледелия. Окончательно и бесповоротно вытеснены капиталистические элементы в промышленности. На основе успехов социалистической индустрии и сплошной коллективизации разгромлено кулачество, подорваны корни капитализма в сельском хозяйстве и достигнута победа социализма в деревне. В итоге мы имеем «окончательную победу на основе этого подъема социалистической системы хозяйства над системой капиталистической как в промышленности, так и в сельском хозяйстве»[2].

Социалистические формы хозяйства являются сейчас единственно командующей силой во всем нашем хозяйстве. В результате работ первой пятилетки создана собственная передовая техническая база для социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Созданы все условия, чтобы во второй пятилетке окончательно ликвидировать капиталистические элементы и все причины, порождающие классы вообще, и построить бесклассовое социалистическое общество. Так

---

[1] *Сталин*, О социал-демократическом уклоне в нашей партии, стр. 41, изд. 1927 г.

[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 570, изд. 10-е.

рабочий класс СССР под руководством большевистской партии и ее вождя т. Сталина, проводя последовательно ленинскую политику, вооруженный теорией Маркса—Ленина—Сталина, в борьбе с меньшевиками, троцкистами и правыми уклонистами, мешавшими, срывавшими социалистическое строительство, добился победы социализма в одной стране.

В СССР быстрыми темпами растет все народное хозяйство, в первую очередь социалистическая промышленность, растет народный доход страны, материальное благосостояние трудящихся города и деревни. Общая численность рабочих и служащих во всем народном хозяйстве увеличилась вдвое: с 11,6 млн. в 1928 г. до 22,9 млн. чел. в 1932 г. За этот период среднегодовая заработная плата рабочих и служащих в промышленности увеличилась на 69,3% (с 870 руб. д о1 473 руб.). Весь фонд заработной платы, выплачиваемой рабочим и служащим в год, за первую пятилетку дал огромный рост— с 8,1 млрд. руб. в 1928 г. до 32,7 млрд. руб. в 1932 г. В результате общего роста всего народного хозяйства народный доход СССР вырос за первую пятилетку на 85%, достигнув в 1932 г. 45,5 млрд. руб. А в капиталистических странах, во всех без исключения, хозяйство падало и опускалось за эти годы все ниже и ниже, кризис все расширялся и углублялся, обрекая на безработицу и нищету десятки миллионов людей. К концу 1932 года капиталистическое хозяйство находилось на точке самого глубокого падения.

В этих фактах как нельзя более ярко выразилась несостоятельность, непригодность капиталистической системы хозяйства и жизненность, превосходство социалистически организованного производства. Правильность учения Маркса—Ленина—Сталина о неизбежной гибели капитализма и возможности построения социализма в одной стране подтверждена теперь на практике, проверена на опыте. В этом—величайшее всемирно-революционное значение итогов первой пятилетки. Они мобилизуют пролетариев и угнетенных всего мира на борьбу за социалистическую революцию. Итоги пятилетки разбили тезис социал-демократов и их контрреволюционных подголосков, бывшей троцкистско-зиновьевской оппозиции, о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране. «Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР... Итоги пятилетки опрокинули утверждение буржуазных экономистов о том, что капиталистическая система хозяйства является наилучшей

системой, что всякая другая система хозяйства непрочна и неспособна выдержать экзамен перед лицом трудностей экономического развития. Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма,—это советская система хозяйства»[1].

Трудности, стоявшие перед партией и страной в первую пятилетку, несомненно были велики. Они коренным образом отличались от трудностей восстановительного периода. Там шла речь об оживлении и использовании старых заводов. Реконструктивный период поставил задачу перестройки всей технической базы в промышленности и создания новой как технической, так и социально-экономической базы в сельском хозяйстве. Разрешение этих задач требовало серьезного, развернутого наступления на враждебные классы. В процессе этого наступления социалистические формы хозяйства росли, ширились, занимали преобладающее положение. Трудности наши были не трудностями упадка или застоя, а трудностями подъема. Речь шла о том, как быстрее, скорее разрешить поставленные перед хозяйством задачи, как больше дать продукции, как ускорить продвижение вперед. «Это значит, что наши трудности являются такими трудностями, которые *сами содержат в себе возможность их преодоления*. Это значит, что отличительная черта наших трудностей состоит в том, что они *сами дают нам базу для их преодоления*»[2]. Эти слова т. Сталина, сказанные на XVI съезде партии (в июне 1930 г.), блестяще *оправданы окончательными итогами первой пятилетки*.

Об этом красноречиво говорят цифры, характеризующие объем промышленной продукции в 1933 г. сравнительно с 1913 г. В то время как даже США превысили довоенный уровень только на 10%, а Англия и Германия никак не могут до него дотянуться, несмотря на некоторый рост, СССР обогнал свой довоенный уровень почти в 4 раза—391,9% к 1913 г. (доклад т. Сталина на XVII съезде). В итоге к XVII съезду мы имеем «окончательную победу на основе этого подъема социалистической системы хозяйства над системой капиталистической как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, превращение

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 511—512, изд. 10-е.
[2] Там же, стр. 387.

социалистической системы в единственную систему всего народного хозяйства, вытеснение капиталистических элементов из всех сфер народного хозяйства»[1]. Мы приводили выше отзывы мировой буржуазной экономической прессы о первой пятилетке в начале ее осуществления. Все говорили о ней как о несбыточной утопии, и в то же время наиболее дальновидные из лагеря капиталистов с тревогой смотрели, как миллионные массы взялись за выполнение плана под руководством партии и советской власти. Успехи первой пятилетки с каждым месяцем становились все более неоспоримыми. Ллойд Джордж в статье в «Нейе Фрейе Прессе» характеризует первый пятилетний план как самое великое и смелое предприятие в истории. «Проекты Петра Великого,—пишет он,—по сравнению с планами Сталина никнут в своей незначительности». Ллойд Джордж признает несомненные (уже в середине первой пятилетки) успехи в промышленности. Он считает уже и успехи в сельском хозяйстве, в коллективизации возможными. По крайней мере, говоря о последствиях коллективизации, он пишет: «Возможно, что величайшим последствием будет то, что в этом случае Россия со своим огромным населением... станет одной из богатейших и вместе с тем одной из самых могучих стран». СССР разрешил победоносно задачи первой пятилетки. И даже Лига наций оказалась вынужденной признать этот факт. Возросшая мощь СССР выявилась в факте приглашения ее представителями 38 иностранных государств вступить в Лигу наций.

Если наши успехи за первую пятилетку вынуждена была признать буржуазия, которая предрекала раньше ее провал, то тем более ясна та историческая роль, которую играет наше социалистическое строительство для международного рабочего движения. Вот отзыв бельгийской рабочей делегации, характерный для всех иностранных рабочих делегаций: «Мы восхищены тем громадным строительством, которое мы наблюдали во время нашего путешествия. В Москве, как и в Макеевке, Горловке, Харькове и Ленинграде, мы могли констатировать, с каким энтузиазмом там работают... Все, что мы видели, дало нам ясное представление о громадной силе трудящихся, строящих новое общество под руководством коммунистической партии»[2]. Итоги первой пятилетки имеют огромное интернациональное значение, сплачивая пролетариев всех стран под знаменем социализма.

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 570, изд. 10-е.

[2] Цитируется по докладу т. Сталина «Итоги первой пятилетки», Вопросы ленинизма, стр. 483—484, изд. 10-е.

Глава III

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ВТОРОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

План второй пятилетки, утвержденный XVII съездом партии, поставил три основных задачи:

Первая—окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще и полное уничтожение причин, порождающих классовые различия.

Вторая—завершение технической реконструкции всего народного хозяйства.

Третья—дальнейший подъем материального благосостояния трудящихся, рост потребления в 2—3 раза по сравнению с 1932 годом.

Все эти три задачи неразрывно связаны между собой. Ликвидация капиталистических элементов осуществляется на основе развернутой технической реконструкции хозяйства СССР, и в свою очередь прогресс техники в нашей стране, рост производительности труда и полное уничтожение паразитического потребления капиталистических элементов обеспечивают более быстрый рост потребления трудящихся. Второй пятилетний план есть органическое продолжение первого. «Основные задачи того и другого—подъем народного хозяйства страны, подъем материального благосостояния и культуры народных масс»[1].

Выполнением второго пятилетнего плана исчерпывается в основном переходный период. Победа социализма достигнута на основах нэпа. Нэп есть политика, «рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» (Сталин). Мы построили фундамент социалисти-

---

[1] *Молотов*, Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР, стр. 27, Партиздат, 1935.

ческой экономики и во второй пятилетке разрешаем задачу построения бесклассового социалистического общества. Во второй пятилетке мы окончательно уничтожаем классы и переходим таким образом от многоукладной экономики переходного периода к бесклассовому обществу с единственным укладом—социалистическим. Нэп, который троцкистско-зиновьевской оппозицией рассматривался только как отступление, был использован партией, советской властью для победы социализма. Но и на современном этапе переходного периода, который далек от начальной стадии нэпа, как небо от земли, нэп еще сохраняет свое значение. «И теперь мы еще не изжили нэпа, поскольку даже после ликвидации капиталистических элементов у нас имеются миллионы единоличников со своим частным хозяйством и поскольку в известных случаях даже колхозники выступают на рынке в качестве частных продавцов своей продукции. Нэп в его последней стадии все еще живет, продолжая свою работу на социализм»[1].

Уже к XVII съезду партии, в начале второго года второй пятилетки, удельный вес социалистической системы хозяйства составлял в промышленности 99%, в посевных площадях зерновых культур—84,5%. Это означало уже подавляющий перевес социалистической системы во всем народном хозяйстве, оттеснение на задний план единоличного крестьянского хозяйства. Кулачество ликвидировано как класс, экономически оно представляет разрозненные, рассеянные остатки. Ликвидация остатков капиталистических элементов полностью заканчивается во второй пятилетке.

Было бы преступно на этом основании допустить малейшее ослабление революционной бдительности. Остатки враждебных классов еще имеются в стране. Колхозная масса в целом еще не освободилась полностью от пережитков мелкособственнического хозяйства и психологии. Но социальная основа Советского союза изменилась, она стала социалистической. Все трудящиеся теперь—непосредственные строители социалистического хозяйства. «Основой их жизни, основой их подъема, культурного и материального, является их труд на государственных предприятиях, в колхозах и совхозах, в предприятиях государственной и кооперативной торговли—иными словами, в предприятиях социалистических»[2].

---

[1] *Молотов*, Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР, стр. 40—41, Партиздат, 1935.

[2] *Стецкий*, Доклад 21 января 1936 г. о 12-й годовщине смерти Ленина.

Патриархальное хозяйство—уклад, который был характерным для отдаленных, глухих районов, расположенных вдали от центров, от путей сообщения,—сейчас не существует. 5 тыс. совхозов, созданных за первую пятилетку, и 211 тыс. с лишним колхозов оживили самую глухую деревню, создали новые хозяйственные и культурные центры, пробудили к жизни веками отрезанные от культурных центров места, где господствовало натуральное производство.

Трактор, автомобиль, железная дорога изгнали патриархальщину. Частный капитализм окончательно изгнан из промышленности, товарооборота и разгромлен в сельском хозяйстве. Что касается государственного капитализма, то у нас нет иностранных концессий, а аренда государственных предприятий частными лицами, имевшая место в первые годы нэпа, давно уже отмерла. Оставался, кроме безраздельно господствующего пятого, социалистического уклада, еще уклад второй—мелкотоварного производства, оттесненный уже к XVII съезду партии на второстепенные позиции. Завершение коллективизации крестьянского хозяйства во второй пятилетке, полный охват кооперированием всех кустарей и ремесленников города и деревни означают полное устранение и второго уклада. Разнообразие укладов советской экономики, отражавшее наличие различных классов—пролетариата, крестьянства, буржуазии, ликвидировано. Уничтожаются классы, исчезают порождающие их уклады.

Второй пятилетний план ставит своей целью не только окончательную ликвидацию капиталистических элементов, но и уничтожение причин, порождающих классы. Исчезает мелкое производство—питательная база капитализма—путем вовлечения всех единоличников в колхозное строительство. Вторая пятилетка однако этим не ограничивается. Мало только вовлечь в колхозы. Надо работать над социалистическим перевоспитанием трудящихся, особенно колхозников—вчерашних единоличников. Надо превратить их в активных строителей социалистического общества. Классы, вышедшие из капиталистического общества, уничтожаются во второй пятилетке, но психология старых классов, веками впитывавшаяся в сознание людей, не сразу отмирает вместе с их экономикой. Пережитки капиталистической и мелкособственнической психологии в сознании нашего поколения еще есть. Хотя классы уничтожаются у нас, но есть международное капиталистическое окружение. Опасность его влияния на определенные промежуточные, непролетарские слои имеется, несмотря на устранение хозяйствен-

ной базы капиталистических элементов и мелкой частной собственности. Существующие еще пережитки капитализма в виде стремления к наживе, спекулятивным барышам путем перепродажи предметов потребления, рвачества, небрежного, а порой и преступного бесхозяйственного отношения к общественной, социалистической собственности должны быть преодолены в сознании всех трудящихся путем упорной работы по социалистическому перевоспитанию широких масс трудящихся, особенно непролетарских слоев.

Второй пятилетний план не ограничивается поэтому ликвидацией капиталистических элементов, уничтожением причин, порождающих классы (частной собственности на средства производства), он ставит своей задачей преодоление самих пережитков капитализма, и не только в экономике, но и в сознании людей. Поэтому понятна широта политической задачи, поставленной второй пятилеткой: «...Основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»[1]. В первой главе мы давали определение политики и политических задач советской власти. Здесь речь идет о решении основной политической задачи—взаимоотношения между отдельными классами на протяжении второй пятилетки и самого существования классов, их ликвидации. VII съезд советов, работавший в конце января—начале февраля 1935 г., подвел итоги двухлетней работы над осуществлением задач второй пятилетки. Общий итог можно характеризовать словами т. Молотова: «*Россия нэповская стала Россией социалистической!* Наша страна преобразовалась. В основном эта великая задача, поставленная Лениным, нами осуществлена. Клятва, данная ушедшему Ленину 11 лет тому назад товарищем Сталиным, выполнена»[2]. Основное заключается в том, что уже к третьему году второй пятилетки совершенно изменилось классовое лицо нашей страны. 28,5% населения составляет пролетариат (рабочие, служащие, ИТР с их семьями),

---

[1] Из резолюции XVII партконференции.

[2] *Молотов*, Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР, стр. 41, Партиздат, 1935.

45,9% всего населения страны—колхозники и кооперированные кустари и ремесленники, ведущие хозяйство на социалистических началах. Крестьяне-единоличники составляли еще недавно подавляющую массу населения, теперь их немногим более $^1/_5$ всей массы трудящихся (22,5%). И особенно знаменательна цифра, касающаяся буржуазии. Доля буржуазных элементов (помещиков, городской буржуазии, крупной и мелкой, торговцев и кулаков) в нашей стране ничтожна (одна десятая процента!), почти сведена к нулю. Главная масса этих буржуазных элементов—кулаки, а всего их насчитывалось в начале 1934 г., по данным ЦУНХУ, 174 тыс. чел. Эта цифра свидетельствует о том, что за последний период мы добились завершения труднейшей задачи—ликвидации капиталистических элементов. Но из приведенной выше формулировки основной политической задачи второй пятилетки мы знаем, что ликвидацией капиталистических элементов она не исчерпывается. Нужно уничтожить классы вообще и причины, их порождающие, нужно уничтожить классовые различия. «Капиталистические элементы в нашей стране уже ликвидированы. Одна из самых главных задач советской власти теперь заключается в ликвидации разницы между рабочим классом и крестьянством на основе обеспечения полного торжества социализма в нашей стране»[1]. Это означает исчезновение крестьянства как класса.

В результате выполнения плана второй пятилетки у нас не будет классов. И заводы и фабрики, на которых работают рабочие, и колхозы в деревне—и те и другие, как мы уже знаем, предприятия одного типа: социалистического. Разрешается основное противоречие переходной советской экономики, хотя целиком еще не отпадает классовое различие между крестьянином-колхозником и рабочим—представителем государственной собственности. Остается еще различие, весьма важное, между государственными предприятиями (последовательно-социалистического типа) как собственностью государства и колхозами, хозяйство которых только частью опирается на государственные средства производства (земля, МТС), а в остальном является общественной собственностью колхозников. Это—различие в степени обобществления труда. По мере роста производительных сил социалистического общества, организационного укрепления колхозов, охвата их МТС роль

---

[1] *Молотов*, Об изменениях в советской конституции, стр. 24, Партиздат, 1935.

государственной собственности в колхозном производстве все более возрастает.

В сельскохозяйственной артели, которая остается главной формой колхозного движения, начинается переделка крестьянина из мелкого собственника, хозяйчика со свойственными ему индивидуалистическими навыками, в социалистического работника, в коллективиста, привыкшего заботиться и охранять общественную собственность. В колхозах, организационно и хозяйственно их укрепляя под руководством партии и рабочего класса, используя успехи индустриализации и опираясь на все возрастающую мощь пролетарской диктатуры, крестьянство переделывает свою прежнюю природу, выковывает новое сознание, создает социалистическую дисциплину труда. Второй съезд колхозников-ударников и ряд совещаний по сельскому хозяйству в 1935 г. показали, какими гигантскими шагами идет рост социалистического сознания в колхозной массе, как перерождаются люди в борьбе за социалистическую колхозную собственность, сбрасывая с себя полностью все то, что связывало их со старым миром, его царством частной собственности, спекуляции, животным эгоизмом и т. д. Но пока это только передовики. Надо перевоспитать всю массу колхозников и колхозниц. Это—задача серьезная.

Во второй пятилетке все колхозы должны быть охвачены работой МТС, будут обслуживаться передовой машинной техникой. Но МТС—это государственные предприятия. В них сосредоточена ведущая часть основных фондов сельского хозяйства—те, которые технически реконструируют хозяйство колхозов. Подавляющая масса тракторов, комбайнов—в руках МТС, остальные—в совхозах. МТС—это тот рычаг, который превращает труд сельскохозяйственный в разновидность индустриального труда, это мощный узел, крепко связывающий рабочий класс, пролетарское государство с колхозным крестьянством. МТС — решающий фактор, который обусловит в перспективе перерастание артели в подлинную коммуну на основе высокоразвитой техники. В МТС сосредоточивается машинная техническая база колхозов. За вторую пятилетку МТС получат тракторов мощностью 6,6 млн. *л. с.* (за первую— 1,2 млн. *л. с.*), комбайнов (в переводе на 15-футовые) 86,6 тыс. (против 15,5 тыс.). Новых МТС будет построено 3 554, а новых МТМ (машинно-тракторных мастерских)—4 600. Для освоения этой мощной технической базы в сельском хозяйстве понадобятся миллионы новых кадров работников индустриального труда. Центром их подготовки являются МТС. К концу второй

пятилетки количество квалифицированных работников, подготовленных к работе на машинах, их ремонту и т. д. (трактористов, шоферов, комбайнеров, механиков, токарей и т. д.), достигнет 2,5 млн. человек. Колхозников обученных, работающих на прицепных машинах тракторной тяги, будет 5—6 млн. Так сельскохозяйственный труд превращается в разновидность индустриального, видоизменяя коренным образом и самое сознание прежнего крестьянина.

Колхозное имущество и доход—собственность колхозников. Но ведущая роль—за МТС. МТС—это орудие непосредственного пролетарского руководства и основное звено партийного и советского строительства в деревне.

Враги рабоче-крестьянской смычки, подкулачники стремятся подорвать роль и значение МТС, стремятся противопоставить задачи и работу МТС интересам обслуживаемых ими колхозов. МТС производят технический и организационный переворот в колхозном хозяйстве. Хозяйственный и культурный эффект этого переворота во много раз превышает размеры той оплаты, которую МТС получают от колхозов.

Крестьянство в целом все же еще фигурирует как класс, отличный от пролетариата, но уже окончательно ставший на путь переделки в сознательных строителей бесклассового социалистического общества. В его составе имеются и единоличники—завтрашние колхозники, и передовые колхозники—энтузиасты артельного труда. В первой главе уже давалась характеристика классов и укладов переходного периода. Там же говорилось о различных, многообразных формах классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. На данном этапе, когда капиталистические элементы ликвидированы, и за пределами второй пятилетки основной формой классовой борьбы является воспитание новой, социалистической дисциплины. Социалистическая организация труда, трудовая дисциплина, преодоление пережитков капитализма в сознании, выкорчевывание мерзких привычек буржуазного и мелкобуржуазного быта, воспитание детей, школа, театр, кино, литература—вот куда теперь переносится центр тяжести классовой борьбы, столь же непримиримой, как в годы борьбы за утверждение революции. Это отнюдь не значит, что пролетарская диктатура отказывается от применения непосредственных мер принуждения, революционного насилия над ничтожными остатками оголтелых классово враждебных элементов.

К концу 1935 г. наше хозяйство стало целиком социалистическим, и в этом смысле задача ликвидации классов решена.

* * *

Только на основе достижений первой пятилетки могла быть поставлена задача завершения технической реконструкции всего народного хозяйства. За первую пятилетку в СССР создана передовая техническая база, поставлена твердо на ноги наша тяжелая индустрия. СССР стал страной тяжелой индустрии. «То, что было проделано в Европе в продолжение десятков лет, мы сумели проделать вчерне и в основном в течение 3—4 лет»[1]. Этим страна наша обязана правильной линии партии в деле технической реконструкции. Под мудрым руководством т. Сталина мы избрали путь, который оказался наиболее коротким. Мы приступили к созданию машин и их внедрению в производство, не дожидаясь десятков лет, пока будут подготовлены через школы в массовом масштабе квалифицированные, технически грамотные кадры. В самом ходе строительства, пуска и эксплоатации новых предприятий выросли кадры технически грамотных людей, которые взяли в свои руки дело освоения техники, дело завершения технической реконструкции всего народного хозяйства.

XVII партконференция в феврале 1932 г. вынесла четкое и исчерпывающее решение: «Ведущая роль в завершении технической реконструкции принадлежит *советскому машиностроению*». В то же время эта реконструкция невозможна без новейшей энергетической базы, основанной на широчайшей электрификации промышленности. Создание такой базы является важнейшим элементом технической реконструкции народного хозяйства. Тов. Молотов в своем докладе на XVII партконференции подробно остановился на этом вопросе и показал, что у Ленина везде «подчеркнута неразрывность крупной машинной индустрии и электрификации в деле осуществления технической реконструкции народного хозяйства. Ленин снова и снова подчеркивает значение крупной машинной индустрии и вместе с тем электрификации, гидроторфа и др. Таким образом формулировка тезисов о ведущей роли советского машиностроения и электрификации как важнейшем элементе технической реконструкции целиком вытекает из ленинской установки»[2].

---

[1] *Сталин*, Беседа с делегацией металлургов, «Правда» от 29/XII 1934 г.

[2] *Молотов*, О второй пятилетке. Доклад на XVII партконференции о директивах к составлению второго пятилетнего плана, стр. 36, Партиздат, 1932.

В особенности четко эта мысль выражена у Ленина в тезисах к III конгрессу Коминтерна (1921 г.), где он говорит: «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны»[1].

Иллюстрацией к тому, как современная индустрия развивается на основе электричества, служат следующие цифры. По данным за 1928 г., промышленность Соединенных штатов была электрифицирована на 86,4%. За годы первой пятилетки у нас произошли решительные сдвиги в этой области. Электрическая энергия внедряется в технологические процессы промышленности. В 1932 г. наша промышленность электрифицирована на 69% (в 1928 г.—на 51,2%), в 1937 г. этот процент повысится до 86,0. Мы достигнем уровня США. По электровооруженности второй пятилетний план ставит СССР значительно впереди Германии и сильно приближает к уровню США, что видно из следующих цифр: на 1 рабочего приходится электроэнергии в Германии (1930 г.) 2 910 *квтч*, США (1928 г.)—6 540 *квтч*, в СССР в 1932 г.—2 100 *квтч*, в 1937 г. будет—4 670 *квтч*. По данным, приведенным т. Куйбышевым на III Московском областном съезде советов 7 января 1935 г., в итоге двух лет второй пятилетки «повышение объема производства электроэнергии до 20,5 млрд. *квтч* настолько увеличило электровооруженность рабочего в промышленности, что по уровню ее промышленность СССР вплотную приблизилась к промышленности Германии»[2].

Ряд отраслей промышленности (электротехническая, автотракторная и др.) и новых заводов электрифицируется почти целиком. В машиностроительной промышленности почти все станки работают на электрическом приводе. Развиваются электрохимия, электросварка. По энерговооруженности[3] труда в промышленности СССР также делает решительный шаг вперед. На одного рабочего приходилось в США в 1928 г. 7 573 *квтч*, в СССР в 1932 г.—3 030 *квтч*, а в 1937 г. будет 5 300 *квтч*.

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 434, изд. 3-е.

[2] *В. Куйбышев*, Статьи и речи, стр. 326, Партиздат, 1935.

[3] Энерговооруженность в отличие от электровооруженности включает не только электрическую, а и всю механическую энергию, приходящуюся на 1 рабочего.

Ленин в плане электрификации (план Гоэлро) видел не просто постройку определенного числа изолированных электростанций. Электрификация—это часть, важнейшая часть общего плана восстановления и реконструкции народного хозяйства СССР на основе крупной машинной индустрии. Еще в своей речи на ноябрьском (1928 г.) пленуме ЦК т. Сталин дал четкую принципиальную характеристику связи и взаимоотношения крупной индустрии и электрификации. Цитируя известное место из доклада Ленина на VIII Всероссийском съезде советов 22 декабря 1920 г., где Ленин ставит задачу перевода хозяйства страны на техническую базу современного крупного производства, т. Сталин говорит: «Как видите, под электрификацией страны Ленин понимает не изолированное построение отдельных электростанций, а постепенный «перевод хозяйства страны, *в том числе и земледелия*, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», связанного так или иначе, прямо или косвенно, с делом электрификации»[1]. План электрификации, разработанный и принятый в 1920 г. по предложению Ленина, был планом перевода народного хозяйства нашей страны на техническую базу современной крупной индустрии. В упомянутом выше докладе (на VIII Всероссийском съезде советов) Ленин указал, что базой современного крупного производства является электричество. При этом он прибавил: «Коммунизм—это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»[2]. Некоторые на этом основании считали, что реконструкцию всего нашего хозяйства Ленин мыслил только в виде постройки электростанций. Мы приводили уже выдержку из речи т. Сталина, где разъяснена ошибочность такого понимания электрификации. Именно Ленин говорил еще в 1919 г.: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это—фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)»[3]. Эти тракторы должна была нам дать и дала крупная индустрия. Если понимать план электрификации в узком смысле как строительство только изолированных электростанций, не связанное со всем планом строительства крупной промышленности, тогда может действительно получиться вывод, что снабжение сельского хозяйства тракторами

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 362, изд. 8-е.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 46, изд. 3-е.
[3] Там же, т. XXIV, стр. 170.

не является нашей очередной и центральной задачей, что строить крупные тракторные заводы (Сталинградский, Харьковский, Челябинский) не надо было. При таком понимании задач и путей технической реконструкции нашего народного хозяйства, в том числе и земледелия, нет надобности в механизации, тракторизации, надо непосредственно и немедленно переходить к электрификации например земледелия. В своем заключительном слове на XVI съезде партии т. Сталин дал оценку таких взглядов: «Некоторые товарищи думают, что тракторы уже отжили свой век, что пришла пора перейти от тракторов к электрификации сельского хозяйства. Это, конечно, чепуха и фантастика. Таких товарищей надо осаживать»[1].

В короткий срок мы завершим реконструкцию всего народного хозяйства. Это объясняется тем, что принципы советского, социалистического хозяйства создают такие широкие возможности технического прогресса, которых не может быть при капитализме.

Реконструкция всего народного хозяйства СССР может быть завершена лишь на базе мощной тяжелой индустрии. Такую тяжелую индустрию мы в первой пятилетке создали, но в составе самой тяжелой индустрии не все отрасли играют в этом отношении одинаковую роль. Группа А, в которую входит тяжелая индустрия, производит средства производства—орудия труда и средства, являющиеся предметом труда. Сырье, материалы и другие средства производства в процессе производства играют роль объекта, предмета труда, так сказать, пассивную роль. Они обрабатываются, получают форму, пригодную для потребления, при помощи орудий труда—машин, станков, инструментов. Техническая реконструкция прежде всего означает рост производства оборудования, станков, инструментов, машин. «...Машиностроение—основной рычаг реконструкции народного хозяйства...»[2].

Удельный вес машиностроения в валовой продукции промышленности, составлявший в 1913 г. 11,0%, в начале первой пятилетки повысился до 14,8%, к XVII съезду партии вырос почти вдвое—до 26,1%. Во второй пятилетке продолжается развертывание машиностроения. При общем росте производства средств производства в 1937 г. на 97,2% от 1932 г. продукция машиностроения и металлообработки даст увеличение на 107,0%. В особенности высок темп роста количества машин

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 430—431, изд. 10-е.
[2] Там же, стр. 556.

и станков, перевооружающих промышленность, сельское хозяйство, транспорт на основе новой техники. Так, производство металлообрабатывающих станков увеличивается в 1937 г. (к 1932 г.) на 166,7%, тракторов—на 223%, паровозов мощных—на 238%, вагонов товарных—на 430,9%, автомобилей—на 737%. За вторую пятилетку орудия производства всех отраслей народного хозяйства СССР будут обновлены на 50—60%. Такая программа производства орудий производства соответствует решению XVII съезда партии, который признал необходимым «осуществить такую реконструкцию *машиностроения*—этой ведущей отрасли народного хозяйства,—которая обеспечила бы удовлетворение собственными силами всех потребностей народного хозяйства в современном, технически передовом оборудовании, при широком развитии новых видов производства»[1].

Во второй пятилетке вводится много новых, более сложных видов оборудования—автоматы, станки, осваивается до 200 типов и размеров новейших станков. Создается ряд новых отраслей химической промышленности—производство пластических масс, синтетического каучука и др. Во второй пятилетке широко развертывается комбинирование и специализация в промышленности. Цехи крупных предприятий специализируются на отдельных сортах (например прокатный цех среднего сорта—уменьшается количество профилей проката). Сокращается число сортов хлопчатобумажных тканей, номеров пряжи, вырабатываемых отдельными фабриками. Во второй пятилетке в СССР будут производиться только 5 основных типов грузовых и легковых автомобилей и 4 типа тракторов. Комбинируется черная металлургия с химическим производством (газы коксовых батарей и доменного процесса используются для получения синтетического аммиака), цветная металлургия—с производством серной кислоты и т. д.

Повышается самый тип оборудования, усиливается мощность его. Так, во второй пятилетке осваивается производство новых типов турбогенераторов мощностью в 50 тыс. *квт*, широко внедряются сверхмощные паровозы «ФД» (Феликс Дзержинский), «ИС» (Иосиф Сталин), электровозы, вводятся автоматические ткацкие станки и т. д. Тракторы будут выпускаться большей частью мощные, гусеничные. В 1937 г. они будут составлять $^3/_4$ всей продукции тракторов по мощности.

Первые два года второй пятилетки сопровождались дальнейшими успехами тяжелой промышленности. Промышленность

[1] Резолюции XVII съезда ВКП(б), стр. 10, Партиздат, 1934.

Наркомата тяжелой промышленности в целом выполнила задание второго пятилетнего плана для 1934 г. на 101,5%, причем ряд основных отраслей перевыполнил программу: машиностроение дало 103,9% плана 1934 г., электроэнергия—107,9%, черная металлургия—по чугуну—104,5%. Успехи второй пятилетки в деле технической реконструкции к VII съезду советов несомненны. «Но это лишь небольшая часть того, что мы хотим иметь в окончательно технически реконструированном хозяйстве страны. В деле технического перевооружения Советского Союза мы идем вперед подлинно революционными темпами. Поступая так, мы лишь выполняем одну из основных исторических обязанностей первого в мире пролетарского государства»[1].

Основными линиями технической реконструкции во второй пятилетке будут дальнейшая механизация производственных процессов, механизация основных процессов в сельскохозяйственном производстве и электрификация промышленности. Особое внимание обращается на замену тяжелого ручного труда машинами, на механизацию трудоемких работ. Механизация затронет прежде всего лесозаготовки, строительство, каменноугольную промышленность, торфяную и завершена будет в черной металлургии (доменные печи). Широко внедряется автоматизация процессов в передовых отраслях—машиностроении, черной металлургии, легкой индустрии (хлопчатобумажная, спичечная). В этих отраслях будут работать (уже частично работают) не просто машины, а машины и станки-автоматы. Электрификация промышленности разовьется настолько, что по вооруженности электроэнергией на 1 рабочего СССР в 1937 г. в $1^1/_2$ раза превысит Германию и достигнет 70% электро-вооруженности в США. Создаются мощные системы электроснабжения, объединяющие сети электростанций в пределах районов и межрайонные. Электроэнергия начинает внедряться в сельское хозяйство. Электрифицируются наиболее напряженные участки железнодорожного транспорта.

Завершение технической реконструкции всего народного хозяйства СССР потребует выполнения громадной строительной программы. Если строительные планы первой пятилетки поразили весь буржуазный мир своими грандиозными размерами, то станет ясна грандиозность цифр, принятых вторым пятилетним планом. Во второй пятилетке будет произведено

---

[1] *Молотов*, Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР, стр. 50, Партиздат, 1935.

капитальных работ во всех отраслях народного хозяйства на 133,4 млрд. руб. (в ценах 1933 г.), в то время как за первую пятилетку капиталовложения составляли 50,5 млрд. руб. За вторую пятилетку будет введено в эксплоатацию новых и реконструированных предприятий общей стоимостью в 132 млрд. руб. против 38,6 млрд. руб. в первой пятилетке. Здесь особенно виден технический прогресс СССР. Такой огромный рост ввода новых предприятий говорит о том, что мы научились строить быстрее, что гигантские предприятия возникают и вырастают в 2—3 года. Благодаря всему этому основные фонды всего народного хозяйства вырастут в 2,3 раза (с 85 млрд. до 195 млрд. руб. в ценах 1933 г.).

Весь гигантский план капитального строительства и увеличения продукции, особенно промышленных товаров широкого потребления и продуктов сельского хозяйства, выразится в обобщающем показателе всего народного хозяйства—в огромном росте народного дохода. Народный доход СССР увеличится в 2,2 раза—до 100,2 млрд. руб. (против 45,5 млрд. руб. в 1932 г.).

По размерам промышленной продукции СССР в 1928 г. стоял на пятом месте во всем мире. Продукция промышленности СССР в 1928 г. составляла $^2/_3$ продукции промышленности Франции и $^1/_2$—Англии. В 1937 г. СССР по промышленной продукции займет второе место в мире и первое место в Европе.

Еще в 1932 г. СССР по производству электроэнергии, чугуна, стали занимал четвертое место в Европе, по цементу—пятое, по фосфорным удобрениям—шестое, по алюминию—девятое. По всем этим отраслям СССР в 1937 г. выдвигается на первое место в Европе. СССР в конце второй пятилетки—это не просто индустриальная страна, а передовая индустриальная страна, идущая на первом месте в Европе по объему всей промышленной продукции в целом и подавляющего числа отдельных отраслей.

Характерно, что по грузовым автомобилям мы выходим на первое место, отставая по легковым. Разумеется, мы всемерно развертываем производство грузовиков для транспорта в промышленности, совхозах и колхозах, где роль их будет очень велика. Производство легковых машин для укрепления связи и личного потребления—это следующая ступень, очередная задача, для разрешения которой во второй пятилетке подготавливается соответствующая база на новых автомобильных заводах.

Во всем мире СССР по своей индустриальной мощи займет второе место после Соединенных штатов Америки. Осуще-

ствляется задача догнать и перегнать передовые в индустриальном отношении капиталистические страны.

«СССР превращается во втором пятилетии в технико-экономически независимую страну и в самое передовое в техническом отношении государство в Европе»[1].

* * *

В начале второй пятилетки по-иному стоял вопрос о темпах. В результате выполнения плана первой пятилетки условия резко изменились. Во-первых, СССР превратился в страну индустриальную, в страну мощной индустрии. Продукция промышленности составила в 1932 г. 70,7% всего народного хозяйства, а в 1937 г. она дойдет до 78%. Во-вторых, разрешена основная задача индустриализации—создание собственной технической базы для реконструкции земледелия и всего народного хозяйства, поставлена на ноги своя мощная тяжелая индустрия. В-третьих, СССР по ряду важнейших отраслей за первую пятилетку приблизился к уровню передовых капиталистических стран, а по некоторым вышел на первое место в Европе и в мире. Все это вместе с укреплением обороноспособности страны на основе достигнутых успехов промышленности позволило взять менее ускоренные темпы развития в начале второй пятилетки. Во второй пятилетке намечался средний годовой прирост продукции не на 22, а на 16,5%, причем производство предметов ширпотреба должно было развиваться более быстрыми темпами (в среднем 18,5% в год), а среднегодовой темп роста средств производства несколько ниже—14,5%. Мы называем такой темп роста менее ускоренным, чем в первой пятилетке, хотя он является неизмеримо более высоким, ускоренным по сравнению с теми темпами, которыми развивалась капиталистическая промышленность в лучшие времена (от 3 до 6%). Для капитализма в лучшие времена такие темпы, как 16,5%, были недостижимы.

На основе осуществления гигантской программы капитального строительства в два раза вырастает продукция сельского хозяйства (с 13,1 млрд. в 1932 г. до 26,2 млрд. руб. в 1937 г.), в 2,15 раза увеличивается промышленная продукция—с 43 млрд. в 1932 г. до 92,7 млрд. руб. в 1937 г. (в ценах 1926/27 г.). Темпы развития сельского хозяйства таким образом вплотную приближаются к темпам промышленности. Сельское хозяйство вступает в полосу мощного подъема.

---

[1] Резолюции XVII съезда ВКП(б), стр. 31, Партиздат, 1934 г.

Это сближение темпов прироста продукции промышленности и сельского хозяйства представляет принципиально новое явление, характерное для периода второй пятилетки. Крупное совхозное и колхозное хозяйство, однотипное с промышленностью по социально-экономической форме, применяющее новейшую технику, в состоянии развиваться такими же темпами, как и крупная социалистическая промышленность. Сближение темпов сельского хозяйства и промышленности—результат того, что социализм победил и в деревне.

Однако одно только сравнение процентов роста не дает еще представления об объеме и мощности хозяйства. Здесь важно иметь в виду различие между уровнем и темпом развития. Тов. Сталин поставил этот вопрос еще на XVI партсъезде. Учет этого различия важен в двух отношениях. С одной стороны, меньшая цифра прироста не означает снижения абсолютного прироста. В докладе т. Сталина на январском пленуме 1933 г. приведен яркий пример. В 1925 г. годовой прирост продукций промышленности был 66%, в рублях—3 млрд. с лишним. В 1931 г. процент прироста составил 22, а в абсолютных цифрах—5 600 млн. руб. Следовательно хотя темп роста в 1931 г. был втрое меньше, чем в 1925 г., но абсолютный прирост продукции почти в два раза больше. Это потому, что уровень промышленности в 1931 г. был значительно выше, нежели в 1925 г. (30 800 млн. руб. и 7 700 млн. руб.). В 1925 г. каждый процент прироста составлял 45 млн. руб., в 1932 г. он равнялся 386 млн. руб., а в конце второй пятилетки каждый процент прироста промышленной продукции составит примерно 825 млн. руб.

Таким образом совершенно ясно, что, несмотря на снижение *процента* роста, мы ежегодно увеличивали массу продукции промышленности в возрастающих размерах. Мы будем продолжать итти ускоренными темпами как по проценту прироста (сравнительно с максимальными темпами капиталистических стран), так и по абсолютному размеру прироста. Эти темпы (16,5%) вначале были менее ускоренными, чем в первой пятилетке (22% в среднем). После того как мы построили новую техническую базу нашей промышленности, главная задача—в освоении новой техники. Мы новую технику создали, но еще не полностью освоили ее, не могли еще пока извлечь из нее все выгоды и преимущества, которые она дает в области роста производительности труда. Нужно полностью освоить новые гигантские предприятия с их современной техникой, добиться наибольшей эффективности, т. е. максимального повы-

шения производительности труда путем освоения новой техники, создав этим основу для нового подъема строительства.

Решения январского пленума ЦК (1933 г.) наносят решительный удар «левакам», которые недооценивают важнейшую задачу освоения новой техники, и правым оппортунистам, отказывающимся рассматривать освоение новой техники как базу для дальнейшего мощного развертывания нового строительства. Мы строили более ускоренными темпами в первой пятилетке, чтобы создать передовую техническую базу. Мы вначале пошли во второй пятилетке менее ускоренными темпами строительства, чтобы освоить эту новую технику. Это представляет немалые трудности. Но, освоив новую технику, мы создаем базу для нового подъема темпов строительства. Вот как т. Сталин в своем докладе на январском (1933 г.) пленуме ЦК охарактеризовал эту задачу: «В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос *нового строительства* и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом *освоения* новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. *В этом теперь главное.* Ибо только на этой базе мы можем добиться того, чтобы, скажем, ко второй половине второй пятилетки взять новый мощный разбег как в области строительства, так и в области прироста промышленной продукции»[1].

В третьем году второй пятилетки на основе стахановского движения, на основе подлинного освоения техники наша страна взяла новый мощный разбег и в области строительства и в области прироста промышленной продукции на 23—25% в год.

Полностью оправдались слова т. Сталина о темпах второй пятилетки, сказанные им на январском пленуме 1933 г.

На основе освоения техники должны быть улучшены во второй пятилетке все технико-производственные показатели. В черной металлургии во второй пятилетке значительно улучшается важнейший коэфициент использования доменных печей—с 1,75 в 1932 г. до 1,20 в 1937 г., а на новых печах до 1,00[2]. В нефтяной промышленности скорость бурения на 1 станок в месяц

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 494, изд. 10-е.

[2] Коэфициент этот получается путем деления объема доменной печи в кубических метрах на суточную ее производительность в тоннах. Если объем печи например 1 050 $м^3$, а суточная производительность 600 *т*,

увеличивается с 108,3 *м* до 300 *м*. В лесопильной промышленности выработка пиломатериалов увеличивается с 22,4 кубометра до 29,4 на 1 раме в одну смену. Повышается использование мощности районных электростанций до 4 200 часов в 1937 г. (в 1932 г.—3 460 часов). Освоение новых производственных процессов в связи с общей рационализацией производства даст возможность снизить нормы расхода топлива в промышленности на 17%. Нормы расхода металла в машиностроении уменьшатся на 20%, кокса пойдет на тонну чугуна на 18% меньше. Выход сахара из свеклы увеличивается на 7%. В результате получится огромная экономия для народного хозяйства в виде снижения себестоимости. Повышается урожайность зерновых в 1937 г. на 33,3% против первой пятилетки, хлопка—на 60, льна-долгунца—на 63,7, сахарной свеклы—на 66,6%.

Технико-производственные показатели второго пятилетнего плана уже перевыполняются в ряде отраслей передовыми рабочими-стахановцами. Например на отдельных мартеновских печах выплавка стали достигает 10—11—12 *т* с квадратного метра пода вместо 3—4 *т*.

Выполнение второго пятилетнего плана обеспечивает еще более быстрый подъем благосостояния рабочих и колхозников, повышение потребления трудящихся в 2—3 раза. Таково решение XVII съезда, и над выполнением его сейчас работают под руководством партии широчайшие массы трудящихся города и деревни. Построение бесклассового социалистического общества означает завоевание зажиточной жизни для всех трудящихся. «Этот лозунг касается не только колхозников. Он еще больше касается рабочих, так как мы хотим сделать всех рабочих зажиточными,—людьми, ведущими зажиточную и вполне культурную жизнь... Социализм означает не нищету и лишения, а уничтожение нищеты и лишений, организацию зажиточной и культурной жизни для всех членов общества»[1].

Политическое и хозяйственное значение задачи дальнейшего, более быстрого роста потребления трудящихся во второй пятилетке становится особенно значительным в свете исторической речи т. Сталина 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной армии. Эта речь говорит о людях, о кадрах. В социалистическом обществе, построившем собственную

то коэфициент использования $= \frac{1\,050}{600} = 1{,}75$. Чем ниже этот коэфициент, тем лучше значит используется оборудование доменной печи.

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 585, изд. 10-е.

техническую базу, человек—трудящийся, рабочий, колхозник, работница, колхозница—стоит в центре внимания. «...Старый лозунг—«техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники,— должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное»[1]. В капиталистическом обществе рабочий—придаток машины. Он существует для приведения в действие машины. При социализме все достижения техники ставятся на службу человеку, призваны облегчать его труд, все более удовлетворять все его материальные и культурные запросы, развивать потребности, украшать жизнь.

В то же время дальнейшее повышение материально-культурного уровня трудящихся дает еще более могучий толчок освоению техники, борьбе за овладение высотами науки и техники, за скорейшее и полное завершение технической реконструкции всего народного хозяйства СССР.

Мы указывали уже цифру народного дохода во второй пятилетке. Он достигнет огромной суммы в 100,2 млрд. руб. Та часть народного дохода, которая идет в фонд потребления, увеличится в 2,4 раза по абсолютной величине, и удельный вес фонда потребления во всем народном доходе также повысится с 73,1% в 1932 г. до 78,7% в 1937 г. Такой рост потребления во втором пятилетии подготовлен достижениями первой пятилетки. Они в основном сводятся к следующим решающим итогам: на основе процесса ликвидации кулачества как класса в деревне, полного вытеснения капиталистических элементов в промышленности и товарообороте ликвидировано паразитическое потребление, потребление социальных групп, не занимающихся производительным трудом. Ликвидирована безработица, вовлечены в производство огромные кадры членов семей рабочих и колхозников, уничтожены классовое расслоение и нищета в деревне. Создана собственная тяжелая индустрия—основа реконструкции всего народного хозяйства, что даст возможность убыстренного развития легкой и пищевой индустрии. Отрасли, производящие предметы широкого потребления, имеют возможность работать на собственном советском оборудовании.

Во второй пятилетке соотношение между производством средств производства и предметов потребления несколько ме-

---

[1] *Сталин*, Речь на выпуске академиков Красной армии 4/V 1935 г., стр. 12, Партиздат, 1935.

няется. Промышленность, производящая предметы широкого потребления, растет более быстрыми темпами, чем тяжелая.

Теперь на базе индустриализации можно широко и ускоренным ходом развивать производство предметов широкого потребления. «Задачей первой пятилетки было создание тяжелой индустрии, как базы технического перевооружения всего хозяйства. С этой задачей мы справились. Теперь мы имеем возможность ускоренно двинуть вперед и тяжелую и легкую промышленность, добившись особенного ускорения производства предметов ширпотреба»[1]. При некотором недовыполнении плана первой пятилетки в 4 года промышленностью в целом, тяжелая индустрия его перевыполнила на 9,8%. Она дала на 19,1 млрд. руб. продукции при плане первой пятилетки для 1932/33 г. в 17,4 млрд. руб.[2]. Между тем отрасли, производящие предметы потребления (группа Б), при наметке пятилетнего плана на 1932/33 г. в 19,2 млрд. руб. продукции дали только 16,2 млрд. руб., т. е. недовыполнили план на 15,6%.

Второй пятилетний план, утвержденный XVII съездом партии, принял для 1937 г. программу производства средств производства в 45,5 млрд. руб., предметов потребления—в 47,2 млрд. руб. В результате этого соотношение между продукцией группы А и группы Б изменится следующим образом: группа А (производство средств производства)—49,1%, группа Б (производство предметов потребления)—50,9%. Продукция всей промышленности почти поровну распределяется между двумя основными подразделениями. Такая структура промышленности характерна для наиболее передовых в индустриальном отношении капиталистических стран до кризиса (Англия в 1924 г. средства производства—54%, Германия в 1925 г.—54,5%). Производство предметов потребления увеличится в конце второй пятилетки на колоссальную сумму—в 27 млрд. руб. (с 20,2 млрд. в 1932 г. до 47,2 млрд. в 1937 г.).

Наряду с промышленными товарами широкого потребления быстрыми темпами растет производство сельскохозяйственных продуктов. Сельское хозяйство уже в первой пятилетке внедряло широко машинную технику, тракторы, комбайны, автомобили, производимые на наших заводах—первенцах первой пятилетки. Во второй пятилетке сельскохозяйственное производство в основном механизируется, производительность труда

---

[1] *Молотов*, Доклад на XVII съезде партии, Стенотчет, стр. 355.

[2] Первый пятилетний план охватывал пятилетний период с 1928/29 по 1932/33 г.

его резко повышается (рост урожайности, удоев, живого веса). Реорганизационный период в сельском хозяйстве закончился. Центр внимания переносится на повышение качества работы. Благодаря этому продукция сельского хозяйства даст рост в среднем в два раза, а отдельные отрасли—рост значительно больший. Таковы источники материальных благ, которые обеспечат намеченный второй пятилеткой рост потребления в два раза. Производство товаров ширпотреба увеличится в 2,6 раза, продуктов питания—в 2,3 раза, весь товарооборот даст прирост на 48 млрд. руб. В то же время рабочий будет иметь возможность все больше приобретать эти товары и продукты. Отмена карточек на хлеб, муку, крупу с января 1935 г., а затем и на все остальные нормированные продукты с 1 октября 1935 г., сопровождавшаяся снижением цен, говорит об успешном выполнении плана второй пятилетки в области потребления. Рабочая семья уже сейчас, в третьем году пятилетки, имеет возможность приобретать продукты питания в государственных и кооперативных магазинах любого ассортимента и без перебоев. Увеличивается денежный доход рабочей семьи благодаря росту количества работающих членов семьи. Снижаются значительно цены на товары ширпотреба. Расширяется бесплатное культурно-бытовое обслуживание рабочих и служащих за счет разных фондов. Огромную роль в деле дальнейшего подъема благосостояния трудящихся играет развертывание советской торговли, обеспечивающее быстрое продвижение товаров к потребителю, приспособление к разнообразию его запросов и толкающее вперед развитие соответствующих отраслей крупной и мелкой промышленности. На каждом этапе социалистического строительства есть очередное звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь, отставшие участки. Во второй пятилетке роль таких узловых проблем, очередных звеньев играют товарооборот и транспорт. Это же—звенья внутренней экономической политики, без упорядочения которых невозможно успешное выполнение основных задач второй пятилетки. Ухватиться крепко за товарооборот, за советскую торговлю и транспорт—значит быстро двигать вперед всю экономику второй пятилетки. В 1935 г. транспорт уверенно пошел в гору и перестал быть тормозом в развитии народного хозяйства.

Полное осуществление шести условий т. Сталина обеспечивает резкое повышение производительности труда во второй пятилетке во всех отраслях хозяйства (в промышленности на 63%). Рост производительности труда есть единственный источник растущего благосостояния трудящихся в стране про-

летарской диктатуры. Быстрый рост фондов потребления во второй пятилетке сопровождается одновременным ростом накоплений, капитального строительства во всех отраслях народного хозяйства, в первую очередь в промышленности. Так развивается только социалистическое общество. Только при социализме рост производства, строительства влечет за собой и рост потребления, подъем жизненного уровня трудящихся.

Конечная цель социализма—непрерывный подъем материального и культурного уровня трудящегося человечества. Но создать такой высокий уровень общественной материально-культурной жизни, который полностью соответствовал бы достоинству свободной от эксплоатации человеческой личности, можно только на основе дальнейшего мощного развития производительных сил, далеко превосходящего все то, чего достигло современное капиталистическое общество. При социализме мощное развитие производства, строительства сочетается с непрерывным ростом на этой основе потребления, причем производство играет ведущую роль. Но само развитие потребностей оказывает обратное воздействие на производство. Рост производства создает одновременно и новые потребности и средства их удовлетворения. Этим воспроизводство социалистического хозяйства в корне отличается от расширенного капиталистического воспроизводства.

Социализм не занимается производством для производства, безграничным расширением производства, не зависящим непосредственно от потребления, как это происходит при капитализме. Но научный социализм не есть в то же время и чисто потребительский социализм в духе лассальянского принципа «каждому работнику полный продукт труда» (критику его см. в I главе). Не все, что производится, проедается. Часть общественного продукта накопляется и выделяется на непрерывное расширение производства. Критикуя т. Бухарина по вопросу о предмете политической экономии и экономических законах после капитализма, Ленин указал, что закон накопления действует и в коммунистическом обществе. «Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение I v+m к II c? и накопление?»[1].

---

[1] Замечания на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода», «Ленинский сборник» XI, стр. 349. Под c, v и m здесь у Ленина, в отличие от капитализма, надо понимать: накопление средств производства (c), фонд личного потребления (v) и всевозможные резервы и запасные фонды (m).

Построение бесклассового общества невозможно самотеком, без классовой борьбы. Классовый враг еще окончательно не добит внутри страны, он окружает нас на международной арене. Победоносный ход второй пятилетки связан с социалистическим наступлением на классовых врагов. Построение бесклассового социалистического общества во второй пятилетке требует окончательного сокрушения недобитого кулачества и других остатков капитализма. Отсюда следует необходимость усиления диктатуры пролетариата. Эта задача прекрасно выражена в докладе т. Сталина на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1933 г.: «Сильная и мощная диктатура пролетариата,—вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации. Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контр-революционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это—перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии. Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»[1].

Развитие советской экономики определяется пролетарской диктатурой. Мы имеем все возможности и условия для построения бесклассового социалистического общества, для дальнейшего развития социалистической системы хозяйства и выполнения хозяйственных задач второй пятилетки. Для этого необходимо поднять организационную работу на уровень политических задач.

Центром всей организационной работы является вопрос о людях.

В людей упирается и важнейшая проблема освоения техники. В этом отношении мы вступили в новый период—в эпоху

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 509, изд. 10-е.

советского гуманизма, величайшей заботы о людях, о кадрах, обеспечивающих своей работой растущие успехи социалистического общества.

В то время как за границей молодым людям, кончающим высшие и средние учебные заведения, нечего делать, там наблюдается перепроизводство особенно в профессиях умственного труда, мы в СССР испытываем голод в людях, владеющих наукой, техникой. И мы не так скоро еще его удовлетворим, несмотря на огромный размах в деле подготовки кадров. «...Изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед. Дело в том, что у нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать»[1].

Так говорил т. Сталин в начале мая 1935 г. Слова вождя глубоко проникли в сознание каждого рабочего. И вот не прошло и четырех месяцев после этого, как передовики-рабочие, оседлавшие технику со Стахановым, Бусыгиным, Виноградовыми, Кривоносом и др. в первых рядах, осуществили лозунг т. Сталина на практике. Прошедшие в конце 1935 г. совещания рабочих-стахановцев, передовых комбайнеров и комбайнерок, совещание по строительству показали, что ряды рабочих, овладевающих техникой и поднимающих свой культурно-технический уровень, быстро растут. Рабочие-стахановцы, старые кадровики и молодежь, перекрывают американские нормы выработки, вчерашние крестьянские сыновья и дочери овладевают искусством управления сложнейшими машинами-комбайнами, также оставляя далеко позади американские нормы. Меняется подход к выполнению планов второй пятилетки. Там, где вчера еще считали невозможным обойтись без дополнительных капиталовложений на реконструкцию, увеличение количества станков и т. д., там сегодня при помощи стахановских методов перевыполняют планы без всяких новых вложений. Задача состоит в том, чтобы «развернуть дальше стахановское движение и распространить его вширь и вглубь на все области и районы СССР»[2]. Вновь и вновь при каждой встрече с лучшими представителями народа, с мастерами высокой производительности

[1] *Сталин*, Речь на выпуске академиков Красной армии 4/V 1935 г., стр. 11—12, Партиздат, 1935.

[2] *Сталин*, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 25, Партиздат, 1935.

труда в промышленности, в сельском хозяйстве вождь нашей партии обращается к вопросу о кадрах. Поставив в речи на совещании передовых комбайнеров важнейшую задачу зернового хозяйства—сбор 7—8 миллиардов пудов хлеба в ближайшем будущем, т. Сталин со всей силой подчеркивает: «Главное теперь в том, чтобы налечь на кадры, обучить кадры, помочь отстающим освоить технику, выращивать изо дня в день людей, способных освоить технику и погнать ее вперед. В этом теперь главное, товарищи»[1]. В мощном движении за овладение техникой участвуют совместно и помогают друг другу рабочие и колхозники всех национальностей СССР. Партии и правительству рапортуют о своих производственных победах колхозники-хлопкоробы Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и других республик Средней Азии, мастера свеклы Украинской ССР, рамщики лесопильных заводов Белоруссии и Северного края, шахтеры Донбасса и Сибири. Пышно расцвели плоды ленинско-сталинской национальной политики. С огромным подъемом проходят встречи представителей некогда забитых и эксплоатируемых народов с представителями партии и правительства. Крепким цементом пролетарской солидарности и творческого трудового энтузиазма спаяны народы СССР. «...Дружба между народами СССР растет и крепнет. Это, товарищи, самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика»[2].

Все конкретные мероприятия организационного порядка должны иметь в виду прежде всего людей, тех, кто осуществляет работу. Указания, сделанные т. Сталиным 26 декабря 1934 г. и 4 мая 1935 г., сыграют величайшую роль в дальнейшем развертывании организационной работы и всего социалистического строительства. Тов. Сталин во всей широте поставил вопрос об овладении техникой и о людях, ею овладевающих. «Нельзя технику отрывать от людей, приводящих технику в движение. Техника без людей мертва. Лозунг «Техника в период реконструкции решает все» имеет в виду не голую технику, а технику во главе с людьми, овладевшими техникой. Только такое понимание этого лозунга является правильным. И поскольку мы уже научились ценить технику, пора заявить прямо, что главное теперь—*в людях*, овладевших

---

[1] *Сталин*, Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок, стр. 13, Партиздат, 1935.

[2] *Сталин*, Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана, «Правда» от 6/XII 1935 г.

техникой»[1]. Отсюда следует, что надо всемерно заботиться о повышении квалификации работников, так организовать зарплату, чтобы она толкала к овладению техникой, к повышению квалификации. Надо правильно расставлять людей на производстве, предупреждая ошибки, происходящие от незнания дела, недостаточной подготовки и умелости. «А между тем на деле мы имеем в целом ряде случаев факты бездушно-бюрократического и прямо безобразного отношения к работникам. Этим, собственно, и объясняется, что вместо того, чтобы изучать людей и только после изучения ставить их на посты, нередко швыряются людьми, как пешками»[2]. Так вождь нашей партии беспощадно бичует практику формально-бюрократического отношения к людям, к работникам, проистекающую из непонимания, недооценки решающего значения кадров в деле социалистического строительства. «Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево»[3]. В недостатках и прорывах—«...виноваты в этом только мы, наша организационная работа, наше плохое организационное руководство» (Сталин). Трудности нашего строительства на данном этапе—это трудности организационной работы, организационного руководства. Центр тяжести—в улучшении структуры и работы наших аппаратов, в упрощении их, приближении работников к производству, в конкретном, оперативном руководстве.

Во второй пятилетке уже осуществлен целый ряд важнейших мер по организационной перестройке. К ним относятся разукрупнение наркоматов промышленности, снабжения, земледелия, ликвидация объединений в промышленности, разукрупнение главков и трестов, подчинение крупнейших предприятий непосредственно наркоматам, переброска инженеров и техников из управленческого аппарата непосредственно на производство и т. д. Одним из ярких примеров служит перестройка системы управления и зарплаты в каменноугольной промышленности Донбасса. Все это—мероприятия, дающие возможность каждому способному работнику максимально развертывать свою производственную, техническую инициативу, непосредственно отвечая за успех дела.

Поднять организационную работу это значит прежде всего ликвидировать канцелярско-бюрократический метод руковод-

---

[1] *Сталин*, Беседа с делегацией металлургов, «Правда» от 29/XII 1934 г.

[2] *Сталин*, Речь на выпуске академиков Красной армии 4/V 1935 г., стр. 13, Партиздат, 1935.

[3] *Сталин*, Беседа с делегацией металлургов, «Правда» от 29/XII 1934 г.

ства во всех звеньях, организовать действительную и систематическую проверку исполнения решений. Нужно изучать и проверять людей, тщательно их подбирая. Образцы четкого, конкретного политического руководства дает Центральный комитет нашей партии, вождь нашей партии т. Сталин, изо дня в день контролирующий, следящий за продвижением самых разнообразных вопросов, начиная от строительства каналов (Беломорстрой), гигантов металлургии, новых железных дорог и кончая организацией труда в колхозной бригаде, борьбой с очередями в магазинах и подготовкой программ и учебников для школы.

В стране есть еще осколки ликвидированных капиталистических элементов, контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы, правых уклонистов. Ни на одну минуту не должна ослабевать революционная бдительность на том основании, что кулачество разгромлено, капиталистические элементы ликвидированы и мы на пороге бесклассового общества.

Глава IV

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВО ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

§ 1. Основные показатели промышленности

СССР имеет теперь мощную, первоклассную промышленность.

Для создания такой промышленности нужна была непримиримая борьба за тот план социалистического наступления, который последовательно разрабатывался т. Сталиным, начиная с XIV партконференции и XIV партсъезда и кончая XVII съездом партии.

«...Для этого надо было пойти на жертвы и навести во всем жесточайшую экономию, надо было экономить и на питании, и на школах, и на мануфактуре, чтобы накопить необходимые средства—для создания индустрии. Другого пути для изживания голода в области техники не было. Так учил нас Ленин, и мы шли в этом деле по стопам Ленина»[1].

Индустриализация страны, и в первую очередь строительство и всемерное укрепление тяжелой индустрии, представляет собой основу всего социалистического строительства, ключ к технической реконструкции всего народного хозяйства СССР.

Задачи второй пятилетки разрешаются на основе дальнейшей индустриализации нашего народного хозяйства. «Во втором пятилетии политика индустриализации находит свое выражение в дальнейшем увеличении удельного веса промышленности в общей продукции народного хозяйства»[2]. В 1932 г. вся промышленность дала 70,7% валовой продукции народного хозяйства, сельское хозяйство—29,3%. Во второй пятилетке доля

[1] *Сталин*, Речь на выпуске академиков Красной армии 4/V 1935 г., стр. 8, Партиздат, 1935.

[2] *Молотов*, Доклад на XVII съезде партии, Стенографический отчет, стр. 354.

промышленности продолжает повышаться, достигая по плану в 1937 г. 78% при удельном весе сельского хозяйства в 22% (в абсолютных цифрах продукция промышленности—92,7 млрд. руб., сельского хозяйства—26,2 млрд. руб.). Промышленность должна дать в 1937 г. колоссальную цифру продукции—на 92,7 млрд. руб. В 1937 г. промышленность даст товаров на 49,4 млрд. руб. больше, чем в 1932 г. О таких масштабах не могла мечтать дореволюционная Россия, такой рост недостижим для капиталистического хозяйства.

Вся продукция промышленности разбивается на две группы: средства производства (45,5 млрд. руб.) и предметы потребления (47,2 млрд. руб.). В капиталистическом хозяйстве, как известно, нет и не может быть плана. Поэтому мы не имеем возможности непосредственно сравнивать плановые задания нашей второй пятилетки с уровнем капиталистических стран в 1937 г. Однако мы вполне отразим перспективы соревнования нашей советской хозяйственной системы—социализма—с капитализмом, если будем сопоставлять цифры 1937 г. по СССР с данными капиталистических стран за 1928 г. Это был год наивысшего подъема капитализма в послевоенный период. Если сравнивать объем промышленной продукции СССР в 1937 г. с продукцией промышленности капитализма в 1928 г., то удельный вес СССР к продукции промышленности всего капиталистического мира будет 25%. По продукции промышленности СССР в 1937 г. обгонит в 2 раза Германию, в $2^1/_2$ раза Англию, даст больше половины продукции США, $^1/_4$ всей мировой капиталистической промышленности—таков будет рост продукции промышленности СССР в 1937 г. Основную массу продукции дают четыре промышленных наркомата: Наркомтяжпром—33,5 млрд. руб., Наркомлегпром—19,5 млрд. руб., Наркомпищепром—11,9 млрд. руб., Наркомлес—3,6 млрд. руб.

По отраслям продукция промышленности в основном распределяется так. На первом месте стоит машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность—объем ее продукции в 1937 г. 19,5 млрд. руб. Удельный вес машиностроения во всем итоге промышленной продукции будет в 1937 г. 23,4%, в то время как в дореволюционной России этот процент был 11,0%, а в США в 1929 г.—17,8%, в Германии в 1927/28 г.—12,2%. О том, как решительно выдвинется машиностроение СССР в мировом масштабе, говорят также следующие цифры. В 1937 г. продукция машиностроения СССР будет составлять в процентах к продукции машиностроения всего капиталистического мира 34,7%, США—57,8, Германии—251,5, Анг-

лии—318,0, Франции—150,0%. По производству чугуна, стали, проката СССР в 1937 г. будет стоять впереди наиболее индустриальных стран Европы — Англии, Германии, Франции. Это видно из следующей таблицы (в млн. *т*):

Производство	Англия	Германия	СССР (1937 г.)
Чугун	6,7	11,8	16,0
Сталь	8,6	14,3	17,0
Прокат	7,5	10,5	13,0

Для капиталистических стран берется уровень 1928 г. (до кризиса). СССР делает за вторую пятилетку гигантский скачок вперед в производстве основных отраслей тяжелой индустрии—машиностроения, металлургии, угля, химии. Каменного угля 1937 г. даст по плану 152,5 млн. *т* против 64,3 млн. *т* в 1932 г. СССР этим значительно приближается к уровню Германии, имевшей добычу угля в 1928 г. 202 млн. *т* и 132 млн. *т* в 1932 г. До войны—в 1913 г.—добыча угля в России была в пять раз меньше, чем в Германии, и в 10 раз меньше, чем в Англии. Большой рост (на 180%) даст химическая промышленность, ее продукция в 1937 г. достигнет 5,5 млрд. руб.

Добыча нефти в СССР достигнет в 1937 г. 46,8 млн. *т*, что больше продукции всех стран (кроме США), вместе взятых, добывающих нефть. Чтобы догнать и перегнать передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны Европы и Америки, предстоит еще употребить много энергии, проделать еще огромный путь технического развития и усовершенствования. «*...Не увлекаться достигнутыми успехами и не зазнаваться*»—об этом предупреждал т. Сталин на XVII съезде. Нет ничего вреднее, чем представление о том, что в капиталистических странах царит полный технический застой. Техника, несмотря на депрессию, идет там вперед. Сами условия кризиса заставляют капиталистов искать новые конструкции, новые технические методы, чтобы сохранить свои позиции в конкурентной борьбе. Изобретения в Америке быстро стареют, примером может служить нефтяное дело. Наша нефтяная промышленность лет 5—6 назад заимствовала самую передовую технику Америки, произвела коренную техническую реконструкцию. А теперь мы снова отстали, потому что Америка за это время ушла далеко вперед, а наши нефтяники успокои-

лись. Наша техническая мысль должна опережать мировые достижения. «...Наши техники, догоняя Европу и Америку и перегнав их, должны своими силами решать мировые технические проблемы...»[1]. А для этого требуются упорная систематическая работа, расширение культурного кругозора работников промышленности, борьба с вреднейшим самоуспокоением, внимательное изучение заграничного опыта.

Одной из особенностей индустриализации во второй пятилетке является то, что мы можем усиленно развивать теперь и легкую и пищевую индустрию вслед за тяжелой. Создать такую легкую промышленность, которая обеспечила бы удвоение потребления на душу за одну вторую пятилетку, можно только на основе собственной крупной машинной индустрии.

Всего предметов потребления в 1937 г. будет произведено на 47,2 млрд. руб. 1937 год даст огромный прирост—на 27 млрд. руб. по сравнению с 1932 г. Из всей продукции предметов потребления 19,5 млрд. падает на промышленность Наркомлегпрома, 11,9 млрд.—на промышленность НКПищепрома, 2,5 млрд.—на мукомольную, крупяную, находящуюся в ведении Комитета заготовок при Союзном Совнаркоме, и 9,4 млрд.—на промысловую кооперацию. Тяжелая промышленность также производит предметы широкого потребления, частью используя отходы своего основного производства. Она дает швейные машины, ножи, вилки, посуду чугунную и железную, электролампы, резиновую обувь, косы, керосиновые лампы, примусы и др. За четыре года до VII съезда Советов тяжелая промышленность, по данным, приведенным т. Орджоникидзе в его докладе на VII съезде, дала предметов ширпотреба на 4653 млн. руб. Тов. Орджоникидзе заявил, что тяжелая промышленность может и должна дать гораздо больше, имея для этого достаточные возможности. По плану, легкой промышленностью в 1937 г. будет произведено 5100 млн. *м* хлопчатобумажных тканей, 180 млн. пар кожаной обуви. Особенно сильный рост даст производство льняных тканей и трикотажных изделий. Выработка тех и других увеличится в 4,6 раза против 1932 г.

Пищевая промышленность даст в 1937 г. 1,2 млн. *т* мяса, 1,8 млн. *т* улова рыбы, 180 тыс. *т* животного масла, 2 млрд. банок консервов, 1 млн. *т* мыла. По сравнению с 1932 г. производство предметов потребления вырастает к 1937 г. гораздо

---

[1] *Орджоникидзе*. Речь на совете при наркоме тяжелой промышленности 12 мая 1935 г., «Правда» от 18/V 1935 г.

быстрее (на 133,6%), чем производство средств производства, дающее на тот же период рост на 97%. В то же время пищевая промышленность дает еще более быстрый рост, увеличивая свою продукцию с 5660 млн. руб. в 1932 г. до 14,4 млрд. в 1937 г., т. е. на 154%. В 1935 г. промышленность дала продукции на 65,9 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.). Прирост продукции за один 1935 год составил колоссальную величину—11 млрд. руб., что на 1 млрд. руб. больше всей промышленной продукции 1913 года.

Если тяжелая индустрия, особенно машиностроение, должна обеспечить завершение технической реконструкции всего народного хозяйства, техническое перевооружение его, то на легкую и пищевую промышленность ложится осуществление другой важнейшей задачи пятилетки—более быстрого улучшения и подъема материального и культурного уровня жизни рабочих и колхозников, удвоения потребления.

Промышленность Наркомтяжпрома увеличивает во много раз производство определенных товаров культурного назначения — фотографические аппараты (в 11,7 раза), велосипеды (в 4,5 раза), ламповые радиоприемники (в 17 раз). В расширении производства предметов потребления сыграют значительную роль местная промышленность, находящаяся теперь в ведении нового наркомата (Наркомместпром), и промысловая кооперация. Местная промышленность должна максимально использовать местное сырье, развивая его добычу, чтобы удовлетворить возможно больше местный спрос и потребление за счет местного производства, внутри области, района. Местная промышленность, промысловая кооперация больше всего развивают свою работу в области производства предметов широкого потребления. Местная промышленность даст в 1937 г. ширпотреба на 3,3 млрд. руб., промкооперация—на 9,4 млрд. руб. В то же время местная промышленность должна развернуть добычу местного топлива, строительных материалов, производство несложного оборудования, инструментов, ремонта, перевозочных средств и т. д. Промкооперация, объединяющая по плану в 1937 г. 2,5 млн. кустарей, должна сосредоточиться на обслуживании массового индивидуального спроса на одежду, обувь, домашний инвентарь, всевозможные кустарные изделия. Самое большое место в продукции ширпотреба промкооперации займут в 1937 г.: пищевкусовые товары—2 473 млн. руб. (по ценам 1932 г.), кожевенно-обувные и меховые—1 120 млн., изделия деревообрабатывающей отрасли—940 млн., металлические—860 млн. Особенно велико значение промысловокоопе-

ративных предприятий и местных, принадлежащих районным советским организациям в глубинных пунктах, где они часто могут оказаться по некоторым предметам единственным источником удовлетворения запросов колхозной деревни. Еще в политическом отчете ЦК на XIV съезде партии т. Сталин, выдвигая как первоочередную и центральную задачу поднятие крупной индустрии, подчеркнул огромное значение и местной промышленности. Он говорил тогда: «Не развязав силы, таящиеся на местах, по линии хозяйственного строительства, не оказав всемерной поддержки местной промышленности, начиная с районов и округов, не развязав всех этих сил, мы не сможем добиться того всеобщего подъема хозяйственного строительства в нашей стране, о котором говорил Ленин»[1]. Местная промышленность дополняет крупную государственную промышленность общесоюзного значения.

Экономическая мощь пролетарской диктатуры СССР ярко отражается в цифрах, характеризующих нашу социалистическую тяжелую промышленность за третий год второй пятилетки, приведенных т. Межлауком в докладе на 2-й сессии ЦИК СССР VII созыва[2].

Все промышленные наркоматы перевыполнили планы 1935 г. Особенно большой рост вслед за тяжелой индустрией (25,9%) показала пищевая промышленность (24,7%).

Развитие промышленности во второй пятилетке идет ускоряющимися темпами. Так продукция всей промышленности выросла в 1933 г. на 6,2%, в 1934 г.—на 18,7%, в 1935 г.—на 20,7% по сравнению с предыдущим годом. По плану 1936 г., вся промышленность должна дать продукции на 81,1 млрд. руб., т. е. прирост в 23%.

Соответственно общей директиве второго пятилетнего плана производство средств производства в 1936 г. должно вырасти на 22,6%, а производство средств потребления несколько выше—на 23,7%.

§ 2. Завершение технической реконструкции промышленности

Уничтожение классов и причин, их порождающих, преодоление пережитков капитализма в экономике и в сознании людей, превращение всех трудящихся в сознательных и активных

[1] XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 37.

[2] *Межлаук*, Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г., «Правда» от 12/I 1936 г.

строителей бесклассового социалистического общества—такова основная политическая задача второй пятилетки. Осуществление этой задачи предполагает быстрое развитие производительных сил социалистического хозяйства, завершение технической реконструкции всего народного хозяйства. Это—основная и решающая хозяйственная задача второй пятилетки. Уже в результате работ первой пятилетки мы добились решительного обновления основных фондов нашей промышленности на основе нового оборудования, новой техники.

«В деле технического перевооружения Советского союза мы идем вперед подлинно революционными темпами. Поступая так, мы лишь выполняем одну из основных исторических обязанностей первого в мире пролетарского государства»[1].

Завершение технической реконструкции самой промышленности во второй пятилетке идет по следующим основным линиям: 1) дальнейшее обновление основных фондов, 2) комбинирование, 3) механизация трудоемких процессов, 4) автоматизация станков, 5) ликвидация отставания черной металлургии и особенно производства стали, 6) перевод на новую энергетическую базу и 7) химизация.

Мы шли быстрыми шагами благодаря широкому развертыванию нового строительства. Так, в начале 1931 г. основные фонды нашей промышленности были обновлены на 47,8%, а к началу 1933 г.—уже на 71,3%, причем по тяжелой промышленности несколько выше—на 76,7%. Ряд отдельных отраслей имеет еще более высокий процент обновления своих капиталов. Так, процент обновления основных фондов химической промышленности на 1/I 1933 г.—84,2, электротехнической—85, нефтяной—84,8, каменноугольной—82,6, электростанций — 88,1. От старой довоенной промышленности, принадлежавшей капиталистам, теперь очень мало осталось в прежнем виде. Многое заново построено, а большей частью все переделано, реконструировано, расширено.

Несмотря на такое быстрое внедрение новой техники, такую степень обновления основных фондов промышленности, особенно тяжелой, путем введения новых предприятий и коренной реконструкции старых, нам во второй пятилетке предстоит еще огромная работа. Задача завершения технической реконструкции потребует упорной работы большевистскими темпами. Не следует забывать, что промышленность почти на $^1/_3$

[1] *Молотов*, Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР, стр. 50, Партиздат, 1935.

работает еще на старом оборудовании. Вся легкая индустрия в целом на 1/I 1933 г. обновила свои основные фонды только на 42,7%, причем такая важнейшая отрасль, как текстильная, только на 35,3%. Если сюда прибавить такие огромные задачи, как охват во второй пятилетке всех колхозов машинно-тракторными станциями, коренную реконструкцию транспорта, требующую обновления паровозного и вагонного парка, реконструкцию городского коммунального хозяйства, то станет понятно, что впереди еще огромная работа, требующая напряжения сил всей нашей промышленности, в первую очередь тяжелой. Тов. Молотов предупредил на VII съезде советов, что огромные успехи, достигнутые нашей промышленностью,—только небольшая часть того, что необходимо для завершения технической реконструкции.

Реконструкция означает подведение новейшей машинной базы под все обобществленное хозяйство, широкое внедрение электрической двигательной силы. Это обеспечивается соответствующим ростом производства металла, машин, станков, электроэнергии и т. д., намеченным вторым пятилетним планом. Достаточно указать, что отрасли машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности дадут в 1937 г. на 19,5 млрд. руб. продукции. Это составляет 43% всей продукции средств производства. Сильно увеличивается производство тракторов (с 51,7 тыс. до 167 тыс.), паровозов (с 828 до 2 800 штук), металлообрабатывающих станков (с 15 тыс. до 42 тыс.), электроэнергии (с 13,4 млрд. *квтч* до 38 млрд. *квтч*), чугуна (с 6,2 млн. *т* до 16 млн. *т*), каменного угля (с 64,3 млн. *т* до 152,5 млн. *т*).

38 млрд. *квтч* электрической энергии ставят СССР впереди всех стран кроме США (105 млрд. *квтч*). Это немногим меньше, чем продукция электроэнергии Германии (27,8 млрд. *квтч*) и Англии (14,5 млрд. *квтч*), вместе взятых. Огромный рост производства металлорежущих станков приближает СССР (42 тыс. штук в 1937 г.) к США (59 тыс. в 1929 г.). По количеству производимых тракторов СССР имеет только одного конкурента—США (171,4 тыс. тракторов в 1928 г.).

В выпуске советских тракторов будет гораздо выше процент более мощных гусеничных тракторов — 52,1% против 11,8% в США. Этим же объясняется, что выпуск тракторов 1937 г. в физических единицах (штуках) будет 96 тыс., а в условных 15-сильных— 167 тыс. По выпуску паровозов СССР в конце второй пятилетки далеко оставляет за собой США в период процветания. СССР в 1937 г.—2 800 паровозов, США в 1928 г.—747 паровозов.

Великая программа строительных работ второй пятилетки означает «...техническое *перевооружение* всех отраслей народного хозяйства СССР, обеспечивающее внедрение в кратчайший срок новейших технических достижений...»[1]. О размерах этого перевооружения можно судить по тому факту, что в 1937 г. 80% всей продукции промышленности будет получено с новых предприятий, построенных или целиком реконструированных за годы первой и второй пятилеток. В 1932 г. этот процент был не выше 35. Если прибавить те работы по реконструкции и новому строительству, которые производились и до первой пятилетки, то в сущности можно сказать, что в конце второй пятилетки мы будем иметь почти новую промышленную базу.

Одной из важнейших задач строительства и технической реконструкции во второй пятилетке является комбинирование производства в наиболее рациональных, целесообразных формах. Поэтому основной тип строительства—комбинаты. Комбинирование стало распространенным в капиталистической промышленности в эпоху империализма и является одной из форм конкурентной борьбы зависимых друг от друга отраслей. Ленин дал следующее определение комбината: «...Крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая *комбинация*, т. е. соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (напр., выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали),—либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (напр., обработка отбросов или побочных продуктов; производство предметов упаковки и т. п.)»[2].

Машиностроение комбинируется с металлургией (Нижнетагильский и Новокраматорский комбинаты), с транспортным машиностроением (Сталинский в Западной Сибири). В 1937 г. значительная часть синтетического аммиака будет производиться на металлургических комбинатах и около четверти серной кислоты будет получено путем переработки газов—отходов медеплавильных заводов. С каменноугольной промышленностью будет связано производство жидкого моторного топлива, асфальта и других химических продуктов. В ряде других отраслей путем строительства комбинатов обеспечивается наиболее полное, всесто-

---

[1] Из резолюции XVII съезда о втором пятилетнем плане. Стенографический отчет, стр. 662.

[2] *Ленин*, Соч., т. XIX, стр. 82, изд. 3-е.

роннее использование основного сырья, отходов. Комбинирование, объединяющее последовательные стадии производственного процесса, дает большую экономию расходов по перевозке сырья, полуфабрикатов. Комбинирование повышает производительность общественного труда в целом. Процент совершенно бесполезных отбросов сводится до минимума. Наряду с комбинированием значительно усиливается специализация. Она заключается в том, что каждое предприятие производит минимальное количество видов и сортов продукции—меньшее число сортов тканей, номеров пряжи, профилей металла и т. д. Благодаря этому специализированное предприятие может лучше наладить массовую выработку этих немногих видов продукции, обеспечив и высокое их качество.

Во второй пятилетке строятся наряду с комбинатами машиностроения, металлургии, химии, энергетики, 15 хлопчатобумажных комбинатов, 23 новых мясокомбината, ряд бумажных комбинатов (Башкирский, Красноярский и др.), заканчивается строительство Камского, Кондопожского целлюлозно-бумажных комбинатов и других.

Во второй пятилетке на основе технического перевооружения будет завершена в основном механизация всех трудоемких и тяжелых работ в промышленности. XVII съезд партии поставил задачей добиться следующего уровня механизации: по зарубке каменного угля—93% (по Донбассу—98%), по выплавке чугуна—80%, полной механизации домен, по торфу—70%, по строительству—80%, по улову рыбы государственному—70%, всесторонне механизировать трикотажное, швейное и обувное производство, в шесть раз повысить механизацию вывозки лесозаготовок и в три раза разделку леса и т. д.

По механизации добычи угля СССР обгоняет все капиталистические страны, включая и США. В то время как в СССР механизированная добыча угля составит 93,0% добычи по всему Союзу и 98,0% по Донбассу, в США добыча угля механическим способом составляла (в 1928 г.) 73,8%, в Германии—70,6%, в Англии—25,9% общей добычи. Интересно отметить, что в годы кризиса одновременно с резким падением всей продукции процент механизации повышался. В капиталистическом хозяйстве механизация есть один из методов наступления на рабочий класс, средство борьбы за понижение зарплаты. Но и за весь истекший период основные капиталистические страны даже при росте механизации далеко еще не достигли уровня механизации добычи угля, намеченного у нас пятилеткой. Если взять легкую индустрию, то и здесь по степени автоматизации

основная отрасль—хлопчатобумажная—обгоняет все страны кроме США. 40% всех ткацких станков в этой отрасли в СССР будут автоматическими станками. Между тем процент автоматических станков в 1932 г. в Англии был 1,7, в Германии—11,0, в Японии—18,9. Только США стоят впереди (76,1% автоматических станков в 1932 г.).

Возрастает механизированная заготовка леса до 16,4% (1,0% в 1932 г.), механизация разделки леса до 62,7% (20,0% в 1932 г.). Вывозка леса механизируется на 28,3% (4,4% в 1932 г.).

Строительство превращается во втором пятилетии в передовую отрасль индустрии, применяющую сложную машинную технику и теряющую свой исключительно сезонный, отходнический характер. Земляные работы, наиболее тяжелый вид ручного труда, механизируются на 50%. А такие процессы, как приготовление бетона, внутренний транспорт, сортировка материалов, добыча камня, механизируются почти целиком—на 80—90—95%.

***

Тов. Сталин в своем докладе и XVII съезд в своей резолюции о втором пятилетнем плане выдвинули как важнейшую задачу в области тяжелой индустрии «полностью ликвидировать отставание *черной металлургии* от общих темпов развития народного хозяйства» (из резолюции XVII съезда), при сохранении за машиностроением его ведущей роли. Металл—основа индустриализации. Производство машин, все отрасли металлообрабатывающей промышленности упираются в чугун, сталь, железо. Если вся тяжелая индустрия в целом, как мы уже указывали, перевыполнила план первой пятилетки (1932/33 г.) на 9,8%, то черная металлургия его выполнила только на $^2/_3$. По плану 1932/33 г. (последнего года первой пятилетки) продукция всего машиностроения (включая электротехнику) должна была составить 4 688 млн. руб. (в ценах 1926/27 г.), фактически же машиностроение дало в 1932 г. 7 728 млн. руб., черная металлургия же при плане (1932/33 г.) в 1869 млн. руб. фактически дала продукции в 1932 г. на 1201,5 млн. руб. Следовательно черная металлургия выполнила свой пятилетний план только на 64,3%, в то время как машиностроение его перевыполнило на 64,8%. При этом не следует упускать из виду, что черная металлургия дала все же сильный рост за 4 года первой пятилетки—на 70,3%. Тем не менее отставание черной металлургии от машиностроения и следовательно от потребностей всего народного хозяйства до последнего времени было налицо.

Второй год пятилетки—1934 год—стал переломным годом в работе нашей черной металлургии. Благодаря энергичному внедрению шести условий т. Сталина, перестройке систем зарплаты и организации труда, проведенной за последние два года, черная металлургия сделала решительный шаг вперед, добилась решающих успехов. В своем отчетном докладе на VII съезде советов т. Молотов оценил успехи черной металлургии в 1934 г. как важнейший хозяйственный и политический успех. Выплавка чугуна за 1934 г. составила 10,5 млн. *т*, что дало рост на 110% к 1930 г., производство стали—9,6 млн. *т*, рост на 66% к 1930 г., проката 6,7 млн. *т*, рост на 49% к 1930 г. За один 1934 год прирост продукции чугуна составил 3,3 млн. *т*, стали—2,7 млн. *т*, проката—1,8 млн. *т*. Такого прироста за один год не знала ни одна капиталистическая страна. Еще большие успехи дал 1935 г., когда чугуна было выплавлено 12,5 млн. *т*, а стали 12,4 млн. *т*.

Потребность в металле всего народного хозяйства настолько велика, что и этого недостаточно. При имеющемся оборудовании можно резко повысить размеры продукции, улучшив использование этого оборудования, достигнув показателей передовых заграничных предприятий. Для черной металлургии, по чугуну, решающим показателем служит коэфициент использования объема доменных печей. За 1934 г. победа черной металлургии сказалась в резком улучшении (снижении) коэфициента полезного действия доменных печей. Он снизился с 1,69 в 1933 г. до 1,31 в 1934 г. Но этот показатель может быть снижен еще значительнее. Об этом говорит практика отдельных заводов, давших в том же 1934 г. коэфициент более низкий: Кузнецкий завод—1,14, Макеевский им. Кирова—1,14, Сталинский—1,17. В отдельные периоды (месяцы, кварталы) некоторые доменные печи крупнейших заводов давали еще более высокие показатели: 1,05, 1,04. В январе 1935 г. черная металлургия давала 31—32 тыс. *т* чугуна ежедневно. Если бы средний коэфициент использования домен удалось снизить с 1,31 до 1,15 (коэфициент лучших заводов), тогда, как указал т. Орджоникидзе, выплавка чугуна сразу поднялась бы до 40 тыс. *т* в сутки. На основе стахановских методов работы в конце 1935 г. Макеевская домна № 5 дала коэфициент использования объема 0,87; домна Керченского завода—0,99. В январе 1936 г. по Союзу ежедневно выплавлялось 38—40 тыс. *т*. чугуна и 42—46 тыс. *т* стали. В беседе с металлургами (26 декабря 1934 г.) т. Сталин особенно подчеркнул необходимость роста производства стали. «Во всех

развитых странах, — сказал т. Сталин, — выплавка стали опережает выплавку чугуна. Есть страны, где выплавка стали превышает выплавку чугуна на 25—30 процентов. У нас наоборот—выплавка стали отстает от выплавки чугуна. Доколе это будет продолжаться? Теперь ведь уже нельзя считать, что мы страна «деревянная», что у нас нет в стране железного лома и т. п. Теперь мы страна металлическая. Не пора ли покончить с этой диспропорцией между чугуном и сталью?»[1]. Производство стали находится в сильной зависимости от степени индустриализации страны, от того, насколько страна насыщена металлом. В современной черной металлургии господствует мартеновский способ производства стали. Он дает хороший по качеству металл, дает возможность использовать в качестве сырья, исходного материала металлический лом. В странах с высоким потреблением металла продукция стали может расти за счет использования металлического лома (скрап). За десятилетие, 1921—1930 гг. в США процент скрапа (лома) в шихте (материалы, закладываемые в печь для выплавки) составлял 50. Это значит, что американская мартеновская сталь только наполовину выплавлялась из чугуна, остальная—из лома. В 1929 г. при выплавке в США 48 млн. *т* мартеновской стали использовано было лома 25,5 млн. *т*. Лом является для производства стали в мартеновских печах основным сырьем. Если в годы первой пятилетки проблема стали еще не могла быть поставлена во всей широте—металл только внедрялся широко во все народное хозяйство,—то теперь, когда мы стали металлической страной, когда мы уже заняли первое место по чугуну в Европе, необходимо подтянуть сталь к чугуну. Необходимо устранить диспропорцию, разрыв между сталью и чугуном, отставание стали. У нас много металла, следовательно много лома, отходов металла, есть достаточно ломового сырья для мартеновских печей. Мы проектируем поэтому для 1937 г. стали больше, чем чугуна (17 млн. *т* стали, 16 млн. *т* чугуна). В таких развитых индустриальных странах, как США, Германия, производство стали по указанной выше причине идет далеко впереди чугуна. В 1932 г. продукция стали в США—13,6 млн. *т*, в Германии—5,7 млн. *т*, чугуна в тех же странах—8,9 млн. *т* и 3,9 млн. *т*. Однако недостаточно одного того, что мы стали богаты металлом: надо, чтобы мартеновские цехи металлургических заводов так же овладевали техникой, как и доменные. Надо расставить там людей, надо, чтобы они полностью осво-

[1] «Правда» от 29/XII 1934 г.

или технику. Сталь—необходимый материал для нашей мощной металлообрабатывающей промышленности. Особенно важное значение имеет увеличение производства так называемого качественного металла, стали и проката. Новейшая техника, применение мощных, быстроходных машин, высоких давлений и температур предъявляет более высокие требования к качеству металла. В 1937 г. производство прокатного металла высокого качества, специальных видов составит больше 15% всего проката. Оно увеличивается в 3,5 раза: вместо 555 тыс. *т* в 1932 г.—2 млн. *т* в 1937 г. Качественный металл необходим для машиностроения, для изготовления моторов, автомобилей, шарикоподшипников и т. д. Особенно быстро растет во второй пятилетке производство электростали—в шесть раз (с 100 тыс. *т* до 600 тыс. *т*). Работа черной металлургии в сильнейшей степени зависит от запасов и качества железной руды. Вторая пятилетка ставит задачей провести широкую реконструкцию железорудной промышленности, широко внедрять методы обогащения (агломерации) руд с целью повышения качества и сортности руды. Чтобы обеспечить выплавку 16 млн. *т* чугуна и накопить запасы, добыча железной руды в 1937 г. достигнет 34 млн. *т* (в 1932 г.—12,1 млн. *т*). Из них 10 млн. *т* будет получено с новых месторождений (Западная Сибирь—Тельбес; Бакальское, Халиловское—на Урале). Задачи в области цветной металлургии—шире развернуть производство меди, алюминия, организовать производство олова, никеля, магния и т. д. Цветная металлургия должна полностью удовлетворить потребности всего народного хозяйства и в первую очередь электрификации. Электрификация промышленности, транспорта, всей страны, нужды обороны, рост производства предметов ширпотреба (металлической посуды, радиоаппаратуры и т. д.) требуют значительного увеличения производства меди, алюминия и других цветных металлов. Производство алюминия в 1937 г. выразится в цифре 80 тыс. *т*, меди—135 тыс. *т* (план 1935 г.—71 тыс. *т*), свинца—115 тыс. *т*, цинка—90 тыс. *т*. Алюминия еще в 1932 г. у нас не было, а в 1934 г. наши заводы дали его 14,4 тыс. *т*. Впервые мы создаем производство олова (2 тыс. *т* в 1937 г.), никеля (6 тыс. *т*). По меди мы обгоним такие страны, как Германия и Япония, по цинку—Германию, Францию, Англию.

Ленин, говоря о ведущей роли крупной машинной индустрии, рассматривал современную технику в связи с развитием электричества. Он рассматривал электрификацию как неотъемлемую составную часть современной индустрии. Современная

индустриальная техника развивается на основе электричества. Электрическая техника имеет огромные преимущества перед паровой, благодаря которым она наиболее соответствует плановому, социалистическому хозяйству. Эти преимущества заключаются в следующем. Паровые машины, двигатели имеют стационарный характер. Они обслуживают только ту фабрику, то предприятие, на котором они установлены и с которым территориально связаны. Их энергия не может быть передана на другие предприятия, на расстояние, в своей первоначальной форме. Электрическая энергия может быть концентрирована в одном месте. Будучи сосредоточена в нескольких пунктах в крупных масштабах, она в то же время по проводам поддается распределению, регулируемому в соответствии с потребностями. Таким образом электрическая энергия обладает высокой степенью концентрации и способностью к передаче на далекие расстояния. Отсюда возможность создания единого энергетического центра, соответствующего единому, планово руководимому социалистическому общественному хозяйству.

Такое сосредоточение энергии дает возможность наиболее гибкого и экономного использования источников энергии в интересах всего народного хозяйства. Благодаря объединению ряда электростанций в единое электрическое кольцо (кольцевание) энергия, не нужная в данный момент в промышленности, может быть передана на нужды земледелия, транспорта и наоборот.

К концу пятилетки СССР по степени электрификации промышленности догонит США (86,4% в США за 1929 г., 86,0% в СССР в 1937 г.). Электровооруженность (т. е. количество электрической энергии на 1 рабочего) в СССР в 1937 г.—4 670 *квтч*, в США (1929 г.)—6 540 *квтч*, в Германии (1930 г.)—2 910 *квтч*. Далеко обгоняя Германию (в 1932 г. в СССР приходилось только 2 100 *квтч* на 1 рабочего), СССР достигает 70% электровооруженности США. Особенно важно, что в 1937 г. повышается доля районных, т. е. мощных, станций народнохозяйственного значения как в мощности, так и в выработке энергии всех электростанций. Этим самым последовательно осуществляется и во второй пятилетке линия ленинского плана Гоэлро на концентрацию электроэнергии в крупных районных станциях. В СССР из 38 млрд. *квтч* энергии 30 млрд., т. е. 80%, будет выработано в 1937 г. на районных станциях. В Германии только половина энергии получается со станций общего пользования, остальная половина—со станций, принадлежащих отдельным предприятиям.

В 1934 г. все электростанции СССР выработали 20,5 млрд. *квтч* (в 1930 г.—8,4 млрд. *квтч*). Установленная мощность всех электростанций возросла до 6,2 млн. *квт* на 1/I 1935 г. против 2,8 млн. *квт* в 1930 г. Из 6,2 млн. *квт* мощности всех электростанций 4,3 млн. *квт* (70%) падает на районные станции и те крупные промышленные станции Наркомтяжпрома, которые дают энергию в районную сеть. В 1937 г. мощность всех электростанций СССР достигнет 10,9 млн. *квт*, из них районных 7,9 млн. (72,4%).

Крупнейшим достижением в электрификации будет создание ряда новых энергетических узлов, концентрирующих в больших масштабах электроэнергию. 8 узлов дадут 25 млрд. *квтч*, т. е. $^2/_3$ всей электрической энергии СССР. Днепровское кольцо электростанций соединяется высоковольтной линией передач с донбассовским электрокольцом, благодаря чему получается единая энергетическая система с выработкой 9 млрд. *квтч*—23,5% всей выработки.

В результате электрификации страны осуществляется решение XVII съезда о создании современной энергетической базы, ведущим звеном которой должно быть электричество. До революции энергетический баланс страны был крайне отсталым, дровяным. Основными видами энергии были уголь—54,2% всего энергетического баланса, нефть—14,6%, торф—1,1% и дрова—29,5%. После революции, по мере индустриализации страны, роль дров неуклонно уменьшалась—23,4% в 1927/28 г., 19,4% в 1932 г. К концу второй пятилетки дрова дадут лишь 12,3% всей энергии страны. Зато в 26 раз увеличивается роль гидроэнергии (0,1% в 1913 г., 2,6% в 1937 г.), торфа—до 4,4%, угля—до 58,8, нефти—до 19,3%. Таковы коренные сдвиги в энергетической базе во второй пятилетке. Роль электрификации в энергетическом балансе не исчерпывается конечно гидроэнергией. Гидроэнергетические установки дают только 19,5% всей электроэнергии. Остальные 80% энергии получаются районными электростанциями за счет потребления нефти, угля, торфа, сланцев и т. д.

Основную роль играет местное топливо—59%.

Одним из важнейших методов завершения технической реконструкции всего народного хозяйства во второй пятилетке является химизация. XVII съезд постановил «добиться решающих сдвигов в развитии химической промышленности». В соответствии с этим постановлением в 2,8 раза возрастает продукция химической промышленности—с 1,9 млрд. руб. до 5,5 млрд. В 10 раз увеличивается производство всех видов удобрений,

развертываются новые производства—синтетический каучук, пластические массы и др. Химизация дает возможность не только использовать многие виды сырья для создания основного продукта, но и всесторонне применять отходы. Применение химии создает новые виды сырья. Так, химическая переработка угля, торфа, сланцев дает на базе этих отраслей новые виды жидкого топлива для моторов. Химизация открывает широкие перспективы комбинирования разных отраслей, комплексного (всестороннего) использования сырья, отходов, побочных продуктов. Химическая переработка отходов лесной промышленности дает пластические массы, спирт и др. Огромную роль должна сыграть химизация сельского хозяйства в повышении его урожайности. Широкое внедрение химии в процессы промышленного производства, всестороннее комбинирование химии с другими отраслями (черной и цветной металлургией, каменноугольной, торфяной, лесной промышленностью) являются особенностью советского хозяйства. При капитализме комбинирование встречает сильнейшие препятствия в частной собственности на средства производства.

* * *

Преимущества советской системы хозяйства сказываются в том, что она представляет широчайший простор развитию техники, техническому прогрессу. Капиталисты вводят новые машины, применяют новые методы производства лишь тогда, когда это сулит лишний, более высокий барыш. Прибыль же эта колеблется в зависимости от движения цен, соотношения цен на различные материалы, от временных колебаний спроса и предложения на товары. Мы вводим машины независимо от существующего в данный момент «рыночного» спроса, не дожидаясь «выгодной» рыночной конъюнктуры.

В капиталистическом хозяйстве выгодность применения машины зависит и от колебания цен на материалы, из которых она производится. Если цены, скажем, на медь снижаются, то применение ее становится более выгодным, и капиталист будет требовать от конструктора увеличения ее удельного веса в конструкции. Но вот начинается повышение цен на медь, очень часто вызываемое всякими спекулятивными махинациями биржевых дельцов и заинтересованных фирм, и хозяин-фабрикант потребует, чтобы конструктор применял как можно меньше меди, а больше железа и других металлов. Таким образом техника должна часто отказываться от принципов,

являющихся технически наиболее рациональными и целесообразными, в угоду капиталистической погоне за барышом, за прибылью. Протест техники против такого порядка вещей, неизбежного при капитализме, ярко выражен в книжке одного иностранного специалиста по конструированию электрических машин. Он пишет: «Он (конструктор) измеряет свои геометрические формы той мерой, которую ему навязывает суровая действительность. Для него в первую голову обязательны законы, которые подтверждаются звонкой монетой и которые должны оправдаться там, где не знают толка в геометрических тонкостях. Это есть денежная геометрия, но все же геометрия»[1].

§ 3. Главный упор на освоение техники

В первую пятилетку нам нужно было создать новую техническую базу, переделать старую. Энтузиазм, пафос (подъем) нового строительства охватил всю страну. Задача эта была сложна, напряженна. Мы в короткий срок должны были осваивать такие производства, технические оборудования и усовершенствования, которые в капиталистических странах складывались десятилетиями. При этом мы не имели достаточного количества вполне подготовленных кадров ни инженерно-технических, ни квалифицированных рабочих. Наряду с использованием честных старых специалистов нам приходилось находу создавать свою производственно-техническую интеллигенцию из рабочего класса. К тому же часть технической интеллигенции (верхушечная) занималась вредительством.

Люди учились, приобретали опыт строительства и эксплоатации новых предприятий в процессе самой работы. Это связано было с лишними издержками, перерасходами. Не всегда умели еще обращаться с машинами, сказывалась техническая неподготовленность. Мы наломали много машин, но издержки эти окупились вполне. «...Зато мы выиграли самое дорогое—время и создали самое ценное в хозяйстве—кадры. За 3—4 года мы создали кадры технически грамотных людей как в области производства машин всякого рода (тракторы, автомобили, танки, самолеты и т. д.), так и в области их массовой эксплуатации»[2].

Никакие школы и курсы одни не могли бы подготовить в такой короткий срок огромные кадры рабочих, специалистов-прак-

[1] *М. Видмар*, Экономические законы проектирования электрических машин, перевод с немецкого, стр. 6, 1924 г.

[2] *Сталин*, Беседа с делегацией металлургов, «Правда» от 29/XII 1934 г.

тиков, опытных инженеров и техников, которые мы имеем теперь в промышленности и во всем народном хозяйстве. Пафос строительства, величайший энтузиазм борьбы за новую технику помогали миллионам, особенно молодежи, в кратчайшие сроки—в недели и месяцы—усваивать то, на что при других условиях потребовались бы годы. Но мы не смогли еще освоить вполне ту новую технику, которую мы создали. Это главная задача во второй пятилетке.

«Осуществление задач технической реконструкции промышленности требует успешного освоения новой техники и новых производств, что должно найти свое выражение в значительном росте *производительности труда* и серьезном *снижении себестоимости*» (из резолюции XVII съезда о втором пятилетнем плане). Надо прочно освоить новую технику, уметь использовать все преимущества нового оборудования, извлечь из нее все выгоды в смысле роста производительности труда. Это особенно ясно видно на примере некоторых новых предприятий. Так, трактор Сталинградского завода стоил в 1930 г. 7179 руб., а в 1932 г.—3314 р.—снижение себестоимости на 54%. Причина в том, что в 1932 г. Сталинградский тракторный уже освоил в основном свою проектную мощность, пережил те болезни начального пускового периода, которыми он страдал в 1930 г. Во второй пятилетке «главный упор должен быть сделан не на количественный рост продукции, а на улучшение качества продукции и рост производительности труда в промышленности...» (из резолюции январского, 1933 г., пленума ЦК ВКП(б) об итогах первой пятилетки).

Во второй пятилетке выполнение программы промышленности должно обязательно сопровождаться высокими качественными показателями. Основные качественные показатели следущие: производительность труда, снижение себестоимости, качество продукции.

Боевую программу действий, направленных к повышению производительности труда и улучшению качественных показателей, дает декабрьский, 1935 г., пленум ЦК ВКП(б) в резолюции «Вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением».

«Стахановское движение означает организацию труда по-новому, рационализацию технологических процессов, правильное разделение труда в производстве, освобождение квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы, лучшую организацию рабочего места, обеспечение быстрого роста производительности труда, обеспечение значи-

тельного роста заработной платы рабочих и служащих»[1]. Определив этим общее значение стахановского движения для всего народного хозяйства, пленум далее указывает конкретные мероприятия по развертыванию стахановского движения в отдельных отраслях промышленности и на транспорте.

По плану продукция промышленности в 1937 г. увеличивается на 114%. Это увеличение получается в результате двух факторов—увеличения числа рабочих (на 29%) и роста производительности труда каждого отдельного рабочего (на 63%). Решающую роль следовательно должна сыграть производительность труда, а не только рост числа рабочих. Показателем производительности труда служит выработка (в неизменных ценах) на рабочего в год или человеко-час. В 1932 г. по НКТП выработка на 1 рабочего в ценах 1926/27 г. была 6 335 руб. в год, в 1937 г.— 11 086 руб. При общем высоком росте производительности труда всей промышленности во второй пятилетке на 63% (в первой—на 41%) особенно высокие показатели дадут каменноугольная промышленность (+91%), машиностроение (+85%), черная металлургия (+100%). Рост производительности труда скажется на величине себестоимости и структуре (составных элементах) ее. Это видно из следующей таблицы:

	1932 г.	1937 г.
Вся себестоимость	100	100
Материальные затраты (сырье, топливо и др.)	50,7	56,1
Зарплата	33,6	30,6
Амортизация	3,6	4,8
Накладные расходы	12,1	8,5

С ростом производительности труда доля живого труда, падающая на единицу продукции, уменьшается с 33,6% до 30,6%. В то же время сделавшийся более производительным труд перерабатывает большую массу сырья при помощи возросшей массы основных фондов. Отсюда—повышение удельного веса сырья и амортизации. Снижение накладных расходов говорит об улучшении организации производства.

Себестоимость продукции промышленности должна быть в 1937 г. снижена на 26% по сравнению с уровнем себестоимости в 1932 г. Такое снижение обеспечивает для 1937 г. экономию в 13 млрд. руб. Половина этой суммы падает на тяжелую индустрию, причем решающую роль в общем снижении себестоимости

[1] «Правда» от 26/XII 1935 г.

и в создании экономии сыграют машиностроение, черная металлургия, каменный уголь. Большая часть экономии от снижения себестоимости (больше 40%) получится от превышения роста производительности труда над ростом зарплаты. Производительность труда по крупной промышленности вырастет в 1937 г. на 63%, а среднегодовая зарплата рабочих—на 24,9%. Вторая статья—снижение затрат на сырье, материалы, топливо вследствие уменьшения норм расходования, лучшего использования и сокращения накладных расходов на них. Резко сократятся накладные и прочие непроизводственные расходы—на 45% по сравнению с 1932 г. Это сокращение даст в 1937 г. экономии около 3 млрд. руб. В снижении себестоимости лучше всего отражается степень освоения техники производства. С каждым годом второй пятилетки процент снижения себестоимости будет возрастать. В 1933 г. (переломный год после январского пленума, давшего лозунг освоения) себестоимость снизилась на 1,5%. По сравнению с предыдущими двумя годами (1931 и 1932), когда имел место рост себестоимости, перелом уже налицо. В 1934 г. снижена себестоимость в промышленности на 4,5%, каждый процент дает экономии 260 млн. руб. План снижения себестоимости для 1935 г.—6,7%, 1936 г.—7,4%, 1937 г.—8,2%. В результате ежегодного снижения себестоимости уровень ее в 1937 г. окажется на 26% ниже уровня 1932 г.

XVII съезд партии постановил «...добиться резкого улучшения *качества и ассортимента* продукции во всех отраслях народного хозяйства». Резолюция XVII съезда указывает на необходимость улучшения качества мыла (большее содержание жиров), повышение удельного веса свинины, колбасных изделий, пищевого сала в продукции мясной промышленности. Удельный вес свинины в продукции мясной промышленности увеличивается в шесть раз, во столько же раз возрастает выпуск пищевых жиров, 60% всей колбасы будет выпущено высококачественной. Улучшение качества продуктов питания является предметом неустанной заботы партии и правительства и лично т. Сталина. В своем выступлении на всесоюзном стахановском совещании т. Микоян рассказывал об этом. Ассортимент мыла, колбасных изделий предварительно обсуждался на совещаниях мастеров, специалистов этих отраслей. Но т. Сталин лично внимательно рассматривал все представленные образцы, выбрал лучшие сорта. В результате постановлением ЦК утверждены были ассортимент и рецептура (состав) мыла. Утверждение 113 лучших сортов колбас и копченостей также прошло при личном участии т. Сталина. Забота о качестве продукции вытекает из

важнейшей задачи второй пятилетки—быстрого подъема потребления трудящихся. XVII съезд требует резкого улучшения качества текстильной промышленности. Выставки продукции наших фабрик показали, что они могут выпускать ткани высокого качества. Но их еще очень мало выпускается. Во второй пятилетке увеличивается доля льняных и шерстяных тканей в общей массе текстильной продукции. Резко улучшается качество тканей для платья, белья. Растет переработка тонкой шерсти, выпуск тканей из крученой пряжи, выпуск суконных материй по английскому методу и т. д. В 1935 г. значительно уменьшился процент брака: он упал с 24 в первом году второй пятилетки до 11 в 1935 г. Производство хлопчатобумажных тонких тканей значительно увеличивается. В 1934 г. их было произведено 157 млн. метров, в 1935 г.—398 млн. метров, в 1936 г. намечено 800 млн. метров. Увеличивается производство шелковых тканей, шерстяных камвольных, трикотажного белья (на 61%), чулок и носков (на 25%).

Внешний вид тканей становится привлекательнее и разнообразнее, в соответствии с запросами и вкусами различных групп потребителей. Уравнительность изгоняется из ассортимента продукции. Она не соответствует богатству и многогранности социалистического быта. «...Нельзя требовать, чтобы у всех людей были одинаковые потребности и вкусы, чтобы все люди в своем личном быту жили по одному образцу» (Сталин). Такая уравниловка в быту, как и на производстве—в зарплате, не имеет ничего общего с марксизмом. Социализм означает всемерное расширение и расцвет, наиболее полное и всестороннее удовлетворение потребностей. Улучшение качества продукции дает большую экономию во всем народном хозяйстве. Средства производства (машины, станки, инструменты) при повышении их качества могут служить больший срок, требуют меньше ремонта, дают меньший процент брака, отходов. То же относится и к предметам потребления. Хорошее качество материй, обуви обеспечивает продолжительную их носку, освобождает от необходимости усиленного выпуска товаров в силу их быстрой изнашиваемости, краткости срока потребления. Во всех отраслях происходят сдвиги в качестве продукции. Больше производится высших сортов, более ценных видов продукции. Партия и правительство ведут решительную борьбу с бракоделами. За нарушение требований, предъявляемых в отношении качества, виновные привлекаются к уголовной ответственности.

Разрешить полностью проблему производительности труда—это значит решить правильно вопрос о людях, овладевающих

техникой. Недостаточно поставить машины, надо уметь с ними обращаться, надо уметь их максимально использовать. А чтобы этого добиться, требуется, как указал т. Сталин в беседе с металлургами, «заботливо выращивать и квалифицировать людей, правильно расставить и организовать их на производстве, организовать зарплату так, чтобы она укрепляла решающие звенья производства и двигала людей на высшую квалификацию...»[1]. Нужно улучшить коэфициенты полезного действия машин. За 4 года (1931—1934) правительством затрачен 1 млн. руб. золотом на приобретение самых усовершенствованных машин в Англии, Германии, Америке. Угольная промышленность Донбасса выполнила план 1934 г.—дала 60 млн. *т*, но машины использовались еще там далеко не полно: 26% врубовых машин, половина отбойных молотков и 29% электровозов вовсе не использовались, стояли в бездействии. Среднемесячная производительность врубовой машины в Донбассе—2 700 *т*. Между тем лучшие машинисты Донбасса, овладевшие механизмами, тт. Тельных, Ткаченко, Жуков, дают на своих врубовых машинах в месяц 10 000, 9 000, 11 700 *т* угля. Азнефть выполнила план 1934 г.— дала 20,2 млн. *т* (прирост за 1934 г.—4 млн. *т*). По скорости бурения она за 4 года добилась значительных успехов: в 1930 г.—87,9 *м* на станок в месяц, в 1934 г.— 187,6 *м*— рост в два раза. Отметив эти успехи на VII съезде советов, нарком тяжелой промышленности т. Орджоникидзе правильно указал, что по сравнению с американскими скоростями это—черепаший шаг. Скважины глубиной в 1 200—1 500 *м* американцы бурят и вводят в эксплоатацию за один месяц, мы, в лучшем случае,—за 4—5 месяцев. Глубже 1 500 *м* мы еще почти не умеем бурить, а американцы добывают нефть с глубины в 2 000—2 500 *м*.

Третий год второй пятилетки (1935 г.) замечателен в борьбе за качественные показатели двумя фактами. Это—движение за отказ от государственной дотации (приплаты) металлургическим заводам, за рентабельную их работу и распространение новых методов добычи угля, введенных забойщиком Донбасса Стахановым. На продукцию заводов тяжелой промышленности устанавливается плановая себестоимость. Но до последнего времени заводы металлургии превышали эту плановую себестоимость и должны были поэтому для покрытия своих расходов получать от государства ежегодную дотацию, равняющуюся разнице между фактической и плановой себе-

[1] «Правда» от 29/XII 1934 г.

стоимостью. Макеевский металлургический завод первым в начале 1935 г. отказался от государственной дотации и обязался сэкономить 45 млн. руб. Уже в первом квартале 1935 г. этот завод повысил производительность труда, стал выплавлять в сутки 2 700 *т* чугуна. Начиная с января 1935 г. он постепенно снижал коэфициент использования доменных печей с 1,1 в январе до 0,87 в июле. За семь месяцев 1935 г. средний коэфициент 1,0. Макеевский завод ставит своей задачей добиться в 1936 г. коэфициента работы доменного цеха в 0,7, обогнав этим лучшие доменные печи Германии. Резкое повышение производительности труда у доменных печей Макеевского завода позволило снизить значительно и себестоимость тонны чугуна (передельного): в 1934 г.—56 руб., I квартал 1935 г.— 52 руб., II квартал — 47 р. 24 к. Инициативе Макеевского завода, особенно после речи т. Орджоникидзе на Совете при наркоме тяжелой промышленности 12/V 1935 г., последовали и другие заводы. К осени 1935 г. от дотации отказались вся южная металлургия, все заводы, производящие качественную сталь, и трест «Трубосталь». Опыт Макеевского завода увенчался полным успехом потому, что руководители его (т. Гвахария) пошли по пути решительного осуществления шести условий т. Сталина. Они полностью изгнали уравниловку из системы зарплаты, ввели подлинный бригадный хозрасчет. Они связали непосредственно зарплату с освоением техники, с достижением высоких технических показателей.

Металлургия будет в ближайшее время работать без дотации, рентабельно, с прибылью. Это первый серьезный шаг к осуществлению указания т. Сталина о том, что тяжелая промышленность должна стать серьезным источником накоплений.

Летом 1935 г. инициатива горняцких масс Донбасса нашла выражение в новых методах забоя т. Стаханова. Механизмы в Донбассе плохо используются благодаря неудовлетворительной организации труда. Стаханов, думая над речью т. Сталина от 4 мая, искал путей, как претворить в жизнь лозунг вождя и добиться, чтобы техника, отбойный молоток дали эффект в 3—4 раза больший. Он организовал работу так, что отбойный молоток работает все время, машинист не отвлекается на другие работы кроме забоя, креплением занимаются специально выделенные работники. Этот метод сразу намного повысил добычу угля за одну смену. Тов. Стаханов рассказывал на всесоюзном совещании, как он постепенно осваивал работу забойщика. Сначала он давал обычную норму 5—6 тонн на отбойный молоток за смену. Затем стал давать значительно

выше обычной нормы—12—13 тонн. Подготовив работу по новому методу, он в первый же выход нарубил 102 тонны. После него парторг участка Дюканов дал 115 тонн. Затем комсомолец Концедалов—125 тонн. Это убедило всех, что выработка, достигнутая Стахановым, является посильной для всех забойщиков. Сам Стаханов через несколько дней перекрыл свою прежнюю выработку, вырубив за смену 175 тонн, а затем и 227 тонн.

Раньше максимальная производительность отбойного молотка была не более 13—14 тонн за смену. После перехода на стахановский метод она стала 60—65 тонн. А если разделить выработку на всех работающих в лаве (и забойщиков и крепильщиков, которых стало больше), то на каждого работника падает добыча угля в 30 и более тонн за смену. Работа стахановцев—это «...образец той высокой производительности труда, которую может дать только социализм и чего не может дать капитализм» (Сталин). В основе этого метода лежит четкое разделение труда. Именно поэтому стахановское движение растет с такой быстротой во всех отраслях народного хозяйства.

§ 4. Строительная программа второй пятилетки

В условиях быстрого темпа роста СССР, когда требуется находу осваивать новейшую технику и налаживать по-новому производство, продукцию, получаемую в первый период, нельзя признать исчерпывающим показателем мощности. Наряду с валовой продукцией надо иметь в виду размер основных фондов промышленности (построек, оборудования, транспорта). Мы пустили в ход сотни крупных индустриальных предприятий—Сталинградский, Харьковский тракторные, Горьковский автозавод, новый АМО, первые очереди Магнитостроя и Кузнецкстроя и др. Можно ли судить об их роли в индустриализации страны только по той продукции, которую они дают в первый период пуска, с его неполадками, трудностями освоения новой техники, расстановки сил, недостаточной квалификацией рабочих и т. д. Тут надо исходить не только из наличной, фактической продукции (особенно первоначального периода), а из производственной мощности предприятия. Правительство принимает ряд мер (пусковой период, комиссии по приемке), которые должны обеспечить максимальное сокращение периода «детских болезней» вновь пускаемых предприятий. Сказанное во многих случаях верно и в отношении старых предприятий той или иной отрасли промышленности. Размер продукции

не является постоянной величиной, тем более что и самые производственные мощности, как выявило стахановское движение, в большинстве случаев оказались заниженными.

Одна и та же производственная мощность (производственная способность) может быть лучше, шире использована, дать больше продукции при лучшей организации труда и производственного процесса, при лучших кадрах и лучшей их расстановке. Историческая речь т. Сталина 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной армии открывает в этом смысле широчайшие перспективы. Колоссальные производственные фонды нашей промышленности могут быть и будут использованы гораздо лучше. Для этого нужно только одно—чтобы работники хорошо овладели техникой и проявили максимальную инициативу, настойчивость и умение в использовании ее. Это осуществляется стахановским движением. «...У нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но нехватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Раньше мы говорили, что «техника решает все». Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно. Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой,— мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой». Эти замечательные мысли и слова т. Сталина, гениальным и проникновенным взором охватившего самую суть, главное, основное, дадут эффект не меньший, чем те десятки миллиардов рублей, которые вложены и вкладываются в строительство. Это значит, что при той же сумме капитальных затрат или даже меньшей можно получать от выстроенных и строящихся предприятий гораздо больше продукции. Развивая мысль т. Сталина, т. Орджоникидзе в своей речи на Совете при наркоме тяжелой промышленности 12 мая подверг резкой

критике распространенные среди хозяйственников представления о «технически обоснованных нормах». О «технически обоснованных», т. е. предельных, нормах в нашей вновь созданной промышленности можно будет говорить лишь тогда, когда мы настолько освоим технику, что сумеем «выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать». Пока же мы далеко еще не закончили процесс освоения. В некоторых случаях мы делали только первые шаги. В этих условиях выдвигать якобы «технически обоснованные» нормы и равняться по ним—значит проповедовать застой, узаконять отсталость, неумение полностью, до конца справиться с передовой техникой. С этой точки зрения и проектная мощность предприятия вовсе не является пределом использования. Лучшим доказательством может служить опыт Сталинградского тракторного завода. Его производственная мощность по проекту—144 трактора в сутки за 2 смены. Первые месяцы, когда техникой еще не овладели, он давал в сутки 30—50 тракторов, и многие доказывали, что больше 70 он не может дать. В 1935 г. благодаря работе по-стахановски Сталинградский и Харьковский заводы дают 160 и 200 тракторов за одну смену, т. е. в 2 и $2^1/_2$ раза больше проектной мощности.

Другой пример—из черной металлургии. Макеевский металлургический завод давал в мае 1935 г. коэфициент использования доменных печей 0,98 вместо 1,2—1,3, считавшегося хорошим, средним. Но некоторые германские доменные печи дают коэфициент еще лучший—0,7 и 0,6. Неправильно было бы поэтому считать коэфициент макеевцев предельным, «технически обоснованным». 1934 и 1935 гг. показали, что промышленность по некоторым важнейшим показателям уже превышает задания второго пятилетнего плана. Таково положение с коэфициентом использования доменных печей. При задании для 1937 г. в 1,20 важнейшие южные металлургические заводы дают уже в 1934 г. 1,04 (Макеевский), 1,17 (Сталинский в Донбассе) и 0,98—0,87 в 1935 г.

На всесоюзном совещании стахановцев сталевары т. Дегтярев (металлургический завод им. Дзержинского) и т. Бобылев (Таганрогский металлургический завод им. Андреева) сообщили о своих достижениях—о съеме с каждого квадратного метра пода мартеновских печей по 11 *т* стали и больше. В 1934 г. в среднем 1 кв. метр давал стали меньше 4 *т*. Пятилетка по стали, как и по чугуну, может быть не только выполнена, но и перевыполнена в четыре года даже в том случае, если еще не всеми будут достигнуты высокие нормы передовых стахановцев-металлургов. То же с углем. Раньше счи-

тали, что Донбасс не может дать больше 107 млн. *т* Теперь, когда Стаханов, Дюканов и другие показали, что отбойный молоток может дать в смену 175—227 *т* и больше (вместо 6 *т*, максимум 14 *т*), 30 *т* угля на каждого работника бригады, ясно, что Донбасс может дать не 107 млн., а 217 млн. *т*. Стахановцы сломали старые нормы. Стахановское движение «...ставит своей целью преодоление нынешних технических норм, преодоление существующих проектных мощностей, преодоление существующих производственных планов и балансов» (Сталин). Ломаются старые нормы выработки в промышленности, старые представления об урожайности и технике в сельском хозяйстве. Все это по-иному ставит вопрос о производственных планах. Без добавочного оборудования, путем полного освоения механизмов и лучшей, стахановской, организации труда планы перевыполняются и будут еще больше перевыполняться. Уже 1935 год дает этому блестящие доказательства. А ведь в 1935 г. стахановскому движению насчитывается всего 4 месяца. И эти первые шаги стахановского движения, отразившиеся в итогах 1935 г., говорят о крупнейших победах. Выше уже приводились цифры продукции, которую дала промышленность союзных наркоматов. Ярким показателем успехов тяжелой промышленности служит цифра производства стали. За 1935 г. она достигла 12,4 млн. *т*, почти на 3 млн. *т* больше, чем в 1934 г. Добыча угля неуклонно поднимается и близится к выполнению плана. Рост производительности труда в сельском хозяйстве, рекорды урожайности сахарной свеклы, хлопка, поставленные передовыми колхозниками и колхозницами Украины, Таджикистана, Туркменистана, Казахстана, Кара-Калпакии, и общее повышение урожайности расширяют базу сельскохозяйственного сырья для нашей пищевой и легкой промышленности. Сбор хлопка (волокна) в 1935 г. резко увеличивается, до 33 млн. пудов вместо 23 млн. в 1934 г. Сахарной свеклы в 1934 г. заготовлено 98 млн. центнеров, в 1935 г. больше 140 млн. центнеров. Сахарные заводы опрокинули также старые нормы производства и перерабатывают сахарной свеклы на 12,7% в среднем больше суточной нормы. Благодаря этому они дают дополнительно такое количество сахара, для производства которого потребовалось бы при старых нормах 13 новых мощных сахарных заводов. Наркомпищепром дает в 1935 г. 130 млн. пудов сахара. Продукция сахара в 1932 г. составляла 48 млн. пудов, в 1933 г.—67 млн. пудов, в 1934 г.—78 млн. пудов. То же происходит и в легкой промышленности.

Она не могла бы справиться с возрастающей массой сырья без того повышения производительности труда, которое явилось результатом стахановского движения. На фабрике им. Ногина раньше в среднем работали на 24—32 станках, теперь—на 76 станках. Это средние данные. Передовые ткачихи на той же фабрике Евдокия и Мария Виноградовы и на других фабриках работают на 200 станках и больше. В Америке самая высокая норма—96 станков. Прядильщицы увеличивают количество веретен, на которых они работают. Есть работницы, превышающие намного американскую норму в 1500—2 300 веретен и работающие на 3 000 веретен (Вагжановская фабрика) и на 3 500 веретен (ленинградская фабрика «Рабочий»). Благодаря общему росту производительности труда, благодаря развертыванию стахановского движения хлопчатобумажная промышленность обеспечила выполнение плана IV квартала 1935 г. (увеличенного по предложению самих руководителей предприятий на 25 млн. метров тканей, 300 тыс. пар трикотажного белья и на 2,5 млн. пар чулок) без набора дополнительных рабочих. При прежних нормах выработки потребовалось бы дополнительно 17 тыс. рабочих для выполнения даже первоначального плана IV квартала. Так творит чудеса стахановская инициатива передовых рабочих, овладевших техникой, делая возможным то, что совсем недавно требовало бы значительных дополнительных затрат.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г. постановил: «заменить нынешние технические нормы как устарелые более высокими нормами и изменить соответственно нормы выработки в сторону некоторого их повышения, с тем однако, чтобы в условиях прогрессивной сдельщины нынешние расценки были сохранены, а фонд заработной платы ввиду роста стахановского движения был увеличен». Растут добыча угля, выплавка чугуна, стали—того, что делает нашу страну могучей, технически передовой. Растет производство сахара, мясных изделий, тканей, обуви, что делает жизнь трудящихся СССР все более зажиточной, обеспеченной. Но победное шествие стахановского движения встречает кое-где и препятствия. Есть еще бюрократическое отношение к новому, оппортунистическое неверие в творческие силы рабочей массы. Есть люди, еще находящиеся под гипнозом старых, рутинных норм; этим людям партия помогает перестраиваться. Оппортунистам же и бюрократам, задерживающим мощное народное движение за подъем производительности труда, партия объявляет решительную борьбу. Из всего этого вытекает неоспоримый вывод. На основе освое-

ния нашей богатейшей техники и стахановских методов работы многие отрасли (машиностроение и металлообработка, производство комбайнов, грузовых автомобилей, добыча угля в Донбассе и др.) выполнят вторую пятилетку в 4 года. Ряд намечавшихся раньше капитальных работ делается излишним. Примером может послужить Магнитогорский металлургический завод. По первоначальному проекту предполагалось построить 8 доменных печей и 34 мартена, чтобы получить 2 800 тыс. *т* чугуна и 3 050 тыс. *т* стали. Теперь становится возможным получить ту же продукцию чугуна и стали с 6 доменных печей и 23 мартенов.

Всего за второе пятилетие намечено по плану произвести капитальных работ на 133,4 млрд. руб. (в ценах 1933 г.), из них 69,5 млрд.—в промышленности. За первую пятилетку капитальное строительство в промышленности составило 24,8 млрд. руб. (из общей суммы капитальных вложений в 52,5 млрд. руб.). В народнохозяйственном плане 1936 г. капитальное строительство получает мощный разбег: 32,3 млрд. руб. капиталовложений против 24 млрд. в 1935 г. При одновременном значительном увеличении капитальных вложений в сельское хозяйство и транспорт за промышленностью—основой социалистической индустриализации—сохраняется и укрепляется ведущая роль. Капитальное строительство второй пятилетки ставит себе следующие основные задачи. Во-первых, дальнейшее усиление тяжелой индустрии, без расширения которой реконструкция всего народного хозяйства невозможна. Поэтому из 69,5 млрд. руб. в промышленность, производящую средства производства, вкладывается 53,4 млрд. Во-вторых, более быстрый темп роста капитального строительства в промышленности, производящей средства потребления, в 4,6 раза (16,1 млрд. руб. против 3,5 млрд. в первой пятилетке). «...Намеченное большое увеличение капитального строительства в легкой, пищевой промышленности и транспорте, по сравнению с другими отраслями народного хозяйства, обеспечивает более быстрые темпы их развития» (из резолюции XVII съезда).

Чем же объясняется, что при меньшем абсолютном объеме капитальных вложений в промышленность группы Б (предметы потребления) продукция ее дает такой колоссальный рост в 1937 г. (27 млрд.) и обгоняет продукцию группы А (на 1,7 млрд. руб.)? В составе продукции группы Б гораздо большую роль играет сырье, главным образом сельскохозяйственное. Легкая и пищевая индустрия перерабатывают хлопок, лен, шерсть, свеклу, овощи, зерно и т. д. В добывающей промышленности,

берущей свое сырье непосредственно из недр земли, затраты на сырье гораздо меньше. Так, в каменноугольной промышленности все материальные затраты (в том числе топливо, вспомогательные материалы) в 1932 г. составляли в себестоимости только 16,5%, в то время как доля зарплаты в себестоимости каменного угля в том же году была 68,0%. Сравним по структуре (составным элементам) себестоимости продукции промышленность Наркомтяжпрома и Наркомснаба за 1932 г. (в процентах):

	Материальные затраты	Зарплата	Амортизация
Промышленность Наркомтяжпрома	37,4	43,5	6,0
Промышленность Наркомснаба	69,9	15,5	1,9

Какие выводы вытекают из этой таблицы? Первый: в пищевой промышленности применяется меньшая масса основных фондов, поэтому амортизация их (ежегодно снашиваемая часть) составляет в себестоимости пищевой продукции гораздо меньший процент (1,9), чем в тяжелой (6,0). Второй: при меньшем объеме основных фондов пищевая промышленность перерабатывает гораздо бо́льше сырья. В продукции Наркомснаба удельный вес материальных затрат (сырье главным образом, вспомогательные материалы, топливо и др.)—69,9%, в продукции Наркомтяжпрома — только 37,4%, почти в два раза меньше. Это объясняет, как легкая и пищевая промышленность при меньших основных фондах дает бо́льшую по денежной стоимости валовую продукцию. Если же взять чистую продукцию, т. е. ту часть продукции, которая вновь создана в каждой отрасли промышленности и во всей промышленности примененным в ней живым трудом, то чистая продукция группы А будет больше, чем группы Б. Это иллюстрируют цифры, показывающие удельный вес в себестоимости зарплаты, т. е. живого труда. В тяжелой промышленности доля зарплаты в себестоимости продукции (за 1932 г.)—43,5%, в пищевой—только 15,5%. Этим еще раз подтверждается ведущая роль тяжелой индустрии во второй пятилетке.

«Установленный объем капитальных работ и программа ввода в эксплоатацию новых и реконструированных предприятий обеспечивает гигантский рост *производственно-технической мощи*

Советского Союза и образование необходимых резервов мощности в важнейших отраслях народного хозяйства...»[1]. Основные фонды промышленности увеличиваются во второй пятилетке с 25,5 млрд. руб. (в ценах 1933 г.) до 77,0 млрд. руб.—больше чем в какой-либо другой отрасли народного хозяйства. Производственная мощность важнейших отраслей промышленности сильно увеличивается во второй пятилетке: по черной металлургии—в 2,3 раза, по мясокомбинатам—в 2,5 раза, по каменноугольной—больше чем в 2 раза, по автомобильной—в 4 раза, по вагоностроительным заводам—в 3,9 раза.

По важнейшим отраслям мы будем иметь в конце второй пятилетки значительные резервы производственной мощности. Так например производство автомобилей вырастает в 1937 г. больше чем в 8 раз против 1932 г., достигая цифры в 200 тыс. штук. План же нового строительства предусматривает во второй пятилетке расширение Горьковского автозавода им. Молотова до 300 тыс. машин, Московского автозавода им. Сталина—до 80 тыс. машин, Ярославского—до 25 тыс. грузовиков, постройку Уфимского и Сталинградского автозаводов мощностью по 100 тыс. 3-тонных автомобилей, Самарского автозавода—на 25 тыс. 5-тонных грузовиков, всего следовательно расширение мощности автозаводов—до 630 тыс. машин.

Во второй пятилетке основные фонды не только растут по общим размерам, но имеют и качественно другой характер и иначе расположены. Возрастает удельный вес крупных передовых в техническом отношении предприятий. К концу второго пятилетия они будут составлять 65% всей промышленности, а в некоторых отраслях—до 80%. Только два металлургических завода—Магнитогорский и Сталинский (Кузнецкий) рассчитаны на объем продукции, равный всей довоенной русской металлургии. Производственная мощность промышленности будет более, чем в какой-либо другой стране, концентрирована на крупнейших предприятиях. Следующие цифры показывают размеры концентрации основных фондов в конце второй пятилетки. В черной металлургии СССР предприятия мощностью более 600 тыс. *т* дадут в 1937 г. 75% всего чугуна, в США в 1929 г. такого типа предприятия давали только 58%. В СССР в 1937 г. $^3/_4$ всей продукции тракторов дадут 4 завода, в США $^3/_4$ получилось в 1929 г. с 12 основных заводов. В хлопчатобумажной промышленности на предприятиях с числом веретен более 50 тыс. в Англии сосредоточено 75,7% всех веретен страны,

[1] Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б), стр. 665.

в США—79,9%, в СССР в 1937 г. на таких предприятиях будет 94% всех имеющихся веретен.

Это свидетельствует о том, что в техническом отношении СССР к концу второй пятилетки выдвигается на передовые позиции современной техники, заняв первое место в Европе. У нас будут и уже есть заводы-гиганты, доменные печи-уникумы, подобных которым по мощности нет в Европе. Наша социалистическая промышленность будет к концу второй пятилетки самой концентрированной крупной промышленностью. «Однако концентрацию промышленности нельзя смешивать с болезнью, именуемой «гигантоманией» в строительстве»[1]. Наряду с действительно гигантскими предприятиями, где целесообразность размеров диктуется богатством естественных запасов и другими обстоятельствами (как Днепрогэс, Магнитогорский и др.), мы строим и предприятия менее крупных размеров, как например Липецкий, Тульский металлургические заводы. Особенно следует это иметь в виду теперь, когда мы развиваем промышленность в новых районах, в областях со слабым индустриальным развитием, когда мы стремимся приблизить обрабатывающую промышленность к источникам сырья и топлива. Во многих случаях вся хозяйственная обстановка такова, что для строительства гигантов индустрии нет всех необходимых условий и сама постройка их не вызывается необходимостью. Используя все преимущества современной техники на крупнейших предприятиях, на гигантах индустрии, как Магнитогорский, Кузнецкий металлургические, Уральский и Краматорский машиностроительные и пр., мы боремся с «гигантоманией», со стремлением в каждом районе иметь обязательно свой индустриальный гигант.

Капитальное строительство второй пятилетки не только превосходит первую пятилетку своими огромными размерами. Оно будет и гораздо более эффективным, т. е. в более короткие сроки даст результаты. Это видно из сравнения стоимости предприятий, пускаемых в ход во второй пятилетке и пущенных в первой. В первой пятилетке произведено было капитальных работ в промышленности на 24,8 млрд. руб., введено в эксплоатацию 15,7 млрд. руб. Это значит, что за первую пятилетку благодаря затягиванию строительных работ, сезонности работ и другим причинам мы имели огромный процент незавершенного строительства (9,3 млрд. из 24,8 млрд.—почти 40%). Во второй

---

[1] *Молотов*, Доклад на XVII съезде ВКП(б). Стенографический отчет XVII съевда ВКП(б), стр. 369.

пятилетке мы вкладываем в капитальное строительство промышленности 69,5 млрд. руб. и почти на такую же сумму—69 млрд. руб.—вводим в эксплоатацию новых и реконструированных промышленных предприятий. Известный процент незаконченного строительства конечно неизбежен при огромных размерах наших строек, но он будет резко сокращен, сведен до минимума. Наше строительство теряет свой прежний кустарный характер и превращается в современную отрасль индустрии, механизированную, оборудованную сложными машинами, работающую круглый год, а не сезонно, только в летние месяцы. Сезонник—центральная фигура строительства—вытесняется постоянным квалифицированным строительным рабочим.

В строительстве уже установилось за последние годы число занятых рабочих, около двух миллионов человек. Первые годы второй пятилетки показали, что строительное дело страдает еще крупнейшими недостатками. Строительные планы не выполняются в срок. Плохо используются механизмы. Совещание по вопросам строительства в ЦК ВКП(б), состоявшееся в декабре 1935 г., указало, как добиться того, чтобы строительство пошло вровень с работой индустрии, стало дешевле, экономнее и обеспечивало выполнение планов в установленные сроки. К пафосу строительства необходимо добавить пафос освоения машин и механизмов. Это указание т. Сталина для всего народного хозяйства прежде всего относится к самому строительству. Стахановские методы работы, правильное разделение труда должны найти широкое применение на строительных работах. С оппортунистической недооценкой механизации в строительстве должна проводиться решительная борьба. Только отказавшись от кустарничества и партизанщины, можно превратить строительное дело в крупную строительную индустрию.

«...Хорошее использование сложных машин и механизмов в строительном деле в соединении с простейшей рационализацией и механизацией сыграет решающую роль в коренном улучшении и удешевлении строительства»[1]. На 1936 г. утверждена грандиозная программа строительства в 32,3 млрд. руб., из них 13 млрд. руб. на промышленное строительство. Если стахановское движение показало, что промышленность может дать больше продукции при сокращении капиталовложений, то это относится и к строительству. Строительную программу

[1] *Молотов,* Речь на совещании по вопросам строительства, «Правда» от 21/XII 1935 г.

1936 г. надо выполнять так, чтобы получилась экономия в 3,5—4 млрд. руб., чтобы следовательно фактические затраты составили только 28,5 млрд. руб. Большой физический объем строительных работ можно выполнить с меньшей суммой затрат. Для этого надо удешевлять строительство. Важнейшая задача—расширение производства местных строительных материалов. Когда-то (в 1928 г.) Бухарин выступал против развертывания строительства первой пятилетки, доказывая, что из «будущих кирпичей» нельзя строить «настоящие фабрики». Однако наши новые заводы построены из настоящих кирпичей. Производство строительных материалов надо развертывать находу, в процессе самого строительства, а не в порядке очередности: сначала кирпичи, потом строительство. Эта оппортунистическая установка разбита была партией. Гигантская программа строительства 1936 г.—результат победы партии над правым оппортунизмом и троцкизмом.

***

Равномерное распределение производительных сил народного хозяйства вообще и промышленности в частности возможно только при плановом ведении хозяйства в социалистическом обществе. Примером крайней неравномерности размещения промышленности, полученной нами от дореволюционной России, могут служить такие цифры. В начале реконструктивного периода на территории Украинской ССР, занимающей лишь 2% всей территории Советского союза с $^1/_5$ населения его, производилось 74% каменноугольной продукции СССР, 57% железной руды, 55% черной металлургии и 59% машиностроения. Основной базой индустриализации являлась топливно-металлургическая промышленность Украины. Это была наша единственная база, совершенно недостаточная. До войны около 60% сельскохозяйственных машин производилось на Украине. Можно ли механизировать в широких масштабах сельское хозяйство Поволжья, Сибири, Урала, опираясь на далекую, требующую дальних перевозок промышленность Юга? Это означало бы огромные непроизводительные расходы для всего народного хозяйства (перегрузка транспорта, и так с большими трудностями справляющегося с колоссально выросшим грузооборотом). Мы построили тракторные заводы в Челябинске (для Урала и Сибири), в Сталинграде (для Юго-востока), в Харькове (для УССР). Постройка целого ряда крупных предприятий машиностроения в новых районах требует и соответствующего

развертывания топливной и металлургической индустрии в этих или смежных районах. При выборе новых районов для развития индустрии надо считаться с наличием естественных богатств (ископаемые, топливо), с транспортными условиями, природными и климатическими условиями. Немалую роль должны играть и соображения усиления обороноспособности страны. Всем этим условиям удовлетворяют восточные районы, прилегающие по обе стороны к Уральскому хребту,—Урал, Западная Сибирь, Северный Казахстан, Башкирия. Эти районы вместе с тем являются территорией, заселенной национальностями, раньше в царской России бывшими на положении «инородцев» и подвергавшимися колониальной эксплоатации со стороны великорусской буржуазии. Таким образом создание промышленных центров в этих восточных районах есть составная часть национальной программы нашей партии, направленной на развитие национальной по форме, пролетарской по содержанию культуры, на преодоление экономической отсталости национальных республик и областей (Казахстан, Башкирия, Ойротия и др.). В качестве очередной задачи вопрос о новом размещении промышленности был поставлен т. Сталиным на XVI съезде партии. «И вот такой базой является у нас украинская топливно-металлургическая база. Но может ли в дальнейшем одна лишь эта база удовлетворять и юг, и центральную часть СССР, и север, и северо-восток, и Дальний Восток, и Туркестан? Все данные говорят нам о том, что не может. Новое в развитии нашего народного хозяйства состоит между прочим в том, что эта база уже стала для нас недостаточной. Новое состоит в том, чтобы, всемерно развивая эту базу и в дальнейшем, начать вместе с тем немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединение кузнецкого коксующегося угля с уральской рудой»[1]. Создание Урало-Кузнецкого комбината (УКК) является одним из самых замечательных достижений первой пятилетки. Урал богат рудой со значительным содержанием железа, Кузнецкий район в Западной Сибири—один из богатейших каменноугольных бассейнов. Но на Урале нет коксующихся углей (без кокса невозможно доменное производство чугуна), а в Кузнецком бассейне очень мало запасов руды. Комбинирование этих двух районов, расположенных друг от друга на расстоянии 2 000 километров, заключается в том, что к уральской железной руде (на Магнитогорском заводе)

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 399—400, изд. 10-е.

подвозят из Кузнецкого бассейна каменный уголь и в обратном направлении железную руду для Кузнецкого (Сталинского) металлургического завода. Усиление Сибирской железнодорожной магистрали, соединяющей эти районы, а затем электрификация ее сильно снизят стоимость перевозки. Кроме того выгода состоит в том, что здесь груз идет не в одностороннем направлении (как например уголь из Донбасса в центр), а вагоны, доставляющие кузнецкий уголь в Магнитогорск, грузятся обратно рудой для Кузнецка.

Во второй пятилетке заканчивается строительство Урало-Кузнецкого комбината, в составе которого Магнитогорский завод рассчитан на 8 печей, Кузнецкий—на 4 печи, строятся металлургические заводы Тагильский, Бакальский, Халиловский и 2-й Кузнецкий. Этим завершаются реконструкция и обновление металлургии Урала, которая сохранила до самой революции отсталую технику. Там же строится ряд мощных заводов транспортного машиностроения—Орский паровозо-тепловозостроительный, Кузнецкий паровозный, Уральский вагоностроительный. Полностью заканчивается строительство Уральского завода тяжелого машиностроения. Районы Урало-Кузнецкого комбината представляют сложный комплекс (соединение) предприятий тяжелой промышленности—угля, металла, химии, тяжелого машиностроения, транспортного машиностроения. Среди районов, охватываемых Урало-Кузнецким комбинатом (Башкирия, области Урала, Караганда, Западная Сибирь), решающее место занимает Западная Сибирь, прежде всего как мощная угольная база, наряду с ней Свердловская область является важнейшей металлургической, химической и машиностроительной базой УКК. В 1937 г. Свердловская область даст чугуна 1 759 тыс. *т* (на третьем месте в СССР).

Западная Сибирь осуществляет во второй пятилетке задачу, поставленную т. Сталиным на XVII съезде, «превратить Кузбасс во второй Донбасс». Она увеличивает добычу угля до 20 млн. *т* в 1937 г. (вместо 7 млн. *т* в 1932 г.), становясь таким образом на второе место в Союзе. Выплавка чугуна в Кузбассе достигнет в 1937 г. 1,3 млн. *т* (увеличение в 5 раз), Кузнецкий завод обеспечит прокатом (рельсами и другими сортами) значительную часть востока СССР. Таким образом во второй пятилетке завершается строительство Урало-Кузнецкого комбината, второй угольно-металлургической базы. Новым в дальнейшем развитии УКК является то, что в обоих центрах комбината, как на Урале, так и в Кузбассе, одновременно развивается добыча и руды и угля. Так, добыча железной руды в Западной Сибири

в 1937 г. дойдет до 800 тыс. *т*, и Кузнецкий металлургический завод, по первоначальному плану Урало-Кузнецкого комбината работавший исключительно на привозной уральской руде (гора Магнитная), переводится частично на собственную железорудную базу (тельбесская руда в горной Шории). Удельный вес восточных районов повышается, в то время как доля юга понижается, несмотря на абсолютный большой рост продукции. Вот таблица, показывающая в процентах удельный вес районов по выплавке чугуна:

	1932 г.	1937 г.
Юг	69,9	59,2
Восток	24,3	32,8
Центр	5,8	8,0

То же самое относится и к размещению электроэнергии. По всему Союзу мощность электростанций за вторую пятилетку вырастет в 2,3 раза, в Западной Сибири—в 4,5 раза (с 98,5 тыс. *квт* до 441,2 тыс. *квт*), в Казахстане—в 8 раз (194,8 тыс. *квт* вместо 24,5 тыс. *квт*), в Средней Азии—в 8,5 раза (368 тыс. *квт* против 43,2 тыс. *квт*) и т. д.

Из всех капиталовложений в промышленность наибольшая доля (25,37%) идет на районы УКК (Урало-Кузнецкого комбината), из них на Урал—13,8%, Восточную Сибирь и ДВК—4,77, ЗСФСР—5,3, Среднюю Азию—4,6, УССР—18,5%. В старые промышленные районы вкладывается 19,5% всей суммы. Таким образом около 60% всех капиталовложений во второй пятилетке получают районы востока и национальные республики. Восточные районы, к которым относятся Урал, Сибирь, Башкирия, Казахстан, ДВК, Закавказье, Средняя Азия, повышают свой удельный вес также в продукции легкой промышленности:

	1932 г.	1937 г.
Хлопчатобумажные ткани	1,77	4,28
Шерстяные ткани	4,31	12,13
Кожаная обувь	9,84	24,98
Сахар	1,52	6,08

Это является результатом приближения промышленности к сырью, а также и создания новых сырьевых баз на востоке (сахарная свекла).

Урал и Сибирь собственно только при советской власти можно считать «открытыми». С каждым годом открываются все новые

и новые неисчислимые богатства их природы и недр. Только при советской власти малейшая инициатива научных исследований широко подхватывается массами и получает огромный размах под руководством государства. Гигантское развитие получает во второй пятилетке Дальневосточный край. На капитальное строительство затрачено будет 4 млрд. руб. Треть этой суммы идет на железнодорожное строительство. Важнейшая дорога, строящаяся там,—это Байкало-амурская магистраль (БАМ) длиной 1 800 *км*. Проходя на $^2/_3$ через ДВК, она оживит огромную территорию с колоссальными богатствами (лес, уголь, золото) в малоисследованных районах Амурской и Приморской областей. 985 млн. руб. вкладывается в строительство тяжелой индустрии, из них в каменноугольную 219 млн., в черную металлургию 222 млн. На прокладку шоссейных, грунтовых дорог затрачивается 265 млн. руб. Большие суммы также намечены по строительству пищевой индустрии (275 млн.) и сельскому хозяйству (370 млн.). В области тяжелой индустрии наибольшее значение имеют реконструкция судостроительного Дальзавода, окончание строительства Комсомольской верфи, освоение Бурейского каменноугольного бассейна, о котором говорил на XVII съезде т. Сталин. В этом районе выявлено 100 млрд. *т* запасов угля высокого качества. На бурейском угле в соединении с железной рудой Малого Хингана на территории Еврейской автономной области (входящей в состав ДВК) будет создана металлургическая база в крае.

Богатейший Дальневосточный край, славный боевыми партизанскими традициями периода гражданской войны и интервенции, становится краем мощной индустрии, тяжелой и пищевой, железнодорожного строительства, всесторонне развивающегося сельского хозяйства. Дальневосточный край—форпост Советского союза, социалистического хозяйства и культуры на Тихом океане. Льготы, предоставленные краю партией и правительством, обеспечивают еще более быстрый рост его населения и хозяйства. Если на востоке мы создали и укрепляем новую топливно-металлургическую базу, то старые промышленные районы центра специализируются главным образом на сложном машиностроении, на электротехнике, химии. Москва дает 40% электротехнической продукции Союза. Ленинградская промышленность дает блюминги, сверлильные машины, большие токарные станки и т. д. Лицо промышленности старых районов центра резко изменилось. Еще в 1927/28 г. они были по преимуществу ситцевыми: 57% валовой продукции падало на текстиль. Правые всячески противились реконструкции

этих районов, стояли за оставление их ситцевыми. Теперь вырастает удельный вес металлической и электротехнической отраслей. Текстильная промышленность начинает развиваться в районах производства сырья или смежных. Туда переносится новое строительство, строятся текстильные фабрики в среднеазиатских республиках (Ашхабадская хлопчатобумажная, Чарджуйская шелковая, Мервская шерстепрядильная, Сталинабадская шелковая), в Закавказье (Ганджинская, Ленинаканская и др.), в Казахстане, Западной Сибири. Строятся Нижнеуссурийский, Меткинский, Талды-курганский сахарные заводы; мясокомбинаты в Семипалатинске, Ленинакане (Армения), Верхнеудинске; лесные комбинаты в Якутии, ДВК, Башкирии; хлебозаводы в Караганде, Ташкенте; 10 чайных фабрик в Грузии; оросительные системы в Средней Азии (Вахшстрой), в Закавказье—Муганстрой (Азербайджан), магистральный канал (Армения). Сооружаются дороги: Чуйский тракт, Ангаро-ленский, Тунгайский, Аягуз-бахты и др. Индустриализируются окраины, раньше забытые, заброшенные, эксплоатируемые, теперь—самостоятельные национальные республики и области, что обеспечивает изживание экономической и культурной отсталости угнетенных ранее национальностей, унаследованной от царского колониально-капиталистического режима.

§ 5. Организационные вопросы в промышленности

Партия уделяла много внимания организационным вопросам советско-хозяйственного аппарата и в первую очередь промышленности. Проведено было разукрупнение наркоматов, главных управлений внутри наркоматов и трестов. Бывший ВСНХ (Высший совет народного хозяйства), охватывавший чрезвычайно широкую область хозяйства, был разбит на три наркомата—тяжелой промышленности, легкой и лесной. Наркомторг разделился на Наркомвнешторг и Наркомснаб, а последний в свою очередь заменен двумя наркоматами: Наркомат внутренней торговли и Наркомат пищевой промышленности, сосредоточивающий свое внимание на пищевой промышленности. Таким образом в настоящее время тяжелая, легкая, лесная и пищевая промышленность находятся в ведении отдельных наркоматов, специально занимающихся каждой из этих отраслей. Точно так же разукрупнены профсоюзы. Вместо одного союза металлистов выделились профсоюзы машиностроения (разных отраслей), черной металлургии, цветной металлургии и т. д. Все это приближает центральные хозяйственные и профсоюзные

органы к местам, к первичным производственным ячейкам. Необходимость организационной перестройки промышленности вытекает из задач второй пятилетки. «Основные задачи второй пятилетки... ставят со всей остротой вопрос *о повышении качества работы во всех отраслях, в первую очередь качества организационно-практического руководства*» (из резолюции XVII съезда ВКП(б) по докладу т. Кагановича).

Перечисляя все источники трудностей, т. Сталин указал на один крупнейший недостаток организационной работы, особенно в промышленности. Это функциональный принцип построения организаций и отсутствие личной ответственности. При функциональном построении аппарата руководство предприятием распыляется, разбивается на ряд функций, каждой из которых ведает специальный сектор или отдел. Ответственность за ход производства также разделяется между десятками секторов и работников, что приводит к обезличке. Так, на крупных шахтах в Донбассе до 1933 г. существовали следующие функциональные отделы: плановый, техпроп, кадров, механизации, рационализации и т. д. Постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 21 мая 1933 г. об организации управления шахтой, рудником и трестом в Донбассе ликвидированы в Управлении рудником: отдел механизации, рационализации, проектирования производственных процессов и организации труда, техпроп, техники безопасности и др. На шахте ликвидированы сверх того плановый отдел, заведующий капитальными работами, заведующий финансовым отделом и др.

Как же должен быть построен аппарат управления в промышленности? На это дает принципиальный ответ резолюция XVII съезда ВКП(б) по докладу т. Кагановича об организационных вопросах: «Ликвидировать функциональную систему построения всех советско-хозяйственных аппаратов и перестроить их по производственно-территориальному признаку, начиная от низших производственных звеньев и кончая наркоматами». На шахте не нужны ни плановый отдел, ни отделы капитальных работ, ни финансовый отдел—они нужны в тресте. Общий принцип таков, что заведующий предприятием сосредоточивает в своих руках все функции управления, распределяя дальше всю работу между отдельными территориальными или производственными участками предприятия. «Начальник участка является полноправным руководителем работ на своем участке, непосредственно отвечает за выполнение плана по всем показателям и осуществляет оперативное руководство всеми работами на участке...» (из постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР

от 21 мая 1933 г. о Донбассе). По примеру Донбасса идет перестройка хозяйственного аппарата и управления на этих же началах во всей промышленности. Управление по всем линиям и функциям должно быть сосредоточено в одних руках—заведующего, начальника, бригадира. На нем лежит вся ответственность, и он управляет, руководит на правах единоначалия. Но последовательное и неуклонное проведение единоначалия ни в какой мере не означает ограничения творческой инициативы, самодеятельности и самокритики масс. «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с *бесспрекословным повиновением* воле одного лица, советского руководителя, во время труда» (Ленин).

Все государственные промышленные предприятия в зависимости от своего значения, размеров находятся в ведении или местных исполкомов (риков), или областных и краевых органов, или республиканских и наконец всесоюзных.

С целью развития местной промышленности, наибольшего использования всех ее возможностей образованы народные комиссариаты местной промышленности.

§ 6. Шесть условий т. Сталина

Весь план второй пятилетки, рост производительности труда, более быстрый подъем благосостояния трудящихся обеспечиваются полным осуществлением шести условий т. Сталина.

23 июня 1931 г. в речи на совещании хозяйственников («Новая обстановка—новые задачи») т. Сталин развернул программу борьбы за рост производительности труда в условиях социализма. Эта программа нанесла сокрушительный удар правооппортунистической теории самотека в организации рабочей силы, недооценке механизации, а также «левацкой» уравниловке в области зарплаты и обезлички на производстве. Необходимость планирования и организованного набора рабочей силы на новом этапе выявилась со всей полнотой. К этому вынуждали два обстоятельства, одновременно действовавших.

Во-первых, грандиозный размах получило строительство как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, потребность в рабочей силе колоссально выросла. Во-вторых, ликвидированы безработица в городе и нищета в деревне, составлявшие резервы рабочей силы, самотеком распределявшейся по стране. Теперь на самотек в притоке рабочей силы надеяться нельзя.

Насколько сложна эта задача, можно судить по числу рабочих, которых надо во второй пятилетке привлечь из деревни,—всего 3 250 тыс. человек. Одновременно, для того чтобы сократить потребность в такой огромной массе рабочей силы, поставлена была т. Сталиным перед хозяйственниками задача механизации наиболее тяжелых процессов труда. «Думать, что можно обойтись без механизации при наших темпах работы и масштабах производства,—значит надеяться на то, что можно вычерпать море ложкой» (Сталин). Механизация облегчает труд, что является целью социалистического хозяйства, и сокращает затрату его. Но замена тяжелого ручного труда работой машин не ведет у нас к безработице, к сокращению рабочей силы, как при капитализме. Интересны цифры, показывающие, насколько применение машин (механизация) на строительных работах сокращает потребность в ручном труде. Экскаваторы экономят 80% рабочей силы, бетономешалки, камнедробилки и подъемники—примерно $^2/_3$.

Особенно большую роль должна сыграть механизация в таких отраслях, как лесная, угольная промышленность, черная металлургия, строительство, погрузочно-разгрузочные работы и др.

Проведение механизации ни в коем случае не означает пренебрежения к ручному способу работы. Мы должны добиваться увеличения производительности труда по всем линиям, помня, что наше машиностроение еще не может пока обеспечить полной механизации даже наиболее тяжелых видов труда.

Большим злом в промышленности являлась текучесть рабочей силы, особенно усилившаяся на ряде предприятий в последние годы первой пятилетки. Тов. Сталин в своей речи отметил, что трудно найти предприятие, где за один квартал или полугодие не менялся бы состав рабочих на 30—40%. Теперь можно отметить ослабление текучести под влиянием перестройки работы на основе шести условий т. Сталина, но далеко не достаточное. Особенно же велика была текучесть по таким важнейшим отраслям, как каменноугольная и железорудная. «...Текучесть рабочей силы превратилась в бич производства...»[1]. Можно ли при такой смене рабочего состава налаживать производство, повышать квалификацию кадров, обучать их? Основной причиной растущей текучести была уравниловка в заработной плате. Во многих случаях почти стиралась разница в оплате квалифицированных и неквалифи-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 451, изд. 10-е.

цированных рабочих. У рабочего исчезал поэтому интерес к закреплению на предприятии, к продвижению, к повышению квалификации, и многие кочевали с одного предприятия на другое в поисках временного использования тех или иных выгод. Вся старая тарифная система не соответствовала новым условиям. В сущности в 1931 г. действовала единая тарифная сетка, принятая еще в 1922 г. В этой сетке было 17 разрядов, из них девять для рабочих, высшие, от 10-го,—для административно-технических работников. Она сыграла в свое время положительную роль, способствуя привлечению распыленных рабочих обратно на заводы, но имела и серьезные недостатки, особенно выявившиеся в реконструктивный период. Это была единая сетка для всех отраслей и профессий, которая не могла уже удовлетворить нашу колоссально выросшую и дифференцировавшуюся промышленность. Возникли новые отрасли, раньше никогда не существовавшие, создана новая техника, пришли новые кадры, другие требования предъявляются, другие квалификации нужны. Необходимо было, во-первых, приспособить тарифную сетку, всю систему оплаты к особенностям каждой отрасли, во-вторых, построить оплату труда рабочих и служащих по такой системе, чтобы она вызывала интерес к повышению своей квалификации, побуждала к подъему производительности труда. Между тем старая тарифная сетка не обеспечивала ни одного из этих требований. Она не учитывала особенностей, специфических условий различных видов предприятий. Оплата рабочего высшей квалификации 8-го разряда была выше первого разряда в 2,8 раза (отношение 2,8 : 1). Внутри же этих 8 разрядов как раз при переходе в высшие разряды прирост ставки был меньше, чем в низших. Если оплату первого разряда принять за 1, то оплата остальных выражалась в таком ряде цифр:

Разряд	1	2	3	4	5	6	7	8
Отношение оплаты каждого разряда к первому	1	1,2	1,45	1,70	1,90	2,2	2,5	2,8

Это значит, что если рабочий переводился во второй разряд, то он получал прибавку в 20%, если же он переводился из 6-го в 7-й разряд, то его зарплата повышалась только на 13,7%.

Такая система оплаты послужила благоприятной почвой для расцвета уравниловки и широкого распространения «левацких» перегибов в этом отношении. Троцкистско-зиновьевская оппозиция в свое время кричала о «равенстве», что в области зарплаты означало уравниловку.

Тов. Сталин в своих шести условиях показал в применении к современному этапу переходного периода, что «...кто строит теперь тарифную систему на «принципах» уравниловки, без учета разницы между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, тот рвет с марксизмом, рвет с ленинизмом...

Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что, ввиду этого, «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности. Но наши уравниловцы из хозяйственников и профсоюзников не согласны с этим и полагают, что эта разница уже исчезла при нашем советском строе»[1].

Закрепить рабочих на предприятии можно правильной организацией зарплаты, при которой, чем выше квалификация, тем больше должна быть ставка оплаты, чем больше труда вложено рабочим, чем больше производительность его труда, тем больше должен быть его заработок. После указаний, данных т. Сталиным в его шести условиях, началась решительная перестройка системы зарплаты. Перестройка в основном шла в двух направлениях: повышение ставок высших разрядов в отношении низших и внедрение неограниченной сдельщины.

Первое—в новых тарифных сетках ставка восьмого разряда не в 2,8, а в 3,6 раза выше ставки первого разряда, и повышение ставки в высших разрядах (от 4-го до 8-го) более значительно, чем в старой сетке. Если там, как мы приводили пример, при переходе из 6-го разряда в 7-й ставка повышалась на 13,7%, то по новой сетке повышение составляло 20%. Соотношения между разрядами составляют такой ряд (смотри таблицу на странице 239).

Это значит, что если первый разряд получает 100 руб., то переход из шестого в седьмой разряд дает повышение ставки

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 452, изд. 10-е.

на 50 руб. (а раньше 30 руб.). В новой сетке взят курс на поощрение квалифицированных рабочих. Такое соотношение между разрядами создает стимул, интерес к повышению квалификации, к овладению техникой.

Разряд	1	2	3	4	5	6	7	8
Соотношения (1-й разряд=1%) . .	1,0	1,2	1,45	1,75	2,1	2,5	3,0	3,6

Второе—это внедрение сдельщины. Широкое распространение социалистических форм труда (соцсоревнование, ударничество) дало повод «левакам» поставить под сомнение целесообразность и необходимость сдельщины. Такое отношение к сдельщине, ее недооценка и пренебрежение, в корне ошибочно. Сдельщина, наоборот, создает более благоприятные условия для развития соцсоревнования и ударничества.

Основной формой зарплаты, соответствующей социалистическому принципу оплаты труда по количеству и качеству, является прямая и неограниченная индивидуальная сдельщина. Основной ее принцип прост и понятен—чем больше выработано без понижения качества, тем выше заработок. Здесь прямая зависимость. Она неограниченная, т. е. дает возможность самым умелым рабочим достигнуть высокой выработки. Высокий сдельный приработок вполне целесообразен и законен в том случае, если нормы вообще составлены правильно, не низки. Наконец индивидуальный характер сдельщины изгоняет всякие элементы уравниловки, которая господствовала в большинстве форм коллективной бригадной сдельщины. Бригады часто распределяли весь заработок или сдельный приработок поровну. Индивидуальная сдельщина должна проводиться внутри бригады. Индивидуальная сдельщина, прямая и неограниченная, способствует поднятию производительности труда, заинтересовывает рабочих в безостановочном, нормальном ходе производства и его расширении. Прогрессивная сдельщина дает дополнительный толчок (стимул) к повышению выработки, к росту производительности труда. При прогрессивной сдельщине выработка сверх нормы оплачивается не в обычном, а в повышенном размере. Например в пределах 100% нормы—прямая сдельщина. При выработке 110%, т. е. 10% сверх нормы, каждая единица переработки оплачивается,

скажем, в $1^1/_2$ раза больше, а при превышении нормы выработки на 20%, т. е. свыше 110%,—в двойном размере.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о заработной плате рабочих и инженерно-технических работников Донбасса внесло изменения в систему прогрессивной сдельщины, которые упрощают ее и еще более способствуют росту производительности труда. Постановлением СНК и ЦК от 21 мая 1933 г. установлен такой порядок прогрессивной оплаты. При переработке норм для ведущих профессий подземных рабочих до 10% основная расценка повышается в два раза, а при переработке норм свыше 10%—в три раза, начиная с первого процента переработки. Если рабочий заработал 110 единиц вместо нормы в 100, он за последние 10 получает не 10 рублей (при оплате единицы в рубль), а 20 рублей. Если выработка 115 единиц, то за последние 15 (сверх нормы) он получит не 15 рублей, а 45 рублей. Для других профессий, видов работы приняты другие ставки повышенной оплаты переработки.

Речь т. Сталина 23 июня 1931 г. послужила началом упорной борьбы за ликвидацию уравниловки, за перестройку всей организации труда на основе шести исторических условий. Постановление от 21 мая 1933 г. изгоняет из существующей системы зарплаты элементы уравниловки, чрезмерной усложненности и регламентации, которые еще имелись на практике[1].

Несмотря на значительные успехи по изгнанию уравниловки в решающих отраслях промышленности, борьба против нее за правильную, социалистическую политику зарплаты должна продолжаться с той же силой. «Большевистская политика требует решительной борьбы с «уравниловцами», как с пособниками классового врага, как с враждебными социализму элементами. В конце концов, главной задачей социализма является поднятие производительности труда на такую высоту, которая недоступна никакому другому общественному строю. Без этого социализм победить не может. Барски-пренебрежительное отношение к организации зарплаты является на деле отрыжкой этих же мелкобуржуазных уравнительских пережитков»[2].

---

[1] Прежде на основании решения ВЦСПС и ВСНХ от 22/IX 1931 г. в угольной промышленности действовал такой порядок прогрессивной сдельной оплаты: за первые 10% выработки сверх нормы расценки повышались на 25%, за следующие 10% выработки сверх нормы—повышение расценок на 40%, переработка больше 20% сверх нормы—расценок повышается на 80%.

[2] *Молотов*, Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР, стр. 53, Партиздат, 1935.

«Левацкая» уравниловка еще не изгнана окончательно, еще не добита. Нельзя все разнообразие условий работы и квалификации исчерпать правильно построенной тарифной сеткой. Тов. Орджоникидзе привел пример оплаты работников на высокосовершенных станках, машинах, обслуживающих целые электростанции. К таким машинам нужно поставить опытного инженера и, по выражению т. Орджоникидзе, «...ему зарплату нужно дать не по разрядам, а по тому, чего он стоит». Организация системы зарплаты—ответственнейшее дело, которым должны заниматься лично руководители предприятий, не передоверяя его второстепенным работникам. Надо подходить конкретно к каждой группе работников и к отдельным работникам. Особенно этого требуют партия и правительство в условиях отмены карточной системы. Нужно учитывать работу и условия каждого работника. Нельзя равнять всех работников даже одинаковой квалификации по средней зарплате. «Нам нужно самым решительным образом покончить с системой так называемой «средней зарплаты». Это ничего не говорящая безобразная обезличка...»[1].

Перестройка зарплаты по указаниям т. Орджоникидзе, с отказом от «средней» зарплаты, проведена была практически на Макеевском металлургическом заводе его руководителем т. Гвахария. Раньше инженерно-технический персонал и руководящий состав в цехах получали зарплату в зависимости от процента выполнения программы производства. Это вело к тому, что производственную программу не стремились расширять, наоборот, выгоднее было иметь более низкую программу, которую легче выполнить и перевыполнить. Поэтому выходило, что премии за выполнение программы тормозили развитие и рост продукции. Новая система заключается в том, что размеры зарплаты зависят от выполнения основных, решающих технических показателей, т. е. от степени освоения техники. В доменном цехе например зарплата исчисляется в зависимости от коэфициента использования доменных печей. При коэфициенте в 1,15 руководящий персонал получает оклад, при улучшении коэфициента до 0,90 зарплата его достигает пятикратного оклада. При коэфициенте в 0,87 начальник доменного цеха Макеевского завода получил 5 000 р., заместитель—4 500 руб., обермастер—4 000 руб., соответственно повысился заработок и остальных работников цеха. Введение

---

[1] *Орджоникидзе*, Речь на совещании работников тяжелой промышленности, «Правда» от 22/IX 1934 г.

новой системы зарплаты потребовало тщательного изучения работы каждого цеха, основного и вспомогательного, установления норм его работы. Нормы выработки были пересмотрены. Суточная норма выплавки чугуна на Макеевке была раньше 710 тонн, стала 820 тонн, фактически домны дают до 1 000 тонн в сутки.

Так новая система зарплаты стала важнейшим рычагом роста производительности труда и количества продукции. В доменном цехе Макеевки выработка на одного рабочего в месяц составляла за 1934 г. 69,7 тонны, в июле 1935 г.—95,3 тонны.

Руководитель предприятия должен так распределять установленный фонд зарплаты, чтобы ведущие профессии, решающие в области производительности труда, получали сильнейший стимул к дальнейшему росту ее. Надо «организовать зарплату так, чтобы она укрепляла решающие звенья производства и двигала людей на высшую квалификацию» (Сталин).

Уровень зарплаты в СССР устанавливается в плановом порядке. При этом мы должны исходить из необходимости накопления, расширенного воспроизводства. Сама промышленность, внутрипромышленные средства должны все большую роль играть в накоплении. А внутрипромышленное накопление может расти лишь в том случае, если производительность труда рабочих растет быстрее, чем зарплата, которая тоже значительно и непрерывно увеличивается. Соотношение между ростом зарплаты и производительности труда—это коренной вопрос накопления в промышленности. Последние годы рост зарплаты обгонял рост выработки продукции на одного рабочего. Средняя выработка одного рабочего в промышленности в 1932 г. выросла сравнительно с 1928 г. на 41%, а средняя годовая зарплата повысилась в 1932 г. против 1928 г. на 51%. Во второй пятилетке производительность труда вырастает на 63%, а среднегодовая зарплата—на 23%.

Производительность труда не может подниматься, если нет четкой, правильной организации труда и производства. Третье условие—строгое разграничение обязанностей и точная ответственность определенного лица или органа за порученное ему дело или часть дела—уничтожение обезлички.

Особенно сильно сказались результаты обезлички на транспорте. Собственно оттуда и получила свое название такая организация работы, при которой нет четкой индивидуальной ответственности. На транспорте была введена так называемая обезличенная езда, при которой на паровозе ездила не одна постоянная бригада или две, сменяющие друг друга, а все, в известной

последовательности или случайно, смотря по тому, какие имеются в наличии паровозы и паровозные бригады.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 мая 1933 г. об организации управления шахтой, рудником и трестом в Донбассе уничтожает функционалку и упрощает аппарат управления. На шахтах сокращен ряд должностей и отделов (плановое бюро, бюро рационализации, заведующий техпропом, пом. заведующего по кадрам и т. д.), функции которых должны выполнять руководители шахты или участка. Правильный ход дела требует сосредоточения всего управления в одном органе. Управление должно строиться по территориально-хозяйственному принципу (участок, лава, забой).

Постановлением XVII съезда жестко сокращены разбухшие аппараты наркоматов, объединений, трестов; сотни квалифицированных инженеров, сидевшие в аппаратах, направляются на производство. Одновременно значительно повышаются ставки специалистов, инженеров и техников, работающих непосредственно в шахте, на участке. Расширяется самостоятельность низовых производственных единиц.

В постановлении ЦК и СНК от 21 мая 1933 г. так определяются роли начальника шахты и десятника:

«Начальник участка является полноправным руководителем работ на своем участке, непосредственно отвечает за выполнение плана по всем показателям и осуществляет оперативное руководство всеми работами на участке...».

«Десятник является непосредственным и основным организатором-руководителем подведомственных ему производственных бригад, работающих в данной смене, и отвечает за работу как производственных бригад, так и за все отделение в целом...».

Мастеру, бригадиру должна принадлежать руководящая роль на производстве. Это окончательно добивает обезличку. Эти люди, овладевающие нашей новой техникой, должны быть в центре внимания. Еще и еще раз надо всегда иметь перед собой в качестве программы практической работы указание т. Сталина, что «главное теперь—*в людях*, овладевших техникой».

«Техника без людей,—сказал т. Сталин металлургам,—мертва. Лозунг «техника в период реконструкции решает все» имеет в виду не голую технику, а технику во главе с людьми, овладевшими техникой... Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево».

Однако только расстановки людей, правильного разграничения ответственности за определенный участок еще недостаточно, чтобы полностью и по существу уничтожить обезличку. Нужно, чтобы люди на своих местах установили строжайший порядок, образцовую чистоту, чтобы машины и станки блестели. Эта внешняя чистота и порядок отражают умение владеть техникой, высокий уровень технической и общей культуры, хорошую организацию дела. Нет никакого сомнения, что грязь, хлам на фабричных дворах и отсутствие необходимой чистоты и порядка в цехах снижают производительность труда, затрудняют рационализацию производства. Тов. Орджоникидзе правильно подчеркивает важность этой стороны: «Мало еще у нас культурности, велика еще культурная отсталость, старые навыки. Огромная масса рабочих из деревни пришла на стройку, сегодня они—эксплуатационники. Пришли с теми навыками и привычками, которые имели дома. Это верно. Но будем ли мы простыми пассивными свидетелями этого или развернем наступление против этой бескультурности и потянем вперед к культурной работе и культурному быту?»[1]. Мы живем в эпоху величайшего расцвета культуры в СССР, стране диктатуры пролетариата. Партия и правительство проявляют огромную заботу о дальнейшем росте культурного уровня трудящихся. Мы творим сейчас ту культурную революцию, о которой говорил Ленин в статье «О кооперации». Культура, наравне с техникой,— оружие борьбы с классовыми врагами, с капитализмом. Без культуры невозможна высокая техника. Так называемые мелочи культурного быта должны занимать наше внимание. «Позором надо считать то, что в квартирах рабочих, в квартирах инженеров и техников имеются клопы» (Орджоникидзе). Где клопы в квартирах, там и уход за машинами недостаточно культурный.

Четвертым условием, выдвинутым т. Сталиным, является необходимость создания собственной производственно-технической интеллигенции из людей рабочего класса. Старых кадров технической интеллигенции совершенно недостаточно. Нужны новые пополнения. Нам нужно втрое, впятеро больше инженерно-технических сил, как прошедших школу, высшую и среднюю, так и изучивших дело на практике, имеющих большой производственный опыт. Нужны такие командиры производства, которые умеют организовать людей на борьбу

---

[1] *Орджоникидзе*, Речь на совещании работников тяжелой промышленности 20/IX 1934 г., «Правда» от 22/IX 1934 г.

с трудностями, умеют стать вдохновителями соревнования, ударной работы. «Задача состоит в том, чтобы не оттирать этих инициативных товарищей, смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность проявить свои организаторские способности...»[1].

Пятое условие, поставленное т. Сталиным,—это отношение к старой технической интеллигенции, вышедшей из буржуазной или связанной с ней среды. В период, предшествовавший принятию пятилетнего плана, и в начале его проведения верхушка старой интеллигенции была связана с вредителями, принимала активное участие во вредительстве или покрывала его.

Победы пятилетки, успехи строительства, разгром вредительства и крах буржуазно-интеллигентских иллюзий об интервенции вызвали решительный поворот основной массы технической интеллигенции в сторону советской власти. В таких условиях, говорил т. Сталин, «было бы глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы, как не пойманного преступника и вредителя. «Спецеедство» всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением»[2]. Старые специалисты, за исключением неисправимых одиночек, работают теперь честно с советской властью.

Последнее, шестое, условие т. Сталина, без которого промышленность не может правильно развиваться, укрепляться и быстро расширяться,—это проведение хозрасчета.

Хозрасчет означает проверку всей работы предприятия рублем, контроль рублем. Это значит производить дешевле, оправдывать расходы производства, рентабельно работать и стремиться к получению прибыли, т. е. все время понижать себестоимость по сравнению с отпускной ценой производства. В частности тяжелая промышленность должна давать накопления так же, как и легкая. Она для этого достаточно вооружена. Таково было указание т. Сталина, известное под именем шестого условия. Осуществление этого указания пошло по двум линиям, совпадавшим между собой,—сверху и снизу. В рабочей массе развилось движение за организацию хозрасчетных бригад.

Хозрасчетная бригада—высшая форма соцсоревнования и ударничества. Она исключает уравниловку и обезличку,

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 458, изд. 10-е.
[2] Там же, стр. 461.

создает путем проведения неограниченной сдельщины для бригады в целом и отдельных ее членов максимальную заинтересованность в росте продукции, производительности труда. Каждый член бригады, находящейся на хозрасчете, и вся бригада в целом берут на себя добровольно ответственность за улучшение работы определенного участка, звена по всем показателям как количественным (выполнение программы), так и особенно качественным (улучшение продукции, снижение себестоимости, рост производительности труда, сокращение отходов, экономия сырья и т. д.).

Первая хозрасчетная бригада возникла на ленинградском заводе «Севкабель». Работа хозрасчетных бригад—одна из лучших форм выполнения техпромфинплана и хозяйственного руководства на наших государственных предприятиях.

Хозрасчетная бригада соединяет трудовой производственный подъем масс с социалистическим учетом и материальной заинтересованностью рабочих в результатах их труда. Огромное значение работы хозрасчетных бригад заключается в том, что они дают возможность, начиная с низшего звена и опираясь на активность самих рабочих, конкретно руководить всем производством. А это—важнейшая задача, стоящая сейчас перед нами. Однако широчайшее развертывание активности рабочих масс не должно быть понято как отмена или ограничение единоначалия.

На производстве нужна строжайшая дисциплина, без этого пролетарская диктатура немыслима. Вне самого процесса производства, не «во время труда»—широчайшая самокритика, большевистская критика всех недостатков производства, недостатков и ошибок хозяйственного руководства.

Однако движение хозрасчетных бригад, руководимое профсоюзами, имело тот серьезный недостаток, что оно не было связано непосредственно с освоением техники, с борьбой за определенные, конкретные технические показатели, имеющие решающее значение для данного участка производства. Одновременно сверху осуществлялся перевод на хозрасчет отдельных бригад, цехов и предприятий. Но дело ограничивалось здесь собственно переводом на счет в рублях, что тоже, разумеется, сыграло большую роль. Хозрасчет на производстве не был связан с техникой производства, с улучшением ее использования на основе полного освоения. Тов. Гвахария правильно указывает в своей статье в «Большевике»[1], что хозрасчет

[1] «Большевик» № 17, 1935 г.

был оторван от самого главного—от техники производства. На Макеевском заводе связали заработок бригады с судьбой агрегата, с выполнением необходимых, точно установленных технических условий. Если она не выполняет какое-либо из этих условий, ей скидывается определенное количество баллов. Например на доменной печи за каждые передержанные 5 минут плавки вычитывается у бригады 10 баллов. Это называют на Макеевском заводе агрегатно-бригадным хозрасчетом, что в сильнейшей степени способствует освоению техники рабочими бригады. Такая же система различной оплаты установлена в зависимости от себестоимости. При расчетной цене тонны чугуна в 44 р. 50 к. за каждый процент превышения этой цены оплата руководящего персонала уменьшается на 10%, при снижении—половина экономии поступает в распоряжение цеха для лучших ударников. Благодаря всем этим мероприятиям Макеевский завод добился того, что работает рентабельно и уже за первое полугодие 1935 г. дал прибыль 372 тыс. руб. Опыт Макеевского завода переняли и другие металлургические предприятия юга.

Глава V

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВО ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

§ 1. Продукция и посевные площади

Во второй пятилетке завершается социалистическая реконструкция сельского хозяйства. Окончательно ликвидируются капиталистические элементы—последние остатки кулачества в деревне. Полностью коллективизируются все бедняцко-середняцкие хозяйства. Этим кладется конец существованию класса мелких собственников. Уничтожается окончательно частная собственность на средства производства в сельском хозяйстве. Земледелие целиком будет в руках социалистической системы—совхозов и колхозов. В то же время будет осуществлена механизация сельскохозяйственного производства. МТС (машинно-тракторные станции) полностью охватят все колхозы. Огромные технические и экономические преимущества, которыми пользуются теперь хозяйства колхозов, обслуживаемых МТС, будут достоянием всех колхозов СССР. МТС играют решающую роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов и расцвете их хозяйства во второй пятилетке на основе нового устава с.-х. артели, принятого II всесоюзным съездом колхозников-ударников под руководством т. Сталина. Борьба за окончательное уничтожение классов, за механизацию сельского хозяйства, за претворение в действительность сталинского устава колхозной жизни превращает колхозников в активных и сознательных строителей бесклассового социалистического общества.

В результате завершения коллективизации всего крестьянского хозяйства, охвата всех колхозов машинно-тракторными станциями, применяющими современную машинную и агрономическую технику, темпы роста продукции сельского хозяйства сближаются с темпами промышленности. За первую пятилетку

продукция промышленности выросла в $2^1/_4$ раза (кругло), а продукция сельского хозяйства почти не изменилась в объеме по зерновым, дав увеличение по техническим культурам (кроме сахарной свеклы) в пределах от 30 до 50% к 1929 г. Во второй пятилетке при росте продукции промышленности на 114% продукция всего сельского хозяйства увеличивается почти настолько же—на 100%. В 1932 г. она составляла 13,1 млрд. руб., в 1937 г.—26,2 млрд. руб. 1935 год дает в этом отношении резкий перелом. Уже в 1933 и 1934 гг. темп роста сельского хозяйства был высоким: в среднем продукция его увеличивалась на 6,0%. Ежегодный прирост продукции сельского хозяйства США за период 1925—1929 гг.—1,7%. Промышленная продукция в 1935 г. выросла на 20,7%, а сельскохозяйственная—на 11%. По плану 1936 г. сельское хозяйство вырастает на 24%, а промышленность на 23%. В составе продукции всего сельского хозяйства в 1937 г. валовая продукция полевых культур составляет 18,1 млрд. руб. На первом месте стоят зерновые культуры—5 872 млн. руб., затем овоще-картофельные—4 247 млн. руб., кормовые—4 085 млн. руб., технические культуры—2 382 млн. руб. Продукция животноводства (вместе с приростом стада)—8 027 млн. руб. По темпам роста на первом месте стоит животноводство (прирост 143,8%), затем технические культуры (прирост 118,2%).

В основном зерновая проблема была решена в первой пятилетке путем насаждения колхозов, развернутого строительства совхозов и перехода к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации основных зерновых районов. Создана была колхозно-совхозная социалистическая зерновая база, которая с избытком заменила кулацкое производство хлеба. Однако самые размеры хлебной продукции в среднем за первую пятилетку не могут удовлетворить все растущие нужды хозяйства. В среднем валовые сборы зерна по СССР за первую пятилетку составляли около 700 млн. центнеров. Между тем во второй пятилетке вырастает потребление хлеба населением города и деревни до 464,7 млн. центнеров, на нужды животноводства пойдет 320—350 млн. центнеров. Уже только эти две статьи расхода превышают всю среднегодовую валовую продукцию зерна периода первой пятилетки. Второй пятилетний план намечает увеличение сбора зерновых в 1937 г. на 50% против 1932 г. (1 648 млн. центнеров в 1937 г., 698 млн. центнеров в 1932 г.). Такой урожай даст возможность полностью удовлетворить нужды населения, создать необходимые зерновые ресурсы для широкого развития животновод-

ства, а также для экспорта и страховых фондов, за вычетом семян. В то же время посевная площадь зерновых вырастет только на 5,1% (с 99,7 млн. *га* в 1932 г. до 104,8 млн. *га* в 1937 г.). Из общего прироста зерновой продукции за второе пятилетие на 350 млн. центнеров подавляющая часть (300 млн. центнеров) будет получена за счет повышения урожайности и только $^1/_7$ (50 млн. центнеров)—за счет новых посевных площадей. Урожайность зерновых в среднем повысится до 10,0 центнеров с 1 *га* в 1937 г. вместо 7,5 центнера в среднем за пятилетие 1928—1932 гг. Это целиком соответствует линии на отказ от огульного расширения площадей, провозглашенной партией в 1932 г., когда реорганизационный период в сельском хозяйстве заканчивался. Из зерновых культур на первом месте по посевной площади будет стоять пшеница—40,8 млн. *га* (26,3 млн. *га* яровой и 14,5 млн. *га* озимой), на втором рожь—23,6 млн. *га*, на третьем овес—17,2 млн. *га*, затем ячмень—7,8 млн. *га*. Посевы ржи сократятся на 8,4% (в 1932 г. их было 25,8 млн. *га*). Пшеница, наоборот, даст рост на 6,5 млн. *га*. Рожь в царской России была по преимуществу «мужицким» хлебом, пшеница—«помещичьим», более ценным.

Резко сократятся посевы такой малоценной культуры, как просо,—на 60% (с 7,6 млн. *га* до 3,0 млн. *га*). Просо было главным образом бедняцкой культурой. Особенно оно было распространено в таком оскудевавшем до революции районе, как ЦЧО. Уничтожение классов, превращение всего сельского хозяйства в сплошной социалистический массив сказываются следовательно и на составе культур. Растут посевы ценных хлебов—пшеницы, ячменя, сокращаются сильно посевы менее ценных культур, которые были до революции уделом бедняков, маломощных крестьян. Больше всего увеличится сбор пшеницы (на 86,9% к 1932 г.). В 1937 г. он составит 378,4 млн. центнеров (против 202,5 млн. центнеров в 1932 г.). Еще сильнее вырастет продукция таких ценных культур, как бобовые,—до 31,9 млн. центнеров (на 124,6%) и рис—до 5,5 млн. центнеров (на 177,5%). Увеличится также и сбор ржи (несмотря на сокращение посевов) благодаря росту урожайности на 16,9% (с 217,4 млн. центнеров в 1932 г. до 254,1 млн. центнеров в 1937 г.). Стоимость всей зерновой продукции (в ценах 1926/27 г.) составит в 1937 г. 5 872,4 млн. руб., в то время как в 1932 г. она составляла только 3 701,2 млн. руб. Посевные площади главным образом будут расти в северных и центральных районах, в потребляющей полосе. Вся посевная площадь СССР (под всеми культурами) вырастет на 5,3 млн. *га*, и $^2/_3$ этого прироста падает

на потребляющую полосу. В этой полосе распаханной земли не больше 25—30%. Между тем на Северном Кавказе распахано 80% земли, на Украине—свыше 90%. Резервы годной под пахоту земли в потребляющей полосе широко используются во второй пятилетке.

План увеличения сбора зерновых, утвержденный для второй пятилетки, представляет серьезный, значительный шаг вперед по сравнению с первой пятилеткой и с дореволюционным временем. До революции урожай зерновых давал 4—5 млрд. пудов. По плану в 1937 г. мы должны собрать почти $6^1/_2$ млрд. пудов (в 1935 г. уже собрали $5^1/_2$ млрд.). Ряд весьма важных причин настоятельно потребует еще большего роста зерновой продукции. К этим причинам относится рост промышленности и городов вдвое по сравнению с дореволюционным временем. Это увеличивает спрос на хлеб и уменьшает число работников, занятых в сельском хозяйстве. В самой деревне бедняки, ставшие колхозниками, строят зажиточную жизнь и должны потреблять больше хлеба. До революции царское правительство вывозило ежегодно несколько сот миллионов пудов хлеба, а беднота недоедала. Рост производства технических культур требует обеспечения районов и хозяйств этих отраслей хлебом, которого они сами не производят. Наконец быстрый подъем и дальнейшее широкое развитие животноводства немыслимы без больших запасов зерна для скота.

Таковы обстоятельства, которые потребуют дальнейшего, еще более значительного увеличения урожаев зерновых культур в ближайшие годы. Тех масс хлеба, которые по плану 1937 г. распределяются на прокорм населения города и деревни, на содержание скота, на резервы (мы приводили выше эти цифры), будет недостаточно через несколько лет. «...Мы должны уже теперь готовиться к тому, чтобы довести в ближайшем будущем, года через три—четыре, ежегодное производство хлеба до 7—8 миллиардов пудов» (Сталин).

Эту задачу т. Сталин поставил в речи на совещании передовых комбайнеров. Ударники-колхозники и вся колхозная масса с огромным подъемом встретили этот призыв вождя. И они его выполнят. Ведь уже в 1935 г. многие колхозы дали урожайность по 30 *ц* и более с *га*, намного выше той средней, которая намечена вторым пятилетним планом.

В качестве одной из важнейших задач сельского хозяйства во второй пятилетке XVII съезд выдвинул создание устойчивой пшеничной базы в центральных и северных районах. Эти районы, охватывающие нечерноземную, так называемую «потреб-

ляющую» полосу, главнейшие промышленные центры (Московский, Ленинградский, Ивановский, Брянский и др.), не знают засухи—бича южных и юго-восточных степей. В них выпадает достаточное количество осадков, навозное удобрение способствует сохранению влаги в земле, климат неплохой. Урожаи этой полосы довольно высоки и главное—устойчивы. При средней урожайности озимой пшеницы по СССР в 8,6 центнера в потребляющей полосе она достигает 9,6 центнера, ржи—9,2 центнера. При осуществлении всех агротехнических мероприятий, требуемых вторым пятилетним планом, урожайность зерновых культур в этой полосе повысится до 10,5 центнера. Теперь, когда быстро растет промышленное население в старых зерновых, прежде исключительно сельскохозяйственных районах, создание собственной пшеничной и достаточной зерновой базы в несельскохозяйственных районах вообще приобретает огромное народнохозяйственное значение.

В начале первой пятилетки, в 1928 г., потребляющая полоса при сборе зерновых в 154,8 млн. центнеров должна была покрывать потребление города (26,1 млн. центнеров) целиком за счет привозного хлеба, да еще частью и потребности села (дефицит в 14 млн. центнеров), всего привоз был 40 млн. центнеров. В 1937 г., при сильно возрастающем потреблении города (47 млн. центнеров) и деревни, потребляющая полоса целиком покроет нужды самой деревни (населения и скота) с остатком в 31,0 млн. центнеров, которые пойдут в города. Города лишь частично будут потреблять привозной хлеб (16,0 млн. центнеров из 47 млн.).

Московская область, имевшая в 1932 г. 90 тыс. *га* посевов озимой и яровой пшеницы, должна их довести в 1937 г. до 700 тыс. *га*.

По плану 1935 г., посевы яровой пшеницы в потребляющей полосе увеличиваются на 26,2%, трав—на 41, картофеля—на 10,8, овощей—на 10%. Общая посевная площадь под зерновыми сокращается на 4,2 млн. *га*, главным образом за счет проса.

Создание устойчивой пшеничной базы связано с большой общей задачей—превращения потребляющей полосы в производящую. Еще XVI съезд партии дал директиву «в ближайшие же годы развернуть сельское хозяйство потребляющей полосы, превратив ее в важнейший молочно-огородно-свиноводческий и льняной районы». Необходимость этого вытекает из того, что старое деление наших областей на промышленные и аграрные уже изжило себя. Теперь, когда в процесс индустриали-

зации вовлекаются самые отдаленные и отсталые районы, нет уже таких областей, которые были бы только поставщиками продовольствия и сырья для других, чисто промышленных районов. В каждой области растут свои промышленные центры, новые предприятия и т. д. С другой стороны, переброска огромных масс громоздких или скоропортящихся продуктов (овощи, молоко и др.) на большие расстояния представляет значительные трудности и нецелесообразна. «...Каждая область должна завести у себя свою сельскохозяйственную базу, чтобы иметь свои овощи, свою картошку, свое масло, свое молоко и в той или иной степени—свой хлеб, свое мясо,—если она не хочет попасть в затруднительное положение. Вы знаете, что это дело вполне осуществимо и оно уже делается теперь»[1].

Промышленные центры вообще, а особенно в потребляющей полосе, создают пригородные хозяйства, принадлежащие советам, отдельным предприятиям.

На XVII съезде партии т. Сталин, сравнивая таблицы посевных площадей и продукции различных культур, показал, в чем заключался реорганизационный период в сельском хозяйстве и как он повлиял на различные отрасли. Первая пятилетка была периодом реорганизации, перестройки сельского хозяйства. Миллионы крестьянских дворов организовывали колхозы, осваивали земли ликвидируемого кулачества и стремительно расширяли посевы. Политическое и хозяйственное значение этого процесса неизмеримо велико. Бедняцко-середняцкое крестьянство осваивало новые посевные площади, прочно оседало на отобранной у кулаков земле и создавало на ней новые, колхозные порядки, социалистический строй производства. В то же время из-за трудностей реорганизации, протекавшей в обстановке ожесточенной классовой борьбы, не могло еще быть уделено достаточного внимания мероприятиям, способствующим улучшению обработки и повышению урожайности. Поэтому расширение посевных площадей не сопровождалось соответствующим ростом продукции. Там, где реорганизация сельского хозяйства шла более быстрыми темпами, рост продукции отставал сильнее от роста посевных площадей. Особенно это сказалось на зерновых культурах. Продукция зерна стояла в 1931 и 1932 гг. на уровне, несколько более низком, чем в 1929 г., хотя посевные площади сильно выросли. Что касается технических культур, то те отрасли, где реорганизация происходила менее быстрыми темпами, как хлопок и лен (волокно),

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 569, изд. 10-е.

сохраняли высокий уровень развития. Валовая продукция хлопка и льна все время росла, показывая незначительное уменьшение в 1932 г. Масличные (подсолнух) дали небольшое снижение валовой продукции в 1932 г. Реорганизационный процесс очень сильно сказался на сахарной свекле. Сбор сахарной свеклы, несмотря на рост посевных площадей, резко упал в 1932 г., оказавшись ниже довоенного уровня. И только в 1933 г. произошел перелом здесь, как и по всем остальным культурам. В 1933 г. собрано сахарной свеклы почти на 50% больше, чем в 1932 г. Каковы же выводы? Неоспоримо, что одно огульное расширение посевных площадей еще не обеспечивает высокого роста продукции. Высокие сборы могут быть достигнуты главным образом за счет повышения урожайности. Эта линия партии, провозглашенная после окончания реорганизационного периода, проводится во второй пятилетке особенно в отношении технических культур. Общая посевная площадь под техническими культурами сокращается на 12%—с 14,8 млн. *га* в 1932 г. до 13,1 млн. *га* в 1937 г. В частности уменьшаются посевные площади хлопка (с 2 172 тыс. *га* до 2 040 тыс. *га*), льна-долгунца (с 2 510 тыс. *га* до 2 180 тыс. *га*), подсолнуха (с 5 300 тыс. *га* до 4 млн. *га*) и сахарной свеклы (с 1 634 тыс. *га* до 1 450 тыс. *га*). И несмотря на это сокращение посевных площадей, быстрыми темпами вырастет во второй пятилетке валовая продукция всех перечисленных культур. Хлопка-сырца мы получим в 1937 г. 21,25 млн. центнеров вместо 12,7 млн. центнеров в 1932 г. (на 67,3% больше), льна (волокна)—на 60% больше (8 млн. центнеров вместо 5,0 млн.), подсолнуха 34,0 млн. вместо 22,7 млн. центнеров в 1932 г. Особенно поразителен будет рост валовой продукции сахарной свеклы. Она повысится больше чем в 4 раза. В 1932 г. сахарной свеклы было собрано 65,6 млн. центнеров, в 1937 г. будет собрано 276,0 млн. центнеров. Все это произойдет благодаря росту урожайности.

Такой рост продукции технических культур во второй пятилетке обеспечивает широкую сырьевую базу для легкой и пищевой промышленности. Новое в размещении производительных сил в сельском хозяйстве во второй пятилетке сводится к следующему: при значительном росте зернового хозяйства основных зерновых районов создается устойчивая пшеничная база в центральных и северных районах, бывших до того «ржаными». Наряду с огромным ростом технических культур в основных районах закладывается новая свекловичная база на востоке (Западная Сибирь, Казахстан, Киргизия, Поволжье, Башкирия и др.). В этих районах посевы сахарной

свеклы займут в 1937 г. 113 тыс. *га* (вместо 32 тыс. *га* в 1932 г.). Дается сильный толчок развитию высокоценных культур в субтропических районах СССР, где проектируется коренная реконструкция. Главное место там займут такие культуры, как чай (45 тыс. *га* в 1937 г.), мандарины, лимоны, рами, пробковый дуб, маслина и др.

§ 2. Развитие животноводства

Для сельского хозяйства вообще годы первой пятилетки были периодом реорганизации, перестройки. Объединение миллионов крестьянских хозяйств в колхозы, создание крупных государственных хозяйств (совхозов) представляли огромные трудности. Только благодаря мобилизации всех сил партии, непримиримой борьбе с оппортунистическими уклонами от ленинской генеральной линии, активному участию рабочего класса в строительстве новой, колхозной деревни коллективизация достигла решающих успехов, дала перевес социализму в деревне в такой короткий срок, как 3—4 года (1929—1932 гг.). Но заполнить колхозы—эту социалистическую форму организации сельского хозяйства—социалистическим содержанием, развить всесторонне заложенные в этой форме преимущества и возможности—это дело, требующее дальнейшей работы. «По сути дела отчетный период (с 1930 г. по 1934 г. — *Д. Ч.*) был для сельского хозяйства не столько периодом быстрого подъема и мощного разбега, сколько периодом создания предпосылок для такого подъема и такого разбега в ближайшем будущем»[1].

Реорганизационный период в сельском хозяйстве сказался в особенности на животноводстве. В этой отрасли мы имели упадок, сокращение поголовья. Причины этого процесса следующие. В животноводческой отрасли роль кулацкой верхушки деревни была более значительна. И понятно, почему это было так. Не имея возможности в условиях диктатуры пролетариата и ограничения развития капиталистических элементов расширять свои земельные наделы, приобретать крупный сельскохозяйственный инвентарь, кулаки свои накопления больше вкладывали в скот. Поэтому в отношении скота труднее было заменить кулацкое производство продукцией колхозов и совхозов. При этом надо принять во внимание, что и сама организация крупного животноводческого хозяйства во многих отношениях сложнее, чем полеводческого. Такова первая причина. Вторая причина сокращения поголовья скота—кулац-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 560, изд. 10-е.

кая агитация за вырезку скота при развертывании коллективизации. Это был один из методов борьбы кулачества и врагов советской власти против коллективизации, против организации и укрепления колхозов. Наибольшее сокращение поголовья скота падает на 1930 г. Это год бурного роста колхозов и ожесточенной классовой борьбы в деревне. Даже многие середняки, поддавшись кулацкой агитации, перед вступлением в колхоз разбазаривали скот. В результате 1930 год дал сокращение поголовья крупного рогатого скота на 23%, овец и коз—на 26%, свиней—на 35%.

По окончании реорганизационного периода 1933 год, первый год второй пятилетки, показывает уже определенный перелом к лучшему. Этот перелом сказывается в том, что поголовье лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз хотя и продолжает сокращаться, но уже в гораздо меньших размерах (по крупному рогатому скоту сокращение на 2,1 млн. голов в 1933 г. вместо 15,6 млн. в 1930 г., по овцам и козам—на 1,6 млн. голов вместо 38,4 млн. голов в 1930 г.). Наметился уже сдвиг в сторону роста по такой важнейшей в продовольственном отношении отрасли, как свиноводство. Здесь 1933 год дает рост, правда, небольшой, стада свиней по сравнению с 1932 г. на 5,1% (0,6 млн. голов).

В отчетном докладе на XVII съезде т. Сталин высказал уверенность, что 1934 год должен и может стать годом перелома к подъему во всем животноводческом хозяйстве. Данные переписи скота, произведенной на 1 января 1935 г. органами ЦУНХУ, подтвердили слова т. Сталина. За один 1934 г. произошел значительный сдвиг в животноводстве в сторону подъема. В 1935 г. животноводство СССР твердо стало на путь подъема и одержало серьезную победу. Поголовье крупного рогатого скота выросло на 18%, овец и коз—на 25%, свиней—на 38%, лошадей—на 5%.

Во второй пятилетке мы быстрыми темпами развиваем животноводство, особенно свиноводство (увеличение стада на 274,1% в 1937 г.). Стадо крупного рогатого скота увеличится в 1937 г. на 60,9%, овец и коз—на 84,3%. По плану 1937 г. мы по крупному рогатому скоту, овцам и козам и лошадям еще не достигнем уровня 1928 г. по количеству голов. Зато по свиноводству будем иметь в 1937 г. 43,4 млн. голов против 25,9 млн. в 1928 г. и 20,3 млн. в 1916 г. Однако не следует думать, что поголовье скота играет единственную, исключительно решающую роль в росте продукции животноводства. Одна и та же корова может дать больше и меньше молока.

Это зависит от корма, от ухода за ней, от всей организации хозяйства и труда.

В Канаде в 1920 г. было 3 504 692 молочных коровы, которые давали 111 691 тыс. фунтов масла, а в 1924 г. 3 726 985 коров давали 178 893 тыс. фунтов масла. Прирост поголовья коров за 4 года—на 6%, а продукции масла—на 60%.

Итак, то тяжелое положение, в котором оказалось животноводство по указанным выше причинам, требует серьезной работы во второй пятилетке. Подъем животноводства, увеличение его продукции (масла, мяса, молока, шерсти) играют важнейшую роль в дальнейшем, более быстром повышении потребления трудящихся. Проблема животноводства—первоочередная проблема. Об этом говорил т. Сталин на XVII съезде, и это является директивой на всю вторую пятилетку, как и весь доклад т. Сталина.

«Дело животноводства должны взять в свои руки вся партия, все наши работники, партийные и беспартийные, имея в виду, что проблема животноводства является теперь такой же первоочередной проблемой, какой была вчера уже разрешенная с успехом проблема зерновая»[1].

Повысить продукцию животноводства к концу пятилетки в $2^1/_4$ раза—таково постановление XVII съезда. В 1932 г. стоимость валовой продукции животноводства (в ценах 1926/27 г.) была 3 184,8 млн. руб., в 1937 г. она будет 7 102,6 млн. руб. (без прироста стада).

Какими путями будет разрешена задача, поставленная XVII съездом? Во-первых, совхозы значительно улучшат свою работу, роль их в продукции животноводства повысится. В 1932 г. совхозы давали 8,1% всей продукции мяса, 5,9% молока, 18,8% шерсти. В 1937 г. эти цифры соответственно повысятся до 14,9% по мясу, 10,3% по молоку, 20,3% по шерсти.

Совхозы станут мощными, высокопроизводительными хозяйствами. Совхозы играют уже весьма крупную роль как поставщики продуктов животноводства, и эта роль их с каждым годом растет, что видно из данных, приведенных т. Калмановичем на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников (см. верхнюю таблицу на стр. 258). Увеличивается значительно поголовье скота в совхозах (см. нижнюю таблицу на стр. 258).

Этим однако роль совхозов в области развития и подъема животноводства не ограничивается. Июньский пленум ЦК 1934 г., сыгравший большую роль в переломе животноводства

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 568, изд. 10-е.

к подъему, ставит перед совхозами важнейшую задачу—животноводческие совхозы должны из года в год увеличивать отпуск

Сдано совхозами государству (в тыс. пуд.)

	в 1933 г.	в 1934 г.
Мяса	7 900	14 795
Масла	1 683	1 957
Шерсти	561	592

(продажу) колхозным фермам взрослого скота и молодняка и тем самым стать важнейшим источником государственной помощи колхозам в деле развития колхозных товарных ферм. На 1 января 1935 г. совхозы во исполнение этой директивы продали колхозам 295 тыс. голов крупного рогатого скота, 483 тыс. овец,

Поголовье скота в совхозах (в млн. голов)

	1932 г.	1937 г.	1937 г. в % к 1932 г.
Крупный рогатый скот	3,5	6,7	191,4
В том числе коровы	1,7	2,5	147,0
Свиньи	1,9	6,4	336,8
Овцы и козы	7,2	14,9	207,0

747 тыс. свиней и поросят. Но, разумеется, это только первые серьезные сдвиги в сравнении с тем, что должно быть сделано. Дело не в том, чтобы стадо совхозов быстро увеличивалось. Главной задачей животноводческих совхозов являются улучшение породы скота и повышение его продуктивности (удоев, живого веса, выхода шерсти), помощь колхозам в развитии товарных ферм. Совхозы значительное количество скота должны продать колхозам для комплектования колхозных товарных ферм и колхозникам, не имеющим скота. По государственному плану развития животноводства на 1935 г., утвержденному СНК СССР и ЦК ВКП(б), на 1 января 1936 г. в совхозах всех систем (Наркомсовхозов, НКЗема, НКПищепрома, орсов и т. д.) должно быть скота (в тыс. голов):

Крупного рогатого	3 784,9
Свиней	2 974,7
Овец и коз	7 188,8
Лошадей	1 019,6

Основной и решающей формой социалистического животноводства должны стать колхозные товарные фермы.

Начало организации колхозно-товарных ферм относится к 1931 г. Ферма означает более высокую ступень обобществления колхозного скота, лучшую форму ведения животноводческого хозяйства в колхозах. На ферме обобществленное стадо колхоза выделяется в особую производственную единицу. Ферма принимает на себя и определенные договорные обязательства по поставке продуктов, но зато при обязательных поставках государству колхозы, имеющие фермы, пользуются льготами—сдают по пониженным нормам с головы скота.

По сравнению с начальным периодом их организации колхозно-товарные фермы разных видов скота представляли к VII съезду советов уже внушительную величину. Они становятся по праву центром развития колхозного животноводства.

Вот цифры (из доклада наркомзема т. Чернова на VII Всесоюзном съезде советов), говорящие о быстром росте ферм:

Фермы	1931 г.		1/VII 1934 г.	
	количество ферм	голов скота	количество ферм	голов скота
Крупного рогатого скота	8 925	1 516 000	67 982	6 534 000
Свиноводческие .	6 494	395 700	42 697	2 996 000
Овцеводческие (в 1932 г.)	1 961	1 600 000	21 978	9 184 000
Коневодческие (в 1932 г.)	1 479	106 000	4 726	276 500

И в развитии колхозно-товарных ферм сильнейший сдвиг был вызван июньским (1934 г.) пленумом ЦК. Только за полгода, с середины 1934 г. до начала 1935 г., увеличилось количество ферм крупного рогатого скота на 34%, поголовье в них—на 10%; количество свиноводческих ферм увеличилось на 30%, поголовье в них—на 23%. Новые фермы по размерам на первых порах конечно менее крупны, чем старые. Этим объясняется, что за полгода рост поголовья отстает от роста количества ферм. Однако эти успехи еще далеки от выполнения директивы июньского (1934 г.) пленума ЦК, который постановил, что «...создание фермы в каждом колхозе должно стать первоочередной задачей партийных и советских организаций».

Между тем к концу 1934 г. только 40% колхозов имели фермы крупного рогатого скота, 24%—свиноводческие, 16%—овцеводческие и 2%—коневодческие. В 1935 г. каждый колхоз

должен иметь животноводческую ферму. Государственный план развития животноводства предусматривает на 1935 г. организацию 70 тыс. новых ферм, причем поголовье скота в колхозных фермах должно увеличиться по крупному рогатому скоту на 2,5 млн., по свиньям—на 1,5 млн., по овцам—на 2,2 млн.

Колхозные товарные фермы ставят своей целью увеличение товарной продукции. В 1937 г. в колхозных товарных фермах будет коров 4,05 млн. голов (против 1,88 млн. в 1932 г.), свиней—8,2 млн. (в 1932 г.—2,4 млн.), овец и коз—22,6 млн. голов (против 5,4 млн. в 1932 г.). Обобществленный сектор животноводства дает в конце второй пятилетки $^2/_3$ всех мясо-молочных продуктов.

Социалистическое животноводство наряду с государственным планом количественного роста резко повысит качество своей работы. Все качественные показатели животноводческого хозяйства должны быть резко улучшены. Важнейшими из них являются живой или убойный вес скота и удой.

В 1937 г. удой в маслосовхозах удваивается (827 литров на корову в 1932 г., 1 670 литров в 1937 г.). Вес (живой) одной головы крупного скота в мясосовхозах увеличится на 36% (до 3 центнеров вместо 2,2 центнера в 1932 г.). Живой вес свиньи в свиносовхозах почти удваивается (65,1 *кг* в 1932 г., 128 *кг* в 1937 г.). Средний живой вес свиней, заготовленных обобществленным сектором, за 1925/26—1928/29 гг. колебался от 104 до 112 *кг*, а вес туши свиньи за те же годы был не больше 52—53 *кг*. Благодаря повышению качественных показателей удастся одновременно и значительно увеличить поголовье скота в 1937 г. (цифры роста приведены выше) и повысить товарную продукцию мяса и молочных продуктов. В 1937 г. выход товарного мяса на рынок будет на 178% больше, чем в 1932 г. (2 600 тыс. *т* против 935 тыс. *т*). Товарная продукция молока и молочных продуктов увеличится на 135,7% (с 4 088 тыс. *т* до 9 637 тыс. *т*). Одновременное увеличение стада скота и продукции его может быть достигнуто лишь резким улучшением качества скота. С этой целью будет расширена кормовая база, улучшены луга и пастбища, увеличен фонд зерна для корма скота. Он поглотит примерно треть урожая в 1937 г. Будет проведена метизация, скрещивание с породами, дающими больше мяса, молока. Убой скота будет производиться в более позднем возрасте, и следовательно увеличится выход мяса. Проводится борьба за снижение процента яловых коров, не дающих молока, за сокращение и прекращение падежа скота.

В этом отношении колхозы имели уже к VII съезду советов несомненные успехи. Процент яловых коров (не дающих приплода) сократился в колхозных фермах с 24 в 1932 г. до 7 в 1934 г. Падеж молодняка сократился за 1933—1934 гг.: телят—с 19,7 до 13,8%, поросят с 24,9 до 14,4%. Но необходимо добиться полного прекращения падежа. Сохранение молодняка—важнейшее условие быстрого восстановления и расширения стада.

Средняя норма удоя, намеченная планом второй пятилетки для 1937 г. (1 670 литров), должна быть выполнена и перевыполнена. Уже сейчас в наших совхозах есть десятки тысяч коров, дающих годовые удои свыше 2 тыс. литров, тысячи коров с удоями больше 3 тыс. литров, не говоря уже об отдельных коровах-рекордистках. Так, в совхозе «Караваево» Ивановской области (см. доклад т. Калмановича на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников) есть коровы, дающие от 6 до 9 тыс. *кг* молока в год.

В развитии животноводства во второй половине пятилетки огромную роль играет государственный план развития животноводства на 1935 г., утвержденный 27 апреля Центральным комитетом партии и Совнаркомом СССР.

Сама по себе возможность перехода к планированию роста стада представляет факт исторической важности. Он свидетельствует о подъеме планирования на новую ступень. Государственный план теперь охватывает не только промышленность, транспорт, торговлю, но и сельское хозяйство: посевы полевых культур, выращивание молодняка, рост поголовья стада. Такой широкий охват государственным планированием всех отраслей народного хозяйства стал возможным лишь в результате полной победы социалистических форм хозяйства как в городе, так и в деревне.

Государственный план животноводства на 1935 г. охватывает следующие стороны. На первом месте стоит выращивание молодняка. Это—основное, без чего стадо не может нормально расти. До сих пор дело это встречало ряд затруднений. Прежде всего к нему не было достаточного внимания. ЦК партии и Совнарком СССР устанавливают, что из приплода 1935 г. к 1 января 1936 г. должно быть выращено: телят—11,28 млн. голов, поросят и подсвинков—16,96 млн., ягнят и козлят—16,2 млн., жеребят—2,05 млн. Это означает, что по сравнению с 1934 г. выращено будет больше жеребят—на 90%, телят—на 33,5, поросят—на 39%.

Устанавливается поголовье скота к 1 января 1936 г. в совхозах всех систем и в колхозных товарных фермах. Цифры эти уже приводились, когда речь шла о совхозах и КТФ.

Утверждается план продажи колхозникам из совхозов и колхозных товарных ферм телок (470 тыс.), поросят (2700 тыс.), ягнят (700 тыс.) для обзаведения их скотом для личного пользования. Планом установлена также посевная площадь кормовых культур на 1935 г. в совхозах, колхозах и единоличных хозяйствах. Посевы всех кормовых культур—9,6 млн. *га*, естественные сенокосы—54,8 млн. *га*, план силосования—17,4 млн. *т*.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР в постановлении о государственном плане животноводства обязали наркоматы и местные партийные и советские органы подготовить в 1935 г. и необходимые кадры. Для колхозных ферм: заведующих фермами и бригадиров-животноводов 165 тыс., колхозных ветеринарных фельдшеров (санитаров)—65,7 тыс. Для совхозов: бригадиров-животноводов—17 тыс., ветеринарных фельдшеров—7 тыс. Планы по выращиванию молодняка и посевам кормов подлежат обязательному выполнению как совхозами, колхозами, так и единоличниками.

Большую роль должно сыграть в подъеме животноводства увеличение стада, находящегося в единоличном пользовании колхозников. В плане выращивания молодняка, утвержденном ЦК ВКП(б) и СНК СССР на 1935 г., колхозники и единоличники занимают значительное место. Ягнят и козлят колхозники и единоличники должны были вырастить 9,5 млн. голов (при общем задании в 16,2 млн.), телят—6,9 млн. (все задание—11,3 млн.). Значительнее всего роль колхозников и единоличников в свиноводстве: они должны вырастить 10,7 млн. голов из общего задания в 16,9 млн. голов; меньше всего в коневодстве, где при всем задании в 2 млн. голов на них падает 353 тыс. Как видно из этих цифр, в ближайшие годы второй пятилетки основную роль в выращивании молодняка будут играть колхозники, пользующиеся на льготных условиях помощью совхозов и колхозно-товарных ферм. Число единоличников все время сокращается в связи с усиливающимся приливом в колхозы.

На II Всесоюзном съезде колхозников-ударников, происходившем в феврале 1935 г., под непосредственным руководством т. Сталина принят новый Примерный устав сельскохозяйственной артели, утвержденный Совнаркомом СССР и Центральным комитетом ВКП(б). Этот сталинский устав отражает успехи колхозного строительства за последние годы, достижения обобществленного хозяйства колхозов. Он уделяет большое внимание животноводству, вменяет в обязанность правления и всех членов артели «организовывать животноводческие фермы, а там,

где имеется возможность, также коневодческие фермы, увеличивать поголовье и улучшать породу и продуктивность скота на фермах...». По новому уставу, к крупным животноводческим фермам могут быть прикрепляемы специально выделенные участки земли, используемые под посевы кормовых культур для скота ферм. В то же время новый Примерный устав артели требует от правлений колхозов «...оказывать своим членам, честно работающим в артельном производстве, помощь в обзаведении коровой и мелким скотом...». Роль совхозов и колхозно-товарных ферм в развитии животноводства—решающая. В них—совхозах и колхозных фермах—сосредоточена крупными стадами масса скота, в них ведется крупное, рациональное животноводческое хозяйство, с каждым годом улучшающееся. Вместе с тем во второй пятилетке должно расти, при все увеличивающейся помощи со стороны совхозов и колхозов, индивидуальное животноводство колхозников. В прежнем уставе разрешалось каждому колхознику иметь в своем индивидуальном хозяйстве кроме мелкого скота и птицы одну корову. Новый устав подходит к этому вопросу с учетом местных хозяйственных условий, типов хозяйства и исторически сложившихся особенностей. Есть районы, где основой сельского хозяйства является производство зерна или технических культур. В этих районах (зерновых, хлопковых, свекловичных, льняных, конопляных, картофеле-овощных, чайных, табачных) животноводство не играет большой роли и одна корова удовлетворяет домашние нужды колхозной семьи. Но и здесь разрешается теперь кроме коровы иметь 2 головы молодняка рогатого скота. Надо заботиться о воспроизводстве и расширении стада коров. Это—первая группа районов. В остальных четырех группах по мере роста значения животноводства увеличивается число коров, которое колхозный двор может иметь в своем индивидуальном хозяйстве. В земледельческих районах с развитым животноводством (молочные районы Северного края, Западной Сибири, некоторые районы Белоруссии, Черниговской и Киевской областей и некоторые другие) колхозный двор может иметь в личном пользовании 2—3 коровы и молодняк.

В районах, где решающую роль играет животноводство, а земледелие—второстепенную, колхозный двор может держать от 4 до 5 коров и молодняк и одну лошадь, или кумысную кобылицу, или 2 верблюдов, или 2 мулов. Это—скотоводческие районы Казахстана, Туркмении, Таджикистана, Кара-Калпакии, Киргизии, Ойротии, Хакасии, Калмыцкой области, гор-

ные районы национальных областей Северного Кавказа, Азербайджана, Армении и Грузии. Наконец в районах кочевого животноводства, где земледелие не имеет никакого значения, а животноводству предоставляются широчайшие возможности, колхозный двор может держать 8—10 коров, до 10 лошадей, от 5 до 8 верблюдов. В этих районах Казахстана, Бурято-Монголии, Ногайском районе животноводство носит кочевой характер. Такая же диференциация (разграничение) между районами проведена и в отношении мелкого скота. В первой группе районов колхозник может иметь в индивидуальном пользовании две свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз, во второй—2—3 свиноматки и 20—25 овец и коз, в третьей группе—также 2—3 свиноматки и 30—40 овец и коз, в четвертой—100—150 овец и коз. Во всех районах повсеместно колхознику предоставляется возможность иметь неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев пчел. Развитие индивидуального животноводства колхозников пойдет теперь быстрыми шагами попутно и на основе развития обобществленного стада колхозов. Без поддержки колхозов индивидуальный скот колхозников не будет быстро расти. Новый устав требует этой помощи. Правления колхозов должны «...оказывать помощь членам артели, добросовестно работающим в общественном производстве, обеспечивая им, где это возможно, пользование колхозными пастбищами, а также по возможности выдавая корма в счет трудодней для скота, находящегося в их личном пользовании». Основой роста индивидуального скота колхозников является кормовая база колхозов. Это верно и для тех кочевых скотоводческих районов, где колхозный двор может держать до десятка коров, до десятка лошадей и 100—150 овец и коз. В этих районах скот содержится на подножном корму на необозримых степных пространствах, равнинных и горных пастбищах, т. е. на земле, принадлежащей государству и отданной в бессрочное пользование колхозам. От колхоза зависят регулирование и распределение пользования этой землей. Обеспечение всех колхозников домашним скотом—важнейшая задача, которая в ряде областей СССР была разрешена уже в 1935 г. После постановлений ЦК и СНК СССР осенью 1933 г. до конца 1934 г. бескоровные колхозники получили путем контрактации у колхозов и покупки на фермах 1,5 млн. телят и свыше 2 млн. поросят. Количество бескоровных среди колхозников составляло в июне 1934 г. 40%, к концу года 32%. В 1935 г. ряд областей ликвидировал бескоровность. В единоличном пользовании колхозников в 1937 г. будет

больше, чем в 1932 г., крупного рогатого скота на 70,8%, свиней—на 236, овец и коз—на 45%. Это наряду с ростом доходов от колхозного производства обеспечивает зажиточную жизнь колхозников.

***

Самое трудное теперь уже позади. Колхозы победили, кулак разгромлен. Уже сейчас, когда колхозы только начинают широко развертывать свою работу по организационно-хозяйственному укреплению, они сыграли историческую роль в улучшении положения крестьянства. Они освободили 20 млн. бедняков, вступивших в колхозы, от кулацкой зависимости, кабалы и подняли их до уровня середняков, обеспеченных землей, применяющих усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины; 20 млн. крестьянского населения вырваны из нищеты и неминуемого разорения. Таков первый шаг, сделанный колхозным строем за первую пятилетку.

Во второй пятилетке колхозное крестьянство под руководством партии и советской власти делает второй шаг в сторону решительного и массового подъема материального благосостояния и культурного уровня. «В чем состоит этот второй шаг? Он состоит в том, чтобы поднять колхозников,—и бывших бедняков, и бывших середняков,—еще выше. Он состоит в том, чтобы *сделать всех колхозников зажиточными*»[1]. У нас есть все для того, чтобы развернуть колхозное строительство. Все дело в нас самих. Обращаясь к колхозникам-ударникам на съезде 19 февраля 1933 г., т. Сталин сказал: «От вас требуется только одно—трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания вашего рабоче-крестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников»[2]. На основе крупного механизированного совхозного и колхозного земледелия, на основе охвата МТС всех колхозов будет разрешена эта задача. Во второй пятилетке производительные силы сельского хозяйства (совхозного и колхозного) так быстро развиваются, что обеспечат зажиточную жизнь колхозникам. Между зажиточными колхозниками и зажиточными единоличниками—коренная раз-

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 532, изд. 10-е.
[2] Там же, стр. 530.

ница. Зажиточный единоличник обычно старался поскорее пробраться в кулаки, эксплоататоры. Зажиточный колхозник—работник коллектива, строитель социалистического хозяйства.

Превращение колхозников в зажиточных не имеет ничего общего с правооппортунистическим лозунгом «обогащайтесь», выдвинутым Бухариным в 1925 г. Тогда крестьянство было сплошь единоличным, и этот лозунг означал рост кулаков. Теперь речь идет о превращении всех колхозников в зажиточных. Для эксплоатации нет места, так как средства производства обобществлены, а капиталистические элементы ликвидируются окончательно. Колхозники становятся зажиточными, только сделав колхозы большевистскими и добившись благодаря этому высокой ступени организационно-хозяйственного укрепления их. «...Лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» означает призыв—*добить* последние остатки капитализма путем усиления экономической мощи колхозов и превращения всех колхозников в зажиточных тружеников...» [1].

Сделать всех колхозников зажиточными—это значит поднять на такую высоту хозяйство колхозов, производительность их труда, урожайность их полей, удойность коров, чтобы доходность колхозов была больше, чем доходность прежних кулацких и зажиточных хозяйств. Когда колхозы делаются высокодоходными (рентабельными), колхозники становятся зажиточными.

Многие передовые колхозы уже сейчас добились громадного улучшения своего материального положения.

Главная основа зажиточной жизни—обобществленное хозяйство колхозников. Партия принимает все меры к тому, чтобы росло и индивидуальное домашнее хозяйство колхозников. Она добивается, чтобы у каждого колхозника была своя корова, птица, свинья и т. д. Уже одно это повысит значительно уровень жизни колхозников в ближайшие годы. Но основное не это. Крестьянская корова, содержащаяся часто в примитивном хлеве, никогда не дает таких высоких удоев, как обобществленный скот молочных колхозных ферм, размещаемый в светлых, обширных скотных дворах со всеми современными приспособлениями, уходом, дозировкой кормов и т. д. И как бы любовно ни следил отдельный колхозник за своей домашней птицей, он никогда не угонится в смы-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 586, изд. 10-е.

сле доходности за инкубатором, выводящим тысячи цыплят с гораздо меньшими затратами труда. Домашнее хозяйство колхозников сейчас и в ближайшие годы является крупным подспорьем, но возможности его не выходят за пределы старого, мелкого, отсталого крестьянского хозяйства. Обобществленное же крупное производство колхозов сулит такие перспективы, которые полностью обеспечивают колхозникам во второй пятилетке уровень зажиточной жизни.

Неправилен и вреден «левацкий» взгляд, что индивидуальная корова колхозника никак несовместима с социалистическим хозяйством колхоза. Многие индустриальные рабочие, коренные пролетарии, в провинциальных промышленных центрах имеют также свой огород, корову, птицу, и это не делает их ни в какой мере мелкими собственниками. Индивидуальное хозяйство в том и другом случае имеет чисто потребительский характер. Постановление ЦК и СНК СССР об обеспечении колхозников коровами для индивидуального пользования является частью широкого плана превращения всех колхозников в зажиточных. Домашнее хозяйство колхозников будет одним из условий осуществления этого лозунга, хотя и не главным. Теперь, когда колхозник является не мелким собственником, ведущим единоличное хозяйство, а членом коллектива, артели, укрепляющейся на основе большевистского руководства, рост его домашнего хозяйства можно рассматривать только как положительный момент. Поэтому второй пятилетний план намечает передачу в единоличное пользование колхозников 2 млн. молодняка крупного рогатого скота, 1,2 млн. ягнят и 12,7 млн. поросят из колхозных товарных ферм и 4,5 млн. поросят из совхозов. В то же время колхозники, осуществляя эти мероприятия партии и правительства, сами несомненно добьются больших успехов в выращивании молодняка. В результате количество скота колхозников, находящееся в их единоличном пользовании, очень сильно вырастет—на 66—72%, а количество свиней увеличится почти в 5 раз. К весне 1937 г. по плану второй пятилетки у колхозников будет 44,9 млн. голов крупного рогатого скота (на 1/VII 1934 г. у колхозников и единоличников было 26,5 млн. голов), 53,5 млн. овец и коз (28 млн. на 1/VII 1934 г.) и 27,1 млн. свиней (8,1 млн. на 1/VII 1934 г.).

В числе крупного рогатого скота у колхозников прибавится 3,5 млн. коров.

Рост скота, находящегося в личном пользовании колхозников, не уменьшит заинтересованности в развитии обоб-

ществленного хозяйства, а, наоборот, повысит ее. Больше скота—надо больше хлеба, надо улучшать зерновое хозяйство, надо больше корнеплодов. Вообще необходима широкая кормовая база, которую обеспечить может только колхоз в целом. Приусадебной земли, по новому уставу, в распоряжении колхозника от $^1/_4$ до $^1/_2$ *га*, только в отдельных районах до 1 *га*. Такой участок приусадебной земли должен быть использован только для огородных культур, плодового сада, пчеловодства и даже одну корову он не может полностью обеспечить кормом. Во-вторых, новый устав артели, встретивший всеобщее одобрение лучших колхозников, прямо оговаривает, что правления колхозов должны оказывать помощь в обзаведении коровой, мелким скотом и в пользовании пастбищами, предоставлении кормов своим членам, добросовестно работающим в артельном производстве, в общественном производстве. Новый устав артели обеспечивает рост индивидуального скота колхозников, еще больше усиливает их заинтересованность в подъеме и развитии всего артельного производства.

Что касается птицы, имеющей немаловажное значение и в домашнем хозяйстве колхозника и во всем балансе потребления мяса в стране, то, как указано было уже ранее, колхозный двор может иметь ее в неограниченном количестве. Задачей 1935 г. было, чтобы каждый колхозник имел в центральной и северной полосах Союза не менее 8—10 несушек (птиц, несущих яйца), а в южных районах—не менее 10—15.

§ 3. План повышения урожайности

Партия и правительство всегда придавали серьезное значение поднятию урожайности в сельском хозяйстве. В ряде постановлений отмечалось значение проблемы урожайности, давались конкретные ежегодные задания и указывались практические пути их выполнения. Первая пятилетка имела план повышения урожайности, утвержденный сессией ЦИК в декабре 1928 г. Но в сельском хозяйстве до самого конца первой пятилетки, как указал т. Сталин на XVII съезде, господствовала линия на всемерное расширение посевных площадей. Другая линия—на отказ от огульного расширения посевных площадей и на переход в первую очередь к поднятию урожайности—была провозглашена в 1932 г. Первая пятилетка была периодом реорганизации сельского хозяйства, социально-экономической и технической. В этот реорганизационный период

внимание широких колхозных масс было устремлено на организацию колхозов, на коллективное освоение новых земель, на ликвидацию кулачества на базе сплошной коллективизации.

Поворот внимания к вопросам урожайности связан с постановлением ЦК и СНК СССР о подъеме урожайности (сентябрь 1932 г.). В этом постановлении ЦК и Совнарком потребовали, чтобы вся текущая агро-производственная работа была подчинена задаче борьбы за урожайность. «...От *роста хозяйства вширь*, путем увеличения посевных площадей, необходимо *повернуть* к борьбе за лучшую обработку земли, к борьбе за *повышение урожайности*, как главной и центральной задаче в области сельского хозяйства на данной стадии развития» [из постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по повышению урожайности»]. Решающая роль борьбы за урожайность в сельском хозяйстве вытекает из общей установки, что во второй пятилетке «...главный упор должен быть сделан не на количественный рост продукции, а на улучшение качества продукции и рост производительности труда...» [резолюция январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 г.]. Эта общая установка второго пятилетнего плана требует, чтобы в сельском хозяйстве главный упор был сделан «...не на расширение посевных площадей, а на рост урожайности в земледелии и улучшение качества работы...» [резолюция январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 г.]. Исходя из этого, мы в 1933 г. пошли даже на некоторое сокращение посевных площадей (с 134,4 млн. *га* до 129,7 млн. *га*). Второй пятилетний план намечает для 1937 г. только очень небольшое увеличение посевных площадей—до 140 млн. *га*. Несмотря на это, урожай зерновых значительно возрастет — до 1 048 млн. центнеров в 1937 г. Чтобы уяснить значение этой цифры, напомним, что среднегодовой урожай до войны был 720 млн. центнеров, а максимальный довоенный урожай, имевший место в царской России, был 800 млн. центнеров. В восстановительный период, когда господствовало мелкое крестьянское хозяйство, годовые урожаи в среднем стояли на довоенном уровне. Рост продукции зерновых до 1 048 млн. центнеров (около 6,5 млрд. пудов) произойдет за счет повышения урожайности. Средняя урожайность по всем зерновым культурам была за 1909—1913 гг. 7,4 центнера с 1 *га*, за период 1922—1932 гг.—8,5 центнера. В 1937 г. она должна подняться до 10 центнеров с 1 *га*. Точно так же вторая пятилетка ставит задачу значительного повышения урожайности по сравнению с первой пятилеткой и по

сахарной свекле—с 120 центнеров за 1928—1932 гг. до 200 центнеров с 1 *га*, по хлопку—с 7,5 центнера до 12 центнеров, по льну—с 2,26 центнера (за 1928—1932 гг.) до 3,7 центнера. Несмотря на некоторое сокращение посевов (11%), мы в 1937 г. получим 276 млн. центнеров сахарной свеклы против 65,6 млн. в 1932 г. (в $4^1/_4$ раза больше благодаря повышению урожайности).

Не подлежит сомнению, что наметки урожайности второй пятилетки будут перекрыты благодаря мощному движению соревнования за подъем производительности труда. Демченко и другие пятисотницы подобно стахановцам опрокидывают старые нормы урожайности и дают свыше 500 центнеров свеклы с гектара вместо 130 в среднем. 200 центнеров свеклы с *га* уже не предел. «...Придется дать норму по урожайности на гектар по Украине на 1936 год в 200—250 центнеров» (*Сталин*, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев).

То же самое происходит в области зерновых культур. Передовые колхозные бригадиры и агрономы дали в 1935 г. очень высокие урожаи не на опытных делянках, а на больших колхозных массивах. На совещании передовиков урожайности в декабре 1935 г. ударники полей делились своими успехами: т. Яковенко (Кабардино-Балкария) собрал урожай пшеницы 219 пуд. с *га*—на участке в 400 *га*; т. Сынбулатов (Башкирия)—150 пуд. яровой пшеницы с *га*; агроном Сельков (Омская обл.)—210 пуд. овса и 153 пуда ячменя с *га*; колхоз «Победа» (Московская обл.)—160 пуд. пшеницы с *га*. В социалистической стране создано новое отношение к земле. Колхозник—хозяин своего урожая. Он работает не на помещика, а на себя. Вот в чем залог успешной борьбы за высокие урожаи.

Повышение урожайности во второй пятилетке будет достигнуто осуществлением следующих основных мероприятий: введения правильных севооборотов, улучшенной обработки земли, зяблевой вспашки, посева чистосортными семенами и широкого использования удобрений.

При правильном севообороте посевы культур чередуются таким образом, чтобы не истощать почву, а, наоборот, дать возможность каждой посеянной культуре питаться за счет своего предшественника.

В 1935 г. на правильный севооборот перешли не более 40% колхозов. Здесь еще имеются большие резервы роста урожайности.

Эффект от правильного севооборота, правильного чередования культур виден из данных опытных станций. На Полтавской опытной станции посевы пшеницы (за период в 16 лет)

давали 71 пуд с 1 *га*, посев пшеницы после бобовых повысил урожай до 92 пудов (на 30%). На Мироновской опытной станции свекла по свекле давала около 1 000 пудов с 1 *га*, свекла после озимой пшеницы дала 1 500 пудов, и сахаристость ее повысилась с 16,3 до 17,4%. XVII съезд постановил повсеместно ввести правильные севообороты. Улучшенное использование паров (свободного от посева поля) и зяблевая вспашка могут повысить урожай с гектара на 3 центнера. К концу второй пятилетки зяблевой вспашкой будет охвачено 50% посевной площади. Посев чистосортными семенами по подсчетам дает прирост урожайности на 1,6 центнера с 1 *га*. По решению XVII съезда, такими семенами будет засеяно 75% посевной площади зерновых. Наконец применение минеральных удобрений может значительно повысить сбор с гектара—до 3 центнеров. XVII съезд в своей резолюции о втором пятилетнем плане постановил повысить обеспечение азотистыми удобрениями по хлопку с 6 до 80% площади посева, по свекле обеспечить азотистыми удобрениями 40% (вместо 6%) и фосфором—всю посевную площадь. Производство всех видов удобрений во вторую пятилетку повысится в 10 раз. Однако в повышении урожайности и во второй пятилетке главная роль не будет принадлежать еще удобрениям, хотя применение удобрения, как навозного, так и минерального, охватит в 1937 г. 12,5% посевной площади вместо 4,5% в 1932 г. Навозное удобрение не следует также недооценивать. По данным значительного числа опытных станций, каждая тонна навоза (при норме 18 *т* на 1 *га*) дает прирост сбора зерна с гектара от 18—22 *кг* на Украине до 35 *кг* в северных черноземных районах. В 1933 г. вывезено на поля 81 млн. *т* навоза, в 1935 г.—135 млн. *т*. Однако использование навоза поставлено еще плохо. Навоз применялся только в нечерноземной полосе, хотя опыт некоторых колхозов показал, что навоз повышает урожайность и черноземных земель. Особое внимание должно быть уделено росту урожайности в нечерноземной полосе с ее благоприятными условиями в смысле тепла и влаги. Для этой полосы поставлена задача в ближайшие 3—4 года повысить средний урожай зерновых до 100 пуд. с *га*.

Кроме перечисленных выше способов подъема урожайности и валовых сборов зерна, сводящихся к широкому внедрению агротехнических мероприятий и применению удобрений, второй пятилетний план включает ряд капитальных работ, коренным образом реконструирующих сельскохозяйственную базу важнейших районов. XVII съезд постановил «...широко развер-

нуть ирригационные работы, расширив орошаемые площади на 1 млн. *га*», главным образом в хлопковых районах. Работы по мелиорации подготовят к освоению 5 млн. *га* целины в потребляющей полосе. Подъем целинных земель, создание новых посевных площадей являются дополнительным резервом повышения урожайности. XVII съезд наметил во второй пятилетке начать работы по широкой ирригации Заволжья. Между г. Куйбышевом и г. Камышиным лежит огромный засушливый район. Урожайность пшеницы в этом районе в среднем 4—6 центнеров с 1 *га*, в то время как на орошаемых посевах сбор пшеницы с 1 *га* достигает 20 центнеров. В этом районе юго-востока неустойчивость урожаев сильнее, чем где бы то ни было, с колебаниями в 40—60%. Мощное развитие индустрии в Саратовском, Сталинградском и Куйбышевском краях, отдаленность от границ в случае международных осложнений придают особую важность превращению засушливых районов Заволжья в обильную базу пшеничной продукции. Вот почему т. Сталин подчеркнул в своем докладе на XVII съезде важность этой задачи. «Мы не можем,—сказал он,—обойтись без серьезной и совершенно стабильной, свободной от случайностей погоды—базы хлебного производства на Волге, дающей ежегодно миллионов 200 пудов товарного зерна»[1]. Постройка Камышинской гидроэлектростанции мощностью 1,5 млн. *квт* может обеспечить орошение приблизительно около 4 млн. *га* земли. Приступлено к составлению проекта гидроэлектростанции.

§ 4. Механизация и капитальное строительство

Для осуществления задания второй пятилетки по продукции сельского хозяйства необходимо широкое проведение механизации основных работ.

План механизации сельского хозяйства во второй пятилетке выражается в следующих цифрах. Всего за вторую пятилетку поступит в сельское хозяйство тракторов мощностью в 8,68 млн. *л. с.* вместо 2,4 млн. *л. с.* за первую пятилетку. Если учесть износ тракторов, выбытие за непригодностью после определенного количества отработанных часов, то тракторный парк в 1937 г. увеличится до 8 200 тыс. *л. с.*, т. е. будет в 3,7 раза больше, чем в 1932 г. Главная масса тракторов (6,6 млн. *л. с.*) попадает в МТС, число которых возрастет с 2 446 в 1932 г. до 6 000, а 2,08 млн. *л. с.*—в совхозы.

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 569, изд. 10-е.

Важнейшей задачей является освоение машинной техники в сельском хозяйстве, более полное использование машин. Совхозы в этом отношении шли впереди МТС. В 1934 г. нагрузка на один комбайн была в МТС 125 *га*, в совхозах—140 *га*.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР о работе комбайнов (19 апреля 1935 г.) устанавливается на 1935 г. более высокая сезонная норма обработки: для 15-футового комбайна—160 *га*, для 20-футового—180 *га*. Это постановление отменяет существовавшую до того ненормальную оплату работы комбайнеров, поощрявшую лодырей. Оно отменяет оплату простоя и ремонта во время уборки. Платится только за фактически убранное количество гектаров. Если комбайнер убрал в день больше нормы (7 и 8 *га*), он получает сверх нормальных 2 р. 50 к. еще надбавку, премию в 1 р. 50 к., а если он за весь сезон убрал свыше сезонной нормы 160 *га* (или 180), то при хорошем качестве получает премию натурой в 10 пудов зерна. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об оплате машинистов и других работников на молотьбе также устанавливает премии-надбавки натурой (250 *г* зерна) и деньгами (50 коп.) за каждую обмолоченную тонну зерна сверх дневной нормы в 10 *т* (на молотилках МК—1 100, на других—другие нормы). Оба постановления создают условия для наибольшего использования комбайнов и молотилок и ускорения сроков уборки и обмолота. Комбайнов во вторую пятилетку сельское хозяйство получит 86,6 тыс., почти в 6 раз больше, чем за первую (15,5 тыс.). Автомобилей промышленность даст сельскому хозяйству за вторую пятилетку 170 тыс., в то время как за первую пятилетку их поступило 14,4 тыс. Еще в 1928 г., накануне первой пятилетки, под яровые культуры 9,8% земли вспахано было сохой, 90%—конным плугом и только 1,0%—трактором. В 1937 г. 80% пашни будет вспахано тракторным плугом. В том же, 1928, году 45% зерновых было убрано серпом и косой, вручную, и 40% хлеба намолочено цепами и вообще ручным способом. В 1937 г. ручной способ исчезнет при уборке зерновых и молотьбе. Молотьба механизируется на 85%, уборка зерновых на 60% (из них 30% комбайнами).

Тов. Яковлев на совещании передовиков урожайности показал, как комбайн облегчает труд крестьянина: «Чтобы убрать и смолотить гектар хлеба теми орудиями, которые были у бедняка и середняка до революции,—косой, серпом и цепом, требовалась каторжная работа трех человек в течение 6—8 дней. Чтобы убрать тот же гектар хлеба лобогрейкой и обмолотить молотилкой, требуется работа 3 человек в течение примерно

2—3 дней. Комбайном этот же гектар хлеба трое работников (комбайнер, его помощник и тракторист) косят, обмолачивают и очищают только *за один час*. Таких комбайнов советская страна произведет только в одном 1936 году, согласно предложению тов. Сталина, 60 000 штук» [1].

Партия и правительство придают огромное значение внедрению уборки комбайнами. Она значительно сокращает потери зерна, обычно составляющие при уборке лобогрейками 20—25% урожая. Комбайн сохраняет из урожая от потерь не менее 10 пудов с гектара. При посевной площади в 100 млн. *га* это составит целый миллиард пудов зерна. Таким образом в разрешении поставленной т. Сталиным задачи — дать стране 7—8 миллиардов пудов хлеба—роль комбайнеров очень велика. На совещании передовых комбайнеров т. Сталин выразил пожелание, «...чтобы число наших комбайнеров и комбайнерок росло не по дням, а по часам...».

В 1935 г. значительно улучшилось использование комбайнов. Каждым комбайном в среднем по СССР было убрано 257,7 *га* зерновых и подсолнуха против 124,7 *га* в 1934 г. и 70,8 *га* в 1933 г. Передовики-комбайнеры убирали по 700 и более *га* на комбайн, перевыполнив установленную норму в 160 *га* в 3—4 раза. Улучшилось также использование и других сельскохозяйственных машин—тракторов, молотилок и т. д. Стахановское движение и здесь открывает колоссальные неиспользованные резервы.

Не следует однако думать, что механизация сельскохозяйственного производства означает полное вытеснение рабочего скота (лошадей, волов и др.). Механизированный инвентарь, разумеется, заменяет огромное количество живого инвентаря—рабочего скота. Социалистические поля СССР будет бороздить тракторный плуг. Слова поэта—«Ну, тащися, сивка, пашней-десятиной»—станут анахронизмом (историческим пережитком). Но лошадь также найдет себе еще довольно широкое применение в сельском хозяйстве. Прежде всего она будет незаменима в известной степени для транспорта—при отсутствии еще достаточно густой сети шоссейных, грунтовых и железных дорог. Да и там, где есть хорошие дороги, сельское хозяйство, колхозы не будут еще достаточно снабжены в ближайшие годы грузовыми автомобилями, несмотря на огромное увеличение производства последних. Чтобы насытить грузовыми машинами всю нашу страну, которая еще недавно совсем не знала

[1] «Правда» от 4/I 1936 г.

их, понадобится не один год. Кроме того рабочий скот будет широко использован на более легких сельскохозяйственных работах. Боронование в основном на 80%, а сев почти на половину будут выполняться рабочим скотом. Ввиду этого планом второй пятилетки намечено производство конного инвентаря на 350—400 млн. руб.

Лошадь еще играет большую роль в сельском хозяйстве, особенно в районах нечерноземных, без больших земельных просторов. Пренебрегать лошадью, так же как и коровой, было бы преступно. Выступая на втором слете колхозников-ударников Горьковского края, т. Калинин в образной форме выразил необходимость сочетания коня с трактором: «В нашей области трактор должен двигаться вместе с коровами, со свиньями, с лошадьми... теперь трактор должен итти на помощь лошади, а когда тракторов будет много, тогда лошадь будет итти на помощь трактору. Вот как надо координировать, и поэтому я вас решительно предупреждаю: растите, берегите лошадь. А когда придут тракторы, я не думаю, что у вас будут лишними лошади; ну, а если и будут, и тогда кататься будете на лошадях»[1]. Колхозы имеют гораздо большие возможности для развития коневодства, нежели прежние единоличные бедняцко-середняцкие хозяйства. Имея в виду чрезвычайно большое значение лошади в сельском хозяйстве, т. Калинин на белорусском слете колхозных конюхов-ударников подчеркнул необходимость особой бдительности при подборе конюхов в колхозах: «Совершенно понятно, что уход за конем в колхозе нельзя поручать первому встречному, его можно доверить только верным людям, таким людям, которые преданы колхозному делу и которые поставили бы его на большую высоту»[2].

Осуществление такой грандиозной исторической задачи, как механизация сельскохозяйственного производства, завершение социалистической реконструкции всего сельского хозяйства, повышение всех качественных показателей, потребует больших капитальных затрат. За вторую пятилетку капитальные вложения в обобществленное сельское хозяйство достигнут суммы почти в 21 млрд. руб. Из них подавляющая часть поступит из общегосударственных средств (15 с лишним млрд. руб.), остальные 5 млрд. руб.—из накоплений самих колхозов. За первую пятилетку вложено было в сельское хозяйство в два

---

[1] *М. И. Калинин*, Статьи и речи от VI до VII съезда советов СССР, стр. 163.

[2] Там же, стр. 174.

раза меньше—10,8 млрд. руб. Главнейшей статьей расходов будут капиталовложения в энергетику (источники двигательной силы). Два миллиарда руб. будет затрачено на тракторы, 1,25 млрд.—на автотранспорт, 2,1 млрд.—на с.-х. машины и инвентарь. Свыше одного миллиарда уйдет на капитальный ремонт. Следующая крупнейшая статья капиталовложений—постройки (животноводческие, ветеринарные, хозяйственные): больше 3,5 млрд. руб. Большое место займут мелиоративные и ирригационные работы—1 790 млн. руб. Огромная сумма будет затрачена на жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство—1 940 млн. руб. Больше миллиарда (1 260 млн. руб.) обойдется комплектование стада. Одна треть всех капитальных вложений будет затрачена на приобретение и реконструкцию машин и орудий.

Благодаря широкой программе капитального строительства основные фонды обобществленного сельского хозяйства возрастут с 11,4 млрд. руб. (по ценам 1926/27 г.) в 1932 г. до 22,6 млрд. руб. в 1937 г. В 1932 г. на 1 *га* посева стоимость инвентаря составляла 32 руб., в конце второй пятилетки она составит 54 руб. О размерах работ, которые МТС будут выполнять в колхозах, можно судить по тому, что в 1937 г. натуральная оплата этих работ колхозами достигнет больше 12 млн. *т* зерна (в 1933 г.—2,2 млн. *т*).

Это означает завершение в основном механизации сельского хозяйства. Колхозное крестьянство освободится от тяжелого, изнурительного физического труда. Вековая отсталость деревни побеждается, из раба природы крестьянин превращается в работника социалистического сельского хозяйства, ставящего себе на службу силы природы и командующего ими при помощи сложной системы машин. «Во втором пятилетии СССР осуществляет крупный шаг вперед в деле изживания вековой противоположности человеческого общества—противоположности между городом и деревней—и создает все необходимые предпосылки для устранения этой противоположности» (из резолюции XVII съезда о второй пятилетке).

Вековая противоположность между городом и деревней не может быть целиком уничтожена уже во второй пятилетке, историческое значение последней в том, что она создает для этого все необходимые предпосылки. Решающим является то, что во второй пятилетке «по своей общественной форме сельское хозяйство становится однотипным с промышленностью, сельскохозяйственный труд превращается в разновидность труда индустриального...» (из резолюции XVII съезда).

Разрешение этой задачи второй пятилетки обеспечивается нашей тяжелой индустрией, быстро развивающейся благодаря твердому осуществлению, вопреки троцкистским капитулянтам и минималистам и правым оппортунистам, генеральной линии партии на индустриализацию страны. За 4 года между VI и VII съездами советов тяжелая промышленность дала сельскому хозяйству на сумму свыше 4 млрд. руб. средств производства, наиболее совершенных в техническом отношении. В числе их 240 тыс. колесных тракторов, 8 377 гусеничных, 43 535 грузовых автомобилей, 8 690 легковых, 30 102 мотора для комбайнов, 1 141 тыс. тракторных плугов, 455 тыс. конных плугов, 5 840 тыс. *т* керосина, 687 тыс. *т* бензина и т. д.

Веками непроходимая пропасть отделяла деревню от города. Правящие классы эксплоататоров старались эту пропасть углублять. Забитый, одичавший крестьянин был подходящим объектом для эксплоатации. Темнота, невежество, религия помогали держать его духовно в узде. Деревня всегда была областью мелкого производства, ручного труда. Капиталистическому городу она поставляла чернорабочих, неквалифицированную рабочую силу. Впервые в истории в СССР в деревне на тех же основах (общественной собственности), что и в городе, крестьянин ведет крупное производство. Все больше и больше он выполняет основные сельскохозяйственные работы при помощи машин, требующих высокой квалификации. Крестьянин с косой, пахарь за плугом и лошадкой уступает место трактористу, комбайнеру и т. д. В деревне появились миллионы людей с городскими индустриальными профессиями. Работы по строительству железных и шоссейных дорог, улучшению речных путей, грунтовых дорог, развитие авиационных сообщений, радиосвязи, телеграфа, телефонизация сельских районов— все это уничтожает постепенно оторванность деревни от города, усиливает их связи. По темпу увеличения продукции сельское хозяйство за вторую пятилетку приближается к промышленности, в то время как раньше оно отставало. Наконец одной из важнейших предпосылок устранения противоположности между городом и деревней является сближение уровня материального благосостояния и культуры трудящихся города и деревни. Вторая пятилетка ставит задачей осуществление всеобщего обязательного политехнического обучения в объеме семилетки, в первую очередь в деревне, поскольку в городе эта задача уже разрешена. Быт колхозника, его материальные потребности и культурные запросы равняются по городскому рабочему. Главнейшие условия для достижения этого даются

осуществлением плана второй пятилетки—уничтожением классов, механизацией сельского хозяйства. И все же следует помнить, что еще значительный период потребуется и после второй пятилетки, чтобы устранить вековую противоположность города и деревни. Для этого нужен расцвет развернутого социалистического общества, очень высокий уровень производительных сил, культуры.

Совхозы во второй пятилетке также должны расширить производство как по зерновым, так и по техническим культурам и животноводству. Совхозы остаются передовыми постами социалистического земледелия и в качестве таковых должны во второй пятилетке еще более усилить свою роль. Использование всех достижений современной агрономической науки и зоотехники, применение наиболее современной машинной техники в первую очередь должны быть показаны на опыте совхозов. Совхозы остаются и еще более должны развиваться как школы крупного, научно поставленного социалистического земледелия для колхозного крестьянства. XVII съезд партии постановил «превратить зерновые, животноводческие, свекловичные, хлопковые и другие совхозы в образцовые сельскохозяйственные предприятия на основе упорной работы по освоению техники крупного машинного хозяйства, полного введения правильных севооборотов и организации семенного дела, улучшения породности скота, повышения качества продукции и увеличения сдачи государству хлеба, свеклы, хлопка, мяса, молока, масла, кожи и шерсти» (из резолюции XVII съезда о втором пятилетнем плане). Совхозы справятся с этими задачами.

Во второй пятилетке в совхозное строительство будет вложено около 5 млрд. руб., основные фонды совхозов увеличатся более чем в 2 раза. За 2-е пятилетие совхозы увеличат тракторный парк на 2 080 тыс. *л. с.*, получат 1 420 комбайнов и 50 тыс. автомобилей. По технической вооруженности они будут превосходить МТС. В МТС на 1 тыс. *га* будет 53 *л. с.* механической (тракторной) тяги, в совхозах обеспеченность тракторной тягой будет в $2^1/_3$ раза выше—131 *л. с.* Результаты работы совхозов пока недостаточны сравнительно со средствами, вложенными государством в строительство совхозов. Они должны стать все рентабельными. Для этого надо наиболее громоздкие совхозы разукрупнить — это облегчит возможность конкретного, оперативного руководства хозяйством. Надо ликвидировать чрезмерно узкую специализацию. Если совхоз молочно-мясной, это не значит, что он не должен совсем иметь свиней, и наоборот. Это только ускорит рост всех видов

скота. Надо все силы направить на рост урожайности, качества обработки, на улучшение породы скота, создание кормовой базы.

Совхозы должны стать образцовыми рассадниками племенного скота, дающего высокие удои, большой выход мяса и много шерсти.

* * *

В деле укрепления большевистского руководства колхозами большую роль сыграли политотделы в МТС и совхозах, организованные по постановлению январского (1933 г.) пленума ЦК и ЦКК. Политотделы исправили ошибки в работе деревенских партийных организаций, вытекавшие из недостатка революционной бдительности и неумения разглядеть классового врага и разоблачать его маневры. Кулаки, «бывшие люди» проникали в колхозы и устраивались там в качестве счетоводов, завхозов, кладовщиков, бригадиров, пастухов, а иногда даже и в правлении колхозов и, пользуясь своим положением, вели борьбу против советской власти, против колхозов, организуя саботаж хлебозаготовок, хозяйственное вредительство в колхозах и совхозах (порчу скота), подрыв труддисциплины в них, организуя в той или иной форме расхищение колхозной и совхозной социалистической собственности.

Первейшей задачей политотделов поэтому являлось—сколотить партийный и комсомольский актив внутри МТС и обслуживаемых МТС колхозов, а также в совхозах. Политотделы повели решительную борьбу с теми, кто организует расхищение общественной собственности и саботирует мероприятия партии и правительства в области сельского хозяйства, обеспечив применение к врагам установленных административных и карательных мер. Политотделы помогли колхозам становиться большевистскими, помогли созданию в колхозах партийно-комсомольского большевистского ядра и беспартийного актива, которые серьезно взялись за изгнание из колхозов антисоветских, антиобщественных и антиколхозных элементов. Вместе с тем этот колхозный партийно-комсомольский и беспартийный колхозный и совхозный актив борется за организацию труда, за правильную организацию хозяйства, за повышение урожайности, улучшение скота, за хорошую организацию сева, уборку и обмолот, за выполнение обязательств перед государством.

Развернув массовую политико-разъяснительную и организационную работу, политотделы быстро подвинули вперед разрешение задачи социалистического перевоспитания колхозников.

Постановлением ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК политотделы в МТС, в значительной мере выполнившие свою задачу, переведены на положение территориально-производственных партийных организаций, как это и предусмотрено было уставом партии, принятым на XVII съезде. Задачи, поставленные партией в свое время перед политотделами, являются задачами повседневной работы всех партийных организаций в деревне.

Политотделы в совхозах сохранены и продолжают свою работу на основе положения, принятого январским (1933 г.) пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б).

§ 5. Организация производства и распределения в колхозах

Сельскохозяйственная артель во второй пятилетке продолжает оставаться основной формой колхозного строительства.

Артель—это добровольное объединение трудящихся крестьян для того, чтобы, как сказано в новом Примерном уставе с.-х. артели,—«...общими средствами производства и общим организованным трудом построить коллективное, т. е. общественное, хозяйство, обеспечить полную победу над кулаком, над всеми эксплоататорами и врагами трудящихся, обеспечить полную победу над нуждой и темнотой, над отсталостью мелкого единоличного хозяйства, создать высокую производительность труда и обеспечить таким образом лучшую жизнь колхозников».

Новый устав подчеркивает неприкосновенность земельных участков, переданных государством в бессрочное пользование колхозов. Каждый колхоз получает государственный акт, точно устанавливающий размеры и границы территории колхоза. В вечное пользование колхозов передано 400 млн. *га* земли. При выходе из артели колхозника выделение ему земли из колхозной территории воспрещается. Колхозы выполняют планы сева, подъема паров, обработки, уборки, молотьбы, зяблевой пахоты, а также государственный план развития животноводства. Крестьяне-единоличники, продавшие своих лошадей в течение последних двух лет перед вступлением в колхоз, принимаются с обязательством в рассрочку внести стоимость лошади и семян (натурой), если они не имели последних. В члены артели не принимаются кулаки и лица, лишенные избирательных прав. Исключения могут быть допущены для детей лишенцев, бывших кулаков и членов их семейств при условии добросовестной работы, общественно полезного труда в течение определенного срока. Новый устав точно определяет условия, при которых член артели может быть исключен. Для этого требуется

решение общего собрания, на котором присутствует не меньше $^2/_3$ членов артели. Новый устав обеспечивает большую устойчивость колхозных руководящих кадров. Бригадиры и заведующие животноводческими фермами назначаются правлением сроком на два года. По новому уставу в неделимые фонды отчисляется от 10% и не свыше 20% денежных доходов артели, остальная сумма распределяется по трудодням. Основной стержень нового устава артели—строжайшая охрана колхозной, общественной собственности, всемерное улучшение качества работы, поднятие урожайности, развитие животноводства, забота о непрерывном подъеме материального и культурного уровня колхозников.

По новому артельному уставу в личное пользование колхозного двора предоставляется, как правило (кроме земли под жилыми постройками), не более $^1/_4$—$^1/_2$ *га* приусадебной земли, а в отдельных районах—до 1 *га*. До сих пор в этом отношении существовал вредный разнобой. В одних областях и районах колхозники почти совсем не имели приусадебной земли, или очень мало, и этим наносился вред их индивидуальному домашнему хозяйству. В других местностях наблюдалась другая крайность: колхозники имели усадьбы до 2 *га*. Для некоторых колхозников из зажиточных и пролезших кулаков колхоз при таком размере приусадебной земли только служил ширмой для ведения своего частного хозяйства. Тот размер, который принят уставом, устраняет обе крайности.

Еще в постановлении от 2 августа 1931 г. Центральный комитет ВКП(б) предложил парторганизациям тех краев и областей, где в основном закончена коллективизация, «в центре своей работы поставить организационно-хозяйственное укрепление колхозов в их нынешней артельной стадии развития: организация труда, постановка дела учета, проведение сдельщины, борьба за качество работы, организация высокотоварных колхозных ферм, создание кадров». В 1931 г. в зерновых районах была осуществлена в основном сплошная коллективизация. Создана была форма, которую надо заполнять большевистским содержанием. Несмотря на укрепление обобществленного хозяйства, на рост социалистического накопления (неделимых фондов) колхозы еще не были вполне рентабельны, т. е. не приносили того дохода, который могут и должны дать крупные хозяйства. Оппортунисты на этом основании предлагали отказаться от строительства колхозов, от поддержки их развития. На этом сходились и правые уклонисты и троцкисты. Правые говорили, что развитие колхозов оставит страну без хлеба.

Троцкисты требовали роспуска совхозов и большей части колхозов как нерентабельных.

Тов. Сталин в докладе на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (1933 г.) показал нелепость и необоснованность этих предложений. Он привел в пример нашу промышленность. Несколько лет тому назад значительная часть текстильных предприятий была нерентабельна, а в настоящее время многие наши новые крупнейшие предприятия, на которых техника производства еще недостаточно освоена, не являются еще прибыльными, доходными. Тем не менее не может быть и речи об их закрытии. Они в короткий срок станут столь же рентабельными, как и большинство наших старых промышленных предприятий. «На рентабельность нельзя смотреть торгашески, с точки зрения данной минуты. Рентабельность надо брать с точки зрения общенародного хозяйства в разрезе нескольких лет. Только такая точка зрения может быть названа действительно ленинской, действительно марксистской»[1]. Мы шли и идем на жертвы для строительства и укрепления колхозов, зная, что они будут рентабельными, хотя многие из них еще слабы. Самый характер их хозяйства, во-первых, как крупного, во-вторых, как социалистического, обеспечивает им доходность, недостижимую для мелких единоличных крестьянских хозяйств и крупных капиталистических. Советская власть, выполняя указание Ленина, что «каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса», оказывала и оказывает всякие льготы колхозам (при обязательной поставке сельскохозяйственных продуктов и т. д.). За 4 года, между XVI и XVII съездами партии, колхозам отпущено ссуд зерном 262 млн. пуд. и денежных кредитов на 1600 млн. руб.; 435 млн. руб. задолженности решением партии и правительства вовсе списаны с колхозов.

Временная, недостаточная рентабельность колхозов оправдывалась великой целью, достигнутой путем строительства колхозов,—победой социалистических форм хозяйства в деревне. Вспомним слова Энгельса: «Материальные жертвы, которые придется принести в этом смысле в интересах крестьян из общественных средств, с точки зрения капиталистической экономики могут показаться выброшенными деньгами, а между тем, это—прекрасное употребление капитала, потому что они сберегут, может быть, в десять раз большие суммы при расходах на общественное преобразование в его целом. В этом смысле

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 498, изд. 10-е.

мы можем, следовательно, быть очень щедрыми по отношению к крестьянам»[1].

Если мы говорим, что наши колхозы еще не вполне рентабельны, это вовсе не значит, что они нерентабельны в сравнении с мелким хозяйством. В этом отношении превосходство колхозов бесспорно. Еще в 1926—1927 гг., когда колхозы еще не опирались на МТС, на тракторную технику, себестоимость зерновых хлебов в колхозах была ниже, чем в единоличных хозяйствах. Так, себестоимость центнера озимой пшеницы в артелях была 4 р. 80 к., в бедняцко-середняцких хозяйствах— от 7 р. 30 к. до 7 р. 80 к. 1935 год и в этом отношении знаменателен тем, что многие совхозы и 300 МТС отказались от дотации и дают даже чистую прибыль. Союзный совнарком разрешил НКЗему и НКСовхозов оставлять в распоряжении директоров МТС и совхозов 25% снятой дотации на культурно-бытовые нужды. Партией и правительством проводится целая система мероприятий, которые создают необходимые условия для организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Прежде всего сюда относится правильная организация труда в колхозах, основы которой намечены в постановлении ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1932 г. «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов».

Важнейшее звено в организации труда в колхозах—бригада. Раньше распространена была разбивка колхозов на бригады-«дворки», т. е. по дворам. Это была чисто механическая, формальная разбивка по районам, участкам, кварталам, улицам, причем не всегда могли быть приняты во внимание ни специальность, ни подбор людей, ни соответствующий социальный состав, расстановка партийно-комсомольской прослойки. Постановление ЦК предложило организовать постоянные производственные бригады. Такие бригады постоянного состава проводят весь круг работ и отвечают за результаты работы. Этим уничтожается обезличка. Вместе с тем приобретает огромное значение подбор бригадиров, проверенных людей, преданных колхозному хозяйству и имеющих необходимый хозяйственный опыт. Труд бригадира оплачивается в зависимости от конечных результатов работы бригады, т. е. от урожая. Соцсоревнование и ударничество охватывают передовую часть колхозников. По новому артельному уставу,

---

[1] *Энгельс*, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, стр. 67, изд. 1922 г.

принятому II Всесоюзным съездом колхозников-ударников, полеводческие бригады выделяются на срок не менее полного севооборота, на такой же срок прикрепляются к бригаде участки в полях севооборота, а также весь необходимый инвентарь, рабочий скот и хозяйственные постройки. Животноводческие бригады выделяются на срок не менее 3 лет. Бригадиры назначаются правлением на 2 года. За каждой бригадой закрепляются скот, необходимые постройки, инвентарь и тягловая сила. Новый устав уничтожил обезличку в обслуживании скота и обработке земли. Каждая бригада выступает как настоящий хозяин своего участка. Бригады часто весьма многочисленны, работают на большой площади и имеют дело с инвентарем, в десятки раз превосходящим мерку прежнего единоличника. Для удобства руководства бригады в свою очередь разделяются на звенья, состоящие из нескольких работников (5—8 чел.) во главе с звеньевым.

С организацией труда в колхозах непосредственно связан и порядок распределения доходов. Колхоз существенно отличается от государственных предприятий (последовательно-социалистического типа). На фабрике, заводе, в совхозе работник получает зарплату, т. е. твердо установленную денежную сумму, которая соответствует определенной доле производимого им продукта, вся же остальная часть продукции, независимо от ее размера, идет в распоряжение государства, а не в непосредственное распределение между работниками данного предприятия. Наши промышленные предприятия в городе и совхозы в деревне принадлежат не рабочим того или другого предприятия, а всему рабочему классу СССР в лице нашего пролетарского государства. Иное дело в колхозах. Колхозы со всем их имуществом (кроме земли), всеми доходами составляют общественную собственность данного коллектива, данной более или менее значительной группы колхозников. Колхозники являются непосредственными (а не через посредство государства или какого-либо другого центрального органа) хозяевами своего коллективного производства и распоряжаются непосредственно всеми его доходами. Следовательно распределение по принципу «зарплаты», получение твердой денежной суммы или твердого пайка, здесь не имеет смысла и вредно, так как задерживало бы рост производительности труда. Если колхозник знает, что он получает известную долю всего дохода (а не твердую денежную сумму или твердый паек натурой), то он стремится к всемерному увеличению размера доходов своего колхоза. Этим он укрепляет и колхоз

и повышает свой личный уровень благосостояния. Поэтому наиболее целесообразная форма вознаграждения труда колхозников—это распределение доходов колхоза между его членами.

Однако этим дело не кончается, так как в основу распределения могут быть положены различные принципы. Раньше, например еще в 1928 г., были колхозы, которые вообще не имели установленных форм распределения. Среди тозов таких было больше половины, среди коммун—только $^1/_5$. Они распределяли доходы по рабочей силе, по земле, находившейся в пользовании членов при вступлении, по семьям, по скоту, по едокам. Не меньше половины колхозов применяли более или менее широко порядок распределения по едокам. Ни один из этих принципов не годится, не служит повышению производительности труда. Делить доход по земле, по скоту—это значит укреплять внутри колхозов зажиточные элементы. По едокам—значит развивать и поддерживать иждивенческие настроения, не поощрять лучших работников. Даже распределение по работникам совершенно неудовлетворительно, так как не учитывается объем и качество работы, выполненной тем или другим работником.

Основным недостатком всех этих систем распределения была уравниловка. Не было поощрения лучше и больше работающих. Особенно это относится к «едоцкому» принципу распределения. В 1932 г. окончательно был установлен обязательный порядок распределения доходов по трудодням, не просто по работникам, а по количеству и качеству произведенной ими работы. Трудодень—это не рабочий день, а это определенная норма работы, служащая основой для измерения. Все сельскохозяйственные работы оцениваются в трудоднях. Скажем, вспашка 1 *га* земли оценивается в трудодень. Если колхозник вспашет за день $1^1/_2$ *га* земли такого же качества, эта работа засчитывается ему в $1^1/_2$ трудодня. Наоборот, если он вспахал 1 *га* с огрехами, пропусками, бригадир может при оценке его работы сделать скидку до 20% и засчитать эту работу в 0,8 трудодня. Распределение по трудодням со скидкой и накидкой за качество работы поощряет колхозников, повышает производительность труда, создает условия для развертывания ударничества и соцсоревнования.

Все работы в колхозах расценены были на трудодни. В этих расценках было много недостатков благодаря плохому руководству, неумению руководителей колхозов, а часто и вредительству. В начале 1933 г. Наркомзем, на основе опыта кол-

хозов, разработал расценку всех работ в колхозах с разбивкой на семь групп, в зависимости от их трудности и необходимой квалификации. Для каждой из этих семи групп устанавливается норма, при выполнении которой работник, отнесенный к первой группе, получает $^1/_2$ трудодня, к высшей, седьмой,— 2 трудодня. К первой группе относятся сторожа, уборщики, рассыльные и др. К высшим группам относятся трактористы, комбайнеры, машинисты, пахари и др.

Правильно проводимое распределение доходов колхоза по количеству и качеству труда колхозников—таков социалистический принцип распределения, единственно приемлемый для коллективных хозяйств в земледелии. Он обеспечивает повышение доходности отдельных колхозников и всего колхоза в целом, непрерывное развитие производительных сил социалистического земледелия. Распределение же по едокам означало уравниловку, мешающую максимальному развертыванию инициативы и работоспособности колхозников. Какова в этом отношении разница между распределением по труду и по едокам, можно было судить по данным обследования колхозов, произведенного в конце 1930 и начале 1931 г. По обследованным зерновым колхозам валовая продукция сельского хозяйства на 1 душу населения составляла в колхозах с едоцкой системой распределения 120,7 руб., в колхозах с системой распределения по труду— 156,8 руб. Однако при проведении сдельщины в колхозах следует остерегаться усложненных систем сдельщины, непонятных для колхозников. Колхозники свою долю дохода получают натурой, продуктами и деньгами. «Сельскохозяйственные работы в артели осуществляются на основах сдельщины» (из Примерного устава с.-х. артели). На каждую работу устанавливаются нормы выработки, и она оценивается в трудоднях в зависимости от требующейся квалификации, сложности, трудности работы и важности ее для колхоза. Нормы выработки и распределение доходов утверждаются общим собранием колхозников. Если бригада получает урожай или удой выше среднего по всему колхозу, правление начисляет всей бригаде до 10% всех выработанных ее членами трудодней, выдающимся ударникам—до 15%, а бригадиру—до 20%. Наоборот, при показателях ниже средних колхозных по урожаю и удою правление производит вычет до 10% из выработанных членами бригады трудодней.

Мероприятия по развертыванию торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличников также содействуют в сильнейшей степени организационно-хозяйственному укре-

плению колхозов. Чем шире развертывается колхозная торговля, тем сильнее интерес у колхозников к развитию хозяйства колхоза, к увеличению товарной продукции. Крепя хозяйство колхозов, колхозная торговля в то же время еще более упрочивает торговую смычку деревни с городом. Разумеется, стремление отдельных колхозников при случае вздуть цену на свои продукты не имеет ничего общего с подлинной колхозной торговлей. Значение колхозной торговли не в том, чтобы вздувать цены на продукты, наживаясь за счет рабочего потребителя, а в том, чтобы, производя больше продуктов и по низкой цене, дать этим самым рабочим также возможность производить товаров больше, дешевле и лучшего качества. Между организационно-хозяйственной крепостью колхозов и колхозной торговлей существует неразрывная связь. Чем крепче колхоз, чем лучше поставлено хозяйство, тем больше размеры товарной продукции, т. е. излишков, которые он может продать госорганам, кооперации, на колхозном рынке. И, наоборот, чем шире развертывается торговля колхозов, тем более благоприятны условия для расширения и развития их хозяйства. Начало колхозной торговли относится к 1932 г. Чем выше форма колхоза, чем крепче обобществленное хозяйство, тем выше товарность, т. е. тем больше товарных излишков в хозяйстве. Так, по данным 1929 г., в колхозах Кубани товарность всего полеводства была в тозах 42,7%, в артелях 56,2%. Тозы потребляли в своем хозяйстве 67,6% пшеницы и только 32,4% могли продать, артели же 59,1% продавали, а 40,9% потребляли. Это не значит, что артели потребляли меньше, чем тозы. Артели имели бо́льшую продукцию пшеницы, вследствие чего они могли гораздо бо́льшую часть урожая реализовать путем продажи. Уровень товарности находится также в непосредственной связи с порядком распределения доходов. В тех колхозах, где доход распределяется по едокам, там и товарной продукции меньше и процент товарности ниже. Где распределяют по труду, там оба показателя выше. Так, по данным 1930/31 г., в зерновых колхозах, не обслуживаемых МТС, там, где применялась система распределения по едокам, приходилось на 1 душу населения 27 руб. товарной продукции, где распределяли по количеству и качеству труда—54,7 руб., т. е. вдвое больше.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности имеет огромное значение для укрепления кол-

хозов. Общественная собственность—основа колхозного строя. У менее сознательной части колхозников нет еще подлинно социалистического, бережного отношения к имуществу колхозов. А главное, классовый враг и непосредственно и своим воздействием на единоличников и малосознательную часть колхозников стремится разрушать, расхищать колхозное имущество. Постановление ЦИК и СНК СССР дает сильнейшее оружие колхозам в борьбе с классовым врагом, стремящимся к разложению общественной собственности. ЦИК и СНК постановили: «приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т. п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения». За хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества полагаются суровые наказания, не ниже лишения свободы сроком на 10 лет и вплоть до высшей меры социальной защиты.

Важнейшую роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов играют постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) об обязательной поставке государству зерна, картофеля, подсолнуха и пр. Суть этих постановлений в том, что каждый колхоз имеет определенное обязательство в отношении государства по сдаче (продаже) зерна и других с.-х. продуктов. Выполнение этих обязательств перед государством является первейшей обязанностью колхозов. Только такие колхозы можно считать действительно крепкими, большевистскими, которые выполняют свой социалистический долг перед государством. Остальной частью урожая колхоз может распоряжаться по своему усмотрению. Это побуждает колхозы стремиться к повышению урожаев, к увеличению всей своей продукции, так как чем больше продукция, тем больше у него остается в хозяйстве хлеба и других продуктов. Раньше же, при контрактационном порядке заготовки хлеба, случалось и так, что лучший, добросовестный колхоз сдавал больше хлеба государству, чем плохой колхоз, и ему самому оставалось столько же или даже меньше, чем плохому колхозу. Таким образом хороший колхоз не вознаграждался за свою работу. Каждый колхоз должен в обязательном порядке сдать государству определенное количество зерна с гектара, в зависимости от района. Меньше всего нормы сдачи в потребляющей полосе: Белоруссия, Ивановская, Ленинградская, Северный край—норма 0,8 центнера с 1 *га;* Башкирия, Татария, Средняя Волга—2,3 центнера; Западная Сибирь, Северный Кавказ—2,5 центнера. Самая высокая ставка

для колхозов Крыма—3,3 центнера. Это—ставка для колхозов, не обслуживаемых МТС. Колхозы же, обслуживаемые МТС, сдают меньшую норму: на 0,2—0,6 центнера меньше с 1 *га*. Этим государство поощряет хозяйственную связь колхозов с МТС, усиливает влияние и роль МТС на хозяйство колхозов. Кроме того здесь учитывается и то, что колхозы, обслуживаемые МТС, сдают государству через МТС определенную часть своего урожая за выполнение ими сельскохозяйственных работ в колхозах, получая от этого, разумеется, значительную выгоду. Воспрещается допускать встречные планы колхозов по сдаче с.-х. продуктов и вообще превышать погектарные нормы, установленные постановлением ЦИК и СНК. Колхозная торговля хлебом разрешается только после выполнения плана хлебозаготовок и полной засыпки семенных фондов. Все излишки хлеба после выполнения обязательства сдачи государству зерна остаются в полном распоряжении самих колхозов, колхозников и единоличников. Таковы главнейшие мероприятия по организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

Осуществление всех этих мероприятий требует постоянной бдительности в отношении остатков враждебных классовых элементов, применяющих новые, замаскированные формы борьбы с колхозами, срыва их работы изнутри.

* * *

Все указанные мероприятия для полного своего осуществления требуют и соответствующего правильного построения всего земельного аппарата в центре и на местах, проводящего политику партии в деревне. На XVII съезде партии вскрыты были подробно недостатки земельного аппарата в докладе т. Кагановича. Основным недостатком Наркомзема и Наркомсовхозов в центре было функциональное построение аппарата. В Наркомземе было 29 управлений и 202 сектора. Каждый сектор ведал только одной функцией, одним вопросом и в масштабе всего Союза. Вместо того чтобы с одним отделом и возможно даже с одним работником разрешить все возникшие вопросы, местам приходилось иметь дело с десятками секторов, действия и распоряжения которых не всегда были согласованы, а иногда и противоречивы. Реформа аппарата Наркомзема заключалась в том, что по новой структуре он имеет в своем составе главные управления, непосредственно ведающие организацией производства в колхозах и МТС. Управления эти, специализированные по культурам и отраслям (зерно, хлопок,

лен, коневодство и др.), соединяют у себя все функции, ранее распыленные по множеству секторов. Главные управления разбиты на территориальные участки, каждый из которых ведает делами того или другого района. При такой структуре уничтожается функционалка — распыление ответственности и функций. Руководство сельским хозяйством того или другого района по определенной культуре целиком, во всех отношениях, по всем вопросам, сосредоточивается в одном управлении, в соответствующем территориальном секторе. Точно так же и в колхозах уничтожена функционалка. «Надо, чтобы бригадир был на определенном производственном участке и отвечал полностью за все: *за пахоту и за сев*, и за уборку, и за инвентарь, и за лошадь,—словом, отвечал бы за все. Надо превратить бригаду в действительно основную производственную единицу колхоза»[1]. XVII съезд партии потребовал решительного изгнания канцелярских бюрократических методов из работы земельных органов, осуществления конкретного руководства, знания положения на местах, знания колхозов.

В 1935 г. проведена была также перестройка аппарата Наркомсовхозов. Упразднены были совхозтресты, организованы в составе наркомата главные управления по производственному признаку, которые непосредственно руководят совхозами определенных районов.

Особенно сказались успехи колхозного движения весной 1935 г. «Результаты весенних сельскохозяйственных работ 1935 г. с особой яркостью подтверждают успехи колхозного строя. Сокращенные сроки и лучшее, по сравнению со всеми прошлыми годами, качество сева в колхозах и совхозах создали все возможности получить хороший урожай» (из резолюции июньского 1935 г. пленума ЦК об уборке и заготовке с.-х. продуктов). В начале июня был уже выполнен весь план ярового сева—свыше 90 млн. *га* (без укосной площади посевов трав прошлых лет). 55% плана всех яровых культур было посеяно в 1935 г. к 1 мая, в 1934 году—только 39%. К уборочной кампании 1935 г. совхозы и колхозы, по решению июньского пленума, получили 21 тыс. комбайнов, 99 тыс. тракторов, 30 тыс. автомобилей, на 335 млн. других с.-х. машин. Хорошая подготовка сева еще не устраняет опасности сорняков. До начала уборки пленум потребовал в кратчайший срок закончить прополку всех зерновых до полного

---

[1] *Каганович*, Доклад на XVII съезде ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 543.

уничтожения сорняков, а также двукратную и, если появятся сорняки, то и многократную междурядную обработку посевов подсолнуха и кукурузы. Пленумом установлены обязательная вязка скошенного хлеба в снопы, собирание в копны и скирдование. Благодаря всем этим мерам в 1935 г. собран урожай зерновых в 5 500 млн. пудов. Об успешном выполнении планов сельскохозяйственных кампаний в 1935 г. говорят следующие факты: на 30/IX скошено 83,2 млн. *га*, т. е. почти все колосовые культуры (99%), обмолочено на 5/X 65,5 млн. *га*, т. е. 78%, и посеяно озимых 34,4 млн. *га*, т. е. 91% плана.

Во второй пятилетке в дело укрепления колхозного хозяйства вовлечены уже миллионы добросовестно работающих колхозников, сами колхозные массы. Впереди этой массы, еще вчера разобщенной межами, а сегодня идущей сомкнутым колхозным строем по пути социализма, вооруженной новейшей техникой, рвутся к новой жизни десятки и сотни тысяч колхозников-ударников, лучших людей деревни. Ударники социалистических полей дают образцы работы и бережного отношения к социалистической собственности. Мария Демченко собрала больше 500 центнеров свеклы с гектара и организовала движение пятисотниц. Этот сбор в четыре раза превышает средний по Союзу. Ударники трактористы и комбайнеры перевыполнили нормы пахоты и уборки в 2—3 раза. Особенно поразительно превращение забитой деревенской женщины бедячки, батрачки в активного руководителя колхоза. Только социализм может освободить женщину, особенно темную и забитую в деревне. И он совершил это чудесное превращение. Но это не пришло само собой. Только под руководством закаленной большевистской партии, созданной и воспитанной Лениным и Сталиным, под дальновидным и мудрым руководством вождя партии т. Сталина колхозный строй бесповоротно победил и продолжает свое победное шествие.

Глава VI

ТРАНСПОРТ ВО ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Для всестороннего и полного развития всего народного хозяйства необходима четко работающая, мощная транспортная сеть. Одного увеличения производства продуктов как в промышленности, так и в сельском хозяйстве еще недостаточно, если не обеспечено быстрое продвижение этих продуктов от мест производства к потребителю. «Может случиться, что товары есть, имеется полная возможность развернуть товарооборот, но транспорт не поспевает за развитием товарооборота и отказывается везти грузы»[1]. В нашей огромной стране, полной кипучей энергии, переживающей мощный подъем производительных сил социалистического хозяйства, развертываются в огромных масштабах производство и строительство. СССР состоит из десятков районов (областей, краев, республик), в каждом из которых может свободно поместиться несколько европейских государств; транспорт связывает их в одно государственное целое. Эти районы не являются и не должны стать самодовлеющими хозяйственными единицами, мало связанными друг с другом, оторванными и живущими только своими собственными ресурсами. Наоборот, всемерно развивая и используя свои внутренние естественные и всякие другие ресурсы, каждый район должен стать неотъемлемым составным звеном во всем народнохозяйственном целом. Отсюда вытекают важнейшие народнохозяйственные задачи транспорта. Социалистический транспорт связывает между собой самые отдаленные районы, устанавливает правильный обмен веществ между всеми отраслями народного хозяйства, между производством и потребителем, между городом и деревней. Без хорошо работающего, удовлетворяющего все потребности страны транспорта, немыслимо суще-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 577, изд. 10-е.

ствование такого громадного государства, как наше. На приеме работников железнодорожного транспорта 30 июля 1935 г. т. Сталин подчеркнул чрезвычайное значение ж.-д. транспорта для такой страны, как наша. «...Развитие народного хозяйства такого громадного государства,—указал он,—невозможно без налаженного железнодорожного транспорта, связывающего и цементирующего в одно хозяйственное целое очаги и центры промышленности с областями и районами сельского хозяйства, дающего им сырье и продовольствие». Осуществление такой важнейшей задачи второй пятилетки, как развертывание советской торговли, упирается в развитие транспорта. «...Поэтому задача развертывания товарооборота и решительного улучшения транспорта является той очередной и актуальнейшей задачей, без разрешения которой мы не можем двигаться вперед»[1].

Но роль транспорта не ограничивается тем, что он обеспечивает нормальный ход и развитие всего народного хозяйства. Он имеет серьезнейшее значение для обороны страны. Чтобы дать решительный и быстрый отпор в случае нападения, особенно при огромном протяжении наших границ и их отдаленности, нужен такой мощный, хорошо и четко работающий транспорт, который мог бы с максимальной быстротой перебрасывать массы бойцов и снаряжение.

Весь грузооборот страны обслуживается следующими видами транспорта: железнодорожным, речным, морским, автодорожным. Работа всех этих видов транспорта в СССР выразится в 1937 г. в цифре 430 млрд. тонно-километров. По отношению к 1932 г. (214,7 млрд. *т/км*) это составляет рост в два раза.

Работа транспорта измеряется в тонно-километрах. Она зависит не только от количества грузов, их общего веса, но и от среднего пробега этих грузов, дальности расстояния, на которое они перевозятся. Вес перевезенных грузов, помноженный на среднюю дальность их перевозки (средний пробег), т. е. тонно-километраж, определяет работу транспорта.

Основную роль среди всех видов транспорта играет железнодорожный транспорт. В 1937 г. он должен сделать 300 млрд. *т/км*, увеличив работу на 77,2% по сравнению с 1932 г. (169,3 млрд. *т/км*).

Таким образом больше 70% всей работы транспорта в конце второй пятилетки падает на железнодорожный транспорт. Однако за вторую пятилетку удельный вес отдельных видов транспорта изменяется. Хотя железные дороги сохраняют свою

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 578, изд. 10-е.

первенствующую роль и на долю остальных видов транспорта падает только 30% всей перевозочной работы, удельный вес железных дорог падает сравнительно с первой пятилеткой: в 1932 г. он составлял 78,9%, в 1937 г. он составит только 69,8%. Зато во всем грузообороте возрастает удельный вес речного транспорта—с 12,2 до 14,6%, еще больше морского—с 8,4 до 11,9% и особенно повышается роль автодорожного транспорта—с 0,5% в 1932 г. до 3,7% в 1937 г. Такое изменение роли отдельных видов транспорта произойдет потому, что рост работы речного, морского, автодорожного транспорта будет происходить более быстрыми темпами, чем железнодорожного. Грузооборот по речным путям возрастает на 141,4% (с 26,1 млрд. *т/км* до 63 млрд. *т/км*), морского транспорта на 180,2% (с 18,2 млрд. *т/км* до 51 млрд. *т/км*). Особенно быстро будут расти автоперевозки—с 1,1 млрд. *т/км* в 1932 г. до 16 млрд. *т/км* в 1937 г., т. е. в 15 раз. Уже в 1933 г. мы имели 117,8 тыс. автомобилей (против 8 тыс. в 1913 г.). Однако и этот огромный рост еще далеко не удовлетворяет колоссальных потребностей страны в автодорожном транспорте. «Этого так мало для нашего народного хозяйства, что стыдно даже говорить об этом»[1],— так сказал т. Сталин на XVII съезде. Мы должны посадить колхозников на автомобиль так, как посадили на трактор, и мы этого добьемся с помощью таких автомобильных заводов, как Московский им. Сталина, Горьковский им. Молотова, Ярославский и др.

Выполнение задания второго пятилетнего плана для железных дорог потребует громадного напряжения. Только советская хозяйственная система, планирующая все народное хозяйство, может обеспечить такую степень использования железных дорог, которая намечена второй пятилеткой. Чтобы выполнить задание второй пятилетки и произвести в 1937 г. работу в 300 млрд. *т/км*, железнодорожный транспорт должен повысить производительность труда на 43%. В связи с этим снизится и себестоимость железнодорожных перевозок на 10,5%, с 1,371 коп. за 1 *т/км* в 1932 г. до 1,227 коп. в 1937 г. Особенно сильно снизится себестоимость перевозок по речным путям — с 1,39 коп. за 1 *т/км* до 0,88 коп. (в 1937 г.). Водные перевозки, как видно из этих цифр, почти на 30% дешевле железнодорожных, и следовательно переброска части грузов на водные пути является вполне рентабельной.

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 578, изд. 10-е.

* * *

Железнодорожный транспорт обеспечивает выполнение заданий второй пятилетки путем коренной реконструкции своей технической базы и всемерной рационализации всей работы по эксплоатации (использованию) наличных перевозочных средств. Транспорт, достигнув довоенного уровня, стал отставать от промышленности. Его основные фонды росли гораздо медленнее, чем фонды других отраслей и народного хозяйства в целом. Техническая реконструкция транспорта, как и вообще народного хозяйства нашей страны, встречала сопротивление со стороны правых, которые доказывали, что и при старом техническом уровне наш транспорт вполне справится с удовлетворением растущих потребностей огромной индустриализирующейся страны. Партия отвергла эту вредную установку. На XVI съезде партии т. Сталин подчеркнул, что «...несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства все еще отстает от общего темпа развития»[1]. Не менее вредным являлось и является «левацкое» пренебрежение к рационализации, оппортунистическая недооценка тех возможностей, резервов наличного оборудования, подвижного состава, которые еще не использованы и таятся в недрах огромного транспортного механизма. Что на транспорте такие резервы есть, и весьма значительные, показала блестящая работа т. Кривоноса и других лучших машинистов, ускоривших пробег поездов и увеличивших их вес.

Рационализация работы транспорта, наиболее полное использование его наличных средств путем улучшения организации управления, борьбы за твердое единоначалие и железную трудовую дисциплину, против обезлички и функционалки являются первоочередной задачей транспорта, особенно железнодорожного. Наша промышленность полностью обеспечивает техническую реконструкцию транспорта.

Между тем вплоть до 1935 года работа ж.-д. транспорта хотя и показала некоторое улучшение в 1934 г., в общем отставала от роста и запросов всей страны. Но и в 1934 г. ж.-д. транспорт не выполнил плана. За последние три года (1932—1934) погрузка в общем стояла на одном уровне или незначительно поднималась, оставаясь ниже плана. Об этом говорят цифры среднесуточной погрузки. В среднем в сутки грузилось в 1932 г. 51 415 вагонов, в 1933 г.—51 224 вагона, в 1934 г.—55 717 вагонов.

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 407, изд. 10-е.

В результате невыполнения железными дорогами планов перевозки и в начале 1935 г. на заводах тяжелой индустрии скопилось 450 тыс. вагонов продукции, ожидающей погрузки. В 1934 г. железные дороги ежесуточно грузили больше 12 тыс. вагонов угля и кокса, 11 тыс. вагонов строительных материалов и т. д. Каждая тысяча непогруженных вагонов угля, цемента, металлов означает нарушение нормальной работы заводов металлургии, строительства и т. д. Железные дороги—эти кровеносные сосуды всего народного хозяйства—должны бесперебойно работать. Основной хозяйственный показатель работы ж.-д. транспорта, основной рычаг выполнения государственного плана перевозок—это скорость оборота вагона. Чем быстрее оборачивается товарный вагон от одной погрузки до другой, чем меньше времени уходит на это, тем больше вагонов может быть подано железными дорогами для погрузки. Это значит, что при том же количестве вагонов можно больше перевезти товаров. Все внимание должно было быть обращено на улучшение этого показателя. Между тем внимание и силы железнодорожников не только не были мобилизованы для борьбы за ускорение оборота вагона, но на транспорте получили распространение вредные и необоснованные антигосударственные теории, прикрывавшиеся лженаучной аргументацией, что якобы железные дороги работают с максимальным напряжением, до крайнего предела, что из наличного подвижного состава нельзя больше ничего выжать. Улучшение работы железнодорожного транспорта под руководством т. Кагановича началось с разгрома этих «предельщиков».

«Ряд руководителей дорог, эксплоатационных отделений и станций, в особенности наиболее отсталая часть работников служб эксплоатации, несмотря на имеющиеся в их распоряжении громадные резервы для ускорения оборота и сокращения простоев вагонов, тратили всю свою энергию на антигосударственные доказательства невозможности решительного и резкого подъема работы»[1]. За последние годы скорость движения товарных поездов нисколько не увеличилась. На железнодорожном транспорте есть два показателя скорости: техническая и коммерческая. Поезд передвигается в час на 20 *км* — это его техническая скорость, т. е. число километров, приходящееся на час действительного движения. Но поезд имеет стоянки, и чем более продолжительны эти стоянки, тем меньше километров

[1] Из приказа народного комиссара пути т. Л. М. Кагановича от 15 апреля 1935 г. «Об ускорении оборота вагонов», «Правда» от 16/IV 1935 г.

придется на каждый час пребывания в пути (включая стоянки). Пример: расстояние между конечными пунктами 600 *км*, поезд движется со скоростью 20 *км* в час. Если он 30 часов находится в движении, а 30 часов на остановках, то весь путь будет пройден в 60 часов, и коммерческая скорость будет 600:60=10 часов, т. е. в два раза меньше технической (20 *км*).

По всей сети железных дорог	1932 г.	1934 г.
Средняя техническая скорость в *км*	23,04	22,5
Средняя коммерческая скорость » »	14,20	14,2

В первом полугодии 1935 г. техническая скорость равнялась 22,7 *км*.

Из этих цифр видно, что за два первых года второй пятилетки коммерческая скорость движения товарных поездов осталась на одном уровне, а техническая даже снизилась. От одной погрузки до другой средний оборот товарного вагона составил в 1934 г. 211 час. Но из них действительно в движении вагон находился только 45 час. (21,6%). Четыре пятых времени оборота товарный вагон стоял, а одну пятую двигался. Чрезмерно много, подавляющая часть времени уходила (из этих 211 час.) на простой под погрузкой и выгрузкой—47 час., на простой на сортировочных и участковых станциях—91,5 часа, на промежуточных станциях—27 час. Почти половину всего оборота (43%) вагоны простаивают на сортировочных и участковых станциях. В 1935 г. железные дороги сократили время оборота товарного вагона на сутки. Но все же и в 1935 г. товарный вагон находился в движении только 4,68 часа в течение суток. Приказ Л. М. Кагановича от 15 апреля 1935 года об ускорении оборота вагонов указывает и перечисляет конкретно те мероприятия, которые должны быть с этой целью проведены. В этом приказе поставлена была задача уже к 1 июня сократить время простоя товарных вагонов на сортировочных и участковых станциях на 25%. Товарный вагон следовательно должен проводить на этих станциях не 91,5 часа, как это было в 1934 г., а 68,5 часа, на 23 часа меньше, что означает сокращение всего времени оборота вагона на 10,9% (с 211 до 188 часов).

У железнодорожного транспорта есть много резервов, которые можно использовать для ускорения оборота вагонов и увеличения погрузки. Это, во-первых, сокращение всевозможных простоев, сведение их к самому необходимому. Борьба с простоями развернулась не только на ж.-д. станциях, но и в промышленности, на заводах, где вагоны много простаивают под погрузкой или выгрузкой. Борьба с простоями вагонов—

дело таким образом не только одних железнодорожников. Во-вторых, уменьшение пробегов порожняком, без грузов. При наличии грузов, подолгу ожидающих отправки, недопустим такой высокий процент порожнего пробега, который имеется у нас. В 1934 г. из всего расстояния, которое пробегал товарный вагон между двумя погрузками (1 029 *км*), 729 *км* было с грузом и 300 порожняком. Порожний пробег в 1934 г.—29%, в 1933 г.—28%, в 1932 г.—27%. Следовательно в этом отношении дело не улучшалось, а ухудшалось. В-третьих, должно быть сильно сокращено время погрузки и выгрузки при лучшей организации работы и особенно механизации. Огромным злом, дальше, являются аварии и крушения. За 1934 г. было 62 тыс. аварий и крушений, в результате чего разбито и повреждено больше 64 тыс. вагонов. Помимо непосредственного ущерба аварии задерживают, в особенности из-за медленной ликвидации их, все движение. Новый народный комиссар путей сообщения т. Каганович принял ряд организационных мер по борьбе с авариями (приказ от 19 марта 1935 г.). Расхлябанность, недисциплинированность, формальное отношение, отсутствие простейшей предусмотрительности—основные причины аварий. Суть приказа народного комиссара путей сообщения о борьбе с крушениями и авариями заключается в том, чтобы «считать основным показателем улучшения работы дорог сокращение из месяца в месяц числа аварий и крушений».

Успехи борьбы с крушениями важны не только из-за их непосредственных результатов—сохранения вагонного состава и нормального движения, но и как показатель общего оздоровления ж.-д. транспорта. «*Реальных успехов в борьбе с крушениями мы достигнем лишь в результате борьбы*, в результате того, что на транспорте сложится известный костяк людей, которые по-сталински, по-революционному, по-настоящему поймут, что дело борьбы с крушениями, с авариями есть дело оздоровления транспорта, есть дело чести не только железнодорожников, но дело чести нашей страны»[1].

Наконец важнейшим резервом является увеличение технической скорости движения товарных поездов. Сторонники буржуазных, антигосударственных «теорий» в области эксплоатации железных дорог, отвергая возможность ускорения оборота вагонов, ссылались на то, что наши железные дороги уже сейчас работают более напряженно, чем американские. Густота товар-

---

[1] *Л. М. Каганович*, Речь на совещании работников ж.-д. транспорта, «Правда» от 24/IV 1935 г.

ного движения у нас уже сейчас действительно выше, чем в США. В 1932 г. на 1 километр ж.-д. сети приходилось тонно-километров грузового движения в СССР 2 075 тыс., в США—854 тыс. Но при оценке этих данных следует иметь в виду два обстоятельства. Первое, что использование перевозочных средств в плановом социалистическом хозяйстве СССР и должно быть выше, лучше, чем в самых передовых капиталистических странах с их анархией производства. Так что в этом отношении Америка нам не указ. Там железные дороги вынуждены итти на большие простои, чтобы отвоевать клиентов у соперничающих дорог. Только советская хозяйственная система, планирующая все народное хозяйство, может обеспечить высокую степень использования железных дорог. В 1937 г. железные дороги СССР выполнят работу в 300 млрд. *т/км* при длине железнодорожной сети, находящейся в эксплоатации, в 94 тыс. *км*. В 1937 г. густота товарного движения резко увеличивается сравнительно с 1932 г. (с 2 075 *т/км* до 3 200 *т/км*). Второе, что упускают сторонники буржуазных теорий и равнения на Америку,—это кризисное состояние капиталистического хозяйства. До кризиса густота движения была значительно выше, хотя и не достигала наших показателей 1932 г. Зато авторы буржуазных теорий, утверждающие, что мы достигли предела и давно перегнали Америку, забывают, что в США по основным магистралям товарные поезда движутся со скоростью более 600 *км* в сутки, а у нас они проходили в 1934 г. 117 *км* в сутки. Следовательно по скорости движения товарных поездов мы значительно еще отстаем от Америки. Здесь мы должны действительно догонять США. Увеличение пробега вагона в сутки только на 10% может освободить дополнительно 7 тыс. вагонов для погрузки.

Наряду с использованием вагонов важнейшую роль в работе ж.-д. транспорта играет паровозное хозяйство. В июне 1935 г. (месяц наиболее благоприятный) средний пробег паровоза в сутки был 137 *км*, между тем как паровоз, ведущий товарные поезда, может пройти расстояние в 300—350 *км*. Подобно вагону и паровоз лишь меньшую часть суток—7,9 часа—находится в движении, остальную занимают простои. Приказом Наркомпути от августа 1935 г. введен ряд мер для улучшения работы паровоза. Установлена минимальная техническая и коммерческая (или участковая) скорость для каждой дороги, в среднем по всей сети 27,0 *км* (техническая) и 19,4 *км* (коммерческая). Устанавливаются более короткие тяговые участки, и на большинстве их вводится строенная

езда, т. е. к паровозу прикрепляются три постоянные бригады во главе со старшим машинистом. Среднесуточный пробег паровозов в среднем по всей сети приказом устанавливается в 253 *км*, по ряду дорог значительно выше среднего (270—275 *км* по дорогам Московско-казанской, Московско-курской, Северным, Московско-белорусско-балтийской, Кировской, Западным и др.). Ликвидируется обезличка в текущем ремонте паровозов. Организуются в каждом депо бригады в составе 10—30 человек из разных профессий (комплексные). К ним прикрепляется определенная группа паровозов. Бригада отвечает за качество ремонта и пробег своих паровозов без аварий от одной промывки до другой.

Партия и правительство уделяют огромное внимание транспорту, особенно железным дорогам. И транспорт идет на подъем. Под руководством т. Кагановича железнодорожники сумели показать, что ж.-д. транспорт может выполнять плановые задания и улучшать работу. Мы уже знаем, что за 1934 г. железные дороги грузили 55 тыс. вагонов в сутки. Управление эксплоатации НКПС и Научно-исследовательский институт эксплоатации не верили в возможность добиться погрузки 62 тыс. вагонов. Действительность, большевистская практика борьбы с отсталыми настроениями на транспорте показала, что план можно выполнить и перевыполнить.

Говоря об успехах индустриализации и коллективизации в исторической речи 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной армии, т. Сталин наряду с мощной и первоклассной промышленностью, с мощным механизированным сельским хозяйством поставил также «...развертывающийся и идущий в гору транспорт...».

Своими успехами железнодорожный транспорт обязан той большевистской энергии и умению, с которыми т. Л. М. Каганович поднял массу железнодорожников и в первую очередь ее лучших людей на борьбу с отсталыми настроениями, с буржуазными, оппортунистическими теориями «пределов» скоростей, покрывавшими отсталость и консерватизм многих работников железных дорог. Машинист Донецкой дороги Петр Кривонос и многие другие вслед за ним ответили тем, что дали техническую скорость в 40—50 километров вместо якобы предельной скорости в 23 *км*. Тов. Каганович все силы направил на разрешение острейших вопросов ж.-д. транспорта, на ускорение оборота вагонов, упорядочение паровозного хозяйства, борьбу с авариями и крушениями. И транспорт добился решающих успехов. Уже в октябре 1935 г. техническая ско-

рость увеличилась на 21,7% против 1934 г., достигнув 27,4 *км* в час. Увеличился в том же месяце среднесуточный пробег паровозов на 36,4% против 1934 г., достигнув 230 *км* (в 1934 г.— 168,5 *км*). Развивая неуклонно свои успехи из квартала в квартал, железнодорожный транспорт выполнил свой план 1935 года досрочно по всем показателям грузооборота. Среднесуточная погрузка вагонов за 1935 г. выполнена на 108,2% и составила в среднем за весь год 68,1 тыс. вагонов, а в октябре—ноябре держалась на уровне свыше 75 000 вагонов. Вся работа ж.-д. транспорта за 1935 г. выразилась в 259,5 млрд. *т/км*, что составляет 113,2% годового плана. 1935 год дал повышение всех основных показателей работы транспорта и обеспечил дальнейшее улучшение их в 1936 г.

	1934 г.	1935 г.	1936 г. (план)
Коммерческая скорость товарных поездов (в *км*)	14	16	19
Среднесуточный пробег товарного вагона	117	130	143
Среднесуточный пробег товарного паровоза	169	193	259

Среднесуточная погрузка, установленная планом на 1936 год в количестве 78,5 тыс. вагонов, приближается к заданию т. Сталина—грузить 80 тыс. вагонов в сутки.

Транспорт уже не узкое место, а фактор, способствующий быстрейшему росту хозяйства всей страны. «Теперь наш транспорт не помеха. Теперь наш транспорт, перевыполняющий планы перевозок, не только не помеха, а громадная помощь в улучшении и удешевлении строительства»[1].

Выполнение плана второй пятилетки ж.-д. транспортом обеспечивается программой реконструкции. Всего в капитальное строительство транспорта будет вложено во второй пятилетке 26,4 млрд. руб., в том числе в ж.-д.—17,4 млрд. руб. Из них 10—12 млрд. руб. пойдет на реконструкцию существующей сети. Важнейшим звеном технической реконструкции ж.-д. транспорта является подвижной состав (паровозы, вагоны). Во второй пятилетке становится основным новый тип паровоза «ФД» (Феликс Дзержинский) вместо «Э», господствовавшего в первой пятилетке. Из 5 861 товарного паровоза, которые ж.-д. транспорт получит за вторую пятилетку, 2 375 будут типа «ФД»,

---

[1] *Молотов*, Из речи на совещании по вопросам строительства 14/XII 1935 г., «Правда» от 21/XII 1935 г.

более мощные, чем «Э». Железные дороги получат во второй пятилетке 1 630 пассажирских паровозов «СУ» и 255 более мощных, чем «СУ», нового типа «ИС» (Иосиф Сталин), 350 электровозов и 248 тепловозов, 110 тыс. большегрузных товарных вагонов, которые станут основным типом вагона, и 12,5 тыс. пассажирских вагонов, 50% товарных вагонов будут к 1/I 1938 г. снабжены автоматической сцепкой, 60% оборудованы автоматическими тормозами, остальные 40%—пролетными трубками. Таковы показатели реконструкции подвижного состава.

Не менее грандиозны и показатели технической реконструкции пути. Реконструкция пути заключается в переходе на щебеночный балласт, замене легких рельсов тяжелыми на протяжении 20 тыс. *км*, укладке 9,5 тыс. *км* вторых путей, увеличении количества шпал на 1 километр пути и т. д. Важнейшим звеном реконструкции железнодорожного транспорта является электрификация. Во второй пятилетке будут электрифицированы 5 050 *км* железнодорожных линий, магистральных и пригородных, введенных в нормальную эксплоатацию.

Колоссальный рост пригородного пассажирского движения вызывает необходимость его электрификации.

За год отправлено пассажиров (в миллионах)

	1913 г.	1933 г.
Из Москвы	15,7	128,2
» Свердловска	0,3	2,3
» Сталинграда	0,6	5,3
» Харькова	2,7	28,6

На 1/I 1933 г. было только 153 *км* электрифицированных железных дорог, из них введено в нормальную эксплоатацию 50 *км*. В конце второй пятилетки СССР будет иметь самую большую сеть электрифицированных железных дорог—5 050 *км* (5,37% всей сети); капиталистические страны (в 1932 г.): США—3 306 *км*, Франция—1 683, Германия—1 564, Англия—761 *км*.

В плане капитальных вложений в транспорт важную роль играет новое ж.-д. строительство. Значение его в развитии производительных сил огромно. Установка партии в этом вопросе дана еще XV съездом: «*В области транспорта* следует поставить своей задачей такое расширение сети транспорта и его работы, которое покрывало бы потребности расширяющегося производства и товарооборота, приобщая к народнохозяйственной жизни страны новые районы, открывая новые громадные источники развития производительных сил и обеспечивая нужды обороны»[1].

[1] XV съезд ВКП (б). Стенографический отчет, стр. 1297.

Еще в восстановительный период выстроена была Туркестано-сибирская дорога, оживившая степи и пески огромных пространств Казакстана и Киргизии.

За первую пятилетку ж.-д. сеть увеличилась на 5 тыс. *км*. Во второй пятилетке прирост сети железных дорог увеличивается вдвое. Вторая пятилетка становится исходным пунктом, началом эпохи развернутого строительства железных дорог. Нам в этой области предстоит еще много сделать. Наша необъятная страна еще слабо покрыта рельсовыми путями. Сеть железных дорог еще редка сравнительно с передовыми странами капитализма. В 1932 г. в СССР приходилось на 100 *км*^{2} территории 0,38 *км* ж.-д. путей. Между тем в ближайших к нам капиталистических странах на 100 *км*^{2} территории приходилось ж.-д. путей: в Германии—12,4 *км*, в Польше—4,2, в Японии—2,3 *км*. Страна, схожая с нами по пространствам, климатическим условиям,—США, имела после войны 4,6 *км*. При этом следует отметить, что в азиатской части СССР ж.-д. сеть еще реже—около 0,1 *км*. Во второй пятилетке мы делаем значительный шаг вперед. В 1937 г. на 100 *км*^{2} будет приходиться 0,45 *км* рельсовых путей (вместо 0,38 в 1932 г. и 0,27 в 1913 г.).

Вторым пятилетним планом намечены крупнейшие работы по водному транспорту, обеспечивающие создание единой водной системы европейской части СССР. Эта система соединит Белое, Балтийское, Черное и Каспийское моря. Во второй пятилетке строятся каналы: Беломорско-балтийский им. Сталина длиной в 229 *км* (первая очередь уже закончена), канал Москва—Волга—128 *км*, Волго-донской—100 *км*. Беломорско-балтийский канал строился 1 год 8 месяцев, в то время как Суэцкий 10 лет, а Панамский—больше 30 лет. Канал Волга—Москва—грандиозное сооружение с 10 шлюзами, 6 плотинами и 5 насосными станциями, по объему земляных работ только немногим уступающее Панамскому (Панамский—164 млн. *м*^{3}, Волга—Москва—135,8 млн. *м*^{3}, кроме 2,4 млн. *м*^{3} бетонных и железо-бетонных работ). На 1 июля 1935 г. земляные работы по строительству канала Волга—Москва выполнены на 45,7%. 8 сентября 1935 г. опубликованы два постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), предусматривающие подробно дальнейшие работы по строительству и подготовке эксплоатации канала. В гидротехнические сооружения по этому каналу вкладывается 980 млн. руб., а всего (с расходами на перенос селений, вспомогательные сооружения и др.)—1 400 млн. руб. Канал должен быть закончен и сдан в эксплоатацию весной 1937 г.

На новое ж.-д. строительство будет затрачено за вторую пятилетку 2 670 млн. руб. В постройке будут находиться 14 454 *км*, из которых 6 736 *км* начато до 1/I 1933 г. Сдано будет в эксплоатацию за всю вторую пятилетку законченных ж.-д. линий 11 тыс. *км*. Крупнейшие ж.-д. линии, постройка которых начнется во второй пятилетке: магистраль, соединяющая Тихий океан с Черным и Балтийским морями, протяжением 12 тыс. *км*. Это грандиозная трансконтинентальная линия, идущая через всю Азию и европейскую часть СССР. Отдельные участки ее будут сданы во второй пятилетке. Затем две линии, соединяющие Донбасс: одна с центром СССР—Москва—Донбасс (1 100 *км*), другая—с Ленинградом, в обход Москвы. Больше всего будет построено новых железных дорог в Казахстане—1 887 *км*, Восточной Сибири—807, Закавказье—994, Горьковском крае—738 *км*. Электрифицированы будут московский, ленинградский, харьковский пригородные узлы. Широкий план электрификации осуществляется на Урале (1 359 *км*) и по линии Омск—Новосибирск—627 *км* ввиду напряженности там грузооборота. Свыше 1,5 млрд. руб. будет затрачено на укладку вторых путей (9 500 *км*), из них больше всего в Дальневосточном крае, Свердловской и Челябинской областях. Крупнейшую статью всех капитальных вложений составят расходы на новый подвижной состав—3 350 млн. руб., затем наибольшая сумма вкладывается в строительство и реконструкцию пути. Это диктуется всей программой реконструкции. Введение более мощных паровозов, большегрузных вагонов, увеличение скорости и общего веса поездов требуют укрепления пути, более тяжелых рельсов и т. д. Свыше миллиарда рублей вкладывается в строительство новых паровозо- и вагоноремонтных заводов, реконструкцию и расширение старых. Строятся новые паровозоремонтные заводы — Верхнеудинский, Уральский, Московский — общей стоимостью в 324 млн. руб. Их мощность 900—1 080 паровозов. Строятся 9 новых вагоноремонтных заводов общей стоимостью 330 млн. руб. 766 млн. руб. вкладывается в жилищное и культурно-бытовое строительство на ж.-д. транспорте. Программа капитальных вложений в новое строительство и реконструкцию ж.-д. транспорта обеспечивает выполнение им во второй пятилетке намеченного объема работы и роста производительности труда.

Быстро будет расти автомобильный парк. Легковых автомобилей будет к 1/I 1938 г. 147 тыс. (в 1932 г.—13 782), автобусов 35 тыс. (в 1932 г.—2 646). Грузовых автомобилей будет 373 тыс. (в 1932 г.—54 600). Главную массу составят грузовики Горь-

ковского автомобильного завода «Газ АА» (214 тыс. шт.) и Московского автомобильного завода АМО «ЗИС3-5» (145 тыс. шт.).

Этот рост автопарка обеспечит увеличение автомобильного грузооборота с 1,07 млрд. *т/км* в 1932 г. до 16 млрд. *т/км* в 1937 г. Для выполнения этой программы будет построена новая сеть шоссейных дорог длиною в 210 тыс. *км* вместо 12 тыс. *км*, построенных в первой пятилетке.

***

На транспорте организационные вопросы в настоящее время играют бо́льшую роль, чем в промышленности. Основной вид транспорта, железные дороги, всегда были заражены бюрократическими методами управления. Им достались в наследство еще традиции, привычки «казенного» хозяйничания царского времени. Затем самый состав работников (большой процент рабочих, служащих, связанных с деревней) и распыленность их по удаленным друг от друга станциям создают несколько другие условия, требующие большей четкости, энергии от руководителей, организаторов транспорта. Как и везде, на транспорте центр организационной работы—это люди, кадры. Надо сохранить ценные кадры, имеющиеся несомненно на транспорте, и создавать, выращивать новые, молодые. Невнимательное, бездушно-бюрократическое отношение к работникам было злом транспорта. Подходили по-канцелярски. В результате способные, ценные работники выходили из строя, болтуны выплывали на поверхность. «Берут хорошего машиниста, десятки лет работающего без аварий, устраивают ему теоретический перекрестный экзамен и проваливают. Лучших машинистов бракуют, а тех, у кого хорошо язык подвешен, пропускают»[1]. А машинист—это крупный специалист, которому доверен сложнейший механизм. Главный кондуктор—тоже центральная фигура ж.-д. транспорта, от инициативы и энергии которого сильно зависит ускорение оборота вагонов,—совсем в загоне на железных дорогах. Только осуществляя исторические указания т. Сталина о людях, о внимании к кадрам, о воспитании, выращивании их, ж.-д. транспорт сумеет поднять всю массу работников на борьбу против аварий, за выполнение планов; каждый работник на транспорте, малый и большой, важен для дела, начиная от стрелочника, кондуктора и кончая высококвалифицированным инженером. Беспо-

[1] *Л. М. Каганович*, Речь на совещании работников ж.-д. транспорта, «Правда» от 24/IV 1935 г.

щадное преследование всяких элементов расхлябанности, развертывание подлинной массово-хозяйственной, идейно-воспитательной работы—центральная задача организационной работы. Тов. Каганович правильно заклеймил практику сплошных взысканий, столь излюбленную некоторыми руководителями ж.-д. транспорта. Неумение организовать работников, машинистов, стрелочников, диспетчеров, кондукторов они возмещают тем, что карают направо и налево. Карать нужно, когда работник проявил себя действительно неисправимым, чужим человеком. «Вовсе не нужно в каждом сопротивляющемся видеть классового врага. Классовые враги есть, и с ними нужно беспощадно бороться. Но в то же время надо уметь мало сознательного, но нашего, советского, человека убедить, что работать надо хорошо»[1].

Важнейшим организационным мероприятием на ж.-д. транспорте является новая организация работы депо (по приказу 7 августа 1935 г.). С 1 сентября в пределах тяговых участков организуются отделения паровозного хозяйства. В обязанности начальника депо входят выполнение программы ремонта паровозов, подача их под поезда и организация труда паровозных бригад. Остальное входит в ведение непосредственно паровозных отделений.

Транспорт представляет собой большой конвейер, и нужно так расставить людей и организовать их работу, чтобы отдельные части транспорта, отдельные его службы (управления)—пути, эксплоатации, вагонов, паровозов—работали так же слаженно, как отдельные винтики конвейера. Перестройка работы на транспорте под руководством т. Кагановича осуществляет основные указания т. Сталина об уничтожении функционалки, канцелярско-бюрократического метода руководства, обезлички. В паровозных депо с 1 сентября 1935 г. ликвидированы функциональные ремонтные бригады и организованы комплексные, к которым прикреплены определенные паровозы.

Твердая дисциплина, неуклонно внедряемая на железных дорогах, и развертывание кривоносовско-стахановских методов работы обеспечивают социалистическому транспорту почетное место и важнейшую роль в дальнейшем развитии социалистического хозяйства.

---

[1] *Л. М. Каганович*, Речь на совещании работников ж.-д. транспорта, «Правда» от 24/IV 1935 г.

Глава VII

ДЕНЬГИ, КРЕДИТ И ФИНАНСЫ

На первой стадии развития коммунистического общества еще сохраняются деньги.

Необходимость и потребность в денежно-товарной форме существуют прежде всего в самом государственном секторе. Чтобы перейти к непосредственному распределению, без денег, нужны определенные организационные предпосылки, которых еще нет в первой фазе коммунистического общества, при социализме. Нужен высокий уровень постановки социалистического учета, контроля, торговой техники, общей культурности, нужен четко, образцово работающий аппарат планирования, учета и распределения; нужен гораздо больший опыт обслуживания нужд, запросов и потребительских вкусов широких миллионных масс, живущих в самых разнообразных условиях, принадлежащих к различным национальностям. Нужно идеально наладить аппарат, ведающий товарооборотом страны, чтобы можно было перейти к прямому продуктообмену—без посредства денег: «...Продуктообмен может притти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли, чего у нас нет и в помине и что не скоро будет у нас»[1]. Пока этого нет, приходится пользоваться инструментом, оставшимся от буржуазии—деньгами. Но в условиях диктатуры пролетариата, в советской экономике, функции и назначение таких инструментов буржуазной экономики, как торговля и деньги, принципиально меняются. Они работают на пролетариат, который использует их для победы социализма над капитализмом. Отвечая на XIV съезде тем, кто не понимал социалистического использования денег и торговли в СССР, т. Сталин сказал: «Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства,

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 576, изд. 10-е.

борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с *успехом* используют их *против* капитализма, с *успехом* используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики»[1].

До тех пор пока не пройдена социалистическая стадия развития, деньги должны еще служить орудием планирования, развития и контроля всего народного хозяйства, всей советской экономики. Поэтому деньги еще не исчезают и с завершением сплошной коллективизации, с переходом индивидуального товарного хозяйства в коллективное социалистическое производство колхозов, так же как и не исчезает еще товарный оборот, товарная форма распределения. Но эти деньги играют совершенно другую роль, чем в капиталистическом обществе.

В условиях товарно-капиталистического хозяйства деньги являются всеобщим товаром, представителем непосредственно общественного труда, определяющего стоимость отдельных товаров. Деньги там превращаются в капитал.

В экономике СССР с самого начала капиталистические элементы ограничиваются в своем развитии, допускаются только в известных областях, а на последней стадии в отношении их ведется политика ликвидации.

Деньги при капитализме—посредник, решающий судьбу тех или других товаров на рынке, потому что только через деньги каждый товар получает свое признание и равновеликую себе (эквивалентную) долю во всем общественном продукте. Так как при капитализме нет и не может быть плана всего народного хозяйства и общественный процесс производства протекает стихийно, то и рыночный обмен происходит стихийно, и деньги, их действие, воспринимаются как объективный фактор, господствующий над людьми, действующий с неотразимой стихийной необходимостью. Деньги, являющиеся продуктом общественного производства людей, господствуют над людьми.

Так происходит при капитализме в силу того, что господствует частная собственность на средства производства и хозяйство не может там вестись по плану, устанавливаемому общественными органами.

Деньги при социализме являются необходимым средством контроля социалистической рентабельности (выгодности) на-

---

[1] *Сталин*, Заключительное слово на XIV партсъезде. Стенографический отчет, стр. 496.

ших предприятий, проверки внедрения хозрасчета. Практика социалистического строительства хорошо использует на данном этапе этот метод контроля всего общественного хозяйства. В настоящее время мы не имеем еще другого способа, столь же гибкого и годного для всех отраслей измерения себестоимости государственной продукции, как деньги. Деньги служат инструментом, при помощи которого экономическая политика пролетарской диктатуры проникает туда, где непосредственно государство распоряжаться не может. Деньги служат средством проверки выполнения плана в самом государственном секторе. Вот почему программа ВКП(б) говорит о сохранении денег до перехода к коммунизму: «В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным»[1].

Необходимость денежно-товарной формы вызывается еще и тем, что существуют две основных формы социалистического хозяйства: последовательно-социалистические предприятия, принадлежащие целиком государству, и социалистические предприятия, являющиеся общественной собственностью отдельных коллективов (колхозы). В колхозах распределение происходит по трудодням в денежной и натуральной формах. Это значит, что колхозники, получив натурой определенную долю из общественного урожая, могут самостоятельно, в индивидуальном порядке продавать часть своего натурального дохода. Колхозная торговля поощряет и разрешает торговлю не только самого колхоза, но и отдельных колхозников. К тому же помимо общественного колхозного хозяйства у каждого колхозника имеется свое дополнительное, правда, имеющее подсобное значение, домашнее хозяйство, продукты которого колхозник тоже выносит на рынок, на продажу, на обмен. Государство не может распределять продукты колхозов и колхозников в государственном масштабе. В том и заключается отличие колхозов от государственных предприятий, что колхозники сами распределяют и распоряжаются своим урожаем и имуществом по выполнении, разумеется, обязательств перед государством. При наличии артельной формы колхозного движения оборот без денег и товарного обмена не может происходить, хотя частной собственности на средства производства, частного товарного хозяйства уже не существует.

Итак, назначение и применение наших денег принципиально

---

[1] Программа и устав ВКП(б), стр. 35, изд. 1935 г.

совершенно иное, чем при капитализме. Мы пользуемся буржуазным инструментом для социалистических целей.

Что деньги, сохраняя свою буржуазную форму, меняют сущность, функции, назначение, не представляет вообще чего-либо исключительного. Экономические категории не являются чем-то постоянным, застывшим. Они развиваются, меняют содержание, восходят от простейшего содержания к развитой форме. Это понятно, ибо категории отражают движение самой экономической действительности. Деньги существовали в древнем Риме, до капитализма, существуют теперь в капиталистическом мире и у нас, в СССР. Но сущность их различная, хотя конечно между деньгами Рима и современного капитализма нет той коренной принципиальной разницы, как между деньгами капитализма и СССР.

Маркс пишет во введении «К критике политической экономии»:

«Дальнейшим примером различного положения, которое одни и те же категории занимают на различных ступенях общественного развития, служит следующее: одна из последних форм буржуазного общества, акционерные компании, выступает также и в начале последнего, в виде больших привилегированных и наделенных монополиями торговых компаний».

Какая-нибудь голландская акционерная компания XVI в. конечно представляет нечто другое, другую экономическую категорию, чем акционерная компания эпохи господства финансового капитала. Отношения одной общественно-экономической формации могут содержаться в другой «в развитом, в искаженном, в карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно видоизмененном виде» (Маркс).

Правые оппортунисты исходят из того, что советские деньги по существу не отличаются от капиталистических. Это целиком вытекает из их оценки советской торговли как свободной торговли с участием частного капитала, из их «закона трудовых затрат», являющегося замаскированным законом стоимости.

Не менее вредна «левацкая» болтовня о том, что советские деньги превратились якобы в простые расчетные знаки, что деньги будут скоро отменены. Такая «левацко»-мелкобуржуазная оценка денег на данном социалистическом этапе развития может служить только срыву важнейшей задачи второй пятилетки—развертывания советской торговли.

Еще в 1927 г. т. Сталин дал ответ на вопрос, при каких условиях можно будет обойтись без денег. «Нам нужно наладить такой передаточный распределительный аппарат ме-

жду городом и деревней, который был бы способен учесть и удовлетворить потребности города и деревни всей страны, так же, как каждый человек учитывает у себя свой бюджет, свои расходы и доходы. И когда мы добьемся всего этого, надо полагать, что наступит время, когда не будет уже нужды в деньгах»[1].

В успешном построении социалистического фундамента нашей экономики финансово-товарный метод сыграл немалую роль. В дальнейшем развитии социалистической экономики СССР деньги и советская торговля должны быть всемерно использованы для укрепления социализма и подготовки высшей фазы коммунизма. Советская торговля на основе денежного обмена должна быть широко развернута для подготовки трудного дела прямого продуктообмена. «...Деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма—социалистической стадии развития»[2]. Это указание т. Сталина на XVII съезде лежит в основе всей нашей политики развертывания советской торговли.

* * *

Рабочие государственных предприятий получают денежную зарплату, колхозы и колхозники продают государству свою продукцию за деньги, а во внутридеревенском обороте между колхозниками без денег, в порядке планирования, совершенно невозможен обмен. Деньги здесь являются сильнейшим стимулом к подъему производительности труда. Для того чтобы они лучше выполняли эту роль, их покупательная сила должна все увеличиваться. Если покупательная сила советского рубля растет, т. е. на него можно купить больше товаров, то каждый рабочий и колхозник стремится повысить свою выработку, производительность труда, свою зарплату. Поэтому укрепление советского рубля является сейчас важнейшей задачей партии и правительства, и всякие разговоры и теории об «отмирании», об отмене денег на данном этапе являются вредными, антибольшевистскими.

Укрепление рубля зависит от следующих условий: от количества денег, выпускаемых в обращение, от количества товаров, поступающих в оборот, и от уровня цен. Количество денег, обращающихся в стране, во второй пятилетке за отдельные

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 308, изд. 9-е.
[2] Там же, стр. 576, изд. 10-е.

периоды сокращалось, а в целом росло медленнее, чем товарооборот. Ограничен выпуск новых денег, ведется решительная борьба с перерасходованием фондов, отпускаемых по плану (на зарплату, соцстроительство и т. д.), резко сокращаются непроизводительные управленческие расходы, ускоряется оборот товаров, усиливается привлечение средств населения в банковскую систему через займы, сберкассы, кооперацию и т. д.

С другой стороны, решающее влияние на укрепление рубля и на увеличение его покупательной силы оказывает рост продукции государственной промышленности, промкооперации, рост товарной продукции колхозов, колхозников и единоличников. Чем больше наша торговая сеть, базары, рынки привлекают товаров, особенно продуктов сельского хозяйства, тем ниже цены на них, тем выше покупательная сила рубля, т. е. тем больше товаров можно за него купить, тем больше советский рубль играет роль стимула (толкача) к дальнейшему повышению производительности труда.

Во второй пятилетке продолжается дальнейший рост товарной продукции промышленности и сельского хозяйства. Если промышленность в 1932 г. выбрасывала рыночных товаров на 14,8 млрд. руб., то в 1937 г. рыночный фонд промышленных товаров широкого потребления достигнет огромной суммы, 38,4 млрд. руб. (в ценах 1932 г.). Масса товарного хлеба увеличится с 19,8 млн. *т* в 1932 г. до 34,5 млн. *т* в 1937 г. Товарная продукция мяса даст прирост на 178% (с 935 тыс. *т* до 2,5 млн. *т*).

Пустить в оборот для потребителя как можно больше товаров по снижающимся ценам и обходиться без лишних денег в обращении—такова политика второй пятилетки в области денежного обращения. В 1935 г. розничный товарооборот вырос на 32%, заготовки сельскохозяйственных продуктов—на 70%, в то же время количество денег в обращении увеличилось только на 19%. В дальнейшем укреплении рубля особенно большую роль сыграл 1935 год, первый хозяйственный год после отмены карточной системы на продовольственные продукты. Материальное снабжение как рабочих через распределители, так и крестьян—сдатчиков различных с.-х. продуктов или занятых на лесных разработках, гужевом транспорте и других работах—отпадает теперь. Стимулом, источником материальной заинтересованности становятся исключительно деньги, цена. Везде, где раньше наряду с денежным вознаграждением применялось так называемое отоваривание, т. е. выдача хлеба по твердой государственной цене (за тех-

нические культуры), теперь установлены повышенные заготовительные цены. За гужевой крестьянский транспорт также установлены новые денежные ставки. Заработная плата рабочих и служащих является теперь решающей и единственной базой их бюджета. Это повышает роль денег во всем хозяйстве. Количество товаров на рынке растет быстрее, чем денежная масса в обращении, цены на них неуклонно, систематически снижаются. Таковы условия, обеспечивающие в 1935 г., на основе полной отмены нормированного отпуска продуктов питания, еще более значительное укрепление рубля, повышение его покупательной силы.

Буржуазные экономисты считают, что устойчивость денежного обращения обеспечивается запасом золота, имеющимся в кладовых банков той или другой страны. Однако мы видим, что страны, имеющие большие запасы золота, отказываются от золотого обращения и курс их валюты снижается. Лучшим обеспечением денег, выпускаемых государством, являются товарные массы, сосредоточенные в руках пролетарского государства. Тов. Сталин на январском пленуме 1933 г. показал, как буржуазные экономисты запутались со своей теорией золотого запаса. Чем объяснить, что страны, богатые золотом, прекратили строительство, а СССР на советскую червонную валюту развертывает грандиозные стройки? На советские деньги, на те миллиарды капиталовложений, которые утверждены были первой пятилеткой, построены Магнитогорский, Кузнецкий, Сталинградский заводы, Днепрогэс и др. «Не думают ли эти господа, что все эти предприятия построены из соломы или из глины, а не из действительных материалов, имеющих определенную ценность?»[1]. Золотой запас конечно имеет немалое значение и у нас. Ведь мы окружены капиталистическим миром. Мы с ним торгуем на золото, которое выполняет функцию мировых денег. Поэтому СССР принимает меры к увеличению добычи золота и запасов золота. Золотой запас есть один из источников индустриализации, поскольку мы на золото приобретаем в капиталистических странах средства производства. Но не на золотом запасе держится наше денежное обращение. Основой его служит та масса товаров, которая производится государственными предприятиями и поступает в распоряжение государства другими путями (обязательные поставки, заготовки и т. д.).

«Устойчивость советской валюты обеспечивается прежде все-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 506, изд. 10-е.

го громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам»[1]. Чем больше продукция фабрик, заводов, совхозов, чем шире товарооборот госторговли и кооперации, чем ниже розничные цены, тем больше и больше крепнет покупательная сила советского рубля, тем выше его роль в строительстве социализма.

Значение золота у нас заключается не в том, что оно поддерживает наше денежное обращение, а в том, что в обмен на него мы можем получить необходимое оборудование из-за границы. Золото потеряло у нас то значение, которое оно имеет в капиталистическом обществе. Основа нашей хозяйственной мощи—в богатстве наших производительных сил, из которых главная—растущий революционный рабочий класс с его энтузиазмом, с его готовностью бороться за социализм. Люди—самый ценный капитал СССР.

В развитом коммунистическом обществе золото потеряет свой экономический блеск, свою притягательную хозяйственную силу. Ленин писал в конце 1921 г.: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов... Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле»[2]. И мы бережем и сейчас золото. Добыча золота делает у нас большие успехи, поэтому запасы его увеличиваются, хотя мы единственная страна, аккуратно покрывающая свои долги по заграничным кредитам золотом. Если бы наше пролетарское государство строило свою денежную систему только на золоте, и крепость ее целиком зависела от золота, то мы не могли бы затратить в первую пятилетку полтора миллиарда рублей золотом на покупку заграничного оборудования для индустриализации страны. По теории правых оппортунистов, эти золотые запасы следовало бы накоплять как основу нашего денежного обращения, и они лежали бы мертвым грузом, вместо того чтобы служить делу социалистического строительства. Это—буржуазная точка зрения, вредная для пролетарской революции. С другой стороны, на данном этапе нужна решительная борьба с «левац-

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 506, изд. 10-е.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 82—83.

ким» взглядом на природу наших денег, согласно которому деньги у нас уже превратились в простые свидетельства, талоны. Деньги станут ненужными только тогда, когда от советской торговли будет возможно перейти к коммунистическому распределению.

***

СССР стал мощной индустриальной страной. Мы создали передовую техническую базу, крупнейшее в мире сельскохозяйственное производство. Основные производственные фонды нашего хозяйства, состоящие теперь большей частью из новых, технически передовых предприятий, оцениваются десятками миллиардов рублей. Мы овладеваем современным производством, современной техникой, основанной на новейших научных достижениях. Не менее важно овладеть и финансами нашего хозяйства. Мы ведем счет на советские рубли, мы оцениваем, учитываем в советских рублях и наши наличные средства производства и накопление, резервы, расходы и доходы государства, перераспределение средств из одной отрасли в другую. Чем лучше мы будем вести этот счет, тем больше мы можем сэкономить для развития хозяйства страны. Важность финансовой работы, финансово-экономического подхода к вопросам хозяйства решительно подчеркнул т. Сталин в своей речи «О задачах хозяйственников»: «Но мы могли бы сделать еще больше, если бы постарались за это время по-настоящему овладеть производством, его техникой, его финансово-экономической стороной»[1]. Особенно это важно для второй пятилетки.

Программа второй пятилетки по капитальному строительству, по росту продукции промышленности и сельского хозяйства, по мероприятиям культурно-бытового характера потребует огромных финансовых затрат: за все пятилетие—341,5 млрд. руб. Финансирование первой пятилетки обошлось в 120,1 млрд. руб. Таким образом расходы второй пятилетки по всем статьям почти в три раза больше, чем за первую пятилетку. Достаточно ознакомиться с тем, на какие цели идет эта колоссальная масса средств, чтобы увидеть, какая глубокая разница между политикой использования финансовых средств страны у нас и в капиталистических государствах. Из 341,5 млрд. руб. 221,4 млрд. идет на финансирование народного хозяйства, 75,4 млрд.—на культурно-бытовые мероприятия, 10 млрд.—

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 446, изд. 10-е.

на расходы по госзаймам и 19 млрд.—на управление и оборону. Последняя статья расходов составляет во второй пятилетке только 5,5% всех затрат, относительно меньше, чем в первой пятилетке (5,6%). Расходы на культурно-бытовые нужды увеличиваются по сравнению с первой пятилеткой на 51,5 млрд. руб. (с 23,9 млрд. до 75,4 млрд. руб.). В этой цифре отражается расцвет социалистической культуры, та полоса культурной революции, которой наряду с пролетарским городом охвачена теперь и колхозная деревня. Подавляющая масса средств, почти $^2/_3$, затрачивается на развитие народного хозяйства, на капитальное строительство, на увеличение оборотных средств. Все финансовые ресурсы второй пятилетки составят колоссальную сумму в 355,5 млрд. руб. по снижающимся ценам. Таким образом резерв финансовых средств за вторую пятилетку составит 14 млрд. руб. (355 млрд. накоплений—341 млрд. затрат). Необходимо отметить два момента, отражающие рост социалистического хозяйства, его экономическую мощь и командующую роль во всей советской экономике. Это, во-первых, то, что основным источником финансовых средств уже в первой пятилетке были накопления обобществленного хозяйства (налог с оборота, прибыли). За первую пятилетку они составили 83,6 млрд. руб., или 69,6% всех ресурсов, за вторую пятилетку накопления обобществленного сектора достигнут 273,0 млрд. руб., или 76,8% всего итога. Во-вторых, мы не только будем иметь огромный абсолютный рост этого источника финансов, но и значительное повышение его удельного веса—с 69,6 до 76,8%. Оставшиеся 23,2% падают на амортизационные отчисления по основным фондам (20,2 млрд.), на привлеченные средства населения—займы, паенакопления, вклады в сберкассы (44,6 млрд.) и прочие доходы. Вполне естественно, что сумма амортизации сильно вырастает—до 20,2 млрд. против 6,3 млрд. в первой пятилетке. Это связано с огромным ростом основных фондов, введенных и вводимых в эксплоатацию в годы первой и второй пятилеток. Средства самого населения, привлекаемые в порядке размещения займов, в форме накопления вкладов и паев, во второй пятилетке играют все меньшую роль. Их абсолютная сумма увеличивается только в два с лишним раза. Но на протяжении второй пятилетки ежегодная величина привлеченных средств населения почти не возрастает: в 1932 г.—8,2 млрд., в 1937 г.—9,0 млрд. руб.

В общей сумме финансовых средств, поступающих из обобществленного хозяйства, особого внимания заслуживает рост прибылей. В 1932 г. прибыль, полученная в обобществленном

хозяйстве (государственные, кооперативные предприятия), равнялась 6,6 млрд. руб., в 1935 г.—7,8 млрд., по плану 1936 г.—11,3 млрд. руб., в 1937 г. она достигает уже 24,7 млрд., за всю первую пятилетку—19,1 млрд., а по плану второй пятилетки—72,9 млрд. руб. Эти цифры говорят о росте рентабельности социалистического хозяйства, о переломе в 1936, стахановском, году.

Все эти финансовые средства тратятся на цели, установленные планом, в различных формах. Частью они непосредственно используются внутри самой отрасли, предприятия, как например амортизационные отчисления, хотя учитываются в общем финансовом плане. Часть средств распределяется через кредитные учреждения. Но бо́льшая, подавляющая часть всех финансовых ресурсов—73,1% (259,9 млрд. руб. из 355,5 млрд.),—собирается и распределяется во второй пятилетке через систему государственного бюджета. Представление о структуре (составе) нашего государственного бюджета по доходам и расходам дает утвержденный 1-й сессией ЦИК СССР VII созыва госбюджет на 1935 г. Доходы госбюджета 1935 г. должны были составить 65,9 млрд. руб. и превысить расходы на 500 тыс. руб.

Почти 90% всех доходов поступают от обобществленного хозяйства. Основной статьей этих доходов является налог с оборота—51,8 млрд. руб. В бюджете 1934 г. этот налог с оборота главным образом шел по промышленности Наркомпищепрома (включая Главспирт и Главтабак). Этот наркомат дал 13,7 млрд., НКТяжпром—4 млрд., организации Комитета заготовок при СНК СССР—4,3 млрд. В 1935 г. резко увеличиваются поступления налога с оборота по Комитету заготовок в связи с переходом на свободную продажу продовольственных продуктов—с 4,3 млрд. до 24 млрд. Но здесь не ставилось задачи получить дополнительные доходы. Дело в том, что этот рост поступлений по хлебным продуктам только покрывает дополнительные расходы, связанные с отменой хлебных карточек. Эти расходы таковы: 1,5 млрд.—повышение зарплаты рабочим и служащим (хлебная надбавка), повышение заготовительных цен на с.-х. сырье и оплату гужевых перевозок крестьян—3,9 млрд., возмещение роста цен на сырье в промышленности, возросших расходов Наркомата обороны на хлеб и фураж и др.—7 млрд. Отчисления от прибылей промышленности, транспорта, кредитных учреждений составят 1,7 млрд., поступления из средств социального страхования на здравоохранение—1,7 млрд., от госзаймов—3,5 млрд., налоги (сельскохозяйственный, жилищно-культурный)—2,18 млрд. Налоги с населения играют незна-

чительную роль в бюджете. Идут они почти исключительно на местные нужды. Бюджет 1935 г. выполнен с превышением доходов над расходами на 700 млн. руб. Государственный бюджет на 1936 г. утвержден 2-й сессией ЦИК в сумме 78,5 млрд. руб. Рост бюджета на 21,5% соответствует высоким темпам роста всего народного хозяйства в 1936 г. Только на социально-культурное строительство вместе с бюджетом соцстраха в 1936 г. будет затрачено 21,2 млрд. руб. против 16,2 млрд. руб. в 1935 г. Расходы на оборону в едином госбюджете СССР на 1935 г. составили фактически 12,8%, в то время как расходы на армию и флот достигают в Польше 39,2%, в Германии—34,8% бюджета. На 1936 г. сессия ЦИК утвердила увеличенные ассигнования на оборону—14,8 млрд. руб. Лихорадочный рост вооружений фашистской Германии и Японии, направленный против СССР, вынуждает советское правительство еще более усилить обороноспособность страны.

Кроме единого государственного бюджета, охватывающего доходы и расходы Союза, существуют государственные бюджеты отдельных союзных республик, а внутри этих республик—и местные бюджеты, бюджеты автономных республик, областей, краев, районов, сельсоветов. Укрепление районных и сельских бюджетов—весьма важная задача. Местные бюджеты добились значительных успехов, выразившихся в том, что за последние два года они имели больше доходов (и больше израсходовали), чем намечалось. В 1935 г. государственные бюджеты союзных республик составят 3,2 млрд. руб. (рост на 18%), все местные бюджеты—достигают суммы в 14,8 млрд. руб. Государственный бюджет Союза вместе с госбюджетами союзных республик и местными бюджетами образуют сводный государственный бюджет, причем надо иметь в виду, что значительную часть доходов местных бюджетов составляют отчисления из государственного бюджета Союза.

***

Важнейшая роль кредита и кредитной системы в социалистическом строительстве после захвата власти пролетариатом была отмечена еще Марксом: «Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда,—однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства»[1]. Кредит—

[1] *Маркс*, Капитал, т. III, стр. 436.

мощный рычаг социалистического строительства, но, разумеется, не в том виде, как он развился и существовал при капитализме. Капиталистическая кредитная система не может быть механически перенесена и функционировать в хозяйстве пролетарской диктатуры. «Теория» Гильфердинга, считавшего, что захвата шести крупнейших берлинских банков достаточно для введения социализма, представляет грубейшее оппортунистическое извращение учения Маркса и является контрреволюционной. Как бы предвидя это, Маркс предупреждал, что «...иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм»[1]. Только при пролетарской революции, при переходе основных средств производства в руки пролетарского государства кредитная система становится «мощным рычагом» построения социализма. Крупный банковский аппарат, созданный капитализмом, облегчает возможность контроля и учета народного хозяйства. Пролетарская революция разрубает все нити, связывавшие этот аппарат с буржуазией, отсекает капиталистические корни, из которых он рос и питался, отсекает то, что, по выражению Ленина, «капиталистически уродует» превосходный аппарат крупных банков. Диктатура пролетариата делает этот кредитный аппарат крупных банков еще крупнее, более всеобъемлющим. Кредитной системе Ленин уделяет важнейшее место, высоко ценит ее как один из инструментов развития и укрепления социалистического хозяйства. «Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике—это уже девять десятых *социалистического* аппарата. Это—общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества»[2]. Эти слова были написаны Лениным в 1917 г., еще до Октябрьской революции. В кредитной системе, в деле мобилизации свободных денежных средств трудящихся, государственные сберкассы играют также значительную подсобную роль. В СССР 47 тыс. сберкасс с 19 млн. вкладчиков. Сберкассы обслуживают операции по государственным займам и денежные операции 7 500 сельсоветов. На 1 января 1935 г. вклады населения в сберкассах составляли

---

[1] *Маркс*, Капитал, т. III, стр. 436.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 260, изд. 3-е.

1 636 млн. руб., увеличившись за один 1934 г. на 488 млн. руб. В связи с повышением роли денег, увеличением зарплаты рабочих и служащих, денежных доходов колхозников в 1935 г. вклады населения в сберкассах значительно выросли—до 2,4 млрд. руб. на 1 января 1936 г. Роль кредитной банковской системы в нашем советском хозяйстве двоякая. Во-первых, банк привлекает в свои кассы часть тех огромных финансовых ресурсов, о которых мы говорили выше. Он это делает иным путем, чем госбюджет. Поэтому, хотя цель их и назначение отпускаемых средств одни и те же, но методы привлечения и условия использования различны. Государственный бюджет получает суммы в порядке поступлений от налогов, отчислений от прибылей безвозвратно и распределяет их на разные нужды, указанные выше, тоже безвозвратно. Банк, сберкасса привлекают средства предприятий, населения на время, в виде вкладов, текущих счетов. В определенный срок или по требованию они должны вернуть полученные суммы вкладчикам. Поэтому и кредиты, которые банк дает из своих средств, отпускаются с условием возврата, на определенный срок. Наш Государственный банк с его 2 200 районными отделениями представляет широко разветвленную систему, предоставляющую краткосрочные кредиты. Средства, привлекаемые самим банком и направляемые на развитие народного хозяйства, представляют довольно внушительную сумму. Так например, на 1/I 1934 г. задолженность всех отраслей хозяйства Государственному банку составляла 10,5 млрд. руб. Из них вложено было в тяжелую промышленность 621 млн. руб., в лесную—635 млн., в легкую—754 млн., в сельское хозяйство — 658 млн. руб. Главная же масса средств банковской системы направлена была на финансирование заготовок и переработки с.-х. продуктов (3 857 млн. руб.) и торговли (3 617 млн. руб.). В 1935 г. сильно выросли размеры кредитов, предоставленных Госбанком, всего на сумму свыше 8 млрд. руб.; из них пищевой промышленности—на 2,9 млрд. руб., легкой—1,6 млрд. руб., торговым организациям—на 1,7 млрд. руб. Таким образом наша кредитная система (Госбанк) играет чрезвычайно важную роль в развертывании товарооборота, росте заготовок с.-х. продуктов и следовательно в быстром росте потребления. Краткосрочное кредитование товарооборота сосредоточено в Госбанке. Кроме него существуют так называемые спецбанки, обслуживающие отдельные отрасли народного хозяйства. Эти банки представляют только долгосрочные кредиты для капитальных вложений и призваны конт-

ролировать правильное использование средств, вкладываемых в капитальное строительство. Источниками, питающими средствами кредитную систему в СССР, являются накопления хозяйственных, государственных и кооперативных организаций, свободная денежная наличность предприятий, свободные суммы государственного и местных бюджетов, накопления и временные сбережения трудящихся, поступающие большей частью через сберкассы. Но роль Государственного банка в СССР далеко не исчерпывается тем, что он сам собирает в свои кассы путем вкладов, текущих счетов определенную сумму финансовых средств. Через банк проходят все ассигнования, все кассовые расчеты между государством и предприятиями. Декрет Совнаркома СССР от 23 марта 1931 г. ставит такие задачи перед Госбанком:

а) стать расчетной организацией для обобществленного хозяйства, общегосударственным аппаратом учета производства и распределения продуктов;

б) обеспечить действительный повседневный контроль за ходом выполнения планов производства и обращения товаров, за выполнением финансовых планов и ходом накоплений в обобществленном секторе народного хозяйства;

в) обеспечить укрепление хозрасчета предприятий и хозобъединений как основного рычага в выполнении планов (количественных и качественных заданий) во всем обобществленном секторе.

Банк лучше всего может проверить, каково финансовое состояние предприятия, хозяйственной организации. В банке сосредоточиваются все операции предприятия, через банк проходят и закупки и продажи, которые кредитуются банком. Плохая организация производства, рост себестоимости, медленный оборот средств быстро и неизбежно скажутся в том, что предприятие не сможет выполнить своих обязательств перед банком в срок. Одним из условий, обеспечивающих роль Госбанка в укреплении хозрасчета и проведении контроля рублем, явилась кредитная реформа 1930 г., проведенная по постановлению СНК СССР от 30 января 1930 г. Сущность этой реформы заключается в том, что существовавшая ранее форма коммерческого кредита заменена прямым банковским кредитованием. При коммерческом кредите, основанном на вексельном обороте, ссуда, выдаваемая банком, часто попадает тому предприятию, которое в ней нуждается, через ряд посредствующих звеньев. Поясним это на примере: московская текстильная фабрика закупила хлопок у среднеазиатской кредитной кооперации на 100 тыс. руб., расплатилась за хлопок не

наличными деньгами, а векселем[1] на 100 тыс. руб. Кредитный кооператив в свою очередь расплатился этим векселем за приобретенные на 100 тыс. руб. металлические изделия у уральского завода. Вексель в результате этих двух сделок оказался в третьих руках—у уральского завода, которым он предъявлен к учету в Госбанк. Госбанк, приняв вексель, выплатил сумму его, за вычетом процентов, уральскому заводу. Но фактически Госбанк, учтя этот вексель, кредитовал на 100 тыс. руб. не только уральский металлический завод, предъявивший вексель, но и кредитную кооперацию и текстильную фабрику. Выдавая деньги, Госбанк при этой форме кредитования, основанной на вексельном обороте, не знает, не интересуется и не может интересоваться ни состоянием производства своего клиента, ни тем, как выполняются им производственные планы. Для него достаточно, что вексель (обязательство) выдан или предъявлен предприятием или организацией, заслуживающей в общем делового доверия. В приведенном примере вексель вырос из реального товарооборота. Однако в практике вексельного оборота возможны случаи, когда векселя выдаются друг другу предприятиями и без соответствующего перехода реальных ценностей (дружеские, «бронзовые» векселя). Вексельное кредитование соответствовало условиям восстановительного периода, когда плановое руководство только начинало развиваться, отдельные предприятия имели широкую самостоятельность (и это было тогда нужно) в изыскании запасов сырья, сбыта продукции, накоплении денежных оборотных средств. Когда промышленность и товарооборот перешагнули за довоенный уровень, восстановились, подавляющий перевес стал на стороне социалистического сектора, взаимное кредитование предприятий посредством векселей не могло оставаться основной формой кредита. Госбанк, вместо того чтобы выдавать кредиты путем учета векселей, реальное содержание и возникновение которых не всегда известны банку, может прямо и непосредственно выдать кредит тому предприятию, которое в нем нуждается. Это и есть прямое банковское кредитование, заменившее прежний коммерческий кредит.

Но, давая ссуду непосредственно нуждающемуся предприятию, Госбанк делает уже это на основе тщательного знакомства и постоянного наблюдения за ходом дел этого предприя-

---

[1] Вексель—долговое обязательство, в котором не указываются происхождение долга, товар и т. д., а просто сумма и срок платежа.

тия, за состоянием его финансов. Банк уже не просто кредитует, а кредитует на основе промышленно-финансового плана, в зависимости от выполнения программы выпуска продукции и других плановых заданий. В первый год проведения кредитной реформы практика кредитования привела к некоторым извращениям. Главнейшим из них было то, что банк кредитовал автоматически, огульно, «под план». Завод-поставщик отгружал заводу-заказчику товар и по отправочным документам получал деньги в отделении Госбанка по месту своего нахождения независимо от того, удовлетворяет ли отгруженный товар заказчика по ассортименту, по качеству. Деньги уплачивались поставщику со счета заказчика, и таким образом фактически заказчик не распоряжался сам своими суммами, а они автоматически расходовались, обезличивались при этом и собственные средства клиента, а не только кредиты. Поправки к кредитной реформе, принятые Совнаркомом (декрет 20 марта 1931 г.), установили порядок, при котором эти извращения устраняются. Для выдачи кредита под отпущенный поставщиком товар требуется акцепт (согласие) заказчика, свидетельствующий о том, что продукция поставщика соответствует требуемым условиям по качеству, ассортименту, срокам и т. д. Наряду с этим выделены были по декрету от 23/VII 1931 г. собственные оборотные средства каждому предприятию. Одна только промышленность получила для образования необходимых оборотных средств 4 млрд. руб. при посредстве кредитной системы. Предприятие, распоряжаясь своими собственными оборотными средствами, стремится как можно лучше, более экономно их использовать, увеличивать накопления. Банк же строго следит за возвратом в срок отпущенных кредитов и дает их только на определенные нужды производства (покупка сырья, зарплата и т. д.). Основываясь на плановых заданиях, банк не допускает перерасходования средств. Банк контролирует рублем предприятие, заставляет его работать с соблюдением хозрасчета, в рамках промфинплана. Причем эту свою роль Госбанк выполняет не только в отношении тех, кому он выдает кредиты из собственных средств, но и во всех расчетных, кассовых операциях. Предприятие становится заинтересованным в ускорении оборота своих средств, а Госбанк своей политикой кредитования поощряет его. Как велика экономия от ускорения оборота средств, показывает такой факт: благодаря более быстрому обороту товаров потребительской кооперации понадобилось в 1932 г. финансовых средств на 800 млн. руб. меньше.

16 августа 1933 г. постановлением Совнаркома СССР был установлен новый порядок кредитования торговых организаций (госторговли, орсов, оптовой и оптово-розничной потребкооперации). Текущим кредитом по новому закону могут пользоваться лишь те торгующие предприятия и организации, которые работают рентабельно и не допускают просрочки платежей. Кредит этот предоставляется в периоды наибольшего напряжения торговых оборотов. В нормальное время торгующие организации должны обходиться своими собственными оборотными средствами. Внедряя хозрасчет, следя за правильным расходованием по плановому назначению каждого рубля, кредитная система выполняет важнейшую хозяйственно-политическую задачу укрепления рубля, содействует росту накоплений в народном хозяйстве, подъему производительности труда, повышению качества работы во всех отраслях. Бережное, экономное отношение к советскому рублю, строгая плановость в расходовании средств—необходимые условия выполнения плана второй пятилетки. Этого в связи с отменой карточной системы на хлеб категорически потребовал т. Молотов на ноябрьском (1934 г.) пленуме ЦК: «Об успехах строительства надо судить не просто по сумме, «освоенной» на стройке, а по фактическим результатам, полученным от израсходованной суммы. Освоить отпущенные государством средства полностью, а сдать государству за это только половину назначенной планом стройки—значит совершить преступление против интересов рабочего класса, так как это граничит с растратой государственных средств. Пора покончить с такого рода «освоением» государственных средств. Надо, чтобы все строители научились серьезно считать деньги. Это улучшит наше строительство, это сильно поможет нашему хозяйственному росту. Итак мы стоим перед задачей *развернуть торговлю и укрепить наш рубль*. В этом теперь заключается важнейшее условие роста нашей социалистической страны». Партия и правительство сурово преследуют всякие нарушения этой линии. Примером является приказ т. Орджоникидзе, объявившего строгий выговор руководству лучшего завода (Московского автомобильного) за превышение финансового плана реконструкции завода на сотни миллионов рублей.

Глава VIII

СОВЕТСКАЯ ТОРГОВЛЯ ВО ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Развертывание советской торговли—одна из важнейших задач второй пятилетки. Роль советской торговли заключается в том, чтобы крепко и систематически связывать все отрасли нашего народного хозяйства, чтобы обеспечить бесперебойный и здоровый обмен веществ во всем народнохозяйственном организме. Промышленность, сельское хозяйство разбросаны по необъятным пространствам нашей великой страны. Деревня отделена сотнями километров от города, а края и районы—друг от друга тысячами километров. Наши богатейшие районы, даже самые отдаленные, вплоть до Арктики, не могут замыкаться в своих собственных пределах. Они должны быть тесно связаны с центром, друг с другом, они должны быть крепко связанными звеньями единой системы товарообращения. Без этого рост производства в промышленности и в сельском хозяйстве сам по себе не обеспечит роста потребления. Промышленные товары должны бесперебойно притекать в деревню, а сельскохозяйственные продукты—в город. Это поднимет все больше и больше производительность труда и в городе и в деревне. При развернутом, хорошо организованном товарообороте, свободном от бюрократических методов работы, хозяйственная жизнь всей страны забьет ключом, оживляя спящие производительные силы самых глухих и отдаленных районов. Такова задача развернутой советской торговли. Тов. Сталин на XVII съезде дал яркую характеристику роли развернутого товарооборота во второй пятилетке: «Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь еще одно условие, а именно,—развернутый *товарооборот* между городом и деревней, между районами

и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства»[1].

Решение ноябрьского пленума (1934 г.) ЦК об отмене карточной системы на хлеб, муку и крупу, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 сентября 1935 г. о снижении цен на хлеб, об отмене карточной системы на мясо, масло, сахар, рыбу и картофель и установлении открытой, ненормированной торговли этими продуктами по единой государственной цене (средней между твердой и коммерческой) являются важнейшим поворотным моментом в развертывании советской торговли. Этими решениями партии и правительства в рознице отменяется нормированный отпуск товаров, централизованное распределение их и заменяется развернутой советской торговлей.

* * *

Социалистический характер нашей промышленности с самого начала исключает всякую возможность приравнения товара советской государственной промышленности к товару как категории капиталистического или товарного хозяйства. По этому вопросу Ленин дал нам исчерпывающую принципиальную характеристику, относящуюся к советскому хозяйству. Он писал в 1921 г.: «...Государственный продукт—продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром...»[2]. Он не является товаром в смысле категории товарно-капиталистического хозяйства. И поэтому ни категории стоимости, ни прибавочной стоимости, прибыли, не применимы к продукции нашей госпромышленности.

Товарная форма в социалистической советской экономике означает только то, что продукт социалистического хозяйства (государственных предприятий, колхозов) реализуется в денежной форме через каналы советской торговли.

Тот факт, что товарный оборот у нас существует, еще не означает, что мы имеем дело с товаром такой же природы, что и при капитализме. Мы употребляем выражения «товарооборот», «промтовары», «товарная продукция», «товарные фонды» в применении к нашей социалистической промышленности, сельскому хозяйству. Но под старым словоупотреблением

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 574, изд. 10-е.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 370, изд. 3-е.

скрывается совершенно другое принципиальное содержание. Воспроизводство нашей социалистической экономики является воспроизводством социалистических производственных отношений. Товар госпромышленности—это продукт такого способа производства, который ведется на социалистических, общественных началах. Он—продукт непосредственно-общественного труда. Производство его не подчинено законам движения товарно-капиталистического производства, реализации товара в том смысле, как это понимает политическая экономия капитализма.

Мы уже говорили в главе об этапах экономической политики о том, как социалистические элементы в товарообороте боролись с частным капиталом и полностью вытеснили его. Современный товарооборот—это советская торговля. «Советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших, торговля без спекулянтов—малых и больших» (Сталин). Это не значит, что спекулятивные элементы совершенно исчезли. Если не вести с ними борьбы, не закрывать тщательно все щели, они могут развернуть свою работу и даже пробраться в слабые звенья нашего торгового аппарата.

Необходимо вести решительную борьбу с «левацкой» недооценкой значения советской торговли и ее дальнейшего развертывания. Сущность «левацких» извращений в области торговли заключается в том, что они считают возможным уже на данном этапе обойтись без развернутой советской торговли как нормальной формы распределения общественного продукта и перейти к прямому продуктообмену без посредства денег. «Левацкий» продуктообмен не имеет ничего общего с тем социалистическим продуктообменом, о котором говорил Ленин в начале нэпа.

Ленин под социалистическим продуктообменом понимал такую организацию торговли, в которой можно было бы обойтись без посредничества частного капитала, а вовсе не натуральный товарообмен, который в последние годы практиковали некоторые наши хозяйственники. Ленин еще в самом начале нэпа (21 мая 1921 г.) ясно и категорически указывал, что «...товарообмен есть проверка правильного взаимоотношения промышленности и земледелия, а равно фундамент всей работы по созданию сколько-нибудь правильно действующей денежной системы»[1]. Отсюда видно, что Ленин представлял себе товаро-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 369—370, изд. 3-е.

обмен (включая и продуктообмен) в связи и как основу правильного денежного оборота.

Ленин противопоставлял товарообмен не денежному обращению, а частной торговле. Под правильным товарообменом (включая продуктообмен) Ленин понимал непосредственную торговую смычку социалистической промышленности с бедняцко-середняцким крестьянским хозяйством. Вот что говорит Ленин в известном докладе на VII московской губпартконференции (октябрь 1921 г.): «Оказалось... что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу»[1]. Дело здесь вовсе не в том, что Ленин имел в виду осуществление обязательно натурального обмена, хотя и такой не исключался. Дело вовсе не в денежной форме товарообмена, а в том, что в товарообмен между городом и деревней включились частные торговцы. В этом смысле говорил Ленин (в том же докладе), что товарообмен сорвался: «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля»[2]. И тут же Ленин делает вывод: «Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!»[3]. Ленин видел гвоздь товарообмена (правильного, социалистического) не в форме, денежной или натуральной, а в классовом его содержании, какие социальные группы принимают в нем участие. Именно так, по-ленински, ставил задачу товарообмена и т. Сталин. На XIV съезде, дав критику позиции Бухарина и Зиновьева в вопросе о госкапитализме, т. Сталин говорит: «Можно ли отрицать, что наша промышленность и торговля уже устанавливают смычку индустрии *(нашей* индустрии) с крестьянским хозяйством *непосредственно,* своими собственными силами?»[4]. Ясно, что в тот период имелась в виду только непосредственная торговая смычка не в смысле натурального, безденежного товарообмена, а в смысле отсутствия классово враждебного посредника—частного торговца. Еще в более развернутой форме т. Сталин поставил вопрос о правильном, непосредственном социалистическом товарообмене между городом и деревней в докладе на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна в связи с критикой троцкистско-зиновьевской оппозиции. «Создать экономическую

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 67—68, изд. 3-е.
[2] Там же, стр. 68.
[3] Там же.
[4] *Сталин,* Заключительное слово на XIV съезде ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 494 (курсив т. Сталина).

базу социализма—это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии...»[1]. Здесь прямой обмен опять-таки берется в смысле классовой структуры, как обмен без капиталистических посредников, а не как прямой натуральный обмен, без посредства денег. Но тогда, когда т. Сталин ставил этот вопрос, капиталисты только еще вытеснялись из товарооборота. На XVII съезде т. Сталин мог констатировать, что мы имеем социалистический товарооборот, торговлю без капиталистов, больших и малых, советскую торговлю.

Таким образом натуральный «продуктообмен» (без денег), который проповедуют «леваки», и те товарообменные операции, которые проводили в своей «левацкой» практике некоторые наши хозяйственники, не имеют ничего общего с ленинизмом, с учением Ленина и Сталина о товарообороте. Это—извращение ленинского учения о советской торговле, о социалистическом продуктообмене, т. е. денежном обмене между городом и деревней, но без посредничества частника-капиталиста. Партия неоднократно предупреждала против такого «левацкого» продуктообмена. Так, еще в резолюции апрельского 1928 г. пленума ЦК о хлебозаготовках в числе извращений и перегибов указывается «введение прямого продуктообмена». XVII партконференция «...подчеркивает антибольшевистский характер» «левой» фразы о переходе к «продуктообмену» и об «отмирании денег» уже на данной стадии строительства социализма».

На XVII съезде т. Сталин дал уничтожающую критику «левацкой» болтовне о переходе на данном этапе к прямому продуктообмену. Такая «теория» только может сорвать развертывание советской торговли. Только пройдя через стадию развернутой советской торговли, можно перейти к прямому продуктообмену без посредства денег. А налаживание советской торговли требует большевистской энергии, культурности, внимания к нуждам и запросам трудящихся, тем более что даже некоторые коммунисты страдают высокомерным отношением к советской торговле. Они забывают, что наша кооперация теперь не торгашеская, что «...советская торговля есть наше,

---

[1] *Сталин*, Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии, стр. 28, 1927.

родное, большевистское дело...»[1]. Разговоры о том, что советская торговля—уже пройденная стадия, что надо наладить прямой продуктообмен, являются «левацко»-мелкобуржуазной болтовней людей, не умеющих справиться с задачей советской торговли. «Они не понимают, что продуктообмен может притти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли, чего у нас нет и в помине и что не скоро будет у нас» (Сталин). Одновременно необходима решительная борьба с проявлениями правооппортунистических извращений в торговле, с остатками «нэпманского» духа у некоторых торговых работников, с извращениями политики цен, с отсутствием бдительности в отношении спекулянтов, растратчиков, перекупщиков и т. д. Слова т. Сталина еще раз подчеркивают всю трудность и важность развертывания советской торговли во второй пятилетке.

***

Основным показателем роста товарооборота является розничный оборот, оборот тех звеньев торгового аппарата, которые непосредственно соприкасаются с потребителем. Рост оборота розничной торговли означает рост непосредственного личного потребления трудящихся масс.

Во второй пятилетке мы добьемся огромного роста розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли. Оборот этот (вместе с общественным питанием) составлял в 1932 г. 31,9 млрд. руб. (в розничных ценах 1932 г.), в 1937 г. он достигнет 80,0 млрд. руб., т. е. увеличится в 2,5 раза. В абсолютных цифрах увеличение товарооборота обобществленной (государственной и кооперативной) торговли выразится в 48,1 млрд. руб. за все пятилетие, около 10 млрд. руб. в среднем в год. За период с 1925/26 по 1929/30 г. розничный товарооборот в целом, по всем секторам (тогда еще существовал и частный) вырос только на 5,8 млрд. руб. (с 11,7 млрд. до 17,5 млрд.), в среднем за год около 1,5 млрд. руб. Таковы масштабы и темпы роста товарооборота во второй пятилетке.

Особенно высок будет рост товарооборота в деревне, где он повысится с 8,8 млрд. в 1932 г. до 24,9 млрд. в 1937 г. (по розничным ценам 1932 г.). На селе товарооборот розничных предприятий увеличится на 181,4%, в городе — на 138,9%. Удельный вес села в розничном товарообороте повысится с 27,7 до 31,1%. В деревне увеличатся потребление сахара,

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 575, изд. 10-е.

кондитерских изделий, спрос на предметы домашнего обихода (мебель, посуда и т. д.), на культтовары (музыкальные инструменты).

Розничный оборот основных продовольственных товаров (хлеб, мясо, молочные продукты, яйца, жиры, сахар, рыба, консервы, кондитерские изделия и др.) увеличится (по ценам 1932 г.) с 8 млрд. руб. до 17,9 млрд., почти на 10 млрд. руб. Весь розничный товарооборот в 1937 г. распределяется по следующим основным группам: товары ширпотреба—44,1 млрд. руб., продукты питания—всего 23,2 млрд. руб., общественное питание—12,7 млрд. руб. В группе продуктов питания главную роль играют, как уже указывалось, основные продовольственные товары (17,9 млрд. руб. из 23,2). В группе ширпотреба на первом месте стоят ткани, обувь—30,1 млрд. руб.

Вся товарная продукция предметов широкого потребления по государственной и кустарной промышленности вырастает с 20,1 млрд. руб. в 1932 г. до 45,7 млрд. в 1937 г. (по оптовым отпускным ценам промышленности 1932 г.). Из этих 45,7 млрд. руб. крупную долю должна дать кустарная промышленность—11,5 млрд. руб. Но не вся товарная продукция промышленности (т. е. продукция валовая, за вычетом потребления внутри самой промышленности) идет на широкий рынок. Часть ее идет на нужды ведомств, не попадая в рыночные каналы обращения. Во второй пятилетке удельный вес товаров, идущих непосредственно на рынок, значительно повышается—от 73,4 до 83,8%. В 1932 г. из 20,1 млрд. руб. товарной продукции ширпотреба 5,3 млрд. руб. шло во внерыночный фонд и только 14,8 млрд. руб. поступало на рынок. В 1937 г. из 45,7 млрд. руб. товарной продукции только 7,4 млрд. пойдет во внерыночный фонд, а 38,3 млрд.—на рынок. Сумма товаров ширпотреба, предназначенных непосредственно для рынка, увеличивается на 159,4%, а в абсолютных цифрах—на 23,5 млрд. руб. Точно так же значительно увеличивается товарная часть продовольственных продуктов. Сельское хозяйство даст товарного хлеба (помимо прокормления сельского населения и корма скоту) в 1937 г. 345 млн. центнеров, на 73,8% больше, чем в 1932 г. (198,5 млн. центнеров). Товарная продукция мяса достигает в 1937 г. 24,8 млн. центнеров (рост на 165,7% против 1932 г.), картофеля—164 млн. центнеров (рост на 82,5%), молока и молочных продуктов в переводе на молоко—96,3 млн. центнеров (рост на 135,7% к 1932 г.).

Три года второй пятилетки дали решительные сдвиги в области товарооборота. Планы товарооборота успешно выполня-

ются при систематическом снижении цен. В 1936 год товарооборот вступил в самых благоприятных условиях, освобожденный от стеснительных пут нормированного отпуска и карточной системы. Продукция пищевой промышленности вырастает в 1936 г. на 22%, легкой еще больше — на 29,2%. Тяжелая и местная промышленность расширяет производство предметов широкого потребления. Все это обеспечивает размер розничного товарооборота на 1936 г. по государственной и кооперативной торговле в 100 млрд. руб.

***

Вместе с развертыванием розничного товарооборота будут неуклонно расти и нормы потребления в СССР. По таким основным продуктам питания, как хлеб и картофель, индустриальный рабочий СССР уже в начале второй пятилетки имел более высокий уровень потребления, чем квалифицированный рабочий Германии и предприятий Форда (до кризиса). Теперь, в период глубокой депрессии, массовой безработицы или полубезработицы, уровень потребления рабочих там резко упал. Второй пятилетний план резко повышает потребление ряда важнейших продуктов питания (мясо, жиры, яйца, рыба, сахар и др.), по которым мы в первой пятилетке еще отставали. Нормы потребления этих продуктов увеличиваются в среднем за пятилетие, 1933—1937 гг., в 2,5 раза.

В среднем на душу населения города и села годовое потребление в 1937 г. составит:

Мясо	32,9	*кг*
Рыба	10,3	»
Сахар	12,86	»
Молоко и молочные продукты	169,3	»
Кондитерские изделия	7,6	»
Картофель	156,8	»
Овощи	156,8	»
Яйца	67,3	штуки
Консервы	7	банок

Это—средние нормы. В городе и деревне, а также по разным группам населения, профессиям и т. д. они будут разниться в зависимости от исторически сложившихся вкусов и запросов. Несомненно потребление сахара, консервов и других продуктов в городе будет выше, чем в деревне.

По товарам широкого потребления годичные нормы потребления на душу в 1937 г. будут следующие:

Хлопчатобумажные ткани	26,83 *м*
Трикотаж	12,87 руб.
Мыло хозяйственное	4,6 *кг*
Керосин	15,0 »

Достижение указанных норм потребления во второй пятилетке XVII съезд партии выдвинул как одну из важнейших задач плана.

* * *

Несмотря на рост торговой сети за последние годы, на основе майского 1931 г. обращения СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Центросоюза, она все же не соответствует еще нормальным потребностям населения и не обеспечивает удовлетворительного качества обслуживания, так как вытеснение частника связано было с резким сокращением числа торговых единиц. Эту убыль надо было восполнить и пойти дальше. XVII съезд партии дал директиву о расширении розничной государственно-кооперативной сети на 37% и одновременно о технической реконструкции ее.

Количество всех торговых точек (магазинов, палаток) увеличится с 295,6 тыс. на 1/I 1933 г. до 405 тыс. на 1/I 1938 г. Основная масса торговых единиц будет принадлежать системе кооперации. Ее сеть вырастет с 194,5 тыс. единиц до 267,4 тыс. Государственная же торговля будет иметь (по объединениям и «торгам») 90,2 тыс. магазинов и палаток, кроме того орсы—40 тыс. магазинов. Около 25 тыс. магазинов и палаток будут в распоряжении колхозов для непосредственной реализации (продажи) их продуктов.

Развертывание торговой сети особенно на селе способствует выявлению имеющихся в нашем хозяйстве и еще не использованных внутренних резервов. Эти резервы в нашей огромной стране велики, но они рассеяны в самых различных участках нашего хозяйства. Советская торговля, работающая на основе хозрасчета, притягивает, собирает их, как магнит железные опилки, и превращает в ощутительные массы предметов потребления.

«Развертывание товарооборота—прежде всего розницы—и проведение принципа хозрасчета во всей хозяйственной работе является важнейшим стимулом для выявления имеющихся в нашем хозяйстве огромных и далеко еще не использованных внутренних резервов...»[1].

---

[1] XVII партконференция. Стенографический отчет, стр. 279.

Таким образом во второй пятилетке широко осуществляется та линия, о которой т. Сталин говорил на XVII съезде: «Пришлось ликвидировать, далее, монопольное положение кооперации на рынке, в связи с чем обязали все наркоматы открыть торговлю собственными товарами, а Наркомснаб—развернуть широкую коммерческую торговлю сельскохозяйственными продуктами, что привело, с одной стороны, в порядке соревнования, к улучшению торговли в кооперации, а с другой стороны — к снижению цен на рынке, к оздоровлению рынка»[1].

Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 29 сентября 1935 г. о работе потребительской кооперации в деревне развертывает обширную программу работы ее на селе и ставит перед ней новые задачи. Городская потребкооперация ликвидируется. Кооперативные магазины в городах передаются Наркомвнуторгу. Потребности города целиком может удовлетворить государственная розничная торговля, сумевшая наладить культурную торговлю. Центросоюз, краевые, областные, районные потребсоюзы целиком направляют все свои силы в деревенскую сеть, занимаются исключительно удовлетворением запросов деревни, которые сильно выросли и непрерывно растут с победой колхозного строя и зажиточностью колхозников. На селе имеется 37 000 сельпо, 125 000 лавок, 90 000 заготовительных пунктов. Кооперации нужно увеличить число районных (универсальных) магазинов, создать в деревне обширный и культурно работающий кооперативный торговый аппарат. Новый порядок обеспечивает и коренное улучшение кооперативной сельской торговли и дальнейшее улучшение обслуживания городского потребителя.

В связи с отменой карточной системы по хлебу и переходом к открытой продаже хлеба необходимо было обеспечить достаточную сеть торговых пунктов—лавок, палаток для хлебной торговли. Это было весьма важной задачей, имевшей политическое значение. План развертывания хлебной торговой сети, установленный ноябрьским пленумом 1934 г., был перевыполнен. К 1 января 1935 г. помимо существовавшей сети открылось 19,5 тыс. новых хлебных лавок и палаток.

Карточная система означала отпуск товаров широкого потребления и продуктов питания по определенным, твердо установленным, ограниченным нормам на каждого потребителя, каждого едока. Потребление при карточной системе строго

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 576, изд. 10-е.

регулируется и ограничивается тем количеством продуктов, которое отпускается по продуктовой или всякой другой карточке. Хлебные карточки у нас введены были в 1929 г. В это время особенно обнаружился разрыв темпов развития бурно растущей социалистической промышленности и отсталого мелкособственнического крестьянского хозяйства. Потребность в хлебе для снабжения промышленных рабочих и крестьянских районов технических культур колоссально вырастала. В 1930 г. государство в централизованном порядке снабжало хлебом 26,0 млн. чел. городского населения, в 1931 г.—уже 33,2 млн., а в 1932 г.—40,3 млн. чел. Значительная масса хлебных ресурсов тратилась на снабжение хлебом крестьянских хозяйств, производящих технические культуры (хлопок, лен, табак и др.), для того чтобы поощрять рост этих ценных сырьевых культур. За 1934 г. во время заготовок хлопка и льна на снабжение хлопкоробов затрачено было около 40 млн. пуд., на снабжение льноводов—свыше 10 млн. пуд. Это снабжение происходило в порядке отоваривания, т. е. сдатчики соответствующих технических культур получали право на покупку хлеба по твердым ценам у государства в соответствии с количеством и качеством сданного ими сырья. Государство следовательно нуждалось в больших хлебных ресурсах для снабжения быстро увеличивавшейся армии индустриальных рабочих и стимулирования (поощрения) роста посевов технических культур. Между тем из урожая 1928 г. было заготовлено только 650 млн. пуд. хлеба. Малопроизводительное мелкое крестьянское хозяйство не могло расширить сколько-нибудь значительно производство хлеба. Партия перешла к насаждению совхозов и колхозов. Но пока колхозы и совхозы не могли дать достаточное количество товарного хлеба, государству необходимо было сосредоточить в своих руках распределение всего товарного хлеба при помощи карточек. И карточная система сыграла огромную роль в этом отношении. Она способствовала быстрому темпу индустриализации страны и тем самым социально-технической реконструкции отсталого сельского хозяйства. Распределяя наличные массы хлеба и других продуктов по карточкам, пролетарское государство имело возможность в первую очередь и преимущественно снабжать решающие, ведущие участки промышленности и всего народного хозяйства. Существовало несколько списков снабжения с разными нормами, в зависимости от значения той или другой отрасли и группы предприятий. Снабжая по твердым государственным ценам хлебом сельскохозяйственные районы технических культур,

государство обеспечивало легкую промышленность сырьем (хлопок, лен, пенька и т. д.). Карточная система, несмотря на все ее недостатки, вызвана была всей хозяйственной обстановкой начала первой пятилетки и сыграла большую роль в укреплении социалистических позиций в борьбе с кулаками и спекулянтами, вздувавшими цены на хлеб. Она обеспечила рабочим и значительной массе крестьян хлеб по твердым ценам, чрезвычайно низким по сравнению с рыночными.

Но карточную систему партия рассматривала как временную меру, необходимую в условиях крайней отсталости мелкого индивидуального сельского хозяйства. Карточная система имеет очень много отрицательных черт. Она требует громоздкого аппарата, благодаря чему возможны бюрократическая волокита, злоупотребления. А главное, при карточной системе не могут быть удовлетворены разнообразные запросы потребителя. Будучи прикреплен к какому-либо магазину, потребитель часто вынужден брать товары несоответствующего качества и сорта. Карточная система связывает товарооборот. Обмен между городом и деревней также не может при карточной системе развиваться такими быстрыми темпами, как это необходимо, ибо значительная часть товарной продукции как промышленности, так и сельского хозяйства идет к потребителю не по каналам открытого товарооборота, а в порядке централизованного снабжения и распределения (по карточкам). Отмена централизованного распределения, замена карточной системы развернутой советской торговлей стали важнейшей задачей всего народного хозяйства. Уже в последние годы первой пятилетки партия и правительство принимают ряд мероприятий для развертывания советской торговли. Переход от карточек к открытой, ненормированной торговле требовал серьезной подготовки, определенных экономических условий. Эти условия теперь налицо. Прежде всего исчез частный торговец, его целиком заменил социалистический сектор—государственная и кооперативная торговля. Торговля в СССР—теперь советская торговля, без посредников-капиталистов. Во-вторых, на основе победы и укрепления колхозов и совхозов пролетарское государство в 1934 г. заготовило около полутора миллиардов пудов зерновых культур, в том числе около одного миллиарда продовольственных. В 1928 г. заготовлено хлеба 650 млн. пуд., из них только 416 млн. пуд. продовольственных хлебов. В 1929 г. только 14% заготовленного хлеба было доставлено совхозами и колхозами, остальные 86%—единоличниками. В 1934 г.—обратная картина: 92% всего хлеба,

поступившего государству, дали советские хозяйства и колхозы и только 8%—единоличники. В-третьих, за последние 3 года создана база для перехода к открытой торговле в виде сети коммерческой торговли. Во всем розничном товарообороте удельный вес коммерческой торговли был еще очень невелик в 1931 г., всего 3%. В 1932 г. он сразу повысился до 11%, в 1933 г.—дальнейший рост до 15%, а в 1934 г. быстро развивающийся оборот коммерческой торговли составил $^1/_4$ всего розничного товарооборота. Вместе с тем вырос и весь товарооборот в целом, до 60 млрд. в 1934 г. (в 1928 г.—15,5 млрд. руб.). Таким образом решение ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам с 1 января 1935 г. и постановление ЦК и СНК от 25 сентября об обмене карточной системы с 1 октября 1935 г. по всем продовольственным продуктам подготовлены увеличением продовольственных ресурсов и расширением сети открытой коммерческой торговли. Партия и правительство систематически работали над осуществлением этой задачи, которая была поставлена для второй пятилетки еще XVII партийной конференцией (30/I—4/II 1932 г.): «...подготовить отмену нормирования отпуска товаров и заменить систему централизованного распределения развернутой советской торговлей»[1].

Отмена карточной системы является показателем успехов, которых советская власть добилась в строительстве колхозов и совхозов, в росте легкой и пищевой промышленности, в развитии товарооборота и торговой сети. Влияние этого мероприятия не ограничивается только товарооборотом, оно распространяется на всю нашу экономику, имеет огромное значение для дальнейшего развития всего нашего социалистического народного хозяйства. Улучшается материальное положение трудящихся. Увеличиваются роль и значение денежной зарплаты. Размер заработной платы приобретает важнейшее значение, становится основным регулятором и важнейшим стимулом роста производительности труда.

«Теперь заработная плата превращается в основной регулятор, а ее повышение—в решающий стимул для рабочих и служащих»[2]. В громадной степени усиливается роль денег в развитии всего хозяйства как в городе, так и особенно в деревне. Итак, отмена карточной системы не только представляет но-

---

[1] XVII партконференция, Стенографический отчет, стр. 279.

[2] *Молотов*, Доклад на ноябрьском (1934 г.) пленуме ЦК, стр. 23, Партиздат, 1934.

вый шаг в улучшении снабжения, но имеет огромное общее народнохозяйственное значение.

Уже первая половина 1935 г. показала, что переход к открытой торговле хлебом без карточек прошел успешно. Решения ноябрьского пленума 1934 г. по этому вопросу проведены в жизнь и целиком оправдали себя. Позиции государства на хлебном рынке укрепились. От единоличников поступило хлеба только 8%, остальные 92%—от колхозов, совхозов, МТС. Особенно показателен огромный рост хлебозакупок, произведенных государством помимо обязательных поставок. За всю кампанию 1934 г. закуплено было хлеба 25 млн. пуд., за первый квартал 1935 г.—220 млн. пуд. Таким образом хлебные ресурсы государства сильно увеличиваются. Важнейшим положительным фактом являются дальнейший рост колхозной торговли и снижение цен на базарах в 1935 г. На колхозные базары стали привозить больше картофеля, овощей, мяса, яиц.

Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли за 1935 г. достиг 80,5 млрд. руб., увеличившись на 33% против 1934 г. Кроме того оборот колхозной торговли за тот же год составил 14—15 млрд. руб. По плану 1936 г., государственная и кооперативная розничная торговля должна продать товаров на 100 млрд. руб., а колхозные базары доставят потребителям различных продуктов на 16,5 млрд. руб. Эти цифры развертывания товарооборота говорят о быстро растущем потреблении трудящихся масс города и деревни на основе стахановских темпов роста социалистического производства промышленных и сельскохозяйственных товаров, отмены карточной системы и дальнейшего снижения цен.

Сельскохозяйственные продукты поступают в распоряжение государства (кроме продукции совхозов) по трем каналам. Основную роль играют централизованные заготовки, когда продукты сдаются государству по установленному заранее плану. Часть этих продуктов продается государству по твердым ценам в порядке обязательных поставок, имеющих силу налога. Таковы зерно, подсолнух, рис, картофель, мясо, молоко, масло. Значительная часть хлеба (около $^1/_5$) поступает в виде натуральной оплаты работ, производимых МТС в колхозах. Этот вид поступления хлеба во второй пятилетке будет увеличиваться в связи с ростом количества работ, которые МТС будут производить в колхозах. Вместе с тем в отношении ряда других с.-х. продуктов сохранился метод централизованной заготовки путем контрактации. Сюда от-

носятся такие продукты, как хлопок, лен, конопля,овощи и др. Этот метод отличается от обязательных поставок тем, что здесь размер продаваемой сельскохозяйственной продукции, сроки ее продажи устанавливаются не законом в обязательном порядке, а договорами, имеющими силу закона, заключаемыми с колхозами, колхозниками и единоличниками.

По этим договорам даются денежные авансы. Самые заготовительные цены после отмены отоваривания хлебом, т. е. когда хлеб уже не отпускается государством по низким ценам, повышены.

При перевыполнении планов сдачи продукции по контрактации колхозы, колхозники и единоличники получают премии-надбавки. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1935 г. установлен план контрактации сахарной свеклы из урожая 1935 г. в 120 млн. центнеров. Посевы сахарной свеклы в колхозах и единоличных (не кулацких) хозяйствах освобождены в 1935 г. от уплаты с.-х. налога. Установлены все возрастающие надбавки-премии при сдаче сахарной свеклы сверх плана от 50 до 200% к заготовительной цене. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1935 г. устанавливает план контрактации из урожая 1935 г.: льна-долгунца—360 тыс. *т*, пеньки—75 тыс. *т*, семян льна-долгунца—250 тыс. *т*, семян конопли—70 тыс. *т*. СНК и ЦК подробно устанавливают порядок выдачи денежных авансов, размеры их, сроки сдачи продукции, премии-надбавки при перевыполнении плана сдачи, льготы для посевщиков льна и конопли, заключивших договоры. Следовательно порядок контрактации коренным образом отличается от обязательных поставок тем, что размер сдаваемой продукции может сильно колебаться, зависит от заинтересованности сдатчика, но не может быть ниже установленного договором. Заготовительные цены по контрактации значительно выше цен, уплачиваемых по обязательным поставкам, и они еще более резко повышаются благодаря премиям-надбавкам при перевыполнении плана сдачи по договору. Но и обязательные поставки и контрактация имеют в основе централизованный план, выполняемый специальными государственными органами (при значительном посредничестве кооперации). Наряду с этим заготовку с.-х.продуктов производят по своей собственной инициативе и отдельные организации, предприятия, как государственные, так и кооперативные. Это так называемые децентрализованные заготовки. Их производят для своих нужд орсы различных предприятий промышленности, транспорта, потребительская кооперация, государственные торговые организации для расширения ненормированной торговли. Цены, по которым они заготовляют, устанавливаются ими по согла-

шению (конвенционные цены) с продавцами, главным образом колхозами. Так как заготовителей может собраться много в каком-либо районе и конкуренция может привести к взвинчиванию цен, то распределение заготовительных районов и заготовительные цены регулируются комитетом заготовок при СНК СССР. Децентрализованные заготовки дают около $^1/_3$ всего розничного оборота потребительской кооперации по с.-х. продуктам.

Во второй пятилетке удельный вес обязательных поставок как источника поступления товарного хлеба снижается. Вырастает роль колхозной торговли. Это является показателем, во-первых, роста товарной продукции хлеба; нормы поставок не увеличиваются, а производство хлеба; сборы зерна растут; во-вторых, показателем крепкой хозяйственной связи, товарной смычки города с деревней, нормального развертывания товарного обмена между ними. Июньский пленум 1935 г. оставляет неизменными основные положения закона об обязательных поставках зерна и устанавливает целый ряд конкретных мероприятий по заготовке с.-х. продуктов, по каждому в отдельности (зерно и подсолнух, хлопок, свекла, лен и пенька, картофель, табак). Как и в прошлые годы, в 1935 г. с 1 июля в южных районах и с 15 июля в остальных была прекращена колхозная и индивидуально-крестьянская торговля хлебом и подсолнухом до выполнения краем, областью, республикой в целом плана обязательных поставок зерна и подсолнуха, возвращения ссуды, сдачи натуральной оплаты МТС и засыпки колхозами полностью семенных фондов и самых необходимых фуражных фондов. Обязательные поставки остаются фронтом классовой борьбы. Кулацко-рваческие тенденции могут проявиться здесь больше, чем где бы то ни было, и им должны быть поставлены решительные преграды. Сдача зерна и засыпка семян могут быть выполнены в короткий срок, а затем развертывается колхозная торговля хлебом. Отдельные колхозы могут продавать зерно кооперации и Заготзерну (государственный орган по заготовке хлеба) и до окончания засыпки семенных и фуражных фондов, если они выполнили поставки и возврат ссуд государству, а также натуроплату МТС. Как и в 1934 г., на внутриколхозные нужды (авансы колхозникам и др.) до выполнения поставок государству разрешалось употреблять только 10% фактически намолоченного зерна, для передовых колхозов—15%. Категорически воспрещаются и преследуются в уголовном порядке встречные планы по зернопоставкам для колхозов и единоличников. В отношении картофеля пленум разрешает колхозам и колхозникам, аккуратно выполняющим обязатель-

ные поставки картофеля государству, продавать излишки картофеля государственным и кооперативным организациям по конвенционным ценам. Здесь таким образом могут параллельно развертываться и централизованные и децентрализованные заготовки.

* * *

Отмена карточной системы создает условия для общего снижения цен.

Вопрос о ценах—это центральный, узловой вопрос нашей экономики. Целый ряд важнейших проблем нашей хозяйственной жизни, развития социалистического хозяйства упирается в вопрос о ценах. Цены играют важнейшую роль в деле социалистического накопления, смычки города с деревней, повышения реальной зарплаты рабочих, развертывания торговли и всего нашего хозяйства. Вот почему вопрос о ценах и политике цен стоит все время в центре нашей экономической политики. Между политикой цен капитализма и пролетарской диктатуры существует коренное отличие.

В буржуазном обществе цена является результатом и в то же время орудием стихийной конкурентной борьбы отдельных предпринимателей, трестов, картелей. В цене капиталистический способ производства реализует, выражает в деньгах стоимость и прибавочную стоимость, прибыль. Капиталисты заинтересованы в высоких ценах и их повышении, но отнюдь не в снижении. Только необходимость заставляет капиталистов итти на снижение цен. Или это кризис, поражающий все буржуазное общество, и тогда всеобщее падение цен капиталисты рассматривают как стихийное бедствие; или сами отдельные капиталисты, более сильные, вводят новые усовершенствования и снижают временно цены, чтобы убить конкурента и захватить монополию на тот или иной товар. Но снижение цен само по себе не является целью в капиталистическом способе производства.

В этом отношении характерно обращение президента Соединенных штатов Рузвельта к главам 53 государств[1]. В числе трех основных мероприятий, которые могут дать, по мнению Рузвельта, выход из хаоса современного мирового кризиса, он считает международное соглашение для *повышения уровня цен*. Между тем именно американский капитализм располагает такой мощной техникой, запасами оборудования, сырья, про-

[1] Опубликовано в «Правде» и «Известиях» 17 мая 1933 г.

мышленного и сельскохозяйственного, и достиг такой высокой производительности труда, которая дает возможность держать цены на низком уровне. Дело следовательно в самой природе капиталистического хозяйства и капиталистической цены. Роль цены в советском хозяйстве иная.

Советская экономика не подчиняется действию каких-либо стихийных экономических законов. Ее развитие направляется пролетарской диктатурой, обеспечивающей рост, расширенное воспроизводство социалистического хозяйства. Цена у нас во всем советском хозяйстве является орудием и результатом планового воздействия. В государственном секторе цена непосредственно устанавливается планом. Цены кооперативного сектора регулируются в плановом порядке, но степень воздействия плана неодинакова для различных звеньев кооперации. Меньше воздействие плана на неорганизованном рынке, где выступают и колхозники, и единоличники, и другие группы населения. Но и здесь цена не складывается стихийно, как на буржуазном рынке. Пролетарское государство самыми разнообразными методами—административными, экономическими, контрольными, массовой агитацией, общественной самодеятельностью—оказывает влияние на рынок, на цены. В распоряжении государства находятся все мощные рычаги, поэтому степень этого влияния все возрастает. Так как вся наша советская система ставит себе целью подъем материального благосостояния трудящихся на основе роста социалистического хозяйства, то и политика цен в советском хозяйстве как составная часть и важнейший элемент плана тоже ставит задачей рост жизненного, материально-культурного уровня трудящихся. Снижение цен является одним из наиболее важных средств на этом пути. Советская политика цен—это курс на снижение цен. Ленин много раз говорил о том, что советская социалистическая промышленность должна продавать крестьянину товары дешевле, чем капиталисты. Партия выполняла эту ленинскую политику цен, пользуясь ею как одним из методов борьбы с частным капиталом. Еще XV партийный съезд в резолюции по отчету Центрального комитета постановил «...продолжать политику снижения себестоимости и неуклонно проводить политику снижения цен на промышленные изделия».

Мы строим цену так, чтобы росло потребление трудящихся масс и в то же время увеличивалось накопление всего общественного хозяйства. Поэтому нам не приходится заботиться о поисках рынков для продуктов промышленности и сельского хозяйства. Им обеспечен сбыт на основе растущих доходов

рабочих и крестьян и снижающихся цен. Таким образом политика снижения цен является необходимой предпосылкой ускоренных темпов развития всего нашего хозяйства. Она определяет размеры социалистического накопления, уровень реальной зарплаты рабочих. Чтобы обеспечить определенный, необходимый размер накопления, наши цены конечно строятся так, что содержат в себе сверх себестоимости известную прибыль, необходимую для расширенного воспроизводства. Но нам чуждо стремление чрезмерно увеличивать размеры этой прибыли. Взвинчивание цен грозит задержкой развития промышленности и всего народного хозяйства.

Осенью 1923 г. мы столкнулись с таким явлением, когда наши промышленные предприятия в погоне за чрезмерным увеличением прибылей подняли цены до такого уровня, что рынок не в состоянии был потребить запасы промтоваров, которых тогда было во много раз меньше, чем сейчас. Произошла заминка в сбыте, финансовое положение промышленности затруднялось, товары не сбывались, лежали на складах, а главное, не шли в потребление. Троцкисты настаивали, несмотря на этот урок, на общем повышении цен, борясь с линией партии. Но партия дала решительный отпор троцкистской программе, и только благодаря этому мы с тех пор не имели повторения кризиса сбыта 1923 г. Рынок для промышленности неизменно рос, поглощая полностью всю ее продукцию и ощущая еще дефицит.

Политика цен служит пролетарской диктатуре орудием в борьбе с классовым врагом. Путем установления цен на продукты, как заготовляемые государством, так и продаваемые им, мы добиваемся усиления пролетарских позиций обобществленного сектора во всем народном доходе СССР.'

У нас существовала система различных цен. Рабочие и служащие промышленности до отмены карточек обслуживались сетью закрытых распределителей и закрытых рабочих кооперативов, а крупнейшие предприятия (140), перечисленные в постановлении СНК в декабре 1932 г., имели свои орсы (отделы рабочего снабжения). Во всей этой сети товары отпускались по определенной норме по нормированным низким ценам. После постановления об отмене карточек на хлеб, крупу, муку эти продукты с 1 января 1935 г. уже продаются без карточек во всех продовольственных магазинах, а с 1 октября производится открытая продажа всех продовольственных товаров по единой государственной цене.

Наряду с этим существовали государственные магазины,

продававшие товары не по твердым ценам централизованного снабжения, а по так называемым коммерческим. Уровень этих цен выше, потребителями здесь в основном являлись вначале наиболее квалифицированные группы рабочих, служащих с высокими окладами, стремившихся таким путем удовлетворить дополнительно свои потребности. С точки зрения классового распределения и регулирования доходов отдельных групп населения было бы неправильно, если бы мы например отпускали государственные товары по твердым ценам кустарям, крестьянам, продающим свои продукты на рынках по высоким, часто недоступным ценам. А разница между розничными ценами колхозного рынка и нормированными ценами весьма значительна. Твердые государственные нормированные цены давно уже резко оторвались от рыночных цен и оказались гораздо ниже последних, часто ниже себестоимости.

Чтобы добиться серьезных успехов в снижении цен, необходимо было перейти от системы двойных цен (нормированных и коммерческих) к единой государственной цене. Двойные цены задерживали развитие товарооборота. Они порождали мелкую спекуляцию, стремление получить больше нормированных продуктов, чем надо, чтобы часть сбыть по высокой рыночной цене. Продуктов расходовалось больше, чем было нужно. Сплошь и рядом при карточной системе получали хлеб не для потребления, а для обмена.

Поэтому единые государственные цены устанавливаются на уровне среднем между прежними твердыми ценами и ценами коммерческими. Таким образом коммерческие цены на хлеб существенно снижены. На одни и те же сорта хлеба цены колеблются по районам (8 поясов) в пределах 5—10 коп. за килограмм. Вслед за снижением коммерческих цен на хлеб в связи с отменой карточек началось снижение цен в государственной коммерческой торговле и на ряд других продуктов. По постановлению XVII съезда партии средний уровень розничных цен в 1937 г. будет снижен на 35% против 1932 г.

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 сентября 1935 г. с 1 октября 1935 г. отменены карточки и установлены единые цены на мясо и мясные продукты, рыбу, сельди, сахар, картофель, масло, маргарин. Одновременно снижены цены на эти продукты и на хлеб. Особенно значительно снижение цен на мясо и животное масло—до 40%.

Потребители—рабочие, колхозники—получат благодаря этому экономию в бюджете, исчисляющуюся миллиардами.

Установление единой цены играет огромную роль в деле

снижения общего уровня цен в стране. Единая цена устанавливается выше прежней твердой государственной цены, но ниже прежней так называемой коммерческой цены. Следовательно она с самого начала действует понижающе на цены колхозных базаров, подтягивает их к себе, так как государство по всем продуктам является крупнейшим их распределителем. Затем на целый ряд товаров ненормированной торговли неуклонно снижаются в большем или меньшем размере цены в государственно-кооперативной торговле. На протяжении первой половины 1935 г. снижались Наркомвнуторгом цены на крупу, макароны, рис, молочные продукты, колбасу, рыбу, консервы. В то же время единая цена, по которой государство продает продовольственные продукты и промышленные товары, вырывает почву из-под ног мелкой спекуляции. Нельзя уже доставать товары по твердой цене и продавать их по коммерческой или по ценам колхозного базара. Как повлияло установление с 1 января 1935 г. единых цен на хлеб, крупу при отмене карточной системы, показывают итоги первого квартала 1935 года[1]. По сравнению с декабрем 1934 г., когда хлеб продавался еще по карточкам, цены на хлеб в ряде городов снизились на 40—50%, а в некоторых и больше. В 1935 г. происходило снижение базарных цен по всем сельскохозяйственным продуктам. Если сравнить цены весны 1935 г. с ценами начала второй пятилетки (весны 1933 г.), то цены на колхозных базарах за этот период снизились в $2^1/_2$ раза, а по отдельным продуктам и больше: по хлебу в 5 раз, овощам и картофелю в 4 раза.

Не следует однако забывать, что перед товарооборотом стоят еще серьезные задачи и по увеличению объема товарной продукции, рыночных фондов и улучшению качества обслуживания. Если отдельные звенья торговых систем, прежде всего государственной торговли наркоматов, сумели поставить правильно организацию дела, то вся торговая сеть в целом далека еще от подлинно культурной советской торговли. Недостаточно удовлетворительно качество обслуживания, нет еще уменья быстро приспособиться к разнообразию спроса потребителей. Требовательность советской общественности к нашим торговым организациям никоим образом не должна ослабевать. Культурно торговать, по-советски, внимательно, заботливо, так, как этого требует сталинская забота о людях, обслуживать запросы работников социалистического хозяйства в городе и деревне—это основная задача советской торговли.

---

[1] См. статью т. Гатовского в журн. «Большевик» № 9 за 1935 г.

Советская торговля означает беспощадное искоренение из торговой практики всяких проявлений буржуазных привычек в государственной торговле, в кооперации. «Левацкие» извращения, попытки затормозить полный переход от централизованного распределения, замену нормированного отпуска развернутой открытой торговлей должны получить непримиримый отпор, так же как и нарушения советской политики цен, стремление оппортунистов и чуждых элементов под тем или другим предлогом срывать неуклонно проводимое снижение цен в государственно-кооперативной торговле. Борьба с классово враждебными элементами в товарообороте сохраняет свою актуальность. Классовый враг, спекулянт, перекупщик стремились использовать разницу цен нормированных (твердых) и ненормированных. Но и при установлении единых цен на все товары бдительность в отношении классово чуждых элементов, пытающихся нажиться на советском рынке, не может быть ослаблена. Спекулянты стремятся использовать каждую возможность. Они изыскивают способы скупать товары в государственных магазинах и сбывать их с высокой надбавкой, пользуясь тем, что рынок еще недостаточно насыщен некоторыми товарами высокого качества.

Они закупают у колхозников оптом привезенные последними продукты и затем по высокой цене перепродают в розницу. Пролетарское государство искореняет спекулянтов и перекупщиков. Их маневры быстро разоблачаются. Но прежде всего торгующие организации, государственные, кооперативные, сами колхозы должны организованно полностью овладеть рынком, не оставляя никакой возможности спекулянту, перекупщику пролезть и нажиться на потребителе.

Глава IX

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ СССР

§ 1. Рост благосостояния трудящихся СССР

«...Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (Сталин). Забота о людях, о кадрах—первейшая обязанность, важнейшая задача социалистического общества. Сталинская забота о людях, любовь к людям, строящим социализм, обязывают к дальнейшему, еще более ускоренному подъему материально-культурного уровня трудящихся.

Трудящиеся всего мира веками боролись и борются за уничтожение эксплоатации. Рабочий класс СССР в союзе с крестьянством одержал эту победу. «Уничтожение эксплуатации, уничтожение безработицы в городе, уничтожение нищеты в деревне—это такие исторические достижения в материальном положении трудящихся, о которых не могут даже мечтать рабочие и крестьяне самых что ни на есть «демократических» буржуазных стран» [1].

Социалистическая индустриализация страны и коллективизация крестьянского хозяйства являются основой подъема благосостояния трудящихся масс нашей страны. Окончательная победа социалистической системы хозяйства в городе и деревне, ликвидация капиталистических элементов во всем народном хозяйстве, объединение громадного большинства—$^{9}/_{10}$—крестьян в крупные коллективные хозяйства—все это привело к ликвидации безработицы в городе и нищеты, пауперизма в деревне. Весь народный доход страны идет в распоряжение рабочих и служащих, пролетарского государства, кооперации. Уже к XVII съезду доля капиталистических

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 571, изд. 10-е.

элементов в народном доходе составляла менее полупроцента, как указывал в своем докладе т. Сталин. К концу второй пятилетки она сведется к нулю. Как велики бедствия безработицы, неизбежные при капиталистическом режиме, показывают цифры 1932 г., т. е. относящиеся как раз к тому периоду, когда мы подводили итоги первой пятилетки. В 1932 г. вовсе не имели работы в Германии 43,8% всех членов профсоюзов, в США—32%; заняты были неполное рабочее время в Германии 22,6%, в США—21% всех членов профсоюзов. В феврале 1933 г. во всем капиталистическом мире было безработных 29 млн. После того как мировой экономический кризис прошел свою низшую точку, и армия безработных несколько сократилась: в ноябре 1933 г. безработных было 22 754 тыс., в июне 1934 г.—20 758 тыс. Но в ноябре 1934 г. количество безработных опять возросло до 22 754 тыс., далеко превосходя докризисную цифру июня 1929 г., когда безработных было 6,5 млн. Цифры безработицы, их стойкий характер отражают затяжной процесс депрессии.

В начале 1935 г., т. е. когда капитализм вступил уже в период депрессии особого рода, пройдя низшую точку падения хозяйства во время кризиса, в Соединенных штатах имелось безработных не меньше 11,5 млн., в Англии—около 2,5 млн. В связи с этим жизненный уровень рабочих капиталистических стран резко снизился. Средний годовой заработок рабочего американской обрабатывающей промышленности почти вдвое уменьшился в 1932 г. сравнительно с 1929 г. (с 1 288 долл. до 678 долл.). В Германии в 1932 г. фактический недельный доход промышленного рабочего (21,75 марки) составлял только 56% от стоимости жизни (39,05 марки). Выше мы уже говорили, что по ряду необходимых продуктов питания индустриальные рабочие крупнейших предприятий в СССР достигли и даже превысили нормы потребления американских и германских квалифицированных рабочих до кризиса (в 1929 г.). Во второй пятилетке происходит дальнейший подъем материального уровня жизни трудящихся СССР. Средняя годовая заработная плата рабочих и служащих по всем отраслям народного хозяйства увеличится с 1 427 руб. до 1 755 руб. (на 23,0%). В то же время увеличивается и общее число рабочих и служащих, занятых во всем народном хозяйстве,—с 22,9 млн. человек в 1932 г. до 28,9 млн. в 1937 г. Рост зарплаты каждого отдельного рабочего и увеличение всей армии рабочих и служащих приводят к увеличению фонда зарплаты по плану второй пятилетки до 50,7 млрд. руб. в 1937 г. Однако рост

стахановского движения, сильно повышающего заработки рабочих, и распространение прогрессивной сдельщины увеличивают фонд зарплаты уже в 1936 г. до 63,4 млрд. руб.

В СССР рабочий класс является сам хозяином средств производства и продуктов, производимых на государственных предприятиях. Он сам определяет ту часть продуктов, которая идет в личное потребление, и тот излишек, прибавочный продукт, который идет на расширенное воспроизводство социалистического хозяйства. Определяя эти доли, он руководствуется интересами укрепления социалистического хозяйства, общественного производства, общего длительного подъема материального благосостояния. В этом—коренное отличие социалистического распределения от капиталистических принципов распределения. Меньшевик Базаров на этом основании отрицал возможность накопления и расширенного воспроизводства в СССР. Как же, спрашивает он, возможно накопление, если сам рабочий класс является хозяином, а он заинтересован в максимальном увеличении потребления? Однако рабочий класс в целом, в лице своей партии, своего государства, всегда умеет определить те пропорции между потреблением и накоплением, которые необходимы в интересах укрепления пролетарской революции, победы социализма и дальнейшего подъема жизненного уровня рабочих. Если это вызывается революционной необходимостью, если это нужно для победы на каком-либо решающем участке социалистического строительства, рабочий класс временно ограничивает себя на другом участке, но он делает это для себя, он сам пожнет плоды своей работы, своих жертв. Коренные, принципиальные отличия нашего строя и условий труда от капиталистических полностью изложены т. Сталиным в докладе на XVI партийном съезде.

Каковы эти отличия?

«...Развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся; ...распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплоататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне»[1].

Указанный выше рост заработной платы сопровождается

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 397, изд. 10-е.

снижением цен на продукты питания и предметы широкого потребления в размере 35%. По плану 1937 г. розничный товарооборот будет составлять по ценам 1932 г. 80,0 млрд. руб., по ценам 1937 г.—53,0 млрд. руб. Это значит, что трудящиеся города и деревни получат громадную экономию от снижения цен за один только 1937 г. (сравнительно с ценами 1932 г.)—27 млрд. руб. В 1937 г. рабочий и служащий будут получать более высокую зарплату (на 26%) и в то же время покупать товары по более низким ценам (на 35%). В результате реальная заработная плата рабочих и служащих, т. е. количество фактически потребляемых ими продуктов, повысится в два раза по сравнению с уровнем 1932 г. По некоторым товарам—хлебу, картофелю, овощам—нормы потребления не очень сильно повысятся, так как потребление этих продуктов достигло уже в первой пятилетке высокого уровня. Так, общий фонд хлеба, картофеля и овощей, идущих на потребление всего населения города и деревни, увеличится следующим образом (в млн. центнеров):

	1932 г.	1937 г.	Увеличение в %
Хлеб в зерне	372,6	464,7	+24,7
Картофель	222,8	280,6	+25,9
Овощи	168,7	280,6	+66,4

Зато очень сильно повысятся нормы душевого потребления таких важнейших продуктов питания, как мясо, яйца, сахар и др. В среднем за пятилетку мы будем иметь рост душевого потребления по этим продуктам в $2^1/_2$ раза. Как вырастет общий фонд этих продуктов, идущий на потребление всего населения, как земледельческого, так и неземледельческого, показывает таблица на стр. 351 (в млн. центнеров).

Несомненно, что эти фонды будут превышены и нормы потребления будут перевыполнены в результате стахановского движения в промышленности и работы передовых ударников колхозов. Возьмем хотя бы сахар. Для 1937 г. намечено было 23 млн. центнеров. А наша промышленность уже в 1935 г. дала больше 130 млн. пудов, т. е. на 50 млн. пуд. с лишком превысила 1934 год.

Почти в $4^1/_2$ раза увеличивается фонд потребления консервов, в 3 раза—яиц, более чем вдвое—мяса, в $2^1/_2$ раза—сахара и кондитерских изделий. Увеличиваются следовательно не

только нормы потребления и общие фонды продовольственных продуктов. Улучшается и качественный состав продуктов питания. Повышается удельный вес более ценных и питательных продуктов—мяса, жиров, яиц, сахара, молочных продуктов. Мука будет в 1937 г. потребляться на 70% пшеничная (в 1932 г.—на 43%). В 1932 г. почти половину потребляемого мяса составляла баранина, а свинина—только 25,5%. В 1937 г. процент свинины повысится до 48,6.

	1932 г.	1937 г.	Увеличение в %
Мясо	27,0	58,8	+117,4
Сахар	8,7	23,0	+163,3
Кондитерские изделия	5,7	13,4	+135,6
Яйца (млн. штук)	4 096	11 940	+191,5
Консервы (млн. банок)	283,4	1 250,0	+341,1

Из года в год растет количество рабочих и служащих, занятых во всем народном хозяйстве СССР, и увеличивается годовой фонд заработной платы.

	1930 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г. (план)
Число рабочих и служащих (в млн. чел.)	14,5	21,8	23,7	24,7	25,7
Фонд зарплаты (в млрд. руб.)	13,6	34,3	44,6	56,2	63,4

Говоря о зарплате в СССР, мы должны помнить, что она имеет принципиально совершенно другое классовое содержание, чем при капитализме. Она не является стоимостью рабочей силы, ибо ни наемных рабочих, продающих «рабочую силу», ни капиталистов, ее покупающих и эксплоатирующих, в нашей государственной промышленности нет. Наши фабрики и заводы—предприятия последовательно-социалистического типа, на которых нет и не может быть эксплоатации в силу принципиальных отличий нашего строя, о которых мы уже говорили выше. В советских условиях так называемая зарплата является

не чем иным, как денежным выражением той части общественного продукта, которую рабочий получает от государства в свое непосредственное личное распоряжение, в зависимости от количества и качества работы. Денежная зарплата, получаемая у нас рабочими (правильнее работниками) социалистической промышленности, составляет только часть того дохода, который они получают. Поэтому один только рост денежной зарплаты еще не отражает полностью степени подъема материального уровня жизни нашего рабочего класса.

Было бы ошибочным судить о жизненном уровне рабочих СССР и степени его подъема только по росту денежной зарплаты. Меньшевики, защищающие капитализм и желающие преуменьшить достижения рабочего класса СССР, совершенно сознательно оставляют в стороне ту часть народного дохода, которая идет на улучшение материально-культурного уровня рабочих и служащих не в виде индивидуальной зарплаты, а другими путями (социальное страхование, пособия профсоюзов, стипендии учащимся, просвещение, медпомощь, оплата отпусков и т. д.). Все эти виды обобществленной зарплаты, т. е. не идущей непосредственно в распоряжение отдельного рабочего, составляли в 1927/28 г. сумму в 102 р. 78 к. на одного члена рабочей семьи, в 1931 г.—163 руб., а в 1932 г.—примерно 200 руб. Эта часть заработной платы составляет не менее 35% индивидуальной.

В царской России на каждого промышленного рабочего тратилось в год 72 коп. на медпомощь, а в СССР в 1932 г.—около 40 руб. Расход на просвещение на одну душу рабочего населения составлял в 1927/28 г. 11 руб., а в 1932 г.—44 руб. Бюджет социального страхования за годы пятилетки ежегодно давал высокий прирост. В 1927/28 г. он составлял 1 050 млн. руб., в 1928/29 г.—1 258 млн. руб., в 1930 г.—1 796 млн. руб., в 1931 г.—2 463 млн. руб., а в 1932 г.—4 400 млн. руб.

По плану 1937 г. бюджет социального страхования был намечен в сумме 6 750 млн. руб. Свыше 60% всего бюджета соцстраха, около 4 200 млн. руб., составят расходы на медицинскую помощь, предупреждение болезней, на физкультуру, рабочее жилищное строительство. 713 млн. руб. будут затрачены на обслуживание детей (ясли, детские дома, питание школьников и т. д.). Домами отдыха в 1937 г. будет обслужено свыше 2 млн. человек, а лечебными курортами—1 350 тыс. человек. Уже в 1934 г. через дома отдыха, санатории, курорты прошли 1 341 тыс. рабочих и служащих. Если подсчитать все те суммы, которые рабочие и служащие получат в 1937 г. от государства

помимо индивидуальной зарплаты, то получится огромная цифра в 9 284 млрд. руб. Это—затраты на культурно-бытовое обслуживание только рабочих несельскохозяйственных отраслей. Из указанной суммы рабочие получат в виде пенсий и пособий по нетрудоспособности 1 342 млн. руб., в виде стипендий учащимся (членам семей рабочих)—1 651 млн. руб., на просвещение и культурное обслуживание—3 528 млн. руб. и на здравоохранение—2 586 млн. руб. Для иллюстрации положения дел в капиталистических странах приведем краткую характеристику из книжки «Фабричный рабочий в американском хозяйстве» Ю. и М. Кучинских (буржуазных статистиков), где освещается вопрос о пособиях безработным и пенсиях старикам: «Немногим более 1% всех фабричных рабочих в Соединенных штатах могут в настоящее время рассчитывать на помощь в случае безработицы. Предприниматели почти ничего не делают для безработного рабочего. Штаты совершенно ничего для него не делают, а некоторые профсоюзы делают для него очень мало». О пенсиях старикам: «Государственная помощь не имеет совершенно никакого значения. Лишь приблизительно 10,5% всех фабричных рабочих обеспечены профсоюзной помощью. Вероятно из работающих ныне и достигающих соответствующего возраста фабричных рабочих немногим более 10% могут получить пенсию по старости». Такова пропасть, отделяющая работника социалистического хозяйства СССР от пролетария капиталистических стран.

В связи с быстрым ростом всего фонда зарплаты бюджет социального страхования в СССР уже в 1935 г. достиг 6,7 млрд. руб. План на 1936 г. по соцстраху утвержден в сумме 8 млрд. руб.

Важнейшим источником потребления явится общественное питание. В 1937 г. им будет в городах охвачено всего (включая дошкольников, ясли, санатории и самодеятельные столовые) свыше 32,3 млн. потребителей, т. е. почти $^3/_4$ всего городского населения, и 20 млн. сельского населения. Система общественного питания отпустит в 1937 г. 20,6 млрд. блюд в городе вместо 8 млрд. в 1932 г. Оборот общественного питания увеличится с 4 800 млн. руб. в 1932 г. до 12 700 млн. руб. в 1937 г. Особенно он вырастет в сельской сети, которая отпустит 4,5 млрд. блюд в 1937 г. (1,7 млрд. в 1932 г.). Индустриализирующаяся колхозная деревня и в этом отношении приближается к уровню города. Развитие сельской сети общественного питания означает культурный рост колхозников.

В дальнейшем улучшении культурно-бытового уровня жизни трудящихся большую роль сыграет жилищное и коммунальное

строительство. Советская власть начала с того, что переселила бедноту из подвалов в верхние этажи. Ценность этой меры для рабочего класса трудно конечно оценить в рублях. Затем в связи с индустриализацией страны развивалось и новое рабочее жилищное строительство. В 1927 г. отстроено было 2,6 млн. $м^2$ жилплощади, в 1932 г.—17 млн. $м^2$. За вторую пятилетку будет сдано в эксплоатацию вновь отстроенной жилплощади 65,8 млн. $м^2$. Для этого в жилищное строительство будет вложено 13,4 млрд. руб., в три раза больше, чем за первую пятилетку. В результате к концу второй пятилетки городской жилищный фонд увеличится на 61,4 млн. $м^2$ (на $^1/_3$ к 1932 г., принимая во внимание амортизацию). Жилая норма на человека также увеличится на 14,8%. Надо иметь в виду, что население городов увеличится за вторую пятилетку на 6,4 млн. человек. Весь жилищный фонд городов в 1937 г. составит 246,4 млн. $м^2$, что при населении городов в том же году в 46,1 млн. человек даст в среднем на человека 5,35 $м^2$ (в 1932 г. было 4,66 $м^2$). Чтобы получить представление о том, как повышается обеспечение жилищами при диктатуре пролетариата, достаточно небольшой справки о жилищной нужде и бедствиях рабочих в дореволюционной России. Статистическое обследование коечно-каморочных квартир в Москве, произведенное в 1899 г. и охватившее свыше 170 тыс. жителей, показало ужасающие жилищные условия, в которых жили фабрично-заводские рабочие, чернорабочие. В XX в. (1908—1910 гг.) положение нисколько не улучшилось. Анкета 1908 г. показала, что в Петербурге 40% семейных рабочих и 70% одиноких жили в угловых помещениях (снимали угол). По данным обследования 922 рабочих квартир в Иваново-Вознесенске (в тот же период), оказалось, что на одного жильца приходится 1,5—3 $м^2$, включая площадь, занимаемую печкой. В редких квартирах имелись деревянные койки, и не все имели подушки, одеяла. Две трети бакинских семейных рабочих (в 1910 г.) жили в углах, причем плата за такую «квартиру» отнимала у них $^1/_4$ всего заработка. В СССР рабочий класс—хозяин. Государство наше—пролетарское. И это особенно сказывается в жилищном вопросе. Во второй пятилетке основным типом нового жилищного строительства будет квартира со всеми необходимыми удобствами, рассчитанная на одну рабочую семью. Дома и поселки рабочих обеспечиваются столовыми, прачечными, яслями, культурными учреждениями.

Значительно расширяется для трудящихся пользование коммунальными жилищными удобствами. Вместо 26,2 млн. человек

в 1932 г. будут пользоваться водопроводом в 1937 г. 37,5 млн. человек, причем и расход воды в сутки на каждого человека увеличится на 50%. Увеличение нормы расхода воды на душу является показателем роста культурности населения. Почти в два раза увеличится часть населения, обслуживаемая канализацией (с 15,5 млн. до 28,0 млн.). Более чем в 10 раз увеличится число коммунальных прачечных (700 вместо 65), в два с лишком раза—число коммунальных бань (с 1 171 до 2 634), рассчитанных на 297 тыс. мест. Заново будут выстроены: трамвай в 20 городах, водопровод в 74 городах, канализация в 70 городах.

В коммунальное строительство за вторую пятилетку будет вложено 7 145 млн. руб. (за первую пятилетку—1 850 млн. руб.), из которых 30% пойдет на санитарные мероприятия (водопровод, канализацию, очистку), 20% на транспорт (трамвай, троллейбусы, автобусы). Во втором пятилетии крупнейшим строительством в области коммунального хозяйства является московский метрополитен (подземный трамвай) общей длиной в 36 *км*, стоимостью в 1 200 млн. руб.

Первая очередь метро длиной в 11,5 *км* сдана в эксплоатацию в мае 1935 г. Московскому, лучшему в мире, метрополитену присвоено имя Л. М. Кагановича, который непосредственно руководил организацией этого грандиозного и образцового строительства.

Из всех капиталовложений в коммунальное строительство самые крупные затраты будут произведены на замощение улиц и мосты в городах (1 055 млн. руб.), водопровод (906 млн. руб.), трамвай и троллейбус (753 млн. руб.), канализацию (650 млн. руб.). Наибольшая стоимость коммунального строительства во второй пятилетке будет в следующих городах: Москва (774 млн. руб.), Ленинград (653 млн. руб.), Харьков (210 млн. руб.), Киев (90 млн. руб., без нового строительства в связи с переносом столицы УССР), Баку (179 млн. руб.), Тифлис (124,5 млн. руб.), Днепропетровск (105 млн. руб.), Свердловск (95 млн. руб.), Челябинск (65 млн. руб.), Новороссийск (65 млн. руб.), Ташкент (99 млн. руб.). Эти цифры отражают советскую национальную политику. Новое строительство, реконструкция городов идут не только в старых русских центрах. Огромные суммы на коммунальное строительство затрачиваются в новых и старых городах УССР, Закавказья, Средней Азии, Сибири.

Рост общего фонда зарплаты рабочих и служащих в СССР, рост средней годовой зарплаты отдельного рабочего в денежном выражении и рост потребления (т. е. реальной зарплаты)—все это сопровождается сокращением рабочего дня. Постано-

влением о введении 7-часового рабочего дня, принятым в октябре 1927 г. на сессии ЦИК, советская власть сделала решительный шаг вперед в выполнении цели, поставленной программой коммунистической партии. В программе нашей партии сказано: «...ВКП должна поставить себе задачей установить: 1) в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный шестичасовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд и при обязательстве трудящихся, сверх того, уделить два часа, без особого вознаграждения, теории ремесла и производства, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству»[1]. В царской России еще в 1913 г. средняя длина рабочего дня была около 10 часов. Сокращение рабочего дня способствует подъему культурного уровня рабочих и росту производительности труда. Необходимо отметить, что это мероприятие (перевод на 7 часов работы), с энтузиазмом встреченное пролетариатом всего мира, вызвало сильнейшее сопротивление со стороны правых оппортунистов и троцкистов.

* * *

В итоге первой пятилетки ликвидированы в деревне обнищание, пауперизм. Ликвидация кулачества вырвала почву из-под ног эксплоататоров, положила конец расслоению в деревне. Кулак был выбит из производственных позиций, беднота вошла в колхозы. Колхоз приходит на помощь своим членам, поддерживая их в трудную минуту. Колхозное крестьянство, так же как и рабочие, уверенно и бодро смотрит в будущее, зная, что завтрашний день обеспечен, все зависит от честности, добросовестности и качества колхозного труда. Достаточно вспомнить недоброе дореволюционное время, чтобы понять значение великого перелома, происшедшего в годы первой пятилетки и завершаемого во второй. В то время как помещики владели каждый десятками тысяч десятин—924 крупнейших помещика владели 27 млн. десятин,—маломощные крестьяне, бедняки и середняки, задыхавшиеся от малоземелья, вынуждены были брать у помещиков в аренду землю и платить непосильную арендную плату, лишь бы прокормиться. Это была «голодная» аренда. Так, арендная плата за десятину пашни под озимые хлеба была в Курской губернии в 1898 г. 16,8 руб., в 1905 г.—23,5 руб., в Воронежской губ.—12,3 и 18,8 руб. Под яровые хлеба: в Курской губ. в 1898 г.—10,7 руб., в 1905 г.—17,1 руб.,

[1] «Программа и устав ВКП(б)», стр. 39—40, изд. 1935 г.

в Полтавской губ.—9,7 и 13,9 руб. Арендная плата все время повышалась. Бедняцко-середняцкое крестьянство вырождалось физически, недоедало, хозяйство падало. Деревня пауперизировалась, беднела. Упадок благосостояния сказывался непосредственно в явлениях физического вырождения, что особенно обнаруживалось в увеличении брака при приеме на военную службу. Так, по 50 губерниям Европейской России процент забракованных и отсроченных (по болезни или недозрелости) неуклонно повышался (в проц.):

1874—1878 гг.	1879—1883 гг.	1884—1888 гг.	1889—1893 гг.	1894—1898 гг.	1899—1902 гг.
11,2	14,9	16,9	17,9	17,6	22,1

Наоборот, при пролетарской диктатуре растут показатели физического оздоровления трудящихся. По данным врачебного освидетельствования в Москве, Ленинграде, Московской и Ивановской областях, Горьковском крае и на Украине, приведенным т. Молотовым на VII съезде советов, у рабочих, призываемых в Красную армию, за последние 6—7 лет средний вес увеличился на 1,5—2 *кг*, а окружность грудной клетки—на 1,5—2,5 *см*.

Приведем интересное письмо одного крестьянина, относящееся к 1907 г. и рисующее жизнь крестьянства Московской губернии тогда. Оно помещено в книжке «Что говорят крестьяне о своих нуждах»[1]. Этот крестьянин (А. С. Белов) пишет: «При современном ведении сельского хозяйства доходы от земли не покрывают всех нужд семьи. Возьмем среднюю семью в 5 человек при одном работнике. Посев ржи на две души составляет 12 мер, даже при урожае сам-4, за вычетом семян, остается 36 мер на сумму 28 рублей. Если на другом поле посеять один овес, 27 мер, при урожае сам-4, за вычетом семян, остается 81 мера на сумму около 32 рублей; от коровы получится теленок, стоящий к концу лета хотя 8 рублей; и от 2 овец приплоду на 9 рублей. Итого всего доходу от земли и от скота 77 рублей. Расход же на семью выразится: хлеб по пуду в месяц на человека—60 пудов по 80 коп.—48 рублей; круп по 2 меры в месяц по 1 р. 70 к.—40 р. 80 к.; масла постного 2 пуда—14 руб., соли 6 пуд.—1 р. 10 к., мяса на 6 руб., подати—

[1] Издание 1907 г. под ред. Горбунова-Посадова, серия «Крестьянская жизнь».

20 руб., одежда верхняя и нижняя—30 руб. и т. д., всего годового расхода—287 р. 90 к. За вычетом 77 руб. дохода от земли у крестьянина остается 210 р. 90 к. непокрытого расхода, который и должен быть покрыт заработками. Надо, значит, на зимние и осенние месяцы, свободные от полевых работ, выработать по 23 руб. в месяц. А где же их взять,—спрашивает автор письма,—когда в Москве многие семейные работники получают в месяц 5, 6 и 7 руб., за вычетом харчей и квартиры». Такова картина неприглядной жизни среднего маломощного крестьянина в России до революции.

Для характеристики положения колхозного крестьянства укажем на следующее. Во-первых, полное обеспечение колхозников землей, закрепленной за колхозами государственными актами на вечное пользование. Во-вторых, широкий план обеспечения всех колхозников коровами во второй пятилетке. Осуществление этого плана началось постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1933 г. о помощи бескоровным колхозникам. Этим постановлением, подписанным т. Сталиным и председателем СНК СССР т. Молотовым, утвержден был план закупки для колхозников, не имеющих коров, 500 тыс. телок с предоставлением беспроцентного кредита в размере 50% стоимости телки. Цифры скота, намеченного к раздаче колхозникам в их личное пользование за всю вторую пятилетку, приведены раньше, в главе о сельском хозяйстве. В-третьих, сами за себя говорят данные, которые приводились представителями колхозов Днепропетровской области в беседе с т. Сталиным в 1933 г. Там были представители таких колхозов, которые выдали на трудодень в 1933 г. по 12, 15 и 20 *кг* хлеба и по 2—7 руб. наличными. Это значит, что на семью приходилось от 400 до 800—1 000 пуд. зерна и от 1 тыс. до 2—3 тыс. руб. деньгами. 1933 год—это первый год развертывания работы по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Тов. Сталин в беседе с представителями колхозов Днепропетровщины сказал, что 10—12 *кг* на трудодень еще мало. У колхозников есть все условия, чтобы жить зажиточно. Если все колхозники будут работать честно, колхозы завалятся продуктами, они завалятся всяким добром, и наша страна станет самой богатой страной в мире.

Обследование 83 тыс. колхозов РСФСР, Украины и Белоруссии, произведенное в конце 1934 г., показало, что в 1934 г. каждый колхозный двор получил на трудодень зерна в два раза больше, чем в 1932 г. (5,5 центнера—в 1932 г., 10,9 центнера—в 1934 г.). Точно так же быстро растут и денежные доходы

колхозов. Они увеличились с 5,6 млрд. руб. в 1934 г. до 9 млрд. в 1935 г. Зажиточность колхозов растет быстрыми темпами на основе укрепления социалистического производства.

Рост зажиточности рабочих и колхозников проявляется в новых запросах, новых потребностях как материального, так и культурного характера. Теперь уже не говорят о табаке, папиросах, хлебе, мясе, мыле, которых вполне достаточно. Повсюду, в городах и деревнях, требуют патефонов, радиоприемников, пианино, металлических кроватей, лучших материй, велосипедов, книг, журналов. Миллионы учатся, чтобы поднять свой культурно-технический уровень. Примером организации массовых мероприятий культурного характера может служить план зимней культурно-просветительной работы, принятый и проводимый в жизнь Московским областным комитетом ВКП(б). 15 тыс. председателей колхозов пройдут краткосрочный курс учебы под руководством квалифицированных специалистов.

В массовом масштабе подготавливаются кадры для промышленности и сельского хозяйства. Школы ФЗУ, тракторные школы и курсы, школы бригадиров-трактористов, школы комбайнеров, школы и курсы шоферов, районные колхозные школы—во всех этих школах в 1937 г. будут обучаться 1 337 тыс. человек, на рабфаках будут учиться 622 тыс., 660 тыс. в вузах и 1 140 тыс. в техникумах. Общее количество учащихся в вузах, техникумах, рабфаках, разных школах, готовящих квалифицированных рабочих для города и деревни, будет в 1937 г. почти 4 миллиона. Но еще больше учатся не в постоянных школах, а во всевозможных кружках политической учебы, технических и т. д. А сколько рабочих и служащих изучают основы своего производства и сдают экзамены по государственному техническому минимуму! При этом, как показали стахановцы, ученики часто опережают своих учителей, внося энтузиазм и пролетарскую энергию в приложение приобретенных знаний к жизни. Поднимается культурно-технический уровень рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда, постепенно ликвидируется противоположность между умственным и физическим трудом.

§ 2. Рост производительности труда—основа дальнейшего подъема уровня жизни трудящихся

Важнейшей причиной успехов хозяйственного строительства СССР и роста производительности труда являются непрерывное

улучшение быта и повышение материального и культурного уровня трудящихся города и деревни. Но в свою очередь дальнейший подъем материального благосостояния трудящихся, рабочих и колхозников возможен только на основе роста производительности труда, выполнения и перевыполнения заданий, поставленных вторым пятилетним планом.

Социализм побеждает капиталистический способ производства более высокой производительностью труда. «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя... Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих»[1]. Однако нам нужен не вообще рост и не всякий рост производительности труда. В начале пятилетки (в 1929 г.) правые противопоставляли пятилетнему плану партии, ставившему целью социалистическую реконструкцию промышленности и всей страны, другой план, свой план. Они понимали пятилетний план так, что «центральная идея пятилетнего плана состоит в росте производительности народного труда». Партия отвергла эту установку правых. В лице т. Сталина она на апрельском пленуме 1929 г. заявила: «Нам нужен ведь не *всякий* рост производительности народного труда. Нам нужен *определенный* рост производительности народного труда, а именно—такой рост, который обеспечивает *систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим*»[2].

Сейчас, когда мы говорим о росте производительности труда, речь идет о росте производительности социалистически организованного труда. Тов. Сталин неоднократно подчеркивал первостепенное, решающее значение производительности труда для нашего строительства. В статье «Год великого перелома» (к XII годовщине Октября) т. Сталин указывает: «...Одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом нашего строительства за последний год, является тот факт, что нам удалось добиться *решительного перелома* в области производительности труда»[3].

В докладе на XVI партсъезде т. Сталин со всей силой подчеркнул важность проблемы производительности труда. Он говорил: «Без систематического роста производительности труда как в области промышленности, так и в области сель-

[1] *Ленин*, Великий почин, Соч., т. XXIV, стр. 342, изд. 3-е.
[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 278, изд. 10-е.
[3] Там же, стр. 288—289.

ского хозяйства мы не можем разрешить задач реконструкции, не можем не только догнать и перегнать передовые капиталистические страны, но даже отстоять свое самостоятельное существование. Поэтому проблема роста производительности труда имеет для нас первостепенное значение»[1].

Правые в области организации труда упорно сопротивлялись внедрению социалистических форм труда—ударничества и соцсоревнования, считая это нажимом на рабочих, называя ударников «беспринципными карьеристами» (право-«левацкий» блок). Правые отрицали значение технической реконструкции как основы быстрого роста производительности труда. Троцкисты и в ту пору, когда они еще были оппозицией внутри партии, проявляли полную беспринципность, отрицали значение рационализации и правильной организации труда как средства к повышению его производительности.

XV съезд партии в декабре 1927 г. так оценил позицию троцкистов: «В области рационализации хозяйства троцкистская оппозиция, обвиняя противников своей политики в «агитаторском подходе», колебалась от лозунга «жесткой концентрации», и нажима на рабочих (с закрытием таких гигантов пролетарской индустрии, как Путиловский завод, Брянский завод и т. д.) вплоть до отрицания по существу дела рационализации»[2].

Наконец мы имели довольно распространенную практику «левацких» перегибов, пренебрежения к вопросам организации труда и производительности труда. В докладе на XVI съезде партии т. Сталин указывал, что разрешение проблемы роста производительности труда должно итти по трем линиям: «по линии систематического *улучшения материального положения* трудящихся, по линии насаждения *товарищеской трудовой дисциплины* на предприятиях промышленности и сельского хозяйства, наконец, по линии организации *социалистического соревнования и ударничества*. Все это—на базе улучшенной техники и рациональной организации труда»[3]. Следовательно два решающих фактора должны лежать в основе роста производительности труда—техническая реконструкция, улучшение техники, новая техника, с одной стороны, и рационализация всего процесса производства и организации труда, с другой стороны. Если правые отрицали первое условие, выступая против технической реконструкции народного хозяйства, то

[1] Там же, стр. 402.
[2] XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 1303.
[3] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 402, изд. 10-е.

«левые» перегибщики проявляли в своей практике полное пренебрежение к организации производства, труда, зарплаты. И те и другие извращали действительную связь между производительностью труда и правильной его организацией. Рабочие не ставят и не могут ставить вопрос по-меньшевистски: сначала улучшить материальное положение, поднять зарплату, снабжение, а потом поднять производительность труда. Продукты не падают с неба, они производятся самими рабочими. Если рабочие не увеличивают выработку, то и снабжение не может улучшиться—никаких других источников нет. Когда Ленин писал о субботниках в 1919 г., наша страна, сжатая в тисках интервенции и гражданской войны, переживала голод. Это было одной из причин падения тогда производительности труда.

Ленин писал тогда: «...Чтобы устранить голод, нужно повышение производительности труда и в земледелии, и в транспорте, и в промышленности. Получается, следовательно, какой-то порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда. Известно, что подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп...»[1].

Это время осталось далеко позади. От первых коммунистических субботников 1919 г. через подъем соцсоревнования и ударничества, начавшийся в годы первой пятилетки, мы пришли к стахановскому движению. Стахановское движение родилось в массах не только без давления со стороны администрации наших предприятий, но иногда и вопреки администрации. Известно, что рамщик лесопильного завода Мусинский подготовлял свои рекорды по распиловке тайком от администрации, против ее воли. В нашем хозяйственном аппарате есть еще консерваторы, бюрократически относящиеся ко всему новому. Когда мы говорим о необходимости широкого развертывания стахановского движения, следует помнить, что оно встречает еще кое-где не только равнодушие, но и прямое оппортунистическое сопротивление. Чем объясняется быстрое развитие этого движения рабочих масс и именно теперь, во второй пятилетке?

В своей речи на совещании рабочих-стахановцев т. Сталин подробно говорил об этом. Все причины коренятся в особенностях советского строя, принесшего коренное улучшение ма-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 341, изд. 3-е.

териального положения рабочих. При кризисах и безработице не может быть стахановского движения. У нас же в СССР «жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда».

«Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни»[1]. У нас отсутствует эксплоатация, труд не носит частного характера. Это общественный свободный труд, являющийся делом чести и славы. «...Трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем» (Сталин). Наконец у нас имеется новая техника, что дало возможность стахановцам резко повысить нормы выработки. Этим объясняется, что именно теперь, в годы второй пятилетки, имеющей передовую техническую базу и все более расширяющей ее, возникло и развернулось стахановское движение. Но одна техника сама по себе не помогла бы, если бы не лозунг вождя об освоении техники, брошенный в массы три года назад в докладе на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., если бы не замечательная речь т. Сталина 4 мая 1935 г. о кадрах, овладевших техникой, о возможности выжать из техники максимум. Эта речь, по выражению участника стахановского совещания, сеточника т. Пронина, «тронула сердце» миллионов рабочих, трудовых людей. Дело Стаханова и парторга Дюканова, поиски новых методов и применение их, было прямым ответом на майскую речь т. Сталина. Стахановское движение, стахановская работа создают такой рост производительности труда, который обеспечит изобилие всяких продуктов и еще быстрее поднимет материальный и культурный уровень рабочих и колхозников нашей страны.

---

[1] *Сталин*, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 16—17, Партиздат, 1935.

Глава X

СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

После Октябрьской революции в России мир расколол-ся на две различные системы, совершенно противоположные по своему политическому и экономическому устройству. Одна—лагерь империализма с его безысходными противоречиями, достигшими особой силы в кризисе. Там миллионы рабочих и крестьян дошли до состояния физического вырождения и вымирания. Там господство крупного капитала, фашистского террора, напрасно пытающегося предотвратить революционное возмущение рабочих, крестьян и трудящихся колоний. Другая—диктатура пролетариата, СССР—страна социализма, где уничтожаются классы, господствует общественная собственность, непрерывно поднимается уровень жизни трудящихся, бурно развиваются производительные силы.

В лагере империализма—экономический кризис, хозяйственный застой, сопровождаемый разложением и упадком культуры, морали, искусства.

В стране диктатуры пролетариата — невиданный подъем хозяйства, рост техники, проникновение подлинной культуры в самую толщу народных масс, небывалое в истории массовое возрождение трудящихся к культурной, обеспеченной жизни, достойной человека, без эксплоататоров и эксплоатируемых. Мировой коалиции капитала противостоит единая мировая коалиция труда.

Капиталистическое хозяйство после мировой империалистической войны 1914—1918 гг. находится в состоянии общего кризиса. Промышленные кризисы уже не чередуются, как в довоенную эпоху, с подъемом, застой не сменяется длительным «процветанием». Кризисы стали более глубокими и разрушительными, чем раньше, а периоды подъема между ними краткими и незначительными.

Капитализм безнадежно болен. В борьбе с ним выросла полная жизненных соков, пустившая глубокие корни система социалистического хозяйства в СССР, основанная на свободной творческой инициативе всех трудящихся. Самый факт существования СССР является отрицанием незыблемости, всеохватывающего характера капитализма как единственной системы хозяйства. Устои империализма расшатаны в колониальных и зависимых странах, растет национально-освободительное движение. На всем протяжении послевоенного периода имеют место хроническая недогрузка промышленных предприятий и многомиллионная армия безработных, превратившаяся из резервной в постоянную. Внутренние противоречия капитализма достигли небывалой остроты. За короткий сравнительно исторический период общего кризиса после мировой войны старейшие страны капитализма (в Европе) видели ряд революций, вооруженных восстаний пролетариата, массовых экономических стачек, небывалых по масштабу политических выступлений рабочего класса, манифестаций международной пролетарской солидарности. Общий кризис капитализма, начавшийся с мировой войной, накладывает зловещий отпечаток на весь послевоенный ход развития всего капиталистического мира. Временное улучшение конъюнктуры (хозяйственного положения) не может обмануть тех, кто видит внутренние пружины капиталистического механизма. А учение Маркса, его экономическая теория, его диалектический метод дают возможность нам, революционным марксистам, ленинцам, видеть и предвидеть действие и неизбежные пути развития внутренних сил капитализма. Как раз в тот момент, когда буржуазные экономисты доказывали вечность «процветания» (просперити), на все лады воспевая новую эру капитализма, т. Сталин на XV съезде партии предсказал близость неизбежно надвигающегося кризиса: «...Из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными,—именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации». Не прошло и полутора лет после этого, как глубочайший экономический кризис охватил и потряс весь мир. В 1932 г. промышленность капиталистических стран достигла низшей точки падения. По сравнению с 1929 г.

промышленность США упала в 1932 г. до 53,8%, Англии—до 83,8, Германии — до 59,8, Франции — до 69,1%. В 1933 г. объем промышленной продукции этих стран стал немного увеличиваться. На XVII съезде партии т. Сталин дал оценку этому призрачному улучшению конъюнктуры и охарактеризовал дальнейшее развитие капитализма как состояние депрессии особого рода, затяжной депрессии, без признаков перехода к прочному подъему. Прошедшие после этого 1934 и 1935 годы полностью подтвердили прогноз (предсказание), сделанный т. Сталиным.

Возьмем для примера положение угольной промышленности в двух важнейших странах [1]:

Среднемесячная добыча угля в млн. тонн	1913 г.	1929 г.	1935 г.	
			январь	октябрь
Англия	21,3	21,8	20,8	20,1
США	43,1	46,0	38,2	32,7

По добыче угля Англия и США не достигли в 1935 г. ни довоенного, ни предкризисного уровня.

Можно ли это назвать иначе чем затяжной депрессией, купленной ценой усиления эксплоатации рабочих и крестьян? Пройти через кошмарную бойню мировой войны и послевоенный кризис, через стабилизацию, которую буржуазные экономисты и их подголоски троцкисты приняли всерьез, отрицая конец стабилизации, пройти через мировой кризис, чтобы по прошествии 20 лет вновь очутиться на уровне 1913 г. и даже хуже! Ибо 1934 год капиталистический мир закончил с огромной недогрузкой промышленности (немногим более половины в Германии, приблизительно столько же в важнейших отраслях США) и колоссальной армией безработных и полубезработных. Однако это одно не дает еще основания думать, что положение капитализма в данный период совершенно безвыходное. Сам собою капитализм не рушится. Нужно использовать все преимущества социалистической организации хозяйства для победы над капитализмом в историческом соревновании и борьбе двух систем. «Некоторые товарищи думают, что коль скоро имеется революционный кризис, буржуазия должна попасть в безвыходное положение, что ее конец, стало быть, уже пред-

[1] «The Economist», приложение от 28/XII 1935 г.

определен, что победа революции тем самым уже обеспечена и что им остается только ждать падения буржуазии и писать победные резолюции» (Сталин). Победа над капитализмом, классовая борьба в международном масштабе требуют еще большой работы в области экономики, техники, культуры, революционной бдительности и организованности и сплоченности рабочего класса. Многое в технике мы должны еще заимствовать у капитализма, критически переработав и применив для развития социалистического производства.

Борьба двух систем—социализма и капитализма—вступила теперь в новый этап. Решающую роль здесь играет тот всемирноисторического значения факт, что в СССР окончательно и бесповоротно победил социализм. Победа социализма в СССР показала, что́ может дать трудящемуся человечеству уже первый, начальный период социализма. Рабочим социализм приносит освобождение от безработицы, нищеты, вымирания, обеспечивает каждому право на труд и зажиточную жизнь. Крестьян он освобождает от феодальной зависимости от помещиков и закабаления финансовым капиталом, объединяет их в крупные коллективные хозяйства, которым на основе применения науки и техники доступно быстрое, небывалое при капитализме развитие всех отраслей сельского хозяйства. Трудовая интеллигенция находит самое широкое, неограниченное применение своим силам и способностям, ибо только социализм открывает широкую дорогу всяким формам творческой деятельности в науке, искусстве, технике, литературе и других отраслях умственного и физического труда. Угнетенные народы колоний, национальные меньшинства капиталистических стран видят на опыте СССР, как благодаря ленинско-сталинской национальной политике сотни народов живут в тесной дружбе, вместе борясь за счастливую жизнь. Эти факты переубеждают колеблющихся, сомневающихся, вызывают новый прилив энергии в борьбе против капитализма у наиболее революционных представителей рабочего класса, угнетенного крестьянства и трудовой интеллигенции. Ведь тот же исторический опыт показал полное банкротство демагогических программ и планов фашизма. Фашистский режим Германии, Италии обнаружил перед широчайшими массами свою подлинную природу самой свирепой террористической диктатуры финансового капитала. Яркий контраст между растущей зажиточной жизнью СССР и обнищанием масс в странах капитализма является лучшим агитатором за социализм.

Таково историческое значение победы социализма в СССР и быстро развивающихся дальнейших успехов социалистического строительства.

«Победа социализма в СССР открывает собой новый этап в развитии мировой пролетарской революции, усиливая рост революционного сознания трудящихся масс, вызывая мощное движение к социализму во всех капиталистических странах, пробуждая тягу народов к СССР как оплоту мира и свободы народов, оплоту против фашизма и империалистической войны»[1].

Каковы должны быть взаимоотношения между СССР и капиталистическим миром? Старый буржуазный мир не хотел примириться с появлением пролетарского государства. 14 капиталистических государств организовали в 1919—1920 гг. интервенцию, военный поход на Советскую Россию, чтобы свергнуть власть пролетариата и восстановить господство помещиков и буржуазии. Из этого военного столкновения советская власть вышла победителем. Однако нет никаких гарантий, что та или другая группа империалистической клики, наиболее ослепленная и недальновидная, не вздумает повторить попытку военного нападения на СССР. Помня об этой угрозе, СССР неуклонно осуществляет план укрепления обороноспособности страны. Международная политика СССР неуклонно является мирной политикой. Она стремится всеми силами и мерами предотвратить военное столкновение с империализмом. В этих целях СССР стремится установить нормальные дипломатические и торговые отношения со всеми странами, начиная от крупных держав и кончая государствами, объединяющими самые маленькие народы. «Наша политика есть политика мира и усиления торговых связей со всеми странами... Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»[2]. Мирная политика СССР дала положительные результаты. Подавляющее большинство капиталистических стран установило нормальные дипломатические отношения с нами и развивает торговые связи. Роль международной политики СССР как важнейшего фактора укрепления мира нашла всеобщее признание.

Сталинская политика мира, проводимая советским правительством, встречает твердую поддержку не только в самых

---

[1] *Мануильский*, Итоги социалистического строительства в СССР. Доклад на VII конгрессе Коминтерна, стр. 36, Партиздат, 1935.

[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 361, изд. 10-е.

широких слоях рабочих, крестьян, интеллигенции, но и со стороны ряда государств, особенно малых, заинтересованных в сохранении своей независимости от военных аппетитов империалистических акул. СССР—оплот антифашистского и антивоенного движения. Мирная политика СССР срывает разбойничьи планы поджигателей войны. Широкое развитие антивоенного движения в народных массах всего мира, укрепляемое тактикой единого фронта рабочего класса, показывает, что возможность предупреждения мировой империалистической бойни не исключена. Угроза военного нападения фашизма на СССР растет. Тем более настойчиво СССР проводит политику мира, одновременно всемерно укрепляя свою обороноспособность.

«С победой социализма СССР стал великой государственно-политической, экономической и культурной силой, воздействующей на мировую политику, стал центром притяжения и сплочения всех народов, стран и даже государств, заинтересованных в сохранении международного мира, стал оплотом трудящихся всех стран против угрозы войны, могучим орудием сплочения трудящихся всего мира против мировой реакции»[1].

Это отразилось в приглашении со стороны 38 государств по адресу СССР вступить в Лигу наций с целью дальнейшей борьбы за мир, против подготовки войны. Не поступаясь нисколько принципами своего политического и хозяйственного строя, продолжая построение бесклассового социалистического общества в обстановке непримиримой классовой борьбы, СССР вступил в Лигу наций. При этом СССР руководствуется тем, что если Лига наций представляет хотя бы какое-либо препятствие возникновению войны, то необходимо использовать и эту организацию, чтобы избежать военного столкновения, подготавливаемого теми или другими группами империалистов.

Таким образом коренное принципиальное различие двух систем—советской, социалистической, и капиталистической—не исключает возможности развития между ними хозяйственных связей. «В сложной международной обстановке идет *соревнование* и, вместе с тем, *сотрудничество* двух противоположных общественных систем. Можно сказать, что такое положение противоречиво, но это соответствует фактическому ходу дел. Идет соревнование или, если хотите, борьба, и, вместе с тем, во все новых и новых формах развертывается сотрудничество СССР с теми или иными капиталистическими странами как

[1] Резолюции VII Всемирного конгресса Коминтерна, стр. 41, Партиздат, 1935.

в области экономических отношений, так и в деле сохранения мира. СССР всемерно стремился к развитию торговых отношений с другими странами».

Это положение, сформулированное т. Молотовым в отчетном докладе на VII Всесоюзном съезде советов (январь 1935 г.), лежит в основе как всей нашей международной политики, так и внешних торговых связей. Нормальное развитие отношений СССР с Италией показывает, что коренная принципиальная разница в общественном строе обеих стран не исключает возможности сотрудничества между ними. Мирная политика Советского союза создает нормальную почву для сотрудничества с теми буржуазными странами, которые не заинтересованы по той или другой причине, в тот или иной период в развязывании военной стихии. Мир—в интересах СССР, так как самый рост социалистического хозяйства, мирного строительства, непрерывный подъем материального и культурного уровня трудящихся СССР являются лучшими пропагандистами принципов советской системы, преимуществ социалистического строя. Государству, строящему бесклассовое социалистическое общество, нет нужды в применении военной силы для доказательства преимуществ советской системы, исторического превосходства ее над капитализмом. Об этом говорят сами факты советской действительности при сопоставлении их с состоянием капиталистического мира, особенно на фоне продолжающегося мирового кризиса.

Возникновение и развитие хозяйственных связей СССР с капиталистическими странами не может быть предоставлено самотеку. Оно носит плановый характер и целиком сосредоточено в руках советского государства. С самого начала революции пролетарское государство взяло в свои руки внешнюю торговлю. Декретом от 23 апреля 1918 г. внешняя торговля была национализирована. Это означало, что все торговые операции с заграницей должны совершаться через государство в лице его специального органа (Народного комиссариата внешней торговли). Этот комиссариат планирует и осуществляет как ввоз (импорт) иностранных товаров, так и вывоз (экспорт) советских товаров. Пролетарское государство осуществляет таким образом монополию внешней торговли. Частные лица, организации и отдельные учреждения, предприятия не могут непосредственно вступать в торговые сношения с заграницей помимо Наркомвнешторга. Монополия внешней торговли является одним из основных элементов хозяйственной политики советской власти. Не следует забывать,

что у нас в течение длительного периода в товарообороте занимали значительное место капиталистические элементы, частные торговцы, а в сельскохозяйственном производстве перевес принадлежал мелкособственническому крестьянскому хозяйству. При таких условиях отсутствие монополии государства на внешнюю торговлю дало бы возможность буржуазным элементам внутри нашей страны установить непосредственную смычку с международной буржуазией. Разумеется, последняя использовала бы свободу внешней торговли для попыток поставить в колониальную зависимость нашу страну, выкачивать из нее максимальные барыши и подготавливать интервенцию и шпионско-террористические акты внутри страны. Свободное развитие внешнеторговых отношений следовательно представляло бы серьезную угрозу хозяйственной самостоятельности и военной безопасности пролетарского государства, находящегося в капиталистическом окружении. Свободное развитие внешней торговли при отсутствии монополии на нее в руках советского государства привело бы к капитуляции перед международной буржуазией. Последняя не дала бы возможности стать на ноги нашей государственной социалистической промышленности, построить свою тяжелую индустрию. Отсюда ясно, что советское государство, вынужденное охранять свой экономический строй против капиталистических элементов, против международного империализма, не могло поддерживать курс на максимальное развитие внешней торговли при любых условиях. Государственная монополия внешней торговли стоит на страже интересов рабочего класса и колхозного крестьянства, охраняет богатства страны от расхищения их и заботится о наиболее выгодной реализации торговых закупок и продаж за границей. Эту свою роль она сохраняет и сейчас, после победы колхозного строя в деревне и ликвидации частнокапиталистических элементов в торговле страны.

Но из принципиального различия двух хозяйственных систем вовсе не вытекает линия на всемерное сокращение внешнеторговых связей, на свертывание экономических отношений с капиталистическими странами. Без развертывания внешней торговли и технических связей с передовыми в технико-экономическом отношении странами темп индустриализации страны оказался бы более медленным. Пока у нас не было своей передовой технической базы, которая построена была за первую пятилетку, мы должны были ввозить заграничное оборудование. И теперь возможности использования новейшей заграничной техники еще значительны. Но теперь при желании

и в случае нужды мы можем обойтись и без заграничной помощи. Наши заводы научились строить любые машины. Внешняя торговля должна была сыграть и сыграла в период первой пятилетки большую роль. Нам нужно было усиливать импорт оборудования для ускоренного строительства индустрии, особенно тяжелой. Но импорт не мог тогда расширяться без развития экспорта. Мы должны были больше вывозить, чтобы покрывать платежи по ввозу. Таким образом усиление внешнеторговых связей шло по линии и ввоза и вывоза.

Однако развитие этих связей исходило из определенной цели—обеспечения индустриализации и независимости СССР. Этим основным требованием ограничивались максимальные рамки наших хозяйственных связей с заграницей. XV съезд партии дал указания при составлении первого пятилетнего плана, которые остаются правильными и для настоящего периода. «...Необходимо исходить из максимально широких связей, *поскольку* эти связи... увеличивают хозяйственную мощь Союза, делают его более независимым от капиталистического мира, расширяют социалистическую базу дальнейшего индустриального развития Союза, только в *этих* пределах можно говорить о максимально широких связях» (из резолюции XV съезда ВКП(б) о директивах по составлению пятилетнего плана).

Такова задача нашей политики в области внешней торговли. Монополия внешней торговли представляет собой особую форму классовой борьбы пролетарского государства с международной буржуазией. Она, во-первых, лишает иностранный капитал возможности поработить экономически нашу отсталую ранее в хозяйственном отношении страну, превратить ее в придаток к капиталистическому мировому хозяйству как источник дешевого сырья и продовольствия. Во-вторых, пролетарское государство использует внешнюю торговлю благодаря монополии для развития производительных сил социалистического хозяйства, для укрепления экономической самостоятельности и независимости СССР.

Задачи монополии внешней торговли можно определить следующим образом: максимум торговых связей при условии всемерного укрепления и расширения производственных возможностей социалистического хозяйства и роста независимости от капиталистического мира. Только сосредоточение внешнеторговых операций в руках государства является наиболее действительным средством отразить экономическое наступление капиталистического мира и сохранить, укрепить хозяйственную независимость СССР. Никакая строжайшая таможен-

ная политика не могла бы достичь этой цели. Могущественные капиталистические тресты нашли бы средства, несмотря на высокие защитительные пошлины, пустить свои товары в СССР по самым дешевым ценам с временным убытком для себя (демпинг), лишь бы убить конкуренцией наше советское производство, не дать ему зародиться и развиваться. При монополии государственный орган (Народный комиссариат внешней торговли) устанавливает, какие организации могут вести непосредственно внешнеторговые операции, каков их объем и в каких отраслях. НКВнешторг разрабатывает план экспорта и импорта, устанавливает, что в данном году вывозить и ввозить и в каких размерах, регулируя все эти операции при помощи системы лицензий (разрешений) и заранее данных контингентов. В 1913 г. всего было ввезено товаров на сумму 1375 млн. руб., из них только 64,4% — товары производственного назначения. Но и среди ввезенных в 1913 г. товаров производственного назначения—на 884,4 млн. руб.—главную массу составляли сырье, полуфабрикаты, вспомогательные материалы—636 млн. руб. Промышленного оборудования ввезено было на 137,5 млн. руб., т. е. только 10% всего импорта 1913 г.

После Октябрьской революции, в первые годы гражданской войны и интервенции, внешняя торговля естественно почти прекратилась, упав в 1920 г. до ничтожной суммы импорта в 28,7 млн. руб. Но уже в следующий период восстановления мирных отношений импорт исчисляется сотнями миллионов рублей. За годы первой пятилетки импорт заграничных товаров составлял в среднем ежегодно 935,6 млн. руб., достигнув максимальной цифры в 1931 г. (1105 млн. руб.). Самый состав ввозимых товаров резко изменился. Подавляющая масса их составляла средства производства, а не предметы личного потребления. Если в 1913 г. процент товаров производственного назначения составлял 64,4 всего импорта, то за годы первой пятилетки он повысился до 87,0—93,1. Предметов личного потребления ввозилось меньше 10%. Особенно резко выявляются особенности советского импорта, если взять ввоз оборудования. В 1913 г. промышленного оборудования ввезено было на 137,5 млн. руб., что составляло 10% всего ввоза, а в 1931 г.—на 495,8 млн. руб., т. е. 44,9% всего импорта этого года. Сырья же мы стали ввозить меньше и в абсолютных цифрах (636 млн. в 1913 г., 198,4 млн. в 1932 г.). Его удельный вес во всем импорте резко сократился (с 46,3 до 27,7%).

Таким образом наш импорт целиком был подчинен основной задаче партии—осуществлению индустриализации страны, со-

зданию своей собственной передовой технической базы. СССР ввозил главным образом оборудование для создания гигантов социалистической промышленности. Так, для автомобильного завода им. Сталина ввезено было оборудования на 25 млн. руб., для Харьковского тракторного—на 15 млн. руб., Челябинского тракторного—на 32 млн. руб., для Госшарикоподшипникового завода—на 20 млн. руб., Сталинградского тракторного—на 35 млн. руб., Днепрогэса—на 30 млн. руб., Горьковского автомобильного завода им. Молотова—на 40 млн. руб. На оборудование тракторных заводов и на импорт тракторов, комбайнов и с.-х. машин за первую пятилетку затрачено было 390 млн. руб. Но этим путем мы освободились от иностранной зависимости. Ввоз тракторов обошелся нам свыше 225 млн. руб., и нам пришлось бы еще в течение ряда лет второй пятилетки ввозить на сотни миллионов рублей тракторов, чтобы охватить МТС все колхозы, если бы мы не употребили иностранную валюту на оборудование собственных тракторных заводов.

Наша импортная политика была абсолютно правильной, обеспечила успех первой пятилетки и базу для технической реконструкции всего народного хозяйства во второй пятилетке. Говоря об итогах пятилетки в области промышленности на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 г., т. Сталин подробно остановился на этом вопросе. Приведем основные мысли этой части доклада: «Конечно, мы могли бы из полутора миллиардов рублей валюты, истраченных за этот период на оборудование нашей тяжелой промышленности, отложить половину на импорт хлопка, кожи, шерсти, каучука и т. д. У нас было бы тогда больше ситца, обуви, одежды. Но у нас не было бы тогда ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлургии, не было бы металла для производства машин,—и мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения. Мы лишили бы себя тогда возможности снабжать сельское хозяйство тракторами и сельхозмашинами,—стало быть мы сидели бы без хлеба».

Не менее коренные сдвиги произошли и в составе советского экспорта. Царская Россия вывозила продукты сельского хозяйства, хотя крестьянство в подавляющей части само недоедало. В 1913 г. сельскохозяйственный экспорт составлял 67,1% всего вывоза из России. В этом последнем году перед войной Россия вывезла продуктов сельского хозяйства на 1019,5 млн. руб., из них одних хлебных продуктов на 537 млн. руб., продуктов животноводства—на 295 млн. руб. После Октябрьской

революции вплоть до настоящего времени роль сельскохозяйственных продуктов в нашем экспорте неуклонно уменьшается, упав до 31,8% в 1932 г., когда мы вывезли всего сельхозпродуктов на 179,1 млн. руб., в том числе хлеба только на 56,8 млн. руб., т. е. почти в 10 раз меньше, чем царская Россия. В то же время советский экспорт, упавший после гражданской войны до ничтожных размеров—20,2 млн. руб., с 1921 г. непрерывно рос, достигая в отдельные годы цифры, близкой к миллиарду и выше (1 036,4 млн. руб. в 1930 г.). Рост экспорта происходил за счет промышленных продуктов. В 1913 г. промышленные товары составляли в экспорте $^1/_3$, а сельскохозяйственные—$^2/_3$. В начале второй пятилетки соотношение их стало как раз обратным. Мы теперь увеличиваем ввоз таких продуктов, как лимоны, какао. На составе советского экспорта отразились успехи индустриализации. СССР, в противоположность царской России, перестал быть придатком к капиталистическому мировому хозяйству, источником дешевого сырья и хлеба. СССР в основном вывозит не хлеб, масло, яйца, а продукты разных отраслей промышленности, причем не только в виде полуфабрикатов, а и в обработанном виде.

Если взять общие итоги внешнеторговых оборотов (экспорт с импортом) за годы первой пятилетки, они окажутся весьма знаменательными, особенно при сравнении с ходом международной торговли за этот же период в капиталистическом мире. В 1929 г. (последний предкризисный год для всего мира) все обороты международной торговли (экспорт и импорт) составляли 61 млрд. долл., в 1932 г. они упали до 23,5 млрд. долл., т. е. сократились почти на 61,5%. Внешторговые обороты СССР за те же три года первой пятилетки в среднем составляли ежегодно 1 760 млн. руб., оставаясь почти на уровне 1929 г. (1 804 млн. руб.). Таким образом не только внутри страны бурно росло социалистическое хозяйство, но и в той области, где темпы развития зависят не только от СССР, а в большей части от стран, с нами торгующих, мировой кризис нас почти не коснулся.

Этим на практике блестяще доказаны правильность политики партии в области внешней торговли и полная несостоятельность всяческих оппортунистических теоретиков, выступавших в этих вопросах против партии. Троцкий утверждал например, что, развивая внешнюю торговлю с капиталистическими странами, СССР все более и более будет находиться под контролем мирового хозяйства, подчиняться его законам. Мы уже видели, что этого не случилось и не могло случиться при наличии моно-

полии пролетарского государства на внешнюю торговлю, этого мощного орудия диктатуры пролетариата. СССР, несмотря на широкое развитие внешнеторговых связей, не стал аграрным придатком мировой капиталистической системы, не попал в полуколониальную зависимость от мирового империализма, как это было с царской Россией до революции. СССР добился в основном экономической независимости, создав собственную передовую индустриальную базу. Но это произошло вопреки правым оппортунистам, выступавшим против ускоренных темпов индустриализации страны. Вредители пытались втиснуть СССР в систему мирового капитализма, доказывая, что с точки зрения мирового разделения труда невыгодно строить у нас например тракторные заводы, а гораздо выгоднее покупать тракторы в странах, имеющих уже массовое производство тракторов. Это означало бы попасть в зависимость от мирового империализма. Партия и правительство сумели сохранить и укрепить самостоятельность и независимость нашей страны, используя торговые связи с капитализмом для быстрых темпов индустриализации. На XIV съезде партии Сокольников предлагал такой план развития внешней торговли, который превратил бы СССР в сырьевой придаток к мировому капитализму. Это был план аграризации, дауэсизации нашей страны. XIV съезд 10 лет тому назад отверг эти оппортунистические установки и принял сталинский план индустриализации, освободивший нашу страну от экономической зависимости от капиталистических стран.

Перспективы внешней торговли во второй пятилетке определяются следующими факторами. Мы уже вышли из того положения, когда развитие нашей промышленности, капитальное строительство и механизация сельского хозяйства зависели в значительной мере от импорта заграничного оборудования и иностранной технической помощи. За первую пятилетку нами было ввезено заграничного оборудования на сумму около 2 млрд. руб. золотом. Во второй пятилетке мы можем обойтись почти совершенно без заграничного оборудования или с очень незначительным его ввозом. Пущены в ход гигантские заводы металлургии, машиностроения, заложенные в первой пятилетке. Эти заводы в состоянии производить те сложные мощные машины, которые ввозились раньше из-за границы. Для ряда отраслей промышленности (кожевенной, текстильной, строительной, пищевой) по некоторым важнейшим видам оборудования (сварочного, электротехнического, дизелей, паровозов, электропечей) полностью прекращен импорт. Приведем таблицу, показы-

вающую сдвиги в импорте за первую пятилетку по некоторым товарам (в млн. руб.):

	1913 г.	1928/29 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
С.-х. машины (кроме тракторов)	38,7	19,6	30,1	17,9	0,2
Тракторы	—	23,5	71,5	79,6	0,3
Автомобили	17,3	10,3	14,4	12,3	2,4
Искусственные удобрения	5,3	6,8	5,9	2,7	0,0005
Красители	15,3	5,7	3,8	1,2	1,1
Бумага	30,0	10,8	9,1	3,3	0,2
Хлопок	114,0	131,1	55,9	40,5	17,8

Эта таблица показывает резкое ослабление нашей импортной зависимости по важнейшим видам машин, материалов и сырья. Уже в 1932 г. упал до ничтожной суммы ввоз с.-х. машин и тракторов, а в первые годы пятилетки мы их ввозили на десятки миллионов. Наши тракторные заводы дают десятки тысяч советских тракторов. То же с автомобилями. Мы совершенно прекратили благодаря успехам нашей химической промышленности (Соликамский калийный трест, хибинские апатиты и др.) ввоз искусственных удобрений. А в первые годы пятилетки тратили на это 6—7 млн. руб. То же с красителями, с бумагой. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства позволила нам создать собственную мощную сырьевую базу и в сильной степени (в 8 раз по сравнению с 1928/29 г.) сократить импорт хлопка. Особенно разительны итоги 1932 г. в сравнении с 1913 г. По этим товарам импорт доведен до ничтожной величины (кроме хлопка), а в 1933 г. почти совсем прекращен.

В связи с этим мы добились в 1933 г. впервые после ряда лет активного баланса. Баланс для какой-нибудь страны во внешней торговле считается активным, если ее экспорт превышает импорт. Если импорт больше экспорта, то для ввозящей страны баланс будет пассивным. В первом случае страна выступает в качестве кредитора, во втором как должник, который должен оплатить разницу между стоимостью ввезенных товаров и экспорта. В условиях капиталистического окружения и отсутствия иностранных займов СССР заинтересован в активном балансе, чтобы не расходовать свои валютные резервы.

Из 13 лет (с 1920 по 1932 г.) только четыре года мы имели активный баланс—превышение экспорта над импортом. Это превышение (активный баланс) составляло в 1923 г. 74,8 млн. руб., а в 1924 г.—77,0 млн. руб., в 1926 г.—35,9 млн. руб. и в 1929 г.—43,1 млн. руб. Остальные годы этого периода мы больше ввозили, чем вывозили, и должны были доплачивать заграницe. Так, в 1931 г. пассивный баланс дал остаток в пользу заграницы 293,8 млн. руб., в 1932 г.—134,8 млн. руб. В 1933 г. мы благодаря сокращению необходимости в импорте не только не увеличили нашей задолженности заграницe, но свели активный торговый баланс с остатком в нашу пользу в 147,4 млн. руб. В 1931 г. мы имели с Германией пассивный баланс в 280 млн. зол. руб., а в 1934 г.—активный баланс в 70 млн. зол. руб. Активному балансу всегда придавалось большое значение в экономической политике СССР. Так, еще в январе 1924 г. XIII партийная конференция в резолюции об очередных задачах экономической политики отметила активный баланс 1923 г. как большое достижение: «Только целиком сохраняя систему монополии внешней торговли, мы могли добиться уже сейчас активного торгового баланса и сосредоточить доходы от внешней торговли в руках государства». XIII съезд партии (в мае 1924 г.) поручил Центральному комитету «заботиться о закреплении активного баланса нашей внешней торговли». Активный торговый баланс улучшает и состояние платежного баланса. Полного совпадения между ними может и не быть в одном и том же году. Так например может случиться, что в данном году страна больше вывезла, чем ввезла, на 100 млн. руб., но на этот же год падает уплата по старым обязательствам заграницe в сумме 150 млн. руб. В этом случае, несмотря на активный торговый баланс, страна будет иметь пассивный платежный баланс, т. е. в конечном счете должна платить заграницe. В 1933 г. мы не только улучшили торговый баланс, но и снизили, по данным, опубликованным в докладе наркомвнешторга т. Розенгольца, задолженность иностранным фирмам сравнительно с 1931 г. на 300 млн. руб. золотом.

Итак, во второй пятилетке над народным хозяйством СССР не тяготеет необходимость прибегать к импорту для успешного развертывания строительства и выполнения программы производства. Из этого однако не следует, что во второй пятилетке мы держим курс на свертывание внешнеторговых оборотов.

Экспорт СССР имеет все основания расти, сохраняя попрежнему свой индустриальный характер, т. е. преобладание вывоза продуктов промышленности. В меру же роста экспорта

может увеличиваться и импорт, что обеспечит выгодный для нас торговый баланс. Однако размеры экспорта вовсе не являются пределом роста нашего импорта. Если мы можем обходиться без импорта из-за границы, то это не значит, что импорт обязательно должен падать или оставаться на современном уровне. Импорт в СССР имеет широкие перспективы. Несмотря на наличие собственной металлургической, машиностроительной, химической и сельскохозяйственной сырьевой базы, мы при известных условиях можем продолжать расширять ввоз и заграничного оборудования и сырья. Добавочные ресурсы, полученные путем ввоза, будут способствовать расширенному воспроизводству нашего народного хозяйства, ускорению его темпов. Такой импорт несомненно будет для нас выгодным, если не потребует большого напряжения наших валютных средств для расчетов с заграницей. Это вполне возможно, если капиталистические страны предоставят нам займы, откроют нам так называемые финансовые кредиты вместо товарных. Товарный кредит, во-первых,—краткосрочный кредит, во-вторых, он дается определенной фирмой в виде отсрочки платежа наличными, обычно до сих пор из высокого процента. Финансовый кредит означает предоставление долгосрочного банковского займа, который СССР обязывается, как правило, реализовать в соответствующей стране, употребив его однако по своему усмотрению в смысле выбора товаров, форм и условий. Есть основания полагать, что импорт в СССР будет расти именно на этих основаниях. Примером такого финансового кредита служит чехословацкий облигационный заем, предоставленный нам в сумме 250 млн. крон сроком на 5 лет из 6%. Он заключен 3 июня 1935 г. и гарантирован чехословацким правительством. Наше положение как покупателя коренным образом изменилось: мы можем ждать, обходясь без импорта. С другой стороны, СССР оказался более платежеспособным, чем любая другая страна в мире. Многие страны объявили мораториум,—отсрочку платежей,—или просто прекратили их. СССР аккуратно выполняет свои обязательства. В то же время СССР представляет громадный рынок оборудования, сырья и некоторых предметов потребления. На мировой экономической конференции 1933 г. в Лондоне т. Литвинов указал, что СССР может разместить заказов за границей на один миллиард долларов при создании определенных условий.

Во внешнеторговых оборотах СССР главную роль играют Англия и Германия. Удельный вес Германии в советском экспорте колебался от 24,5% в 1927/28 г. до 15,9% в 1931 г.,

в советском импорте он достиг в 1932 г. 46,4%. Почти половина товаров в 1931 г. была ввезена из Германии. В 1933 г. импорт из Германии составил 150 млн. руб. Из Германии мы все время больше вывозили, чем в нее ввозили. Нам приходилось доплачивать Германии золотой валютой, так как наш баланс с Германией был пассивным. Наши платежи Германии в 1933 г. достигли суммы в 170 млн. руб. (по данным т. Розенгольца на XVII съезде партии). В Англию мы, наоборот, больше вывозили, чем ввозили оттуда. На Англию в 1932 г. падало 13,0% нашего импорта и 23,8% нашего экспорта. Роль советских заказов в английском экспорте весьма высока. В 1932 г. они составили 25% в вывозе машин. Из общей суммы английского экспорта машин в 29,5 млн. ф. ст. на долю СССР падает 7,5 млн. ф. ст. О возможностях расширения внешней торговли, в частности импорта, говорят данные за последние годы, относящиеся к США. Благодаря препятствиям, которые ставились советской торговле в США правительством Гувера (до признания СССР), наш импорт из Соединенных штатов Америки в 1932 г. упал до 31,6 млн. руб. Между тем за предшествующий период, начиная с 1924/25 г., он в среднем составлял ежегодно 186 млн. руб., а в 1930 г.—264,3 млн. руб., в 1931 г.—229,9 млн. руб. Точно так же сократился и наш экспорт в США. Теперь, после установления нормальных взаимоотношений, и экспорт и импорт наш из США имеют перспективы роста.

Индустриальная и техническая мощь СССР находит свое выражение в том, что мы имеем уже возможность оказывать техническую помощь дружественным нам странам, строящим у себя современные отрасли промышленности. По нашему проекту, из нашего оборудования, отпущенного в долгосрочный кредит, под руководством наших инженеров построен и пущен в ход Кайсэрийский текстильный комбинат в Турции.

Каковы же результаты борьбы двух систем хозяйства—советской и капиталистической? Ленин в начале революции, а после него т. Сталин поставили перед СССР задачу—догнать и перегнать передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны. Во второй пятилетке мы ставим себе целью занять первое место по техническому уровню в Европе.

По плану второй пятилетки в 1937 г. СССР по валовой продукции всей промышленности в целом будет занимать первое место в Европе и второе в мире. На первом месте в Европе будет СССР и по всем показателям транспорта и сельского хозяйства. Производственные победы стахановцев и дальнейшее развитие стахановского движения еще шире раздвига-

ют перспективы быстрого технического прогресса СССР, вскрывают неисчерпаемые резервы, таящиеся в производительных силах социалистического хозяйства.

Выполнение плана второй пятилетки станет новой исторической гранью в борьбе двух систем, в их соревновании. Страна бесклассового социалистического общества, СССР, по своей индустриальной мощи, сельскохозяйственному прогрессу будет возвышаться над всеми старыми капиталистическими странами, кроме США. Все более и более наша соцалистическая родина становится притягательным центром для трудящихся всего мира, для всего честного человечества, оплотом мира, культуры и науки.

«*Победа социализма в СССР—победа всемирного значения. Одержанная при поддержке международного пролетариата рабочими и колхозниками СССР, под руководством лучшего соратника великого Ленина, мудрого вождя трудящихся всего мира товарища Сталина, победа социализма в СССР вызывает глубокий переворот в сознании трудящихся всех стран:* она убеждает широчайшие массы социал-демократических рабочих и рабочих других направлений в необходимости общей борьбы за социализм и играет роль решающего фактора в деле осуществления боевого пролетарского единства; она разрушает веками вкоренявшиеся представления и понятия о вечности и незыблемости капиталистических порядков, обнажает банкротство буржуазных теорий и проектов «обновления» капиталистического общества, *оказывает на трудящиеся массы революционизирующее воздействие, внушает им уверенность в своих силах и убеждение в необходимости и практической возможности свержения капитализма и построения социализма.* Перед глазами миллионов трудящихся капиталистических и колониальных стран, всех эксплуатируемых и угнетенных ярким светом освещен путь избавления, путь социализма, проложенный живым примером СССР»[1].

Вот какое колоссальнейшее значение имеет окончательная победа социализма в СССР в борьбе двух систем. Эта победа неопровержимо доказала правильность революционной тактики большевизма. Ближайшей и главной задачей международного рабочего движения на современном этапе VII конгресс Коминтерна поставил «*осуществление единого фронта борьбы рабочего класса*». Добиваясь соглашения с социал-де-

[1] Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала, стр. 52, Партиздат, 1935.

мократическими партиями, реформистскими профсоюзами и другими рабочими организациями о единстве действий против наступления капитала и фашизма, коммунистические партии в то же время должны усилить борьбу против реакционной части социал-демократии, разъясняя трудящимся невозможность осуществления социализма без революционного свержения власти буржуазии. Компартии должны вовлечь в борьбу против фашизма все слои трудящихся—рабочих, крестьянство, городскую мелкую буржуазию, интеллигенцию, служащих—и на базе пролетарского единого фронта добиваться создания *антифашистского народного фронта*. Установление единого пролетарского фронта и широкого антифашистского народного фронта в капиталистических странах является решающим звеном подготовки пролетариата и его союзников к борьбе за власть советов, за диктатуру пролетариата.

Чувства и настроения народных масс СССР прекрасно выражены в словах пламенного трибуна пролетарской революции, принявшего смерть от подлой руки одного из подонков троцкистско-зиновьевской своры, — в словах Сергея Мироновича Кирова:

«Никогда еще буржуазия не достигала таких высот эксплуатации, издевательства и кровавых расправ над рабочими, каких она достигает сейчас, что мы видим на примере Германии. С другой стороны, товарищи, мы здесь, на 6-й части земной суши, видим, как изо дня в день, из часа в час куется новое, социалистическое общество, строится действительно могучая жизнь трудящихся, и надо быть слепым, чтобы не видеть, как сейчас *весь земной шар раскололся на два гигантских, но неравных полушария,—на одном ночь, мрак и запустение, и мертвое слово—смерть,—на другом—жизнь, работа и творчество, и победное слово—вперед к новой жизни. И, товарищи, нет людей счастливее тех, которые называются большевиками. На этом полушарии мы с вами несем вперед это победное знамя и мы безусловно победим, если будем верны заветам Ленина, если будем следовать указаниям нашего любимого Сталина*»[1].

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

[1] Из доклада на расширенном пленуме Ленинградского обкома ВКП(б) 4 июля 1934 г., «Правда» от 19/VII 1934 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение . . . . . .

Глава I. *Учение о переходном периоде, социализме и коммунизме* . 7

§ 1. Неизбежность революционного свержения капитализма . . . 7
§ 2. Построение социализма в одной стране 11
§ 3. Общие черты переходного периода 16
§ 4. Диктатура пролетариата как основа развития советской экономики 21
§ 5. Сущность советской экономики как переходного от капитализма к социализму периода 34
§ 6. Основы экономической политики диктатуры пролетариата . . 43
§ 7. Социализм и коммунизм 50

Глава II. *Этапы экономической политики* 64

§ 1. От Октября до «военного коммунизма» 65
§ 2. «Военный коммунизм» 76
§ 3. Восстановительный период 92
§ 4. Подготовка перехода от восстановления к реконструкции . . 125
§ 5. Период первой пятилетки 131

Глава III. *Основные задачи второго пятилетнего плана* 167

Глава IV. *Промышленность во второй пятилетке* 194

§ 1. Основные показатели промышленности 194
§ 2. Завершение технической реконструкции промышленности . . 199
§ 3. Главный упор на освоение техники 211
§ 4. Строительная программа второй пятилетки 218
§ 5. Организационные вопросы в промышленности 233
§ 6. Шесть условий тов. Сталина 235

Глава V. *Сельское хозяйство во второй пятилетке* 248

§ 1. Продукция и посевные площади 248
§ 2. Развитие животноводства 255
§ 3. План повышения урожайности 268
§ 4. Механизация и капитальное строительство 272
§ 5. Организация производства и распределения в колхозах . . . 280

Глава VI. *Транспорт во второй пятилетке* 292

Глава VII. *Деньги, кредит и финансы* 307

Глава VIII. *Советская торговля во второй пятилетке* 325

Глава IX. *Материальное положение трудящихся СССР* 347

§ 1. Рост благосостояния трудящихся СССР 347
§ 2. Рост производительности труда—основа дальнейшего подъема уровня жизни трудящихся 359

Глава X. *СССР и капиталистический мир* 364